ВАГРИУС

ГАЗОВАЯ АТАКА

ВИЛЛИ КОНН

ВИЛЛИ КОНН

ГАЗОВАЯ АТАКА

ВАГРИУС

Москва
1996

ББК 84Р7
К 64

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

К $\frac{4702010201}{С82(03)—96}$ Без объявл. ББК 84Р7

ISBN 5-7027-0377-4

© Издательство „ВАГРИУС", публикация текста и оформление, 1996
© В.Конн, автор, 1996
© А.Хисиминдинов, художник, 1996

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Застенчивость вора, решившего вернуть похищенный бумажник, не шла ни в какое сравнение с ее смущением. Она молча высыпала на стол украденное — груду магнитофонных кассет — и замерла в нерешительности.

Я с интересом взглянул на странную гостью. В каждой женщине можно найти шарм — тонкую талию, длинные ресницы или кое-что получше... В этой же не было ничего примечательного. Не по годам полная, с большой бородавкой на щеке и тусклыми усталыми глазами, она явно не подходила для конкурса красоты.

— Я — Лора, ночная сиделка из госпиталя береговой охраны во Фриско, где лежит в беспамятстве человек, о котором вы писали, — Майк Норман...

Я поразился изумительному, проникновенному голосу посетительницы. Он, безусловно, был шармом сиделки, затмевающим ее непривлекательность. Не так ли чарующий голос сирены заставлял забыть о ее безобразном птичьем хвосте?

— Мне известно о ранении Майка, продолжайте. — Подчеркнутой бесстрастностью тона я попытался скрыть внезапное волнение. Я знал, что Майк ранен, но то, что его дела плохи, было для меня неожиданностью.

— Всю жизнь я мечтала разбогатеть, и вот этот случай представился, — продолжила „сирена". —

Я тайно записала на магнитофон все, что рассказал мне Майк Норман, и даже то, что он бормотал в бреду. Я украла его приключения, чтобы написать о них книгу и получить приличный гонорар.

— Вы неплохо все рассчитали, миссис, рукопись о тайнах знаменитого сыщика охотно купило бы любое издательство. Но, как я понимаю, что-то вам помешало?

— Да, я поняла, что судьба этого человека не подвластна перу графомана, даже писателя среднего уровня. И тогда я пришла к вам.

— Сирены определенно соблазняли Одиссея не только сладкоголосием, но и лестью. Чего вы хотите от меня, миссис?

— Возьмите половину кассет и напишите по ним роман. Если он удастся, я передам вам вторую половину, но уже за деньги. Согласны?

— Прежде чем ответить вам, я должен услышать записи.

— Познакомьтесь с материалом и позвоните мне, Вилли. — Бросив на стол визитную карточку, сиделка направилась к двери с торопливостью покупателя, подсунувшего продавцу рваную ассигнацию.

Впрочем, она могла бы и не спешить. Кассеты оказались настоящим сокровищем. В них непостижимым образом переплелись реальность, похожая на фантастику, и фантастика, похожая на реальность.

Прослушав их, я написал и опубликовал шестнадцать триллеров о полной опасностей и приключений жизни знаменитого сыщика.

Эти триллеры вошли в роман, который вы, уважаемый читатель, держите в руках. Надеюсь, в один из ближайших дней дверь моей творческой мастерской отворится. В ней покажется Дора со второй половиной кассет, и тогда я возьмусь за продолжение романа.

I

Король газовых баллончиков

Это был тот самый случай, когда знатность и богатство не играли никакой роли. Взаимная ненависть сделала их равными — оборванца с полосатой котомкой, в которой не было ничего, кроме рисовой лепешки и глотка сакэ, и самурая в ярком шелковом кимоно.

Никто не знал, что было причиной вражды, что привела их в столь ранний час к подножию священной горы Фудзиямы для смертельного поединка. Молва сохранила воспоминание лишь о длинном мече самурая и желтых узловатых и твердых, как высохший бамбук, руках бродяги.

Перед началом поединка самурай сделал несколько упражнений с обнаженным мечом, прикидывая, как лучше разделать тушу оборванца, чтобы окрестным свиньям было удобно ее сожрать.

Бродяга, в свою очередь, не отрываясь, смотрел в мутные глаза самурая, желая поскорее выколоть их своими заскорузлыми, твердыми, как палочки для еды, пальцами.

Все преимущества были на стороне самурая — длинный, двуручный меч, кинжал и кривой нож, пристегнутый к сандалии.

Оружием оборванца были лишь его желтые узловатые руки. Когда остро отточенный самурай-

ский меч, со свистом рассекая воздух, ударил по ним, казалось, они просто отлетят, как ручки разбитого глиняного кувшина. Но случилось чудо — меч, взбрыкнув, вырвался из рук самурая. В ту же секунду два молниеносных удара парализовали его. То, что произошло дальше, было жестоким и отвратительным торжеством каратэ над прославленным самурайским мечом. Отныне он сделался обыкновенным настенным украшением.

С этого дня по планете началось победное шествие восточных единоборств — накачанные мышцы и твердые кулаки развенчали холодное оружие.

— Вы только посмотрите, Норман, что делается. — Начальник полиции Морли потянул детектива к окну.

Майк посмотрел вниз. Во дворе полицейского управления разгружали фургон. Из его зарешеченного, как загон для льва, чрева выволакивали здоровенных мужиков, с ног до головы обмотанных клейкой лентой, которая делала их похожими не то на коконы огромных бабочек, не то на бальзамированные мумии.

— Два насильника, один мошенник, остальные из банды Бруно Капельяно. — В голосе Морли прозвучало негодование охотника, у которого увели из-под носа куропатку.

— Опять вас обскакал Король газовых баллончиков, сэр? — спросил Майк, разглядывая ярлыки, приколотые к одежде арестованных наподобие накладных, сопровождающих почтовые тюки.

— Введите Нормана в курс дела, Стивен, — устало распорядился начальник полиции, не удостоив детектива ответом, поскольку ответить на

каверзный вопрос Майка означало разбередить незажившую рану.

— Слушаюсь, сэр, — расторопно откликнулся помощник начальника полиции, не преминув перекинуться с Майком насмешливым взглядом — тайным знаком солидарности низших чинов. — Неустановленное лицо, по кличке Король газовых баллончиков, разыскивает преступников, обезвреживает их нервно-паралитическим газом, связывает клейкой лентой, применяемой в магазинах, вызывает полицию и исчезает до ее появления.

— Что же здесь плохого, сэр, парень таскает вам каштаны из огня? — Майк лукаво улыбнулся. — Или боитесь, что он отобьет ваш хлеб?

— Ну как вы не понимаете, Майк, этот проклятый Баллончик орудует как слон в посудной лавке. Его не интересуют ни улики, ни доказательства. Он упаковывает за ночь с дюжину мерзавцев, которых мы утром подбираем как корзины с мусором...

— Если так и дальше пойдет, вместо полицейского фургона вам понадобится мусоровоз, сэр, — с невозмутимостью, претендующей на аплодисменты, заметил Норман.

— Вам смешно, Майк, а у меня все камеры забиты клиентами Баллончика. Если я не доберусь до него в ближайшие дни, мне придется держать арестантов как собак на привязи, — вздохнул начальник полиции.

— Осмелюсь доложить, сэр, среди них есть отъявленные негодяи, за которыми мы давно охотимся. Баллончик сумел взять их в одиночку. — Стивен вопросительно взглянул на Майка, ища у него поддержки.

— Стивен прав, сэр, я знаю людей Капельяно, их действительно голыми руками не возьмешь, —

поддержал Стивена Майк. — Баллончик — отчаянный малый, и он, безусловно, принес немалую пользу обществу.

— Надеюсь, сочувствие не помешает вам арестовать его, Норман?

— Я сделаю это, сэр, но с большим сожалением.

— Не будьте сентиментальны, Норман, это не то качество, которое необходимо детективу на допросе! Приведите арестованного! — приказал Морли, отбросив напускную шутливость. При этом его глаза посерьезнели, как у хирурга на пороге операционной.

Войдя в кабинет шефа полиции, Джек Горилла зажмурился от яркого света, бьющего прямо в глаза. Ничего не видя перед собой, он тяжело опустился на подсунутый под него стул. Столь необычное начало допроса не предвещало ничего хорошего. Подобно грешнику, оказавшемуся в чистилище, он принялся торопливо перебирать в памяти свои проступки, теряясь в догадках, за какие из них теперь предстояло держать ответ.

— Рассказывай, парень, что тебе известно о Баллончике? — сурово приказал Морли.

Стон облегчения едва не сорвался с ободранных липкой лентой губ негра — легавых интересовал не он!

С превосходством свидетеля над обвиняемым Горилла распрямил спину, удобно уселся на стуле.

— Офицер, можете плюнуть мне в рожу, если я вру! Это не человек! У него собачья морда и кошачьи лапы. Он крадется тихо, как таракан, а кусает больно, как волк. — Изображая Баллончика, Горилла выпучил глаза и скрючил пальцы, сделавшись похожим на огромного черного таракана.

— Уведите этого болвана! — приказал Морли.

— Сэр, вы хорошо сделали, что не плюнули ему в рожу, по-моему, парень не врет. — Майк проводил Гориллу задумчивым взглядом.

— Вы в самом деле поверили в его кошачьи лапы, Норман?

— Я верю в то, что парень точно передал свои ощущения. — Майк задумчиво посмотрел во двор, где заканчивалась разгрузка полицейского фургона. — Вы обратили внимание на то, что все жертвы Баллончика „качки" с замашками каратистов?

— Нет, а какое это имеет значение?

— Сэр, разрешите проверить предположения Нормана? — Стивен щелкнул клавишами компьютера.

— Ну что? — Морли нетерпеливо заглянул через плечо помощника.

— Сэр, все без исключения арестованные действительно занимались культуризмом и восточными единоборствами.

— Вот как! — Шеф полиции озадаченно посмотрел на Нормана. Вот еще недоразумение — неужели непонятно, что быть догадливее начальства — верх неприличия?! — Ну-ка выкладывайте, что там у вас в башке!

— Есть одна версия, сэр, но она нуждается в проверке...

Приглашение в Генеральный клуб бизнесменов Америки могло вскружить голову любому, суля заманчивые предложения и высокие гонорары. И все же Майк принял его довольно равнодушно. То, что деньги — еще не вся жизнь, он знал лучше, чем кто-либо другой. Его не устраивала перспектива погрязнуть в бухгалтерских отчетах и прочей нудной дребедени, связанной с бизнесом.

Покачиваясь на кожаных подушках длинного, как колбаса, лимузина с баром и пуленепробиваемыми стеклами, присланного за ним председателем клуба, Майк размышлял о том, что таинственная личность Короля газовых баллончиков занимала его сейчас гораздо больше, чем все бизнесмены мира. Однако судьбе было угодно решить все по-своему.

В Мавританском зале клуба за овальным столом красного дерева среди известнейших бизнесменов он с удивлением увидел крупных полицейских чиновников и даже несколько членов правительства.

„Здесь речь пойдет явно не о бухгалтерских счетах, — нахмурился Майк. — Интересно, чего хочет от меня эта свора толстосумов и политиканов?"

— Мистер Норман, я не буду представлять вас присутствующим, — начал председатель клуба — седовласый бизнесмен с суровым худым лицом провинциального учителя. — Все присутствующие достаточно осведомлены о ваших подвигах. Однако то, о чем мы хотим вас просить, вероятно, превосходит все, чем вы занимались до сих пор, как по сложности, так и по величине оплаты. — Председатель сделал паузу, впившись прищуренным взглядом в детектива.— Дело в том, что за последние годы в Америку устремилось огромное количество русских бизнесменов. Они перехватывают выгодные контракты, вторгаются во все сферы торговли и производства. Их присутствие — настоящее бедствие для нашего национального бизнеса.

— Не вполне понимаю, сэр, какое отношение имеет мое ремесло сыщика к вашим проблемам? — Майк обвел взглядом напряженные лица

присутствующих, замерших в ожидании момента, когда председатель накинет свое лассо на норовистого жеребца.

— Все очень просто, мистер Норман, — невозмутимо продолжал председатель. — Если в муравейник брошена горящая головня, муравьи разбегаются. Выньте головню, и бегство прекратится.

— Что же это за головня, сэр?

— Преступность, мистер Норман. Любой русский, начавший собственное дело, немедленно становится жертвой рэкетиров и жадных государственных чиновников. Поэтому люди бегут в Америку. Уберите эту проклятую „головню" — преступность, и они останутся в России.

— Уж не хотите ли вы, сэр, чтобы я в одиночку расправился с преступным миром России?

— Именно этого мы и ждем от вас, мистер Норман.

— Сэр, может быть, я не плохой сыщик, но уж точно не волшебник и не сумасшедший, — пошутил Майк. Смеяться в глаза могущественному председателю клуба мог лишь человек, твердо решивший сказать ему „нет".

Председатель сделал величественный жест, словно выбрасывая на стол беспроигрышную козырную карту, и пораженный Майк увидел входящую в зал девушку редкой, изумительной красоты. Он попытался отвести от нее взгляд, но безуспешно. Самовлюбленные политики и чванливые бизнесмены, вопреки своей обычной невозмутимости, повскакивали с мест, сопровождая ее появление восторженным ропотом.

— Мистер Норман, это Соня Кмет, ваша напарница, — донесся откуда-то издалека голос председателя.

— Сэр, кажется, я был не прав, кажется, я

все-таки волшебник и сумасшедший, — пробормотал Норман, словно облизывая широко открытыми глазами очаровательное личико, стройные ножки и безукоризненную грудь девушки. — С ней я готов отправиться хоть к черту на рога.

Русский спекулянт Степа Задов, в недавнем прошлом заместитель директора овощной лавки, а ныне преуспевающий американский бизнесмен, лузгал семечки в своей шестикомнатной нью-йоркской квартире. Семечки, черная икра и водка „Столичная" должны были создать иллюзию его пребывания в России, однако иллюзия не создавалась. Так фотография любимой не может заменить оригинал.

Степа ненавидел Америку и нежно грустил по России. Там его новейший „мерседес" мгновенно обступала толпа. Упитанный, краснощекий и широкозадый Степан прекрасно выглядел на фоне голодных соотечественников. В сопровождении дюжих телохранителей, он величественно выходил из машины, направляясь к дверям ресторана мимо услужливого швейцара и подобострастного музыканта, исполнявшего туш в его честь.

В России к его услугам были девочки из хороших семей, знаменитые артисты и ученые жаждали его спонсорства. И все бы хорошо, если бы не банда вымогателей. Телохранители бросили Степу на произвол судьбы, а самому боссу пришлось спасаться бегством.

— Проклятая Америка! — Степа Задов зло выплюнул шелуху.

Здесь всем было на него наплевать. Никого не интересовал его „мерседес", а толпа пялилась не на него, а на тех самых артистов и ученых, которым он подавал на кусок хлеба.

В приличное общество он — банальный спекулянт, нажившийся на махинациях с металлоломом, допущен не был, а американские девчонки видели в нем лишь обыкновенного толстяка–недоучку.

В Америке Степа казался себе генералом, разжалованным в рядовые. Горькое чувство обиды на „страну равных возможностей" было чертовски похоже на то, что он пережил в детстве, получая от учителей неудовлетворительные оценки. Тогда, вымещая свою злость на других, он прокалывал колеса чужих автомобилей. Вид машины, огромной черепахой прильнувшей к обочине на проколотых шинах, странным образом возвышал его в собственных глазах.

— Проклятая Америка! Проклятые американосы! — Степа залпом выпил стакан водки. И тут ему на глаза попался складной нож. Сунув его в карман, Задов вышел на улицу. У ближайшего перекрестка он приметил голубой спортивный „феррари". Подкравшись к нему, как к спящему крокодилу, он ткнул ножом в покрышку, теплую и упругую, словно брюхо аллигатора...

Усевшись за стойкой соседнего бара, Степа с наслаждением наблюдал, как машина, подобно тонущему броненосцу, медленно опускается на асфальт.

В этот день он проколол колеса восемнадцати автомобилей, выпив восемнадцать банок любимого шведского пива. Домой вернулся за полночь, усталый, хмельной и чрезвычайно довольный тем, что „поимел" Америку.

На следующий день Задов в полном восторге отплясывал „казачок" вокруг телевизора — в программе утренних новостей показывали продырявленные им автомобили.

Воодушевленный успехом, Степа возомнил себя знаменитостью — о нем заговорили! Подогретое очередной бутылкой водки воображение услужливо, как оплаченная проститутка, рисовало соблазнительные картины: обложки его, Степы Задова, мемуаров, таинственные интервью, которые он будет давать журналистам в маске и черном плаще.

Завернувшись в темное покрывало, Степа повернулся к шкафу, исполнявшему роль воображаемого журналиста.

— Ну что, парень, оробел? Спрашивай, — чванливо пробасил Степан, — да не наложи в штаны, знаю я вашего брата! Ну?!

— Это ты, паршивец, проколол мои колеса? — произнес вдруг шкаф на чистейшем русском языке.

— Что ты, что ты?! — тотчас попятился Степан. „Может, спьяну померещилось?“ — Не смей со мной разговаривать, — сказал, собравшись с духом, Задов. Оглянулся. И тут увидел говорившего. Это была огромная волчья морда. — Может, это... по стаканчику... а, образина? — предложил, мгновенно трезвея, Степан. — Он захлопал глазами, пытаясь отогнать наваждение. Но оно не исчезло, напротив, стало угрожающе приближаться. — Может, это... по стаканчику? — повторил дрожащим голосом Степа, вцепившись в бутылку, как в спасательный круг. Но чудище продолжало двигаться на него. „Выпить хочет или сожрать?“ — Стой, тебе говорят! — Степан замахнулся бутылкой.

В ту же секунду пасть раскрылась, и что-то, похожее на ядреный плевок, угодило Степану в левый глаз. Его полное тело беззвучно, как пакет с йогуртом, сползло на пол.

* * *

— Какая удача, Майк! — Начальник полиции забегал по кабинету, как волк, заметивший дрессировщика с куском мяса. — Мы задержали человека, сумевшего хорошо разглядеть Баллончика! Это тот самый психопат, которого показывали в утренних новостях.

— Поздравляю, сэр, я уже ознакомился с его показаниями, и у меня есть предложение.

— Заранее его принимаю, действуйте, действуйте, Майк, черт вас побери!

Вместо рукопожатия возбужденный Морли шлепнул Майка по загривку, как это делают, подавая собаке команду „взять".

Немного раздосадованный фамильярностью шефа, Норман покинул здание полицейского управления. „Все-таки есть разница между сыщиком и ищейкой, и начальству следовало бы об этом помнить", — подумал детектив.

В самом деле, шефу не стоило подгонять Нормана. Образ очаровательной Сони Кмет, как вспышка электросварки, запечатлелся у него в мозгу. Это волнующее ослепление торопило Майка больше, чем все понукания начальства. Ведь путь к ее сердцу лежал... через поимку Баллончика. В России Майк мог достигнуть успеха только с его помощью. О, как это восхитительно — превратить служебную командировку в свадебное путешествие! Майк облизнулся, как кот, пригревшийся на мартовском солнышке.

II

Лузгая семечки

Утро следующего дня Норман встретил у телевизора в квартире Степы Задова, лузгая на русский манер его семечки. Только что в утренних новостях прошла информация о том, что пойманный Баллончиком хулиган, протыкавший шины автомобилей, бежал из полиции. Автолюбителям рекомендовалось внимательнее следить за своими машинами.

— О'кей! — Майк удовлетворенно выключил телевизор.

По его расчетам Баллончик должен был явиться на квартиру Задова, чтобы повторно захватить его.

Сидя в засаде, Норман не терял времени даром. Баллончик был достойным соперником, и к его встрече следовало подготовиться со всей серьезностью.

Из подушек и пижам Майк соорудил чучело, изображавшее спящего человека. Придирчиво оглядев его со всех сторон, Майк, подобно художнику, наносящему последний мазок на холст, почти нежно подогнул уголок Степиной пижамы.

Пора было подумать о собственном убежище. Перспектива провести остаток дня в душном шкафу увлекала не больше, чем разгадывание кроссворда в общественном туалете. Но выбора

не было. Майк снял ботинки и, оставшись в одних носках, полез в шкаф. Прикрыв дверцу, он оставил лишь небольшую щель для наблюдения, и это было его ошибкой. Стены дорогого шкафа мексиканского дуба настолько хорошо поглощали звук, что, несмотря на всю свою многоопытность, Майк не расслышал скрежета отмычки в наружной двери. Лишь когда нелепое создание с волчьей мордой вплотную подобралось к чучелу, Майк почуял опасность. Чуть дыша, он выскользнул из шкафа, неслышно ступая, приблизился к Баллончику и ткнул револьвером ему в спину.

— Ты проиграл, приятель! — прохрипел Норман в пыльное волчье ухо.

Вместо ответа странное существо покачнулось и рухнуло, как вешалка в прихожей, придавив несчастное чучело. Мелькнули колесики и какие-то провода. „Кажется, проиграл я". — Досада профессионала, одураченного дилетантом, не позволила Норману высказать догадку.

— Можно взглянуть на вас, приятель? — спросил он, прикрывая свою поруганную полицейскую честь щитом небрежности.

— Попробуйте, — ответил Баллончик, стоящий за спиной Майка.

„Тигр, охотящийся за тигром", — усмехнулся Норман, медленно оборачиваясь назад.

Это было последнее, что ему суждено было увидеть в роли полицейского. Струя нервно-паралитического газа ударила детективу в лицо...

Все, что произошло дальше, Майку пришлось лицезреть уже в роли мумии египетского фараона, с ног до головы обмотанного противной клейкой лентой. Прилипнув к коже и волосам, она делала болезненным каждое движение. И все же Майк нашел в себе силы поиронизировать над своим

плачевным положением. „То, что я — фараон, не подлежит сомнению, а то, что не египетский, а полицейский, всего лишь примета времени".

Шум в прихожей заставил детектива насторожиться — в комнату, звеня ключами, вбежал шеф полиции.

— Майк! Вы живы?! Ну как это могло случиться! — Заламывая руки, Морли бегал вокруг кресла, к которому был примотан Норман, словно автомобилист вокруг попавшей в аварию машины.

Найдя конец ленты, он принялся ее разматывать.

— Черт побери, Морли, — взвыл от боли Норман, — если вы решили меня побрить, то по крайней мере делайте это аккуратнее!

— Терпите, Майк! — В глазах шефа засветилась холодная решимость дантиста, орудующего бормашиной. — Надо как можно скорее убираться отсюда, пока нас не застукали газетчики.

— Послушайте, Морли, обещайте мне другую приманку вместо этого русского спекулянта, или я никуда отсюда не двинусь, — неожиданно потребовал Майк.

— А ваша карьера?

— Плевать мне на карьеру! — отчаянно закричал на начальника полиции Норман.

— Вы уверены, что Баллончик не обставит вас снова, Майк?

— Уверен! — заскрипел зубами детектив.

— Хорошо, вы получите еще один шанс.

Джек Горилла, возможно самый опасный из обезвреженных Баллончиком преступников, вышел из камеры, не подозревая, что с этой минуты он не видный член гангстерского синдиката, а подсадная полицейская утка. Если бы он это

знал, то, вероятно, возненавидел бы фараонов даже больше, чем проклятого Баллончика, сыгравшего с ним столь злую шутку.

Снедаемый жаждой мести, Горилла направился в тренажерный зал, где в это время члены банды обычно накачивали мышцы.

„Ну и вонища, хуже, чем в свинарнике", — поморщился Джек на пороге зала, вдохнув тяжелый запах пота, винного перегара и чего-то еще, менее приятного. Не удивительно, ведь для получения массивных, устрашающих мышц тренирующимся приходилось, помимо обязательного протеина, съедать по два десятка яиц в день, что несомненно требовало выхода...

Уединившись с подельниками в раздевалке, Джек Горилла разработал план поимки Баллончика, в точности напоминающий тот, что был составлен в полицейском управлении. Он заключался в том, чтобы устроить засаду на Баллончика в доме Гориллы.

Окажись среди людей, вовлеченных в эту историю, шутник, он назвал бы его планом охоты тигра за тигром, охотящимся еще за одним. Однако шутников среди них не было. Все стороны решительно готовились к битве.

Ночь, беспечная, как спящая летучая мышь, накрыла город своими крыльями, с одинаковым равнодушием давая свершиться добру и злу. В кромешной темноте Майк перебрался через ограду загородного дома Джека Гориллы. Тронув входную дверь, он с удивлением обнаружил, что она заперта лишь на один из трех замков. Этой несущественной детали сыщику было достаточно, чтобы понять — дом Гориллы превращен в мышеловку. Но отступать было поздно.

Спрятав в укромных местах миниатюрные микрофоны, Норман двинулся в спальню. Здесь он, не раздеваясь, лег в постель, удобно разместив принесенный с собой реквизит. Затем надел наушники, включил автономное питание. Теперь, не вставая с места, он мог контролировать весь дом.

Вскоре после полуночи легкие шаги, которые не учуяла бы даже полицейская ищейка, подвластные лишь сверхчувствительным приборам, заставили бешено колотиться сердце детектива. Он плотнее прижал наушники. Безусловно, это был Баллончик! Вот он прошел столовую, приблизился к спальне. Беззвучно отворилась дверь. На фоне светлого проема обозначилась черная тень. Шаг! Еще шаг! Майк молниеносно нацепил противогаз и тотчас нажал на клапан принесенного баллончика с нервно-паралитическим газом. Легкий вскрик и звук падающего тела! Норман бросился к лежащему без движения Баллончику, сорвал с него маску.

— Боже! — воскликнул пораженный детектив. — Соня Кмет!

Майк бережно перенес бесчувственную девушку на кровать, распахнул окно, давая помещению проветриться.

Наконец Соня открыла глаза.

— Как это все понимать, Соня? — нахмурился Майк.

— Что? — тихо переспросила девушка, желая выиграть время для обдуманного ответа.

— Твое робингудство. Ты решила в одиночку искоренить преступность? Или это часть твоего задания? — уже более миролюбиво спросил Майк, чувствуя, как красота и обаяние Сони вытесняют из сердца раздражение и агрессивность.

— Не совсем так, мистер Норман. — Девушка отвернулась к стене.

— Соня, давай поговорим начистоту, ведь нам, возможно, предстоит работать вместе. — Майк нежно коснулся ее лица.

— Ну хорошо, мистер Норман. Вы, наверное, удивитесь, узнав, что моим хозяевам ничего не известно о том, что вы назвали робингудством.

— Честно говоря — да.

— Для них я лишь смазливая девчонка, в совершенстве владеющая русским языком, которая будет служить прикрытием для знаменитого сыщика. Но как бы они этого ни желали, я прежде всего — человек со своей судьбой, со своими пристрастиями. Когда-то давно, еще в колледже, мою подругу изнасиловали „качки" с отвратительными бычьими шеями, гипертрофированными мышцами, прекрасно владеющие приемами каратэ. О, они это продемонстрировали на наших мальчишках, пытавшихся заступиться за нее. Я была рядом, но ничего не смогла противопоставить грубой животной силе. Вот тогда я по-настоящему возненавидела их. Потом мне на глаза попалась старинная японская гравюра, изображавшая бой каратиста с самураем у подножия священной японской горы Фудзиямы. И тогда я поняла, что наступил век этих подонков с накачанными мышцами. Образ человека-быка вторгся в кино, пришел на телевидение, на обложки книг. Так продолжалось до тех пор, пока не появились в продаже газовые баллончики. Если Господь сотворил людей, то газовый баллончик сделал их равными. Наступила новая эра. Точно так же, как каратэ развенчало холодное оружие, газовый баллончик развенчал могущество мышц. Я поливала их, как блох, как тараканов, и они валялись у моих ног. — Девушка сжала маленькие кулачки.

— Соня, а зачем тебе понадобился этот несчастный толстяк Задов?

— Он исколол колеса моей машины. — Неожиданно она залилась звонким заразительным смехом, от которого не удержался даже суровый детектив.

— Слушай, Соня, — сквозь смех кричал Норман. — Знаешь, как тебя окрестили в полиции? Король газовых баллончиков.

— Правда? А как ты „арестовал" мою куклу на колесиках!

— Тихо!!! — Норман приник к наушникам. Впрочем, и без их помощи уже можно было расслышать тяжелый топот, доносившийся с чердака и из подвала здания. Это была шайка Гориллы. — Соня, если мы выпутаемся из этой переделки, я поеду с тобой в Россию, а сейчас позволь поцеловать тебя... — Майк порывисто поцеловал пухлые губы девушки.

Топот нарастал, как гул приближающегося водопада, грозно сотрясал стены дома. Норман выхватил револьвер.

— Не надо, Майк, я справлюсь. — Соня вскочила с кровати.

— Ты с ума сошла, прячься! — закричал детектив.

— Страхуй меня, Майк! — Соня отважно шагнула навстречу ворвавшимся в спальню мордоворотам, а Майк спрятался за занавеску.

— Чтоб я сдох — баба! — Пораженный Горилла уставился на девушку. — Так это ты, шлюха, сдала меня легавым!

Бандиты, нахальные „качки", обступили Соню, словно тренажер, на который они хотели влезть все сразу. Майк поднял револьвер, прицелился в голову Гориллы.

— Хватай ее, братва! — заорал Джек.

Руки шпаны, как щупальца осьминога, потяну-

лись к девушке. Но вдруг что-то мгновенно изменилось. Ловкая, стремительная и непредсказуемая в своих движениях, словно шланг, вырвавшийся из рук садовника, Соня принялась поливать газом нападавших из нескольких баллончиков одновременно. Через минуту все было кончено. Не веря своим глазам, Майк перешагивал через валявшихся вроде дохлых тараканов бандитов.

— Идем отсюда, Соня, нам здесь больше нечего делать. Нас ждет Россия. — Взяв девушку за руку, Норман вывел ее на улицу.

Начать свою „работу" в России Майк решил с Санкт-Петербурга. Тому было много причин: во-первых, он неплохо знал этот город, во-вторых, лучшего места для любви он просто не мог представить, ведь любовь нуждалась в декорациях ничуть не меньше, чем самый волнующий и прекрасный спектакль. Майк поморщился при одной только мысли о том, что ему пришлось бы изъясняться в нежных чувствах в обшарпанных кварталах Гарлема или Бронкса. Стрелка Васильевского острова, Ростральные колонны, Эрмитаж, равелины Петропавловской крепости располагали к самым возвышенным чувствам.

Весь первый день шикарная пара, одетая по последней нью-йоркской моде, провела среди архитектурных шедевров Санкт-Петербурга, и Майк, как опытный стратег, со всей серьезностью выбирал место для предстоящего объяснения в любви. Была ли это любовь? Или он — вечный странник — принял отблеск льда на краю снежной пустыни за приветливое окно хижины?

К вечеру, усталые, но полные впечатлений, они вернулись в маленькую квартирку, снятую в целях конспирации на Канонерском острове.

Пока Соня готовила скромный ужин, Майк изучал местную прессу. Фотографии взорванных зданий, растерзанных людей, сожженных машин наводили на грустные размышления. Не верилось, что этот прекрасный город находится в руках преступных сообществ. Здесь каждый ларек, каждый бизнес был обложен данью рэкета. По туманным намекам прессы можно было лишь догадываться о существовании разветвленной системы подкупа, позволявшей преступникам выходить сухими из воды. „Ну и работенка мне досталась на этот раз", — вздохнул детектив.

— Майк, прошу к столу.

Норман поднял голову. Лучезарная, прелестная Соня в белом передничке! Уют скромной квартирки с фикусами на окнах! Другая, совсем другая жизнь. Подобно рыбе, разглядывающей сквозь стекло аквариума странный мир людей, он смотрел на окружающее глазами обитателей квартирки, таких же беспомощных и беззащитных, как это водное позвоночное.

— Минутку, сейчас иду, — скомкав конфетный фантик, Норман привязал к нему длинную нитку и, опустив шуршащий комочек в щель между стеной и кроватью Сони, как ни в чем не бывало прошествовал на кухню.

За чашкой русского чая Майк продолжал любоваться Соней, удивляясь ее обаятельному немногословию. Глядя на нее, он воображал себя пауком, притаившимся в ожидании добычи.

Чувственность Майка, его нескромные взгляды отпугивали Соню. Почти с девичьей робостью, преодолевая сомнения, она отправилась наконец в постель, опасливо поглядывая в другой конец комнаты, где стояла кровать Майка.

* * *

Какое-то время они лежали молча, и Майк готов был биться об заклад, что под подушкой девушки находится не меньше двух газовых баллончиков, которыми она пользовалась виртуозно. Лисичку нужно было выманить из норы. Майк нащупал кончик нити и слегка потянул за него. Услышав шорох, Соня насторожилась. „Мышь! Прямо у меня под кроватью!" — Она поджала ноги, и от Майка не укрылось шуршание одеяла. „Ага!" — Он дернул нить сильнее. Послышался женский визг и шлепанье босых ног.

— Майк, там мышь! — Соня нырнула к Норману под одеяло, дрожа, прижалась к нему.

Что оставалось делать бывшему каскадеру! Куда исчезли его романтические мечты о признании возле Ростральных колонн! Все получилось намного проще, чем можно было ожидать...

III

Рэкетир Васька Зубило

„Красота — это еще не все, из чего состоит любовь, так же как деньги — не все, из чего состоит жизнь. В этом несомненное сходство красоты и денег. Впрочем, деньги могут давать красоту, а красота — деньги. Черт побери, так недолго стать циником. — Майк осторожно вытащил свою руку из-под прелестной головки спящей Сони. Да, она была необыкновенно хороша, но соприкосновение тел не стало соприкосновением душ. — Ну что же, может быть, это и к лучшему. В отличие от душ, тела отделяются друг от друга легко и безболезненно".

— Ты куда, Майк? — Приподнявшись на локте, Соня недоуменно смотрела на одевающегося Нормана.

— На петушиную охоту, — невозмутимо ответил детектив. — Каждый петух охраняет свою территорию. Учуяв конкурента, он опрометью мчится ему навстречу и попадает в петлю.

— Я с тобой, Майк.

— Твои дарования понадобятся позже, дорогая. — Чмокнув девушку в щечку, Норман вышел из дома.

Доехав на такси до центра города, он медленно пошел по улице, разглядывая вывески. Остановился возле одной из них. «„Галема", — прочел

Норман. — Не все ли равно с чего начать?» Напялив на гангстерский манер шляпу и подняв воротник плаща, он ворвался в офис фирмы. Отстранив замершую у телефонов секретаршу, ударом ноги открыл дверь в кабинет шефа.

— Ну ты, тля! — Норман поднял за шкирку перепуганного бизнесмена, интеллигентного вида блондина в строгом костюме. — Кому платишь?

— Ваське Зубиле, — пролепетал насмерть перепуганный хозяин фирмы.

— Теперь будешь платить мне, — сказал Норман тоном, не терпящим возражений.

— Простите, может быть, вы сами скажете это Зубиле? — дрожащим голосом спросил бизнесмен.

— Набери его номер, болван! — приказал детектив. — Зубило! — прохрипел Норман в телефонную трубку. — Встретимся завтра, в час ночи, за восточным мостом...

В точно назначенное время лимузин гангстеров с погашенными фарами медленно подрулил к набережной. Зубило — огромный верзила, в котором странным образом сочеталась остренькая физиономия с округлостью „качка", и три его подручных, с внешностью каратистов, неуклюже крутили бычьими шеями, стараясь не пропустить появление конкурента. Но все было тихо. Лишь чуть слышно журчала черная ночная вода, омывая борта причаленных к набережной барж. Конкурент не показывался. Первоначальное напряжение стало спадать. Красными точками засветились огоньки сигарет, приоткрылись окна машины.

И тут послышалось негромкое приближающееся поскрипывание. Вдоль набережной ехала хорошенькая велосипедистка. Поравнявшись с лимузином, она приветливо крикнула гангстерам:

— Мальчики, не угостите сигареткой?

— Тащи ее в кабину, — приказал Зубило.

Но прежде чем открылась дверь автомобиля, в его приоткрытое окно ударили струи сразу четырех газовых баллончиков! Словно вокалисты в немом кино, бандиты стали разевать рты.

— Падайте, проклятые тараканы! — рассерженной кошкой зашипела на них Соня. И тараканы упали на пол лимузина.

Еще через минуту они, как шелковичные черви, были опутаны клейкой лентой.

— Эй, Соня, помоги-ка мне! — Перепрыгнув с борта баржи на набережную, Майк прицепил к лимузину трос. Застрекотала судовая лебедка, и машина с головорезами повисла на стреле крана, как щука на удочке рыболова.

— Пора купаться, джентльмены. — Норман невозмутимо нажал кнопку, снова заурчала лебедка.

Багажник машины стал медленно погружаться в воду. Очнувшийся гангстерский квартет издал энергичное и дружное мычание.

— Кажется, джентльмены подмочили задницы?

Детектив хладнокровно наблюдал за тем, как лимузин все глубже опускается в черную как смоль речную воду. Наконец сверкнуло и лобовое стекло.

— Смотри, Майк. — Соня указала на связанного Зубилу, бьющегося головой в окно.

— По-моему, джентльмен хочет что-то сказать. — Норман дал лебедке задний ход.

Лимузин, словно огромный дырявый сапог, показался над водой. Из всех его щелей хлестала вода. Когда он поднялся достаточно высоко, Майк повернул стрелку крана вправо. Теперь машина висела над судовой палубой.

— Будем оформлять явку с повинной, господа? — с нарочитой вежливостью спросил он.

Бандиты утвердительно закивали с живостью, которая показалась детективу подозрительной. Арест не очень-то испугал их.

— Вот что, Соня, не передать ли нам информацию об этих субчиках в петербургские газеты? — предложил Майк.

На следующий день недоумевающие петербургские милиционеры подобрали в разных концах города четверых „качков", обмотанных с ног до головы клейкой лентой; к одежде каждого были приколоты ярлык с автографом Короля газовых баллончиков и пластиковая папка с обличающими их документами.

Однако мрачные предположения Нормана сбылись. Не прошло и нескольких дней, как все четверо снова оказались на свободе. Ни одна из газет, получивших материалы от Нормана, не опубликовала их. Майк мрачнел и злился. С остервенением садовника, газоны которого еженощно вытаптываются, он снова и снова брался за сборы улик и доказательств.

И вот, в один из погожих августовских дней, изумленные петербуржцы увидели странные фигуры, облепившие Ростральную колонну, как шелковичные черви тутовое дерево.

Здесь были продажные чины и политиканы, при одном упоминании о которых простому смертному делалось не по себе...

На каждом красовалась бирка с автографом Короля газовых баллончиков и табличка с описанием их прегрешений.

С этой минуты молчание было нарушено. О Баллончике заговорили. Каждый день приносил все новые сенсации. По утрам в вестибюлях

метро, на автобусных остановках и вокзалах милиция подбирала связанных преступников.

Пресса терялась в догадках, пытаясь разгадать тайну Баллончика. Выдвигались гипотезы одна экстравагантнее другой. „Голос Америки" вещал, что это новый вид диссидентства, а радио „Свобода", напротив, заявило, что это провокация бывшего генерала КГБ. Но самой экзотической была, бесспорно, версия газеты „Аномалия и жизнь", объявившей во всеуслышание о том, что в действительности Баллончик — снежный человек, сбежавший из секретной лаборатории военного ведомства.

Любимым развлечением Майка и Сони стало вечернее чтение газет, рассказывающих об очередных разоблачениях. Не без ехидства Майк думал о том, что в тот самый миг, когда он потягивает кофе, какой-то высокий чин, так же как в свое время Морли, „ставит на уши" своих подчиненных, требуя от них немедленной поимки таинственного Робин Гуда петербургских улиц.

Однако позже произошло то, чего не могли предположить ни Норман, ни Соня: у Баллончика вдруг появились двойники, такие же правдоискатели, как сама Соня. В Москве и Владивостоке, в Пскове и Иванове они чувствовали себя так же уверенно, как Робин Гуд в своем лесу.

Дело дошло до того, что местные газеты стали публиковать „Колонки Баллончика", куда люди направляли сообщения о местах обитания бандитов, которые немедленно становились добычей добровольных стражей порядка.

А потом все стихло. Исчезли сообщения о Сониных последователях. Не стало слышно и рекламы школ восточных единоборств. Куда-то, словно по мановению волшебной палочки, исчезли рэ-

кетиры, еще недавно наводнявшие центральные кафе и рестораны. Русские бизнесмены потянулись с чужбины домой.

Миссия Майка Нормана в России успешно завершилась.

В предвкушении заслуженного отдыха и высоких гонораров Майк и Соня принялись собирать чемоданы. Пора было возвращаться в Штаты.

В аэропорту Нью-Йорка Майк, имевший полное право на торжественную встречу, был неприятно удивлен отсутствием длинного, как колбаса, лимузина председателя Генерального клуба бизнесменов Америки. С ближайшего телефона Норман позвонил в его офис.

— Здравствуйте, сэр, что-то не вижу ваш лимузин, — сказал Норман, с веселой фамильярностью победителя.

— Ах, Майк, его забрали в счет долга русские рэкетиры. Они просто кишат в Америке.

— Мне очень жаль, сэр. — Детектив повесил трубку.

— Что случилось, Майк? — тревожно спросила Соня.

— Ничего особенного. Просто тараканы перебежали в другую комнату.

Щелкнула кнопка автостопа. Кассета замерла. Замерла и моя пишущая машинка. Умолк возбужденный шепот Нормана, записанный коварной сиделкой. Я вставил в машинку чистый лист бумаги. Выбрал из груды принесенных Дорой кассет еще одну и снова включил магнитофон, со страхом и упоением погружаясь в мир подсознания Майка Нормана...

IV
Сексуальный преступник

Тэн Лигма — двадцатишестилетний офицер службы безопасности — в сопровождении конвоиров вошел в камеру пыток имперского суда. Вина его была велика и очевидна. Да он и не пытался ее отрицать. Он совершил сексуальное преступление, которое каралось смертной казнью. Неизбежным дополнением к ней были жестокость и презрение бывших коллег. Ведь Тэн Лигма был зеркалом, поднесенным к скрытой стороне мужской души, населенной омерзительными желаниями, грязными и недобрыми мечтами. Тэн заставил коллег взглянуть в это зеркало, и теперь они мстили ему за тот ужас и отвращение, которые испытали. Получив хороший пинок, он влетел в сумрачное помещение, перегороженное бронестеклом. Все, конец. Тэн знал, что именно здесь приговоры приводились в исполнение. А он, первый красавец Управления безопасности, гуляка по призванию, он хотел жить! Ибо нет бо́льших жизнелюбов, чем красивые мужчины.

Тэн глянул за прозрачную перегородку, туда, где возвышалась гостевая трибуна, а чуть дальше, в глубокой нише, виднелись высокие спинки судейских кресел. Предназначение трибуны ему тоже было известно. Через несколько секунд

здесь появятся родные и близкие его жертвы, чтобы созерцанием казни утолить жажду мести. Кроме того, закон позволял им самим совершить возмездие. В этом случае поднималось бронестекло, и преступник отдавался во власть потерпевшей стороны. Следуя неписаным правилам, члены суда при этом покидали зал. „Нет, только не это" — засунув два пальца в рот, он попытался вызвать рвоту. Так посоветовали ему в камере смертников. Считалось, что к облеванному преступнику родственники подойти побрезгуют, и тогда за дело возьмется палач — не так сильно мучиться. Впрочем, кое-что бывшему офицеру службы безопасности было все-таки неизвестно. Иногда родственники убитых, дав взятку охранникам, просили их произвести экзекуцию. А уж они-то знали свое дело...

Неожиданно отворилась потайная дверь, и в камеру вошел высокий старец с пристальным, тяжелым взглядом. Верховный Правитель! Он брезгливо, но с интересом разглядывал Тэна. Наконец Верховный сел у самого бронестекла и жестом предложил Тэну сделать то же самое.

— Слушай и запоминай, Тэн Лигма. — Старец сурово посмотрел на Тэна. — Твоя жизнь более тебе не принадлежит. Ты потерял на нее право. Сейчас тебе введут смертельный вирус, от которого ты умрешь ровно через три года. Твоя кончина будет долгой и мучительной, как ты того и заслуживаешь. Но мы даем тебе, недостойному, шанс. Если раньше этого срока ты выполнишь задание, то получишь лекарство, которое тебя спасет...

Так коварство замысла сравняло величие аристократа и ничтожество преступника.

— Итак, к делу. Разведывательные зонды об-

наружили планету Земля, располагающую всеми необходимыми нам ресурсами. Она должна быть нашей. Но захватить ее не позволяет Закон Галактического Союза, который был нам навязан силой оружия. В случае агрессии Союз нас раздавит. Поэтому действовать следует чрезвычайно осторожно. Наши ученые создали вирус, который, не вызывая подозрения у моралистов Союза, очистит Землю от ее обитателей. Позаботься, чтобы этот вирус земляне назвали СПИДом — синдромом приобретенного иммунодефицита. Он передается половым путем, вот почему нам понадобились твои пакостные наклонности. Мне не доставляет удовольствия говорить с тобой, тем более что несчастные земляне такие же гуманоиды, как и мы. Но на карту поставлены высшие интересы Империи. Иди и помни, получив ресурсы Земли, мы поставим Союз на колени, а ты вернешь себе право жить.

...Ровно в пять утра разносчик воды в Карачи поставил свою тяжелую ношу на землю и хотел было отереть пот со лба, как необычное небесное знамение заставило его пасть ниц. Не веря своим глазам, он жалобно и горячо зашептал молитву. А в это время, прямо у него над головой проплыло какое-то странное тело. В полной тишине оно пролетело над городом и вдруг с невероятной скоростью исчезло в направлении Соединенных Штатов...

Тэн Лигма, в безукоризненном костюме путешествующего бизнесмена, шел по залитой неоном улице Лос-Анджелеса. В его руке позвякивал ключ от номера „люкс" в отеле „Бристоль", а карман приятно оттягивала пачка стодолларовых ас-

сигнаций. Межзвездный перелет он перенес, как всегда, хорошо, а три года кутежей после камеры смертников казались целой вечностью. К тому же после введения вируса СПИДа он чувствовал себя ничуть не хуже, чем прежде. Правда, недели через три после укола он ощутил легкое недомогание, похожее на грипп или ангину, но не придал этому значения.

Тэн с любопытством разглядывал витрины, заваленные всевозможными товарами, о назначении которых он порой и не догадывался. На его родной планете ничего подобного и в помине не было. Стремительно тающие ресурсы Империи были брошены на вооружение. Зато оно всегда было на уровне. Даже пилоты Союза не скрывали своего восхищения при виде боевых коскоров — космических кораблей Империи. Однако потребительские товары землян тоже чего-то да стоили, и Тэну пришло в голову, что он охотно променял бы какой-нибудь из коскоров на содержимое парочки калифорнийских супермаркетов.

Высокий, светловолосый, с наглыми голубыми глазами, приятным овалом лица, подчеркнутым мужественным подбородком, Тэн шел по улице, словно охотник, выискивающий дичь. Он чувствовал себя хозяином этого красивого города, повелителем судеб его граждан. На углу у табачного киоска его окликнул незнакомый щербатый парень в бейсбольной майке:

— Сэр, тут есть кое-что специально для вас. — Он открыл завернутый в газету альбом.

У Тэна перехватило дыхание. За одно только хранение таких фотографий подданный Империи получил бы немалый срок.

— Сколько это стоит? — спросил, краснея, Тэн, боясь, что у уличного торговца не найдется сдачи с сотенной.

Но тот по-своему истолковал его минутное замешательство.

— Сэр, у нас есть кое-что получше, если хотите, можете взглянуть. Это здесь, рядом, — парень широко улыбнулся. — Пойдемте.

Спустившись на несколько ступеней, Тэн оказался в полуподвальном помещении. Создавая „интим", тихо играл магнитофон. За столом, заставленным пустыми бутылками, сидело двое неряшливо одетых людей. Третий, широколицый и тучный, устроился на кушетке. Тэну придвинули стул и дали несколько альбомов. Присутствующие мило улыбались ему, стараясь оказать знаки внимания.

— Не пропустить ли по стаканчику за знакомство? — Толстяк поднялся и налил всем пахучий напиток из бутылки, которую затем небрежно швырнул в корзину.

Тэн выпил вместе со всеми, и тут же незнакомое дотоле состояние опьянения лишило его представления о происходящем. Он смутно ощущал, как мужчины дружески обнимали его за плечи, как торопливо расстегивали потом на нем одежду.

Очнулся Тэн на помойке у мусорного бачка. Липкая грязь, которой было испачкано его тело, вызвала чувство гадливости. Он сунул руку в карман пиджака — тот был пуст. Пузатенькая пачка стодолларовых банкнот исчезла вместе с его недавними собутыльниками.

С большим трудом Тэн добрался до отеля. Теперь спеси у него порядком поубавилось. Он, приговоренный к смертной казни, зловещий сексуальный преступник, стал жертвой каких-то ничтожеств едва ли не в первый день своего пребывания на этой чертовой планете! Он и раньше не ис-

пытывал особой жалости к землянам. Зависть голодного сына Великой Империи к этим сытым, купающимся в роскоши людям унижала его и рождала если не жестокость, то по крайней мере глухое раздражение. Теперь же он люто возненавидел всех землян. Мысль о том, что гомосексуалисты получили от него по смертельной дозе СПИДа, растянула его губы в усмешке Люцифера.

Действительно, просматривая как-то бюллетень „Еженедельные сообщения о заболеваемости и смертности", ставший его настольным изданием, среди обычных материалов о туберкулезе и сибирской язве он наткнулся на сообщение, которое чрезвычайно его взволновало. Еженедельник сообщал, что в трех различных больницах Лос-Анджелеса, штат Калифорния, врачи наблюдали пять случаев странного воспаления легких.

Тэн немедленно сел за пишущую машинку и отстучал заранее продуманную статью на радио, где предлагал назвать новое заболевание — СПИД. Так впервые над зелеными долинами, большими и малыми городами Земли прозвучало это зловещее для людей слово.

Отныне все свою энергию и опыт ловеласа Тэн решил передать проституткам. Если гомосексуалисты, это замкнутое сообщество мужчин, стали первой его жертвой по воле случая, то к проституткам он пришел совершенно сознательно. В самом деле, они были идеальными помощницами. Едва успев подхватить вирус СПИДа, они спешили передать его дальше — прыщавым юнцам, сгорающим от любопытства, почтенным отцам семейств, решившим вспомнить молодость пенсионерам, солдатам морской пехоты...

К проституткам Тэн ходил как на работу. Едва

проснувшись, он заказывал в номер плотный завтрак, наспех брился, принимал ванну и, благоухая лучшим французским одеколоном, ровно в девять утра покидал отель „Бристоль".

У ювелирного магазина Франсуа Любарже он останавливал таксомотор и, опустив ветровое стекло, придирчиво разглядывал „товар". Завидев его, проститутки слащаво улыбались размалеванными ртами, стараясь преподнести себя повыгоднее. Тэн указывал пальцем на ту, которая ему приглянулась, и она тотчас усаживалась в машину, злорадно поглядывая на своих менее удачливых товарок. По пути в отель Тэн прокалывал лежащий в кармане презерватив булавкой для галстука, ставя точку еще на одной неприкаянной женской судьбе.

Дырявый презерватив, подобно поврежденному парашюту, не оставлял шансов на спасение. Заражение гарантировалось. При этом Тэн никогда не испытывал ни сострадания, ни угрызений совести. Проститутки были для него только дичью, убивая которую он спасал свою собственную шкуру. К тому же, прослужив в Имперской службе безопасности, он и не такого насмотрелся. Тэна даже забавляло растерянное лицо проститутки, когда она видела упавший на пол „лопнувший" презерватив. Тэн пытался представить, как бы она выла и рвала на себе волосы, если бы знала, что ей угрожает не банальная беременность, а грозный, неизлечимый СПИД.

Рассчитавшись с проституткой, Тэн отправлялся за следующей. Портье „Бристоля", всякого повидавший на своем веку, тем не менее поражался потенции нового постояльца, ухитряющегося за день пропустить десятки „девочек". Однако стодолларовая ассигнация, вручаемая ему ровно в

девять утра, при выходе клиента на „охоту", делала свое дело, отбивая желание задавать лишние вопросы. Не менее щедро рассчитывался Тэн и с проститутками, шоферами, горничными. Для Имперского управления безопасности, организовавшего его космический перелет, телепатическое знание языков или фальшивые доллары не были проблемой.

Все шло как по маслу до тех пор, пока Тэн не встретил Малышку Пэгги. Когда он впервые увидел ее у фонтана на Пейдж-стрит, у него перехватило дыхание, а горло сжал спазматический комок. Он задрожал, как сеттер перед прогуливающейся по травке уточкой.

Пэгги и в самом деле была хороша. Пышные волосы сзади доходили до пояса, а впереди мягко и шелковисто вились по вздернутой грудке именно того самого размера: ни убавить, ни прибавить. Ковбойский пояс охватывал тонкую, гибкую талию. Косметикой она, похоже, не пользовалась. Губы ее и так алели, как розы, а лицо отливало нежной бархатистой белизной, имитировать которую не в состоянии даже самая лучшая французская пудра. Эта невинность развратницы волновала больше, чем вульгарность непорочности.

Тэн торопливо опустил стекло таксомотора и жадно ткнул в нее пальцем. В ответ Малышка Пэгги повернулась к нему задом, а окружавшие ее „двужильные" проститутки закатились грубым, почти мужским, смехом. Тэна бросило в краску. Существует множество способов принизить возвышенные чувства, но нет ни одного, способного возвысить низменные. Страсть Тэна к Пэгги оставалась обыкновенной похотью, хотя он и готов был не заражать ее страшным болезнетворным вирусом.

Тэн подозвал одну из проституток и, сунув ей десятку, попросил рассказать о взволновавшей его девушке. То, что он узнал, не слишком его обрадовало. Когда-то Пэгги „работала у фонтана". Но с год назад ее подобрал Джек Митчел — человек, которого здесь все недолюбливали и побаивались. Этот бывший боксер-тяжеловес разъезжал по Лос-Анджелесу в черном „мерседесе" с личным шофером. В чем заключался его бизнес, никто не знал, но деньги у него водились. Малышка Пэгги поклялась ему порвать с прошлым, а Джек в свою очередь пообещал застрелить каждого, кто покусится на его избранницу.

В тот день Тэн вернулся в отель раньше обычного и крайне раздраженным. Не раздеваясь, он грохнулся на постель и закинул ноги на спинку кровати на американский манер. Он дал волю воображению, представляя себе, как соблазнит строптивую Малышку. По сути, его мечты были детально разработанным планом действий, который он решил осуществить немедленно. Залогом успеха он считал то обстоятельство, что Пэгги продолжала посещать своих бывших подружек. Значит, ее тянуло на панель, и этим можно было воспользоваться.

V
У фонтана

На следующее утро он появился у фонтана на специально нанятом „роллс-ройсе". Улучив момент, когда Малышка Пэгги осталась одна, он приблизился к ней и, облокотившись о парапет и глядя куда-то вдаль, заметил как бы между прочим:

— Я выиграл в казино десять тысяч долларов, почему бы мне не потратить их на вас?

Этой придуманной еще в отеле фразой и своим напускным безразличием он намеревался сразить Пэгги наповал. Чтобы не было сомнений в его платежеспособности, Тэн вытащил из кармана пачку купюр.

— Десять тысяч? — Пэгги сделала удивленное лицо.

„Ага, клюнула", — торжествующе подумал Тэн. Но в эту минуту бывшая проститутка расхохоталась ему в лицо, и Тэн понял, что ее удивление было притворным. Тогда дрожащими от волнения пальцами Тэн достал из пачки стодолларовую бумажку и, разорвав ее, бросил в фонтан.

— Осталось девять девятьсот. — Пэгги снова рассмеялась, но уже не так уверенно.

Тэн с мрачным ожесточением рвал купюры и швырял их одну за другой в воду. На цифре 8900 Пэгги остановила его:

— Ладно, едем. Но сначала докажи, что ты настоящий мужчина.

Что произошло дальше, Тэн помнил плохо. Воспоминания были отрывочными и скверными. В памяти всплыли шприц с наркотиком, который Малышка вгоняла то себе, то ему; ресторанный стол, который качался под ногами Тэна, как палуба буксира в хороший шторм; а самое неприятное то, что, балансируя на этом столе с бутылкой шампанского в руках, он орал, что прилетел с другой планеты, чтобы заразить всех СПИДом. Публика в ресторане хохотала и аплодировала. Изрядно похудевшая пачка банкнот уже перекочевала из его кармана в сумочку Пэгги, как вдруг невдалеке замаячила массивная фигура Джека Митчела, его мясистая красная рожа. Он, беспрерывно изрыгая ругательства, поволок Тэна в туалет, и там прижатый к стенке инопланетянин почувствовал, как холодный ствол револьвера больно впился в его губу.

Потом все куда-то исчезло, не было ни Пэгги, ни краснорожего. Были уже до мельчайших подробностей знакомый номер „Бристоля", слабость и зудящая боль во всем теле. Но самым ужасным было другое — он раскрылся.

Тэн со страхом прислушивался к шагам в коридоре, ожидая, что вот-вот распахнутся двери и войдут дюжие молодцы из собственного Управления безопасности или эти моралисты из Галактического Союза. Тэн знал, что за ним могут следить и те и другие. То, что в состоянии опьянения он разгласил тайну, влекло немедленную смерть в Империи или пожизненное заключение в казематах Союза.

Три дня Тэн провел наедине со своими страхами, вздрагивая от скрипа и неосторожного

хлопанья дверей в отеле. Он испытывал все нарастающую ненависть к Пэгги и ее ухажеру. Как хотелось ему в эту минуту наградить СПИДом их обоих! Неудовлетворенное желание пробуждает в душе мужчины большее негодование, чем даже пощечина. На четвертый день Тэн подошел к зеркалу и внимательно осмотрел себя. Кроме синяков, оставленных Джеком, он с тревогой обнаружил на теле какие-то странные пятна. Это и непроходящая уже больше двух недель повышенная температура заставили Тэна серьезно призадуматься: СПИД у него явно развивался. Похоже, что обещанные Верховным Правителем три года были весьма завышенной оценкой его перспектив либо... он нахмурился... либо сознательным обманом. Тэн вспомнил, как брезгливо говорил с ним Правитель, туманно обещая исцеляющее средство. Жестокость к другим соседствует с патологической жалостью к себе, и теперь Тэну предстояло испытать силу этого божественного возмездия. Ему вдруг захотелось бежать в горы, где в тщательно замаскированной пещере скрывалась его летающая тарелка, и лететь назад, вымаливать обещанное лекарство.

Он с трудом подавил это безрассудное желание. С чем он вернется в Империю? Можно ли считать задание выполненным? Да, кое-чего он добился. Судя по газетным сообщениям, СПИД уже считался болезнью проституток, гомосексуалистов и наркоманов — это был как раз тот контингент землян, который он успел обработать. Здесь его заслуга очевидна. Но его тут же могли упрекнуть, что болезнь слишком медленно распространяется по планете. И Тэн решил действовать энергичнее.

* * *

Майк Норман — обладатель черного пояса каратэ, каскадер и бывший автогонщик, а ныне сотрудник полиции, стройный, спортивный мужчина, с чуть заметной родинкой на щеке — сидел в кабинете за наглухо зашторенными окнами, разглядывая в увеличительное стекло стодолларовую купюру. Несколько точно таких же ассигнаций лежало перед ним, аккуратно подколотых к делу канцелярской скрепкой.

Таких фальшивок ему еще не приходилось видеть. Дело в том, что они резко отличались от настоящих долларов. И по качеству бумаги, и по полиграфическому исполнению. Купюры были сданы в оплату одновременно в разных местах Лос-Анджелеса. Благодаря тому, что это были не какие-нибудь пятерки, а сотенные, кассиры нескольких магазинов вспомнили предъявлявших их покупателей. Точнее, покупательниц. А впрочем, черт его знает, была ли это одна и та же женщина или их было множество? Здесь-то и начиналась путаница. Таинственная мисс всегда была вульгарной, от нее сильно пахло духами, она чрезмерно пользовалась косметикой, вызывающе одевалась. На этом сходство заканчивалось. Дальше шли различия. Каким-то непостижимым образом ей удавалось менять черты лица и даже фигуру. Наконец, сами доллары — эксперты заключили, что изготовление одной такой купюры при ее феноменальной чистоте и качестве обошлось бы как минимум в сто тысяч.

— Какой идиот штампует их, чтобы сбыть потом по сотне! — Майк поднялся из-за стола, распахнул шторы. Отсюда, с двадцатого этажа небоскреба, открывалась великолепная панорама вечернего Лос-Анджелеса.

Норман любил этот веселый, слегка хвастливый, но чертовски хваткий город, где любая стоящая идея моментально находила и доллары и предприимчивых людей для своего воплощения.

— В том числе и преступная, — буркнул он себе под нос.

Но тут же со спокойным удовлетворением подумал, что в том и заключается, его, Майка, предназначение, чтобы защищать здоровые созидательные силы общества и с корнем вырывать сорняки зла и разрушительства. Он хорошо знал город. Глядя на него с высоты птичьего полета, он с уверенностью мог бы показать места, где в этот миг собираются молодые бизнесмены, поэты, актеры Голливуда, уличные прости...

Майк споткнулся на последнем слове, быстро заходил по комнате, боясь упустить очень важную догадку, которая вот-вот должна была прорезаться сквозь мрак подсознательного к свету очевидного.

— Проститутки! — повторил он наконец.

Это слово все ставило на свои места. Так же как повара, стюардессы, медсестры, проститутки в своей „униформе", с неизменным жаргоном ужасно походили друг на друга. Вот почему кассирши говорили об одной женщине! Хотя в действительности их было множество. Значит, стодолларовые купюры проститутки получали от одного и того же лица, которое пользовалось их услугами весьма интенсивно.

Майк ринулся к скоростному лифту, и уже через несколько минут его белый „феррари" мчался по улицам вечернего Лос-Анджелеса. Странное тяжелое предчувствие овладело Норманом. Над городом нависла страшная, неотвратимая беда.

В самом деле, фальшивые банкноты не могли быть изготовлены заурядными преступниками. За всем этим стояло нечто большее — какие-то невидимые и могущественные силы. Стараясь избавиться от этой неприятной мысли, он все быстрее и быстрее гнал машину.

Той же ночью, „тряхнув" как следует несколько проституток, ему удалось выйти на Малышку Пэгги. Ее рассказ о пьяном кутеже с крэком и шампанским в ресторане „Савой", а главное — признание кавалера в межпланетном терроризме могли бы показаться смешными. Но Майку было не до смеха. Он вдруг отчетливо понял, что внеземное происхождение долларов — реальность. В пользу этого говорили и сообщения прессы о СПИДе среди проституток и гомосексуалистов, услугами которых пользовался инопланетный террорист. Одержимая поспешность, с которой он действовал, не могла объясняться ничем иным, как целевой установкой на инфицирование как можно большего количества людей.

Майк развернул „феррари" и помчался по указанному проститутками адресу, в отель „Бристоль". Взбежав по лестнице, он задержался у нужного номера и, выхватив пистолет, ворвался в помещение. Посреди комнаты стоял человек с большими выразительными глазами и необычно бледным лицом.

Увидев вбежавшего агента, Тэн раскусил капсулу, зашитую в воротник, и на глазах изумленного сыщика вдруг заколебался, как вода в стакане, приподнялся над полом и исчез.

Напрасно Майк отчаянно шарил под кроватью, в шкафу, заглядывал в ванную — человека с бледным лицом нигде не было.

Хлопнув дверью так, что закачалась люстра,

Норман вышел из номера и, пораженный нелепостью происшедшего, направился к машине. Он был обязан доложить о случившемся руководству. Майк представил себе лицо начальника отдела, бывшего бригадного генерала, так и не расставшегося с солдафонскими замашками, который развлекался сочинением анекдотов о сослуживцах. Сказать ему, что преступник — инопланетянин, который растворился на глазах, означало бы вылететь из его кабинета в сопровождении отборной казарменной брани и стать посмешищем для всей полиции. Нет, только не это. Майк решил продолжать расследование на свой страх и риск.

Если бы он догадался вернуться, то застал бы Тэна в той же самой позе, на том же самом месте. Инопланетянин налил стакан кипяченой воды и залпом его выпил. Аварийное исчезновение, которое он только что применил, было вынужденной и крайней мерой. Воспользоваться ею он мог лишь один раз в два, а еще лучше в три года. „Шапка-невидимка" возбуждала антибиологические поля огромной интенсивности. Слишком частое их воздействие не смог бы выдержать даже самый сильный организм. А силы Тэна были на исходе. Он опустился на кровать в полном изнеможении. Безудержное общение с проститутками не прошло даром, к тому же он чувствовал, как прогрессирует заболевание. И это были уже не те смутные признаки болезни, сравнимые с едва различимым шелестом листьев, а грозное дыхание урагана, сотрясавшее все его существо.

Неожиданно дверь в номер приоткрылась, и в нее проскользнула Пэгги. Вот уж кого Тэн не ожидал увидеть! Он вдруг ощутил то же самое

волнение, которое испытал при первой встрече с ней. Оно было так велико, что наполнило его изнуренное тело и ослабевший дух новыми силами.

— Я по делу, — прощебетала Пэгги, протягивая руку в белой перчатке.

— На, бери, слышишь, бери. — Не слушая ее, инопланетянин кидал на кровать пачки купюр, запечатанные крест-накрест.

И бывшая проститутка сдалась. Куда делись ее клятвенные обещания Джеку, страх перед ним! Продажность въедается в человеческую душу сильнее, чем грязь под ногти. Она жадно запихивала деньги в сумочку, а потом долго не могла закрыть ее, злясь и что есть силы нажимая на непослушный замок, забыв о присутствии Тэна. А он тем временем с дьявольским спокойствием проколол очередной презерватив. Пользуя проститутку, Тэн злорадно представлял себе эту парочку после того, как они обнаружат у себя СПИД.

— Послушай, я же к тебе по делу, — сказала Малышка, как только все кончилось, так, словно их разговор и не прерывался.

Она в точности передала инопланетянину содержание допроса, учиненного ей Майком. Это были плохие новости. Тэн понял, что находится на грани разоблачения. Что делать? Бежать? Но будут ли приняты во внимание его заслуги, если он прибудет в Империю беглецом? Тэн вспомнил камеру пыток Управления безопасности. Это придало ему решимости. Агента, вышедшего на его след, следовало убрать. Но как это сделать? „Уничтожать врагов преимущественно руками врагов", — гласил пункт 8 инструкции Управления безопасности.

— Надо же, иногда и наши бюрократы дают дельные советы, — усмехнулся инопланетянин.

В тот же день с помощью Пэгги он связался с Митчелом, который за фантастический гонорар согласился на преступление. И шайка взялась за осуществление своего коварного замысла.

На следующее утро Пэгги позвонила Норману и попросила его срочно приехать в ресторан „Савой", куда обещала прийти с подругой, которая якобы кое-что знала об инопланетянине.

Майк немедленно выехал на свидание. Ему и в голову не приходило, что он сует голову в петлю. Виной тому была христианская вера в раскаявшихся грешников. Стройная, миловидная Пэгги внушала ему симпатию и уважение тем, что сумела порвать со своим прошлым. От нее он никак не ожидал подвоха. Впервые Норман забеспокоился, когда в условленный час Пэгги не пришла. Подождав ее минут двадцать, он поднялся и направился к выходу из бара. И тотчас проститутка за крайним столиком подала знак, не укрывшийся от детектива. Взглянув в окно, он заметил, как бандит в „мерседесе" передернул затвор автомата, а его подручный за рулем запустил мотор. Майк перевел взгляд на выхлопную трубу автомобиля, на ее кончике заплясало голубое облачко. Сквозь оконное стекло Майк не мог слышать звук мотора, но по тому, как пульсировал дымок, понял, что бандит нервничает, то прибавляя, то сбрасывая обороты. Это была западня.

Не доходя до дверей, Майк повернул к стойке и, усевшись на высокий стул, заказал кофе. Держа двумя пальцами изящную фарфоровую чашечку, он с удовлетворением отметил, что руки не дрожат. И это радовало. Потому что теперь его мог спасти один только точный выстрел.

Майк протянул бармену деньги и, получив сдачу, не спеша опустил ее во внутренний карман пиджака, незаметно сняв при этом пистолет с предохранителя. „Отлично, — подумал он, — мой выстрел прозвучит на полсекунды раньше".

Он не спеша пил кофе, время от времени как бы невзначай поглядывая на улицу. Бандиты теперь его не интересовали. Норману был нужен только дымок за выхлопной трубой. Его исчезновение означало бы, что хладнокровный враг недрогнувшей рукой выключил мотор на время, в течение которого он будет пить кофе. Но нет, дымок плясал все яростнее — значит, нервы бандитов были напряжены до предела. И Норман умело продолжал их натягивать. Этому он научился на автогонках. Там, перед самым стартом, он вдруг газовал так, что все вокруг тряслось от грохота, а гонщики покручивали пальцем у виска, показывая, что у него „не все дома". Делая вид, что он не замечает их, Майк газовал снова, ожидая своего часа. И он наступал. Соперники теряли самообладание и тоже начинали давить на газ, стараясь заглушить его мотор.

Вот и сейчас он ждал своего часа. Только теперь под его рукой был не холодный отполированный руль гоночной машины, а горячая чашечка кофе, выпитая уже почти наполовину. Вдруг дымок дернулся и побледнел. Пора! Майк поднялся. Шаг, второй, третий... Удар ногой! Распахнувшаяся дверь! Выстрел! И тело бандита, обмякнув, ткнулось в элегантную спинку „мерседеса". Выпавший из его рук автомат сполз на пол машины. Шофер потянулся за ним. На этот раз Майк не спешил. Дав врагу взять оружие, он разрядил в него пистолет. Сделав несколько больших прыжков к машине, Норман распахнул

дверь, и „мерседес" сорвался с места. Тут только Майк заметил притаившегося на заднем сиденье человека с огромными выразительными глазами и необычайно бледным лицом...

Майк сразу узнал его. Отодвинув трупы, детектив указал стволом на переднее сиденье, и Тэн неуклюже пополз вперед по скользким окровавленным телам наемников. Выкидывать их детектив не торопился.

Норман обыскал инопланетянина, ухитряясь при этом управлять автомобилем. Из его кармана он извлек маленький пузатый браунинг. Другого оружия у инопланетянина не оказалось. Майк газанул. Пора было поворачивать в полицейский участок. Но детектив этого не сделал. Он слишком хорошо помнил неожиданное исчезновение незнакомца. Не было никаких гарантий, что он не повторит свой фокус перед самыми дверьми начальства. К тому же Майк был не чужд тщеславного желания единолично разоблачить межпланетного террориста, по праву присвоив все лавры и гонорары. В конце концов это был его бизнес. И он погнал „мерседес" прочь, за город.

Здесь Майк выкинул инопланетянина из машины, приставил к виску пистолет:

— Жить хочешь?

Сыщик коленом прижал Тэна к земле. Инопланетянин лицом уткнулся в придорожную пыль как раз там, где лежала раздавленная полевая мышь. Он видел ее вылезшие наружу внутренности, похожие на красных и серых червячков, чувствовал тошнотворный запах. Вот сейчас и он, Тэн Лигма, станет такой же падалью.

— Хочу, — прохрипел инопланетянин.

— Садись, — детектив втолкнул его в машину, как мешок, — поедем к твоему НЛО.

— Что это? — не понял Тэн.

— Твоя летающая тарелка, болван, — обозлился Майк, считая, что преступник валяет дурака.

— Хорошо, — согласился инопланетянин.

Уже смеркалось, когда запыленный „мерседес" приблизился наконец к цели путешествия. Вдавив ствол пистолета между лопатками инопланетянина, Майк шел за ним след в след. Раздвинув зеленый полог вьющихся растений, они вошли в сумрачную пещеру. Откуда-то сверху падал неверный отраженный свет. Пещера казалась пустой. Лишь присмотревшись внимательнее, Норман заметил сгусток темноты, напоминающий большую бочку. Это был черный как сажа предмет, настолько черный, что, глядя на него, приходилось щурить глаза. Он притягивал и гипнотизировал. Лишь когда пистолет, упертый в спину преступника, провалился в пустоту, Майк с ужасом понял, что инопланетянин исчез. В ту же секунду прогремел выстрел. Майк стрелял туда, где должен был находиться преступник. Но пули ударялись в стены пещеры, никого не задевая.

Вдруг НЛО дернулся и пошел к выходу. Майк бросился за ним. И вовремя. Из НЛО вырвался луч, который, как раскаленный нож масляную головку, подрезал основание горы, и она осела. Раздался оглушительный грохот, напоминающий извержение вулкана. Валун величиной с трактор покатился на „мерседес" и, превратив его вместе с трупами бандитов в лепешку, рухнул с откоса. Из НЛО снова вырвался луч, и желез-

ные лохмотья „мерседеса", вспыхнув, превратились в пар.

— Уничтожает улики, — догадался детектив.

Лежа в расщелине, он отлично видел маневры НЛО. На какое-то мгновение коскор завис над местом катастрофы и вдруг, рванувшись, исчез за линией горизонта.

— Ушел, ублюдок!

Майк вскинул пистолет и нажал курок. Раздался выстрел.

Норман запихнул пистолет в карман и, шатаясь, побрел прочь.

Глубокой ночью он вернулся в Лос-Анджелес. „Бристоль" спал, светились лишь окна дежурных горничных. В номере инопланетянина Майк нашел туристическую карту Санкт-Петербурга...

VI
В Санкт-Петербурге

Тэн Лигма не спеша отщипывал хлебный мякиш и швырял его стае голубей у Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Время от времени его бледное лицо искажалось судорогой — Тэн думал о неприятном. Безмятежное воркование птиц, как ни странно, пробуждало тяжелые воспоминания. Второе исчезновение едва не привело его к гибели. Он вспомнил, как, задыхаясь, пытался разорвать ногтями собственное горло, чтобы глотнуть воздуха, как, обезумев от боли, катался по палубе коскора и потом долго и мучительно выходил из шока. Тэн мотнул головой, отгоняя злосчастное видение. Как хорошо, что все это уже в прошлом.

Он огляделся по сторонам. До чего же непостижима эта страна!

Как-то возвращаясь домой, Тэн, по обыкновению, отпустил такси на соседней улице и пошел к отелю пешком, небрежно перекинув пиджак через плечо. И тотчас услышал за спиной стук дамских каблучков. Пигалица, состоящая почти из одних глаз, по крайней мере ничего больше Тэн в ней не нашел, потянула его за рукав, изображая, что смертельно хочет курить.

— Смок, смок, — лепетала она, указывая на рот.

Ни слова не говоря, Тэн подхватил ее под руку, и они лихо продефилировали мимо подкупленного швейцара. В лифте она достала заранее приготовленную бумажку с написанной на ней суммой, в которую себя оценивала. Тэн молча кивнул в знак согласия. В постели глазастая пигалица начала вдруг кричать, и Тэн с удивлением обнаружил, что она была девственницей.

Пигалица уселась в кровати и принялась громко реветь, размазывая слезы вместе с растекшейся тушью по щекам и шее. Тэн слышал шушуканье и скрип половиц у своей двери. Дело принимало нежелательный оборот. Как умел, он одел пигалицу. Вырвавшись, она бросилась прочь, оттолкнув протянутые инопланетянином деньги. Не получив от общения с нею никакого удовольствия, Тэн пожалел о потерянном времени — уж эта определенно не бросится распространять вирус. Хотя кто знает, кто знает?.. Загадочный, непонятный город.

С этого дня Тэн проходил не оглядываясь сквозь комариный рой любительниц, предпочитая брать в интересах дела затасканных „двужильных" проституток, которых поставляли ему официанты. Чувствуя себя с каждым днем все хуже, он не терял ни единого часа. Его торопил СПИД.

Смерть Джека Митчела не слишком расстроила Пэгги. Гораздо больше беспокоила ее собственная судьба — ведь она заманила полицейского в западню. Уже одно это было достаточным основанием для ее ареста. И Пэгги срочно выехала из Соединенных Штатов; заметая следы, она немало поколесила по Европе и успокоилась, лишь оказавшись в одном из курортных городков Африки.

Пэгги не случайно приехала сюда. После встречи с Тэном она поняла, что в состоянии зарабатывать своим телом значительно больше, чем ее товарки с „фонтана". Стоит лишь найти клиента, готового ради удовольствия на все. Еще в Штатах к ней как-то „подрулил" негр, который при виде ее прелестей пустил слюну, так же как Тэн. Он тоже предлагал ей большие деньги. Но тогда ей стало противно, и она пустилась от него наутек, а несколько проходивших мимо джентльменов преподали ему урок хорошего поведения. Теперь же Малышка Пэгги сама отправилась к неграм, рассчитывая на повышенные „гонорары". Не встреться она с Тэном, ей это никогда бы не пришло в голову. Но корысть, вызванная случайно сорванным кушем, подтолкнула ее.

Пэгги сняла виллу с небольшим бассейном и пальмами во дворе, впрочем, дворов без пальм здесь просто не было. Ее хозяин, отставной майор бельгийской армии, срочно уезжавший в Европу, оставил ей даже собственных слуг и повара, которым предстояло платить восхитительно мало.

И работа закипела. Едва ворота ее виллы закрывались за одним клиентом, как к ней уже спешил следующий. Если бы портье отеля „Бристоль" оказался здесь, он бы с уверенностью сказал, что Малышка Пэгги превзошла постояльца, вручавшего ему по утрам сотенные.

Дьявольское колесо СПИДа крутилось все быстрее.

Здоровье Тэна между тем продолжало ухудшаться. Он все отчетливее понимал, что, если в ближайшее время не вылетит в Империю, ему не

помогут никакие лекарства. Он жадно листал русские газеты в поисках сведений о СПИДе. Они были скупы и весьма благодушны. Видные ученые успокаивали общественность, заявляя, что это болезнь проституток, наркоманов и гомосексуалистов.

Сообщения с Запада были тревожнее. Особенно его озадачила корреспонденция из Африки, где СПИД начал вдруг распространяться с невероятной скоростью. Тэн ломал голову над этой загадкой, вымерял расстояния между Соединенными Штатами и африканскими странами и не находил ответа на вопрос: как перекинулся туда огонь СПИДа? Инопланетянин не мог знать о судьбе Малышки Пэгги, точно так же, как не мог помнить имена своих многочисленных клиенток.

Подытоживая свою деятельность, инопланетянин пытался предугадать, как встретят его в Империи? Нужен ли он там, несчастный спидоносец? Ведь он вполне мог стать источником заражения соотечественников. А принял бы он сам такого субъекта на месте Верховного? Нет, не принял бы...

Тэн понимал, что на обратном пути ему могли устроить столкновение с метеоритом или еще что-нибудь из богатого арсенала уловок Управления безопасности. Но тут же на смену мрачным мыслям приходила надежда, и инопланетянин, собрав последние силы, ожесточенно принимался за свое черное дело, ценой многочисленных жертв пытаясь купить себе избавление. Его половой инстинкт, призванный порождать жизнь, сеял смерть.

Когда Майку наконец предоставилась воз-

можность выехать в Санкт-Петербург, прошло уже так много времени, что он почти не надеялся застать там инопланетянина. Впервые он летел международным авиарейсом как частное лицо.

— Турист, — усмехнулся он, сознавая всю сложность миссии, которую добровольно возложил на себя. Но то, с чем он столкнулся, превзошло самые неприятные ожидания.

Правда, сначала ему повезло. Удалось даже пронести через таможню пистолет, но потом ему на хвост сел атлетически сложенный детектив с черными как смоль волосами и орлиным носом. Отделаться от него не было никакой возможности. И вот однажды, сидя в ресторане отеля, Майк решился на отчаянный шаг. Он встал и пошел прямо к столу русского детектива.

Норман понимал, что шансы его ничтожны. Но другого выхода не было. Каждый его шаг контролировался. В таких условиях нечего было и думать о поисках инопланетянина.

— Здравствуйте, меня зовут Майк Норман, я полицейский, — сказал он по-английски, не особенно надеясь, что его поймут.

— Здравствуйте. Это очень интересно, — невозмутимо ответил незнакомец на вполне приличном нью-йоркском диалекте.

Его самообладание не понравилось Майку. Перед ним был явно сильный противник.

— Не будем играть в прятки. — Норман нахмурился. — Все очень серьезно. Речь идет о безопасности всех этих людей, — он кивнул в зал, — и, может быть, лично вашей...

Когда Майк закончил рассказ, лицо собеседника было крайне взволнованным, хотя он и пытался это скрыть.

— Решайте, — Норман испытующе посмотрел ему в глаза, — что для вас важнее — карьера или судьба ваших соотечественников? Но знайте, ни на какие официальные контакты я не пойду, так же как не пошли бы и вы, ведь это сродни вербовке. А вот мое единственное доказательство.

Он положил на блюдце стодолларовую фальшивку и умолк, понимая, что не смог найти нужных слов.

И тут произошло непредвиденное. Купюра вдруг зашевелилась, свернулась, как береста в огне, и исчезла, не оставив ни запаха, ни пепла. Майк, пораженный не меньше, чем его собеседник, пошарил по столу.

— Черт побери, механизм самоуничтожения, — пробормотал он в растерянности.

— Улик нет и концы в воду, — констатировал русский.

Некоторое время собеседник молчал, и Майк пытался поставить себя на его место. Если русский доложит начальству, что иностранец предложил ему вместе поохотиться на инопланетного террориста, поставившего цель уничтожить все население России несколько экстравагантным способом — безудержными половыми сношениями с проститутками, его, скорее всего, упекут в сумасшедший дом.

— Итак, — начал русский, — вы находитесь в нашей стране как турист, как частное лицо, решившее провести здесь свой отпуск, не правда ли?

Майк утвердительно кивнул.

— Почему бы и мне не взять отпуск на недельку и не присоединиться к вам, тоже на правах частного лица? — В его глазах заиграли веселые лучики.

— О'кей! — Норман радостно сжал протянутую руку.

Михаил Громофф — так звали нового знакомого Майка — оказался человеком дела. Уже через два дня он сообщил название отеля, где проживал инопланетянин, разумеется под чужим именем...

В тот день, когда Тэн Лигма собрался посетить НЛО, Майк подъехал на такси к отдаленной станции метро, где была назначена встреча детективов. Громофф уже ждал его. Он прогуливался возле своей машины с большой старомодной кинокамерой на боку.

„Это еще зачем?" — подумал американец.

Он с сомнением осмотрел старенький „Москвич" коллеги.

— У нас на таких не ездят, — с сомнением заметил он.

— Зато не бросается в глаза, — резонно ответил Громофф.

— Ну-ну, — пробурчал американец, усаживаясь в непривычно тесной кабине.

С ностальгической грустью он вспомнил свой „феррари", стоящий в подземном гараже в Лос-Анджелесе. Как бы сейчас пригодились его лошадиные силы!

Впрочем, когда они подкатили к гостинице и их „Москвич" слился с серой массой подобных ему автомобилей, Майк понял, что в чем-то его новый друг был прав — недостаток мощности вполне искупался неприметностью машины.

Инопланетянин вышел на час раньше обычного и сел в такси.

— Поехали. — Майк вцепился в плечо коллеги.

Он вдруг испытал то азартное чувство охот-

ника, которое всегда появлялось у него при виде преступника. Держась на почтительном расстоянии, дергаясь, гремя на трамвайных путях и железнодорожных переездах, „Москвич" тем не менее неотступно следовал за таксомотором.

Тот явно направлялся за город.

Когда последние дома остались позади, новенький таксомотор прибавил скорость. По прямой он далеко уходил вперед и лишь на виражах, где требовались не только мощность мотора, но и мастерство, „Москвичу" удавалось отыграть потерянное расстояние.

— Я, пожалуй, возьму тебя на гонки! — стараясь перекрыть рев движка, прокричал Майк.

— Направляется в сторону Вуоксы! — заорал в свою очередь русский.

— Что это? — не понял американец.

— Джунгли, озера, острова, болота — есть где спрятаться. Смотри!.. — Громофф резко нажал на тормоз.

Впереди, за поворотом, вспыхнули красные огоньки таксомотора. Инопланетянин вышел из машины и скрылся в лесу. Выскочив из „Москвича", сыщики бросились туда же. Майк несся первым. За ним, придерживая футляр кинокамеры, бежал Громофф. Американец остановился у края болотистой низинки, где след обрывался.

— Уйдет! — застонал он.

И словно в подтверждение его слов, над прибрежным осинником поднялся НЛО. Сделав небольшой круг, он вдруг замер. Из его чрева вырвался яркий луч, и гранитный валун справа от детективов превратился в пар.

— Все, конец! — Майк затаил дыхание.

Но в этот момент Громофф выхватил из футляра прибор, оказавшийся страшным оружием.

Ослепительный луч рванулся к НЛО, и он полыхнул оглушительным взрывом, эхо которого достигло Ладоги и берегов Финского залива. И в ту же секунду к ногам детективов упал осколок горячего черного металла. Он угрожающе шипел во влажном мху, как злой черный котенок, не давая взять себя в руки. Наконец примолк. Майк нагнулся, поднял его. Металл был необычайно легким и пористым.

Громофф убрал оружие с биркой „Собственность Галактического Союза".

— Так вот оно что, — догадался Норман. — Ты тоже оттуда? — Он указал на небо.

— Да, я агент Галактического Союза, — хмуро кивнул „Громофф".

— И вы ничем нам больше не поможете? — Детектив с надеждой смотрел на инопланетянина.

— К сожалению, ничем, — ответил тот. — Мы пресекли агрессию Империи. А болезнь — это уж ваше внутреннее дело. Впрочем, злая звезда Империи — ее космический зонд все еще следит за вами. Не исключено, что нам снова придется вмешаться.

— По крайней мере, мы можем остаться друзьями?

— Мне жаль, Майк, но тебе придется забыть все. — Инопланетянин коснулся лба калифорнийца...

Десятилетний Поль, младший сын Чака Чакворда, лучшего друга Нормана, вбежал на веранду дома в пригороде Лос-Анджелеса.

— Сэр, я нашел в вашем гараже кусочек черного металла. Что это?

— Мало ли всякого хлама в гараже, — ответил Майк, не отрываясь от газеты.

— Он очень черный и легкий. Можно я возьму его себе?

— Возьми, конечно.

„Где-то ударил колокол, заскрипели пружины катафалка. Над Землей поднималось черное крыло СПИДа", — прочел Майк.

Дослушав до конца кассету, я как зачарованный долго сидел молча, размышляя о том, мог ли вирус СПИДа иметь инопланетное происхождение? Впрочем, пусть над этим ломают голову специалисты. Покопавшись в кассетах, я выбрал одну из них с интригующим названием „Бордель на астероиде" и замер за пишущей машинкой, ожидая, когда из динамиков послышится знакомый голос детектива, приоткрывающий следующую страницу своей поразительной судьбы...

VII

Бордель на астероиде

— Разденьтесь, девушки, покажите, на что вы способны. — Владелец публичного дома астероида третьей планеты Империи Ен-Би придирчиво разглядывал проституток. — Пройдитесь!

Зазвучала музыка, и красотки, разом повернувшись, продефилировали по сцене.

Все было как на обычном конкурсе красоты, с той лишь разницей, что выбиралась не королева, а исполнительница секретного задания. Ей предстояло посетить планету Земля и доставить оттуда семя гомо сапиенса — человека разумного.

Сложность и опасность поручения определяла и повышенный гонорар, сумма которого многократно превышала годовое жалованье обычной космической проститутки. Поэтому, несмотря на риск, желающих посетить Землю было больше чем достаточно.

— Стоп! — Музыка умолкла. Ен-Би поманил пальцем очаровательную девушку с большими выразительными глазами. — Как тебя зовут?

— Эола.

— Отлично. Останься. Остальные свободны.

Так начались похождения космической проститутки по имени Эола.

* * *

— Входи, парень, выпить хочешь? — Тучный мафиози налил Майку стакан виски с содовой.

Майк Норман молча показал связанные руки.

— Развяжите, — распорядился главарь гангстерского синдиката.

Да, несомненно, это был Джозеф Лучьяно, человек, по следам которого два года шел Интерпол. Его маленькие глазки, пухлые губы выглядели вполне безобидно, но Майк знал, что каждый, кто хотя бы раз видел его лицо, должен был либо умереть, либо служить этому кровавому монстру. Ни то ни другое Майка не устраивало. Однако предстояло сделать выбор.

— Сколько тебе платят в полиции, парень? — Лучьяно, прищурясь, с издевательской улыбкой скотника, покупающего свинью, посмотрел в глаза Майку, и именно этот взгляд определил его дальнейшую судьбу.

— Пятьдесят тысяч долларов в год, — ответил Норман.

— У нас ты получал бы в десять раз больше.

— Мне хватает. — Майк поставил невыпитый стакан на стол.

— Ты мне нравишься, парень. — Лучьяно продолжал улыбаться, но теперь от его улыбки веяло могильным холодом. — Но пойми и меня. Я не могу отпустить тебя... живым, — закончил он неожиданно резко.

— Я знаю.

Майк спокойно смотрел в глаза гангстеру, поражаясь тому глубокому внутреннему покою, который вдруг охватил его. Всю жизнь он пытался что-то приобрести и вдруг испытал странное удовольствие от возможности все потерять, оставив только честь, но оставив навсегда.

— Как знаешь, иди подумай до утра. — Лучьяно проводил пленника суровым взглядом.

— Вставай, легавый. — Джек Горилла, огромный негр с выбитыми передними зубами, пнул Майка в лицо. — На том свете выспишься!

Стоящие вокруг бандиты захохотали. Их смех был похож на лай койотов, обступивших добычу. Майк молча поднялся. Теперь ему предстояло сделать последние в своей жизни шаги от кучи сена, брошенной в угол сарая, до ямы, вырытой во дворе. К своему удивлению, страха он не испытывал. Гораздо больше угнетала мысль, что придется умереть от руки этих ублюдков.

Подталкивая Майка стволом пистолета в спину, щербатый негр вывел его во двор. На краю ямы повернул лицом к себе, и Майк увидел совсем близко лица врагов.

— На колени! — приказал Горилла.

Майк пригнулся и вдруг с ужасающей силой ударил великана в подбородок. В ту же секунду пистолет щербатого был в руках Майка. Грохнул выстрел. Негр упал на свежевырытую землю.

Мощным ударом ноги Майк опрокинул стоящего рядом и по инерции ринулся в самую гущу бандитов, как медведь в стаю дворняжек. На них обрушился каскад ударов каратэ, кун-фу и русского самбо. Расшвыряв врагов, Майк бросился к открытому джипу. Взревев мотором, машина рванулась с места. И только тогда сзади раздалось несколько нестройных выстрелов.

Однако Майк знал, что это только начало. И словно в подтверждение его мыслей, показа-

лась погоня — черный „мерседес", ощерившийся выставленным в окна оружием.

Крепко стиснув зубы, Майк выжимал всю мощь мотора, стремясь как можно скорее миновать зону, контролируемую мафией. Но „мерседес" неумолимо настигал. Когда он приблизился на расстояние пистолетного выстрела, Майк быстро обернулся и нажал на спуск. Лопнувшим пузырем жевательной резинки щелкнул боек. Магазин был пуст.

В зеркальце Майк увидел, как высунувшийся по пояс из окна „мерседеса" бандит поднял автомат. Пули защелкали по джипу. Он завилял на простреленных шинах и остановился.

— Все!

Майк взял в руки монтировку и, выйдя из джипа, встал на асфальте, широко расставив ноги. Он видел, как из „мерседеса" выскакивают вооруженные люди, как, окружая его, медленно приближаются, держа пальцы на спусковых крючках. И вдруг тишину безлюдного шоссе разорвал грохот полудюжины автоматов. Словно во сне, Майк видел пляшущие огоньки на концах стволов. Но чудо! Не долетая до него, пули падали на асфальт, как горох из порванного мешка.

Потом стало темно. Не было ни гангстеров, ни шоссе. Майк лежал на чем-то мягком, как вода, ласково и послушно повторявшем линии его тела. Бандиты, заманившие его в хитроумную ловушку, пытки, бешеная погоня и стрельба — все это было в далекой прошлой жизни.

— Майк, ты проснулся? — Тихий мелодичный голос раздался совсем рядом.

— Кто здесь? — неуверенно спросил Норман.

И сразу стало светло. Перед ним стояла де-

вушка неописуемой красоты. Майк готов был поклясться, что никогда прежде не видел ее. И в то же время в ней было что-то до боли знакомое, от чего сладко замирало сердце.

С трудом оторвав от девушки восхищенный взгляд, Майк огляделся по сторонам... и обомлел. Он лежал в каюте летающей тарелки, зависшей над золотым калифорнийским пляжем. В панорамные окна были отлично видны загорающие. Они проходили мимо, не замечая НЛО, смотрели сквозь него, как сквозь пустоту. Эта беспомощность людей перед техникой инопланетян и в то же время их феноменальная способность видеть сквозь предметы поразили Майка лишь на мгновение, потому что в следующую секунду он снова восторженно смотрел на девушку — ее красота завораживала. Темные вьющиеся волосы, изумрудно-зеленые глаза с темно-карим ободком, ее... Майк вдруг понял, что девушка так совершенна, что можно часами любоваться одним лишь ее мизинцем или стройной ножкой. А взглянуть на нее обнаженную было бы так же безрассудно, как, отняв от глаз темное стекло, смотреть на полуденное солнце...

— Если бы не вы, меня бы уже на свете не было, — смущенно пробормотал Майк. — Вы спасли мне жизнь...

— Меня зовут Эола, — перебила девушка, — идемте купаться.

Невидимый транспортер перенес их на горячий песок пляжа. Здесь Майк почувствовал на себе липкий холодный взгляд. Он быстро повернулся — сзади него стоял негр-уборщик, лицо которого показалось Норману знакомым. Еще минута — и он непременно вспомнил бы, где его видел. Но в это время легкая и стреми-

тельная Эола со звонким смехом побежала к воде.

Ласковая пенная волна подхватила их. И тут Майк заметил, что девушка плывет без купальника. Что-то сладко потянулось, напряглось в нем, и часто-часто забилось сердце. Как это было не похоже на все то, что он знал раньше!

Когда они вышли на пляж, девушка снова была в купальнике, но в глазах Майка по-прежнему золотыми рыбками играли ее стройные ножки. От этого видения он не мог отделаться и позже, когда они снова оказались на борту летающей тарелки. Здесь, как во сне, преодолевая робость, он вдруг упал на колени и начал неистово целовать эти ножки. Наконец, пышные волосы, изумительной красоты глаза и две золотые рыбки, пляшущие, играющие, как в воде, оказались под ним. И тотчас мощные импульсы, истязающие болью и сладостью, сотрясли его тело. В этот акт любви он вложил всего себя, все свои силы и, может быть, несколько лет жизни. Он вдруг отчетливо понял, что никогда больше не будет способен на такое.

С тихим стоном Майк оторвался от девушки. И немедленно ловкие ласковые пальчики сняли с него презерватив, тяжелый, как спелая слива.

— Я сейчас. — Эола исчезла. И тут же появилась вновь — еще более прекрасная в полупрозрачном халате из блестящей серебристой ткани.

Майк медленно возвращался к реальности из сладкого дурмана чувств, где не нужно было ни говорить, ни думать. Теперь ему хотелось так многое спросить у этой девушки, похожей на прекрасное сновидение.

— Эола, сядь ко мне, — попросил он, подвинувшись на своем инопланетном ложе.

Майку стало немного не по себе. Однако оно и в самом деле было неземным.

— Какой ты... — Эола погладила Нормана, нежно глядя ему в глаза. — Наши мужчины совсем не такие, они, как пауки, вечно в делах.

— Как это? — не понял Норман.

— Какой ты! — Эола наклонилась, поцеловала Майка горячими яркими губами, и Норман почувствовал клубничный аромат ее губ.

— Эола, наверное, я сумасшедший. — Майк обнял, прижал ее к себе.

— Почему, милый?

— Ну разве нормальный человек может воспринять все это как должное? — Майк обвел взглядом внутренности летающей тарелки, задумчиво погладил родинку на щеке, и его вдруг охватило странное чувство, как будто все это уже было — летающая тарелка, прекрасная девушка... в какой-то неведомой прошлой жизни.

— Мне не нужен нормальный, мне нужен ты. Ты бесстрашный рыцарь. Я долго тебя искала. Я видела, как ты расправляешься с врагами, восхищалась тобой. О таких, как ты, в старину слагали баллады.

— Я просто полицейский, — смутился Майк.

— Посмотри сюда. — Эола подвела его к панорамному окну. — Разве здесь есть еще хотя бы один такой атлет, как ты?

Майк взглянул в окно. Посреди пляжа стоял Джек Горилла, а рядом с ним негр-уборщик. Отчаянно жестикулируя, он показывал на то место, где их с Эолой после купания подхватил транспортер.

Чертыхаясь и ругая всех легавых на свете, Джек Горилла тащился с пляжа. Приказ Лучья-

но был краток и категоричен — убрать Нормана. На все давалось пять дней. В случае неудачи люди Лучьяно на шестой день придут уже за его собственной головой.

Горилла ненавидел неблагодарного Лучьяно, которого он столько раз спасал от электрического стула, ненавидел его висельников-наркоманов, но более всего... Горилла зло сплюнул. От одной мысли об этом легавом у него начинала дергаться правая бровь. Даже без всякого приказа он готов был разделаться с ним. Но проклятый полицейский с фантастической ловкостью ускользнул из его рук. Ничего, в этом курортном городишке ему не так-то легко будет спрятаться. Горилла, усмехнувшись, погладил под пиджаком шершавую ткань бронежилета, спасшего его накануне.

На третий день своего пребывания на борту летающей тарелки Майк сидел в рубке пилота, одолеваемый раздумьями. Эола была по-прежнему очаровательна, но ее интерес к нему угасал. Майк мучительно искал причину такого охлаждения. Все летело к черту. Какими наивными казались ему теперь мечты жениться на Эоле, убедить ее остаться среди землян, сделать из НЛО самый фантастический музей в мире с входным билетом в тысячу, нет, в десять тысяч долларов!

По мере того как Эола становилась все более рассеянной и невнимательной, чувства Майка не только не угасали, напротив, усиливались с каждым часом. И наконец перешли все границы разумного — Майк решил взорвать эту проклятую летающую тарелку, отрезать Эолу от тех невидимых далеких миров, которые неизбежно должны были вернуть ее себе.

Майк начал исподволь готовить диверсию. Пользуясь малейшим предлогом, он старался попасть в труднодоступные места НЛО, где можно было надежно спрятать заряд большой мощности.

Однако, когда он видел девушку, грустно сидящую у панорамных окон коскора, ему становилось невыносимо жалко ее, его охватывал стыд за свой коварный замысел.

Разве мог он предположить, что Эола вовсе не нуждается в его жалости? Второй день подряд она ждала появления того гигантского свирепого негра, которого как-то раз видела на пляже. Его бычья шея, пудовые кулаки и мощный торс были как раз то, что надо.

VIII

Белая девушка с пляжа

Джек Горилла, замаскированный под пляжного продавца мороженого, разинул от изумления щербатый рот, когда белая девушка, словно сошедшая с экрана, наступила ему на ногу. Не снимая своей изящной ножки с его слоноподобной лапы, она поманила его за собой. Горилла поднялся и, забыв закрыть рефрижератор с искусственным льдом, двинулся за ней. Но не успел он сделать и десяти шагов, как перед ним выросла стена. Стена была сбоку и сзади. Негр взревел и выхватил револьвер. Но громкий женский смех заставил его тут же спрятать оружие. Обернувшись, он увидел девушку с пляжа. Обнаженная, в черных лайковых сапогах до колена, она стояла, прислонившись к стене. Ее густые белые волосы доходили до бедер. А большие голубые глаза навыкате смотрели весело и вызывающе.

О, это определенно была девушка его мечты! Срывая с себя одежду, негр бросился к ней. Но девушка легко ускользнула, и он с разбега врезался в стену. Горилла повалился на спину и принялся стягивать с себя брюки, потом дернул могучей десницей белую официантскую куртку, и она повисла в его руке, как паутина, сорванная с дерева.

Пригнувшись по-обезьяньи и раскинув руки в

стороны, он начал подкрадываться к девушке, пытаясь ее поймать. Взвизгнув, она отскочила и вдруг, поскользнувшись, медленно опустилась на пол этой черт знает как возникшей душевой комнаты. В ту же секунду Горилла лежал возле нее, похохатывая и гладя ее по пышному, дебелому заду. В ответ его коснулись ласковые пальцы. Горилла понял намек. Сопя он взгромоздился на партнершу и отпустил только тогда, когда все было кончено. Он перевалился на бок, позволив ей снять с себя презерватив...

Услышав какой-то шум на борту, Майк, осторожно ступая, пробрался в нижний ярус. Не решаясь зажечь свет, он стоял в боковом шлюзе, когда мимо него прошла незнакомая голая блондинка в высоких черных сапогах, а с ней какой-то господин огромного роста, лица которого он не успел разглядеть.

— Завтра в семь, — услышал Майк обрывок ранее начатой фразы.

Норман бросился наверх, приник к панорамному окну, впившись взглядом в клочок пляжа, где обычно опускался воздушный транспортер. Неизъяснимая тревога вдруг овладела им. Через несколько мгновений транспортер вынес на пляж высокого негра. Это был Джек Горилла!

Майк почувствовал сильную головную боль. Чтобы унять ее, он вынужден был сесть. Но это не был страх близости его смертельного врага. Это было нечто худшее.

Широко разевая клюв, мимо промчалась большая чайка. Ее беззвучный крик еще более усилил состояние тревоги. На борту происходило гадкое.

В этом отвратительном состоянии его и застала Эола, неожиданно поднявшаяся на главную

палубу. Даже не взглянув на него, девушка села у окна, равнодушно взирая на удаляющуюся фигуру негра.

Яркая вспышка за бортом возвестила начало грозы. Нахмурились, посуровели волны и вдруг покрылись „гусиной кожей" дождевых капель. Горилла снял с себя рваную официантскую тужурку и, обмотав ее, как чалму, вокруг головы, зашагал прочь. Резкие порывы ветра пригибали верхушки деревьев. Люди торопливо покидали пляж. И только невидимая им летающая тарелка все также невозмутимо висела над поверхностью земли.

Майк оторвался от окна, обнял девушку:

— Эола, я в чем-нибудь виноват?

— Все в порядке, Майк.

Она сняла его руку, безучастным взглядом скользнула по лицу и, повернувшись, пошла во внутренние каюты НЛО. Так холодно она еще никогда с ним не разговаривала. Майк догадывался, что это каким-то образом связано с визитом незнакомцев.

Норман решил действовать. Около семи часов он прокрался к площадке воздушного транспортера и стал ждать. В пять минут восьмого, почувствовав легкое дуновение, Майк понял, что транспортер пришел в движение. Действительно, на площадке возникла до омерзения знакомая фигура Гориллы. Он был в клетчатом пиджаке, ярких голубых брюках и соломенной шляпе, что, по его мнению, должно было произвести впечатление на белую девушку.

Майк отлично знал, что на борту НЛО, кроме него и Эолы, никого нет. Поэтому со все возрастающим нетерпением ожидал появления блондинки, которую видел накануне. Каково же было

его удивление, когда вместо нее к Джеку вышла Эола! Майк не верил своим глазам. Эола шутливо подтолкнула Гориллу локтем в бок и вихляющей походкой пошла вперед, увлекая его в глубь корабля.

Не помня себя от любви и ревности, Майк, ступая неслышно, как крадущийся леопард, пошел следом.

На какое-то мгновение он потерял их из виду, а когда нашел нужную дверь, то зарычал от ярости. В каюте, служившей душевой, он увидел обнаженную Эолу и Гориллу, снимающего с себя пиджак. Увидев Майка, Эола побледнела и отпрянула в сторону. Горилла выхватил узкий длинный стилет, с которым никогда не расставался.

— Вот так встреча! — Состроив свирепую рожу, он двинулся на Майка. — Клянусь твоими белыми волосами, крошка, я убью этого легавого!

Неожиданно бросившись вперед, негр выставил перед собой руку, и клинок, рассекая воздух, просвистел у самого горла Майка. Увернувшись, Норман нанес Горилле короткий удар в печень. Джек охнул и, продолжая наседать, отодвинулся все же на почтительное расстояние. Майк знал, что удар получился, и через несколько минут даст себя знать. А пока клинок все также зловеще блестел в руках Джека. Не сводя с него глаз, Майк молниеносно выбросил ногу и ударил врага по руке. Нож, взвизгнув, подлетел к потолку. Еще удар — и тело негра шмякнулось о стену. Еще!

Майк бил исступленно, не помня себя от ревности. Очнулся он лишь тогда, когда его кулак вместо корпуса Гориллы наткнулся на стену. Тут только он заметил, что Джек исчез. Дрожащий воздух говорил о том, что здесь только что по-

бывал воздушный транспортер. Эолы в помещении тоже не было.

Норман опустился на холодный пол и долго лежал, стиснув руками раскалывающуюся голову. Никогда еще он не чувствовал себя таким несчастным. Его Эола — самое трогательное и дорогое, что только было в его жизни, — прелюбодействовала. И с кем!..

Джек Горилла лежал на кушетке в боковой пристройке, притулившейся к бензозаправочной станции, и, как побитый пес, зализывал раны. Удовольствие, полученное от белой красотки, безусловно превосходило все, о чем только можно было мечтать. Однако внушительная трепка, которую ему задал проклятый полицейский, едва не кончилась печально.

Джек ломал голову над этой чертовой историей. До окончания срока, отпущенного Лучьяно, оставалось всего ничего. Необходимо было как можно скорее разыскать вход в потайную квартиру полицейского. Снова и снова Джек восстанавливал в памяти каждый свой шаг, пытаясь вспомнить, где находилась дверь, отворив которую он оказался на той квартире.

Но это ему не удавалось. Он злился, отчего раны начинали болеть еще сильнее. В конце концов Джек резонно заключил, что местонахождение подпольной квартиры так или иначе связано с пляжем, и решил перебраться туда.

В рваное одеяло он завернул автомат и две гранаты, пачку галет и бутылку джина. Все это уложил на дно мусорного бачка, прикрыл сверху тряпкой и для пущей важности водрузил сверху метлу. Переодевшись в комбинезон, он стал как две капли воды похож на своего приятеля —

пляжного уборщика. Тщательно закрыв комнату, Горилла вышел во двор...

Придя в себя, Майк поднялся с пола душевой, включил воду. Струя ударила в затылок, и череп загудел как пчелиный улей. Он правда чувствовал себя скверно. Предстояло объяснение с Эолой. Ее предшествующая холодность не давала Майку права наброситься на нее с упреками. Но и униженно умолять ее вернуться он тоже не мог. Все в нем трепетало от негодования и ревности. Майк не был уверен, что сумеет овладеть собой при встрече с девушкой.

Он закрыл воду и вдруг увидел что-то пестрое валяющееся на полу. Предмет оказался клетчатым пиджаком негра. Во внутреннем кармане Майк нашел письмо, адресованное Эоле. С брезгливостью и явной неохотой он начал читать. Но уже первые строчки привели его в волнение. Горилла восторгался прелестями Эолы — ее белыми волосами, большими голубыми глазами, пышным телом. В письме были даны приметы совершенно другой девушки, явно не Эолы, стройной и темноволосой.

Значит, в душевой одновременно находились две девушки? Эола и еще та — блондинка?

Майк не был бы первоклассным сыщиком, если бы в тяжелые минуты жизни разум, холодный расчет не брали в нем верх над эмоциями. Он вдруг отчетливо понял, что он считал Эолой ту, которую Горилла принимал за блондинку.

От этих странных мыслей голова шла кругом. На какой-то миг у Майка затеплилась надежда на чудо. Вот сейчас он найдет Эолу, и они вместе посмеются над его бредом.

Но все оказалось много хуже.

Когда он нашел возлюбленную на главной палубе, она даже не повернулась в его сторону. Эола была еще отчужденнее, чем прежде. Приблизившись к ней, Майк понял, что никакая сила не сможет заставить его поднять руку на эту девушку. Он все так же отчаянно любил ее.

— Эола, — выдавил наконец из себя Норман. — Зачем тебе этот мерзавец?

Эола молчала.

— Зачем ты это сделала? — прошептал сухими губами Майк.

— Это моя работа, Норман. — Эола спокойно, даже с вызовом, смотрела ему в глаза.

— Почему же ты не взяла с меня плату?

— Я взяла. И гораздо больше, чем ты мог бы мне заплатить, — твой презерватив.

— Ты сошла с ума!

— Ничуть. В нем триста миллионов сперматозоидов. В инкубаторах нашей планеты каждый из них даст жизнь. Это будут такие же сильные и смелые люди, как ты, Майк.

— Но ведь я, кажется, не давал на это согласия... Это не гуманно.

— Швырнуть этих несчастных живчиков в мусорный ящик — гуманно, а дать им жизнь — плохо... Так, по-твоему?

— И с этим негром ты поступила точно так же?

— У каждого своя работа, Майк. Кто-то должен быть полицейским, а кто-то космической проституткой.

— Не говори так, прошу тебя!

Майк в отчаянии уронил голову на руки, закрывая лицо. Каждое слово Эолы вонзалось подобно раскаленным медным гвоздям в его горячий лоб.

— Ты ревнуешь, Майк?

— Нет, не ревную, ведь Джек был с другой.

— Откуда ты знаешь?

— Все-таки я сыщик.

— Какие вы наивные, земляне. — Эола снисходительно улыбнулась. — Достаточно сконструировать вашу противоположность, и вы уже влюблены без памяти. И ведь так просто: высокому дать малышку, коротышке — высокую, блондину — темноволосую, брюнету — белую. А если еще дополнить их некоторыми штрихами из ваших сновидений, то вы просто сходите с ума.

— Так вот почему мне все время кажется, что я уже где-то тебя видел. — Майк отнял руки от лица. — Ты — моя мечта! Та блондинка — мечта негра! И это все — твои перевоплощения?

— И твоя, и его. Вы смотрите на одно и то же, но видите совершенно разное. Каждый из вас видит во мне свой идеал.

— Пусть так, но я все равно люблю тебя, Эола. — Майк осторожно, словно боясь спугнуть красивую бабочку, дотронулся до руки инопланетянки. — Скажи, чем я провинился перед тобой? Хочешь, возьми мою кровь, мое семя, но только будь со мной, — взволнованно и сбивчиво шептал Майк, все крепче прижимая к себе Эолу.

— Ты эгоист, Майк, ты упиваешься своей любовью и ни разу не спросил, хорошо ли мне? Ведь я была с тобой не в своем естественном обличии, а в чуждом мне образе человека. Скажи, смог бы ты сделать для меня то же самое, что делаю для тебя я?

— Оставаясь человеком, любить тебя такой, какой ты ходишь по своей родной планете? В твоем первозданном виде?

— Да. — Эола неожиданно озорно и нежно посмотрела на Нормана.

— Для тебя я готов на все.

— Ты уверен, что не пожалеешь об этом, Майк?

— Лишь бы ты была со мной!

— Я снова буду твоей, если ты не обманешь моих ожиданий. Но не теряй головы, что бы ни случилось.

— Я обещаю, Эола.

Приближаясь к двери душевой, Майк почти не волновался. И, лишь распахнув ее, понял, как жестоко он ошибался.

В углу сидело странное существо, похожее на гигантское, размером с сенбернара, насекомое. Его чешуйчатый панцирь отливал темно-синим, а коричневые суставчатые ноги и клешни были кое-где покрыты жесткой щетиной. Большой немигающий фасеточный глаз, приподнятый над головой, как локатор, обозревал сразу все — спереди, сзади и по сторонам.

В эту минуту отворилась боковая дверь и в душевую вошел Горилла. В руках он держал мусорный бачок с каким-то тряпьем. Увидев его, Майк отступил в нишу. Горилла поставил на пол ведро и начал торопливо снимать комбинезон. Бросив его в сторону, похохатывая, издавая нечленораздельные звуки, похожие на пение негритянских кухарок, он раскинул руки и двинулся к существу. Оно увернулось, неожиданно резво отскочив в сторону. Изловчившись, Горилла загнал его в угол, вцепился в него. И тут суставчатые конечности и щупальца существа запульсировали, извиваясь и набухая. Из них потекла отвратительная, зловонная жидкость.

— Ну, крошечка, еще, еще, — хрипел негр.

Майка выдал позыв рвоты. Горилла резко повернулся.

— Ты здесь! — Глаза Гориллы зажглись лютой ненавистью. — Я сейчас вернусь, крошка!

Неожиданно Горилла сделал выпад ногой, попав Майку в живот. Не выдержав удара, он полетел головой в стену, но успел выставить вперед руки, что спасло его от сотрясения мозга. В других обстоятельствах Майк легко бы защитился от такого удара. Но сейчас он был деморализован. Понадобилось еще два мощных удара Гориллы, чтобы в нем по-настоящему проснулся инстинкт самосохранения. В эту минуту Майк уже лежал на полу, а негр заносил над ним ногу.

Внезапно для врага Норман сделал подсечку, и Горилла рухнул на пол. Поняв, что его дела плохи, он на четвереньках ринулся к комбинезону.

„Оружие!" — догадался Майк и бросился ему наперерез.

Он успел навалиться на руку Гориллы, выхватившую пистолет. Грянул выстрел, и тело бандита, обмякнув, безжизненно вытянулось на полу.

— Прочь! Прочь отсюда! — бормотал Майк, натягивая комбинезон Гориллы. Он понимал, что пляж наверняка оцеплен гангстерами и уйти отсюда он сможет только в облике врага. Майк осмотрел содержимое мусорного бачка и вызвал транспортер.

К сожалению, Майк не мог знать, что по истечении пяти суток Лучьяно отдал приказ ликвидировать самого Гориллу, которого не без основания считал виновником бегства полицейского.

Пляж был пустынен. Но от внимательного детектива не укрылся огонек сигареты, мелькнувший на стоянке водных велосипедов, и какое-то подозрительное движение за углом бара. Сделав вид, что вытряхивает песок из ботинка, он сел на землю, вытащил из ведра автомат и приготовил к

бою гранаты. Одеяло, которым они были укрыты, свернул в форме человеческого тела, поставил в изголовье ведро и осторожно отполз в сторону. Он знал, что в кромешной тьме его „кукла", распластавшаяся темным пятном на более светлом песке, вполне может сойти за спящего человека.

Майк взвел затвор автомата и стал ждать. Бандиты показались неожиданно скоро. К удивлению Майка, гангстеры шли крадучись, выставив перед собой оружие, вместо того чтобы открыто идти к своему сообщнику. Еще больше изумился Майк, когда они разделились на две группы и стали брать Гориллу в клещи, явно отсекая ему пути к отступлению.

Ближней к Майку группой руководил массивный низкорослый мужчина, в котором детектив узнал Джозефа Лучьяно. Подняв руку, бандит щелкнул зажигалкой. В ответ на мелькнувший огонек застрочили автоматы. Майк видел, как подскочило и покатилось по песку простреленное ведро. Не теряя времени, он схватил гранаты и, швырнув их одну за другой в гангстеров, рухнул на землю.

Взрывы прогремели почти одновременно. Майк почувствовал, как задрожала под ним земля, а над головой просвистели осколки. Слегка оглушенный, детектив вскочил и с колена дал очередь вслед единственному уцелевшему гангстеру, пытавшемуся спастись бегством.

— Не попал!

Подвластный какому-то странному инстинкту, Майк опустил автомат и, пройдя мимо распростершихся на песке тел, попытался найти их главаря Джозефа Лучьяно — мерзавца, на совести которого было больше загубленных душ, чем патронов в его карманах. Его не было!

Стараясь не сойти с ума от пережитого, Майк медленно уходил прочь, ощущая на себе пристальный взгляд инопланетянки.

Взятый напрокат „форд" был не Бог весть каким автомобилем. Сиденье под Майком поскрипывало, а тормоза брали только со второго качка. Но все равно это путешествие было для него чем-то значительным. Словно он ехал по острию ножа: с одной стороны была неземная любовь и неземные химеры, с другой — фермерские поля, сады, тихая жизнь землян.

Руль люфтило. Машину тянуло то вправо, то влево. И сам Майк не знал, как он поступит в следующую минуту — вернется на летающую тарелку или будет гнать автомобиль как можно дальше от этого проклятого места.

Собственно, для того он и затеял поездку, чтобы разобраться в своих искореженных и запутанных, как груда ржавого металла, чувствах.

Внезапно его внимание привлекла невзрачная табличка на обочине дороги: „Племенное хозяйство Н. Цангера". Не зная еще зачем, Майк притормозил и свернул на проселок. Проехав между двух высоких стен кукурузы, он остановился у ворот крупной фермы. В загоне прогуливались упитанные бычки и коровы одной породы. Масть в масть. Копыто в копыто. Рог в рог. Их похожесть, за которой угадывалось искусственное вмешательство чьей-то воли, вызывала ощущение противоестественности.

Майк вышел из автомобиля и направился в лабораторный корпус, где мелькали люди в белых халатах. Никто его не останавливал и не спрашивал, что ему здесь нужно. Майк увидел процесс... отбора семени у быков! Как это было похоже на то, чем занималась Эола.

Майк направился к конторке хозяина фермы. За столом сидел молодой мужчина весьма приятной наружности.

— Я хочу разводить бычков, — сказал Майк. — Нельзя ли у вас купить семя, или, как это называется, эмбрионы? Я хорошо заплачу. — Он вопросительно посмотрел на собеседника.

— Именно для этого мы и существуем. Нет ничего проще, — ответил хозяин фермы.

Отъехав миль сорок от фермы, Майк вынужден был остановиться. Неожиданно, без всякой видимой причины, мотор заглох. Съехав на обочину, Норман открыл капот. Между тем стало смеркаться. Нечего было и думать продолжать ремонт в темноте. Майк вытер тряпкой испачканные руки и огляделся.

Место было невеселое. К самой дороге подходил гнилой пруд, поросший осокой. За ним, на пригорке, виднелась невесть как сохранившаяся ветряная мельница. А под пригорком притулилось заброшенное деревенское кладбище, поросшее кустарником и бурьяном. На душе Майка было неспокойно. А по мере того как сгущались сумерки, это беспокойство усиливалось. Однако пора было готовиться к ночлегу.

IX
Призраки

После ужасных событий — пальбы, поножовщины — Эоле хотелось прийти в себя и расслабиться. Теперь, когда она осталась на борту летающей тарелки совсем одна, ничто не мешало ей это сделать. Лучше всего успокаивало вязание. Поэтому, пройдя на своих суставчатых ножках с присосками по стене, она выбрала уютный уголок на потолке и, пожевав слюну, чтобы она была не слишком вязкой, извлекла изо рта начало паутинки.

Ажурные узоры с орнаментами планет, на которых ей удалось побывать, стали покрывать угол. Повидала она немало. Ее работа выездной проститутки способствовала этому. За годы бесконечных командировок чего только с ней не случалось.

Но то, что она увидела здесь, на Земле, повергло многоопытную Эолу, или, как ее звали официально, Э–О, в смятение. Ее потрясла лютая ненависть и жестокость землян к себе подобным. Их изощренные, вполне современные орудия уничтожения соседствовали с почти пещерным уровнем развития всего прочего. Но было в землянах и что–то притягательное. Например, романтическая отзывчивость на любовь, которая

чудовищным образом контрастировала с их кровожадностью.

Впрочем, какое ей, Э–О, до всего этого дело и стоит ли портить себе нервы из–за несуразиц, которых в Галактике так много. Главное — ей прилично заплатят. После этого вояжа на Землю она наконец–то сможет купить маленький, уютный астероид с искусственным климатом и оставить порядком надоевшую ей работу космической проститутки.

В контейнере, где хранилось семя землян, еще оставалось место, и Э–О подумала, что немешало бы пообщаться с Норманом, чтобы пополнить его запасы.

От этих размышлений Эолу отвлекли шум и крики, доносившиеся с пляжа. Бросив вязание, она опустилась на главную палубу. Подошла к окну. Пляж был оцеплен вооруженными людьми в униформе. На перекрестке виднелись бронированные машины с расчехленными пулеметами. Тут и там сновали журналисты и фотографы, снимавшие лежащие на земле трупы. Всем руководил какой–то важный чин в штатском.

Это был старый знакомый Майка, один из лучших детективов ФБР Рой Паркинсон. Статный, немногословный, с начинающими седеть волосами, он больше походил на приходского священника. Но от восточного до западного побережья Штатов не было другого полицейского, который не имел бы ни одного нераскрытого дела. Поэтому его вечно посылали в пекло — на самые запутанные преступления. Вот и сейчас, при всей кажущейся очевидности, дело обещало быть чрезвычайно сложным.

Прежде всего необычной была жертва преступления — банда знаменитого Джозефа

Лучьяно, каждый член которой заслуживал электрического стула. Рой не скрывал своего удовлетворения. Ведь если бы полиции удалось арестовать всех этих молодчиков, в результате разных адвокатских выкрутасов кое-кто из них бы отделался пожизненным заключением или даже просто сроком. А сейчас им нужен был уже не адвокат, а священник.

„О'кей!" — пробормотал про себя Паркинсон, прищелкнув пальцами.

Судя по расположению трупов, банда брала в клещи приманку, сооруженную из тряпья и мусорного ведра, которое превратилось в настоящий дуршлаг. По просьбе Паркинсона, усатый розовощекий сержант выкопал из песка целую пригоршню пуль, выпущенных по „кукле". Вскоре Рой нашел и то место, где скрывался человек, за которым охотились мафиози. В песке отчетливо пропечатались следы носка и колена стрелявшего. Тут же лежали, поблескивая на солнце, автоматные гильзы. С этим все было ясно.

Но вот чего Рой никак не мог понять, так это, откуда взялся стрелок и куда исчез потом? Напрасно собаки-ищейки, повизгивая и виновато помахивая хвостами, крутились вокруг места, откуда он вел огонь. Как будто стрелявший опустился с неба и потом, точно таким же образом, вознесся обратно! Участие в деле вертолета исключалось. Его должен был услышать пляжный сторож, который уверял, что за всю ночь не сомкнул глаз. Но даже если он врал, боясь потерять работу, то появление вертолета наверняка спугнуло бы банду.

Рой собрал в полиэтиленовый пакет стреляные гильзы и направился к трупу ближайшего помощника Лучьяно, его правой руки. Он лежал на животе, зарывшись с разбега головой в песок.

Поперек его туловища страшным пунктиром запекшихся сгустков крови прошли двенадцать пулевых отверстий. Ровно столько гильз лежало в пакете Паркинсона. Каждая пуля нашла в кромешной тьме свою цель. Эти выстрелы могли принадлежать только одному человеку — Майку Норману.

Рой улыбнулся, вспомнив этого открытого, честного парня. И тут же нахмурился — неделю назад Майк был похищен преступниками. „Похоже на то, что за смерть этой банды Норману пришлось заплатить своей жизнью", — подумал Рой и с ожесточенной решимостью принялся продолжать расследование. Но тщетно.

Пляж, оцепленный морскими пехотинцами, все так же надежно хранил свою тайну. А если кто-то и мог разгадать ее, так это были... собаки. Задрав морды, они тревожно выли на НЛО...

Глядя сквозь панорамные окна на их оскаленные пасти, Э-О невольно поджимала щупальца.

Майк откинул сиденья машины и лег на спину, накрыв ноги курткой и положив руки под голову.

Он взглянул на часы. Надвигалась полночь.

— Час вампиров и ведьм, — отметил про себя Майк.

Приподнявшись на локте, он с удивлением увидел мерцающий огонек на кладбище.

— Что за чертовщина? — Майк протер глаза.

Огонек не пропал, напротив, стал еще ярче. Преодолевая страх, Майк выглянул из-за надгробия. Вокруг костра сидело десятка два людей. Майк с ужасом узнал среди них застреленного им бандита.

Медленно раскачиваясь, они тихо пели за-

унывную песню, от которой мурашки пробегали по коже. Бандит вдруг разогнулся и, как пес, потянул воздух. Глаза его горели, а изо рта капала кровь. Выставив перед собой руки с растопыренными пальцами, он поднялся и пошел прямо к тому месту, где затаился Майк.

Детектив, с колотящимся, как резиновый мячик, сердцем, ждал его приближения. Подойдя вплотную, он коснулся лица Нормана холодными, как лед, пальцами. Майк попытался нажать курок, но рука его стала словно ватной.

— Ты убил нас, — сказал призрак, и Майк заметил, что его губы не разжимаются, — но нам здесь хорошо.

Майк различил среди поющих полицейского Джонсона, который год назад был застрелен шайкой Лучьяно прямо в патрульной машине. Джонсон, не замечая его, продолжал раскачиваться и петь вместе с другими.

— Это бред! — возразил Майк, ощущая, что его губы тоже не шевелятся, а язык словно примерз к нёбу.

— Здесь, с нами, твоя судьба, — продолжал призрак. — Она такая же, как мы, только она из будущего, а мы из прошлого. Хочешь, я позову ее?

„Какая чушь", — хотел сказать Норман, но не смог.

От костра отделилась фигура, не похожая на остальных. Майк увидел самого себя в мундире высокого полицейского чина в окружении своры репортеров.

В этот миг совсем рядом закричал петух, да так громко, что у Нормана едва не разорвалось сердце.

— Мы исчезаем. Петух почуял биополе, отде-

ляющее прошлое и будущее от настоящего. Приходи к нам еще... — С этими словами призрак исчез.

— Какая чертовщина! — сказал вслух Майк.

Оглядываясь по сторонам, он искал пропавшего. Впрочем, пропал не только он. Не было ни раскачивающихся фигур, ни костра.

Превозмогая страх, Норман заставил себя подойти к тому месту, где, как ему представилось, еще дымились угли. Но там не оказалось ничего, кроме полуистлевших гнилушек. Майк вернулся к машине. Снова лег на сиденье, накрыв голову курткой так, чтобы ничего больше не видеть и не слышать.

Майк нисколько не сомневался, что случившееся только что — козни Эолы. Ее власть над ним была безмерна и цинична. Он, Майк, повторенный миллионы раз в своем семени, стал добычей чужой цивилизации. Норман представил бесконечные шеренги людей как две капли воды похожих на него. Ведь, в сущности, это его плоть, его дети. Что же ждет их в паучьем мире инопланетян? Майк твердо решил вернуться. Подрулив к пляжу, он потребовал, чтобы его отвели к старшему. Какова же была его радость, когда он увидел перед собой Роя Паркинсона!

— Старина Майк, ты жив!

Рой заключил Нормана в могучие объятия. Галдя, как стая ворон, к ним бросились корреспонденты. Защелкали затворы фотоаппаратов.

— Сэр, объясните, что здесь происходит? — Ушлый худощавый журналист вьюном проскользнул сквозь толпу коллег, выдвинулся вперед.

— Джентльмены, — Рой величественно поло-

жил руку на плечо Майка, — перед вами герой, уничтоживший банду Лучьяно.

В ответ раздались восторженные вопли журналистов и снова защелкали фотокамеры.

— Где доказательства? — закричал тот же вездесущий корреспондент.

Майк отошел на несколько шагов и, раскопав песок, извлек из него автомат. Рой поднял его над головой.

— Джентльмены, из этого оружия выпущены пули, поразившие гангстеров. А теперь минуту терпения.

Он увлек Майка в полицейский автофургон, где представители фондов, обещавших вознаграждение за поимку банды Лучьяно, бросились вручать ему премиальные чеки.

Когда Майк вышел из фургона, вновь застрекотали кинокамеры. Но мысли Нормана были заняты уже другим. Он покосился на трупы бандитов, накрытые белыми простынями, потом перевел взгляд на полицейских ищеек. Не обращая внимания на сумасшедших людей, они задрали морды и, пугливо прижимая уши, выли, глядя в пустоту над пляжем.

Значит, НЛО еще здесь.

— Извините, джентльмены, битва еще не выиграна.

Майк вызвал воздушный транспортер и исчез на глазах у изумленной прессы.

— Какой ты красивый, Майк. — Эола еще более привлекательная, чем когда-либо прежде, шла навстречу Норману. Она ласково прижалась к Майку. — Проходи, любимый, я сейчас буду готова. — Девушка исчезла в спальной комнате.

Майк прошел в дальний отсек НЛО, где со-

брался когда-то заложить взрывчатку. Там, за тяжелой металлической дверью, он нашел белый контейнер...

Через несколько минут он вошел к Эоле. Прекрасная до умопомрачения в своей наготе девушка лежала, невинно сжав ножки. Майк опустился возле нее на колени и принялся целовать свою мечту, обращенную в плоть, и испытал наслаждение, неведомое до него никому из смертных. Когда сладостные конвульсии схлынули, Майк снова почувствовал легкое прикосновение пальцев. Поймав руку Эолы, он отвел ее в сторону и, сняв презерватив, спрятал его в карман.

— Противный! — рассердилась Эола.

НЛО А-18, принадлежащий публичному дому астероида третьей планеты Империи, бесшумно опустился на астродром и занял свое обычное место между летающими тарелками А-17 и А-19, обслуживающими посетителей. С ленивым безразличием томящихся бездельем шоферов их пилоты наблюдали, как командир А-18 проститутка второго класса Э-О, по прозвищу Эола, спрыгнула на транспортер, кокетливо дрыгнув при этом шестью тараканьими ножками, как следом за ней на площадку выгрузили белый контейнер. С этим грузом она исчезла в дверях лабораторного корпуса.

Поднимаясь на лифте на семьдесят пятый этаж, Э-О расчесала хоботком чешую на спине и брюшке, протерла огромный глаз, мельком взглянула в зеркало, и, убедившись, что у нее все в порядке, побежала вслед за контейнером, который как раз в это время въезжал в зал секретных экспериментов. Здесь уже собралось блестящее научное общество и представители спецс-

лужб. От нетерпеливого пощелкивания суставчатых ножек и клешней стоял невообразимый шум. Но стоило белому контейнеру, прибывшему с Земли, оказаться в зале, как немедленно воцарилась тишина.

На полированную трибуну вскочил председатель ученого совета и, крепко вцепившись в нее щупальцами, произнес краткую речь:

— Уважаемые коллеги, следуя нашему неизменному принципу покорения новых миров силами их обитателей, мы доставили с планеты Земля семя ее жителей. Должен заметить, что эти земляне довольно омерзительные существа, состоящие почти из одной воды. Они покрыты тонкой, непрочной кожурой, при малейшем повреждении из них вытекает красная пачкающая жидкость. Каждые несколько часов они испражняются... Словом, существа непривлекательные. Но дело в другом. Как ни странно, они великолепно приспособлены к жизни в суровых условиях своей планеты.

В задачу представителя публичного дома Э–О входило отобрать семя у самых воинственных и агрессивных особей, что она и сделала. Теперь нам предстоит лишь прорастить в ускорителях доставленный биологический материал, и через полгода мы получим миллионы отличных солдат, которые завоюют для нас свою же собственную планету.

— Вот оно, это семя. — Председатель распахнул люк контейнера.

И все присутствующие увидели подмененные Майком колбы с его же надписью: „Эмбрион бычий. Сорт I".

Зазвонил телефон. Я сразу же узнал гипнотизирующий голос сиделки:

— Ну как ваши успехи, Вилли? Вы прослушали записи?

— Именно этим я сейчас занят, Дора.

— Вам удается перевести бред Нормана на современный литературный язык?

— Кажется, кое-что получается. Во всяком случае, несколько глав романа уже готовы.

— В таком случае не буду вам мешать. — Сиделка положила трубку.

Включив магнитофон, я весь обратился в слух...

X

Человек без нервов

Чарльз Чакворд — „человек без нервов", один из лучших агентов ФБР, в последний раз оглянулся на здание своего ведомства. Оружие и служебное удостоверение отобрали у него еще накануне. Если бы теперь он захотел попасть туда, где прошли двенадцать лет безупречной службы, его просто не пустили бы. Мимо проходили люди, вместе с которыми он не раз лез под пули. Многие из них были обязаны ему жизнью. Еще недавно они считали за честь пропустить стаканчик с самим Чарльзом Чаквордом, но сейчас отворачивались, делая вид, что не замечают его.

Чарльз старался не обижаться на них. Репутация агента ФБР должна быть безупречной, а тот, кто забыл об этом, должен уйти.

— Эй, Чак! Постой! — Майк Норман заключил его в объятия. — Мне плевать, что о тебе говорят. Чак, я никогда не забуду о том, что ты для меня сделал. Уверен, мы еще встретимся и не только на автогонках. На, возьми. — Он незаметно сунул Чакворду что-то завернутое в носовой платок.

По тяжести предмета Чак безошибочно угадал в нем кольт 45-го калибра.

— Он тебе понадобится, — виновато улыбнулся Майк.

В самом деле, увольнение Чарльза Чакворда — грозы лос-анджелесской мафии — было для нее приятным сюрпризом.

— Спасибо, старина. — Чарльз привычным движением опустил револьвер в карман и быстро пошел прочь, чтобы скрыть от Нормана свои чувства. Ведь он был „человеком без нервов".

Тяжесть револьвера действовала успокаивающе, и Чарльз попытался вспомнить, сколько раз за последние годы он выходил на улицу без оружия. Пожалуй, такого еще не было. А сейчас кольт был тем более кстати. Во многих притонах Лос-Анджелеса скрывались убийцы, готовые свести с ним старые счеты. Теперь, когда он лишился статуса сотрудника ФБР, он наверняка покажется кому-то легкой добычей.

Чак мрачно усмехнулся. Преступники не могли знать, что сила его заключалась не в служебном удостоверении и не в особой марке оружия, а в том редком даре предчувствия, которое появлялось у него в роковые минуты. Поэтому его пистолет первым вылетал из кобуры и пули наповал укладывали бандитов.

Вот и сейчас Чак почувствовал беспокойство, легкую ломоту в суставах, которые были верным предвестником опасности. Еще не понимая, в чем дело, Чак, уже сидя за рулем своего „шевроле", подозрительно разглядывал автостоянку. И хотя ничего страшного здесь не происходило, все возрастающая тревога заставила Чака запустить мотор и снять револьвер с предохранителя.

Этот грузовик Джон Фолси приметил еще на автостоянке. Его внимание привлекли номера чужого штата и удивительно хорошая покраска, как у новенького „форда".

Порадовавшись прекрасной погоде, он открыл боковое стекло и запустил мотор своего белого „мерседеса". Выезжая со стоянки, Джон с любопытством взглянул на грузовик и тотчас забыл о нем.

Выкатившись на автостраду, он дал себе волю, и машина стремительно полетела вперед, как семечки отщелкивая мили.

Каково же было удивление Фолси, когда в зеркальце четко обозначился силуэт того самого грузовика. Он уверенно догонял „мерседес". Джон невольно прибавил скорость, но трейлер продолжал приближаться. Фолси обернулся назад, и сердце его захолонуло — в кабине фургона сидел дьявол! Страшный неземной лик склонился над рулем.

В следующую секунду мощный удар потряс машину. Голова Джона запрокинулась с такой силой, что затрещали шейные позвонки. Грузовик начисто смял заднюю часть „мерседеса".

Фолси инстинктивно вдавил педаль газа в пол, впервые пожалев, что у его машины автоматическая коробка передач, а не обычное ручное управление. „Мерседес" рванулся вперед. В какое-то мгновение Джону показалось, что ему удалось уйти от погони. Но фургон, развив умопомрачительную скорость, приближался. Непреодолимый ужас не позволял Джону взглянуть в зеркальце. Он сжался, ожидая развязки...

Джона вдавило в кресло, приподняло. В машине стало темно. „Это она летит вверх колесами", — догадался Джон. Странное ощущение противоестественности охватило его. Он словно видел себя со стороны летящим в перевернутом „мерседесе".

— А я ведь только что его купил. — Неумест-

ная мысль предшествовала удару, после которого все погрузилось во тьму...

Очнулся Фолси в кювете. Изувеченный „мерседес" лежал на крыше. Джон осторожно ощупал голову, пошевелил руками — все как будто цело, только мелкие осколки в ладонях. Отстегнув ремень безопасности, Джон попытался выбраться наружу. Однако двери заклинило, и ему пришлось вылезать в проем, в котором еще недавно стояло ветровое стекло.

Проклятый фургон исчез. И это было хорошо. Джон с содроганием вспомнил оскаленные клыки водителя грузовика, волосатое лицо, торчащие остроконечные уши, которые легко было принять за рога...

Этот искаженный гримасой ненависти лик был настолько ужасен и реален, что прожженный университетский циник Джон Фолси первый раз в жизни искренне перекрестился.

— О Господи, — прошептал он, поражаясь тому, как в его просвещенной душе разрастается первобытный страх. Он был так велик, что когда рядом с местом аварии затормозил бежевый „шевроле", Джон неожиданно для себя бросился прочь от выскочившего из машины высокого спортивного брюнета.

Профессор бежал навстречу железнодорожному полотну, не замечая, как наперерез ему несется, громыхая вагонами, грузовой поезд...

Сделав неимоверное усилие, Чакворд кинулся на убегающего мужчину, сбил его с ног, и в ту же секунду над самыми их головами прогрохотал товарный состав.

— Простите, — смущенно пробормотал молодой профессор, — сам не знаю, что со мной.

— Пустое, — Чак невозмутимо стряхнул

грязь, прилипшую к пиджаку, — обыкновенный шок. Я все видел и не поставлю за вашу жизнь и цента, — добавил он, глядя в глаза Фолси.

— Вы считаете, что это было покушение? — дрогнувшим голосом спросил профессор, отлично понимая, что так оно и есть, но все же в глубине души надеясь услышать отрицательный ответ.

— Вам когда-нибудь приходилось видеть грузовик, от которого не смог бы уйти новенький „мерседес"?

— Да, вы правы.

— Я понимаю ваше состояние, — участливо сказал Чакворд. — Но теперь вам никуда от этого не деться. Надо просто привыкнуть к опасности — и вы снова поверите в себя. Думаю, вам не следует показываться дома. Поедемте ко мне. Многого не обещаю, но пара банок пива и хот-доги найдутся.

— Хорошо, едем, — согласился профессор.

Покачиваясь в кресле-качалке и ощущая, как приятная, расслабляющая тяжесть притягивает к полу то голову, то вытянутые ноги, Фолси с интересом разглядывал холодное оружие, развешанное по стенам квартиры Чака.

Уже давно было выпито на брудершафт припасенное Чарльзом пиво, а профессор все еще не решался задать Чакворду один мучивший его вопрос.

— Вы хотите спросить, не гангстер ли я? Не так ли? — Своей проницательностью Чак поставил Джона в неловкое положение.

— Вовсе нет, — смутился Фолси.

— Тем не менее вы недалеки от истины, я бывший агент ФБР, что почти то же самое, что преступник, — пошутил Чак.

— Почему бывший? — не понял профессор.

— Не далее как вчера меня уволили за аморальное поведение. Вы когда-нибудь видели сексуального маньяка? Нет? Ну тогда он перед вами. — Чакворд с вызовом посмотрел в глаза профессора.

Впрочем, гордиться было все-таки нечем. Чак тяготился своей болезненной страстью, но ничего не мог с собой поделать. Стоило ему переспать с женщиной, как она теряла для него всякий интерес. Никакая сила не могла вернуть его в остывшую постель. Холодность и отвращение — вот два чувства, которые он неизменно испытывал после близости с женщиной. Душевная опустошенность, возникавшая при этом, немедленно заставляла его искать новую партнершу в надежде открыть в ней нечто такое, что изменило бы его образ жизни. Он был похож на шмеля, перелетающего с одного пустоцвета на другой, чтобы упиться когда-нибудь волшебным нектаром. И чем чаще его постигали неудачи, тем яростнее были поиски. При этом Чак никогда не пользовался услугами проституток, вызывавших у него еще большее отвращение, к тому же от них легко было подцепить СПИД.

— Пропади они все пропадом! — неожиданно резко закончил свою исповедь Чакворд. — Зато теперь мне никто не мешает.

— Не стоит отчаиваться, Чак, я как раз тот человек, который тебе нужен, — задумчиво произнес Фолси, все так же медленно покачиваясь в кресле.

— Это как-то связано с твоей профессией, Джон?

— Точно так же, как твоя профессия сыщика имеет отношение ко всему, что произошло со

мной. Ты уверен, Чак, — можно я буду называть тебя так, — что кому-то могла понадобиться жизнь далекого от мирской суеты „книжного червя"?

— К сожалению, да. Это было тщательно спланированное убийство. Подумай сам, Джон, ведь разгонять грузовик до такой степени, что он легко расправляется с „мерседесом", это не то же самое, что купить в табачной лавке дешевенький пистолет.

— Зачем же убийце потребовались эти сверхусилия?

— Ну здесь-то как раз все просто, — рассмеялся сыщик. — Убийца надел маску, чтобы ты не узнал его, если останешься в живых.

— Нет, Чак, это была не маска.

— Ну значит, началось второе пришествие сатаны. Ты же современный, образованный человек, Джон, подумай, какую чушь ты несешь, — дьявол за рулем грузовика! Нет, это уже слишком даже для человека, перенесшего изрядную встряску. Поверь мне, дьявол нашел бы тысячу более простых способов уничтожить тебя. Сейчас важно понять другое: кому это было нужно?

— Господи, уму непостижимо. — Фолси поднялся с кресла-качалки и нервно заходил по комнате. — Я занимался несущественным — изучал взаимоотношение полов в разных религиях: христианстве, магометанстве, буддизме. Я попытался найти в священных писаниях указание на новые, еще неизвестные человечеству источники информации. Работа подошла к концу. Мы запрограммировали ее результаты и запустили их в главный университетский компьютер. Он должен выдать координаты этого источника... сегодня.

Джон не успел договорить. Над его головой

раздался треск, обшивка потолка вздулась пузырем. Молниеносным броском Чак сбил с ног профессора, и они вместе покатились по полу, опрокидывая мебель, а на то место, где только что стоял Фолси, с оглушительным грохотом рухнула бетонная опора перекрытия.

— Разрази меня гром! — Чакворд недоуменно разглядывал последствия аварии. — Еще одна такая случайность, и я, пожалуй, поверю в твоего дьявола, Джон.

— Я за все заплачу, извини, это все из-за меня, — растерянно бормотал профессор, отряхивая пыль с пиджака Чака.

— Потолок я, пожалуй, простил бы тебе, Джон. Но ко мне должна прийти одна красотка вот с такой грудью. Теперь я не могу принять ее.

— И уж этого ты мне наверняка не простишь? — Джон дружески хлопнул по плечу сыщика, радуясь и поражаясь его умению не терять чувство юмора в чрезвычайных обстоятельствах.

Веселая самоуверенность сыщика начала понемногу передаваться профессору, что было для него сейчас чрезвычайно важно.

— Так на чем мы остановились? — спросил Чакворд так, словно ничего не произошло.

— Я заложил результаты исследований в компьютер...

— Едем. Думаю, в этом компьютере все дело.

Чак снял со стены старинный самурайский меч. Он никогда не был атеистом и, хотя не очень-то верил в дьявольщину, резонно заключил, что, имея дело с древними манускриптами, нелишне иметь при себе и оружие древних. Выключив свет и тщательно заперев дверь, Чак вывел своего гостя на улицу.

XI

Уголовник

Билл Громила, недавно вернувшийся из заключения, лежал на мягком сиденье автобуса, загнанного в тупик, и с любопытством разглядывал голубой конверт, на котором было написано его имя. Получать письма он привык только в тюрьме, потому что, вырвавшись на волю, он вел конспиративный образ жизни, чуть не ежедневно меняя свое логово.

Тем более странно было проснуться и обнаружить рядом с собой чистый, нигде не помятый конверт. Громила надорвал его, и на пол упала крошечная записка. Прочитав, Билл скомкал ее и тут же сжег в пламени зажигалки.

— Ну что же, пора, видно, расквитаться. — Неожиданно для себя он скрипнул зубами. — Сволочь! Ублюдок! Полицейская свинья!.. — прохрипел он, сжимая волосатые кулаки.

На него нахлынули воспоминания. В памяти вдруг неожиданно ярко всплыло, как к ним в банду пришел новичок — высокий, спортивный брюнет с белозубой улыбкой и поразительным хладнокровием, как одного за другим стали арестовывать членов банды. Последним взяли его — Билла. И сделал это тот самый новичок, оказавшийся легавым. Скрутив ему руки и надев железные браслеты, новичок запихал Билла под кро-

вать, а сам в это время на той же самой кровати забавлялся с Джеки — подружкой Громилы.

Пыль из матраса щекотала Биллу нос, из глаз у него текли слезы. Он до сих пор не мог понять, чем они были вызваны. Унижение, пережитое Громилой, было так велико, что он никому не рассказал об этом эпизоде, поклявшись отомстить легавому.

И вот этот день наступил! На всякий случай Билл решил проверить содержащуюся в записке информацию. Выбравшись со свалки, он позвонил по телефону-автомату Питеру Шлиману — скользкому типу, который знал все про всех.

— Хэлло, Пит! — поздоровался Громила дрожащим от волнения голосом. — Это правда, что Чакворда выперли из ФБР?

— Сущая правда, чтобы мне сдохнуть, — обрадованно подтвердил Шлиман. — Все ребята только об этом и говорят. Сам знаешь, он насолил многим. — Пит по-бабьи захихикал. — Ты что-то задумал, Билл?

— Вот еще, он же такой симпатяга, этот Чакворд, — сквозь зубы ответил Громила и положил трубку.

Вернувшись в автобус, он тщательно надраил пистолет, на обломанном оселке отточил корсиканский кинжал и прилег отдохнуть, пытаясь успокоить расшалившиеся нервы. Залетевшая в выбитое окно оса прожужжала над ухом. Билл махнул рукой, отгоняя насекомое, и обомлел — рука стала огромной, как надутая резиновая перчатка. Этой гигантской десницей он схватился за поручень, пытаясь встать, и металлическая опора, жалобно скрипнув, согнулась. Билл, тяжело дыша, чувствовал, как раздается грудная клетка, как наливаются силой могучие бицепсы.

— Что делает злоба с человеком, разрази меня гром, если я не разорву голыми руками этого ублюдка!

Треснув, полетели на пол оторвавшиеся пуговицы, разошлась по швам синтетическая рубашка. Без всякого испуга, как за чем-то само собой разумеющимся, Билл наблюдал, как вздуваются мышцы, превращая его в настоящего Голиафа. Единственное, что беспокоило при этом Громилу, как бы чудодейственная сила не покинула его раньше предстоящей схватки.

Черная, непроглядная ночь окутала университетский городок. Чуть слышно шурша мягкими шинами, „шевроле" крался по его спящим улицам. Чак специально не зажигал фар. Чувство надвигающейся опасности обострялось с каждой минутой. Поэтому вместо того чтобы поехать к главным воротам лабораторного корпуса, он сделал изрядный крюк и подрулил к боковой пристройке.

— Идем, Джон, — прошептал сыщик.

Крадучись, словно воры, мужчины пошли вдоль стены здания. Чак осторожно ощупывал каждое окно, пока не нашел то, что искал, — приоткрытую оконную раму. Подцепив шпингалет лезвием карманного ножа, он открыл окно и исчез в его темнеющем проеме. Вслед за ним в окно влез профессор.

— Иди вперед, Джон, не зажигай свет, — прошептал Чакворд.

Стараясь ступать как можно тише, они поднялись на второй этаж, где за дверьми с кодовыми замками стоял сейф. Именно туда Фолси, уезжая, приказал положить результаты исследования, как только они будут получены с компьютера.

— Вот она! — распахнув железную дверь, Фолси схватил черную пластмассовую коробку.

И тотчас в зале вспыхнули все светильники. Сокрушительный удар в дверь разнес ее в щепки. На пороге, жестоко улыбаясь, стоял Билл Громила.

Щепки еще не успели опуститься на пол, как один за другим прогремели три выстрела. Чак ожидал, что Громила рухнет к его ногам. Но тот лишь покачнулся и медленно двинулся на детектива. Чак с удивлением смотрел на слоноподобное существо, отдаленно напоминавшее Билла Громилу, которого он когда-то знал.

— Беги к машине, Джон, я его задержу!

Чак выхватил из прибора электрический кабель и, как лассо, накинул на шею великана. Громилу перекосило. Схватившись за кабель, он разорвал его в клочья. Но это дало Чаку несколько секунд, и он отлично ими воспользовался. Вскочив на подоконник, Чак выбил ногой стекло и выбросился из окна, подогнув ноги.

Чак опустился точно в центр клумбы. И хотя второй этаж лабораторного корпуса был не Бог весть какой высоты, а земля пушистой и ухоженной, он все-таки упал на бок. Это, безусловно, его спасло, потому что на том месте, куда он упал, вскипели фонтанчики земли, поднятые пулями. Это Громила разряжал пистолет вслед беглецу. Чак отлично видел его силуэт на фоне ярко освещенного окна. Детектив поднял револьвер, но тут же опустил его — стрелять в великана было бесполезно.

Прокравшись вдоль стены к автомобилю, Чак кинулся за руль. С выключенными фарами „шевроле", словно призрак, пронесся по сонному городку.

Всю ночь Чак гнал машину, заметая следы. Когда глаза начинали слипаться, он отдавал руль Джону, и гонка продолжалась. Чакворд больше не сомневался, что они столкнулись с могущественными аномальными силами. Называть их дьявольщиной он все-таки не торопился.

Что детектив мог противопоставить враждебным силам, практически не располагая информацией? Ничего. Надо было скрыться, чтобы выиграть время. Все свои надежды в эту минуту Чак возлагал на черную пластмассовую коробку, лежащую вместе с самурайским мечом в багажнике автомобиля.

Под утро „шевроле" остановился у невзрачного кемпинга. Здесь беглецы сняли двухместный номер, и профессор, сгорая от нетерпения, немедленно принялся за работу. В этот миг снисходительный и властный Чакворд превратился в исполнительного ассистента. По первому знаку профессора он несся то в ближайший супермаркет, то за географическими картами, то за туристскими справочниками и счетными машинками.

Фолси работал лихорадочно, понимая, что враги не дадут долгой передышки.

К вечеру все было закончено. Фолси устало откинулся на спинку плетеного кресла и ткнул пальцем в карту:

— Здесь! Неизвестный источник информации здесь!

— Как это может выглядеть? — спросил Чак.

— Не знаю, вероятно, там мы найдем некий „ковчег завета" или что-то еще более загадочное.

— Уверен, именно для того, чтобы ты никогда не узнал об этой точке на карте, тебя и пытались убить, Джон.

— Вряд ли теперь ты останешься в стороне, Чак.

— Да, мы с тобой в одной связке, — согласился детектив.

— Я все же хотел тебя спросить, — начал нерешительно профессор. — Не лучше ли будет, если я обращусь в полицию?

— Не уверен, — возразил Чакворд, — прежде чем они тебе поверят, произойдет еще несколько покушений, подобных тем, что были. Я оптимист, но не настолько, чтобы злостно искушать судьбу.

— Что же ты предлагаешь, Чак?

— Немедленно ехать. Постараться достичь тайника раньше, чем они доберутся до нас.

— Тогда в путь.

Ранним утром, когда обитатели кемпинга еще спали, они на цыпочках прошли мимо дремавшей горничной и, усевшись в запыленный „шевроле", отправились в путешествие.

На ближайшей бензоколонке Чак купил несколько канистр высококачественного бензина и разместил их на заднем сиденье машины. Отъехав с полсотни миль от бензозаправки, он остановил автомобиль на обочине. Выгрузив из автомобиля самое необходимое, он обмотал тряпьем самурайский меч и спрятал его среди вещей. Потом пеньковой веревкой привязал спицу руля к зеркалу заднего вида, зафиксировав таким образом колеса в нужном положении. Включив мотор, он тронул машину с места и тут же кубарем выбросился на асфальт.

Набирая скорость, „шевроле" понесся по дороге. Не вписавшись в поворот, машина перекатилась через ограждение и полетела с обрыва. Гулким хлопком вырвались из ущелья пламя и черные клубы жирного нефтяного дыма.

Чак не сомневался, что уже на следующий день известие об этой катастрофе докатится до Громилы, а пока полиция разберется, в чем дело, они с Джоном будут уже далеко.

Однако кое в чем Чак ошибался. Он по-прежнему подходил к Громиле с обычными человеческим мерками, а они были неприменимы к существу, в которое вселился дьявол. Именно таким существом был теперь Билл. Вот почему интуиция, способность разгадать козни врагов, на этот раз подвела детектива. Такого противника у него еще не было.

Повинуясь какому-то внутреннему голосу, Билл Громила резко затормозил и повернул украденную „хонду" на проселочную дорогу. Сверхмощный мотоцикл с трудом тащил великана, похожего издали на стог сена, брошенный на детскую коляску.

Подъехав к кемпингу, недавно покинутому беглецами, и обнаружив их отсутствие, Билл пришел в ярость. Разорвав металлический корпус холодильника, он намотал его жесть, словно полотенце, на правую руку и, действуя ею, как тараном, пошел крушить все подряд. Сонные постояльцы с ужасом выскакивали на улицу. Никто не пытался оказать сопротивления. Только хозяин кемпинга — седовласый старик, всю жизнь копивший на этот дом, нашел в себе силы встать на пути Громилы. Он вскинул руку, в которой был зажат топор, и тут же его череп был размозжен железным кулаком Билла.

Вид крови еще сильнее разъярил великана. Оказавшись в углу здания, он несколькими ударами сокрушил опоры, и все строение, накренившись, с шумом и треском осело на землю. Только

тогда Билл вернулся к мотоциклу и, повинуясь тому же внутреннему голосу, взгромоздился на него и помчался дальше.

На место аварии „шевроле" он опоздал всего лишь на несколько минут. Оставив мотоцикл наверху, он спустился в ущелье. Повсюду на камнях дымились обрывки сидений, валялись искореженные клочья металла. „Шевроле" лежал на самом дне, разорванный взрывом на бесформенные пылающие части. Огонь был так жарок, что великан не мог подойти к нему близко.

Лишь частью своего сознания он воспринимал происходящее. Поток его мыслей был сосредоточен на одном — внимать внутреннему голосу, беспрекословно выполнять его команды.

— Эй вы там, это я вам говорю, — услышал Билл незнакомый голос, звучащий откуда-то сверху.

Громила поднял голову. На краю ущелья стоял полицейский и целился ему в лоб.

— Поднимитесь ко мне, и без фокусов. Я стреляю метко, — предупредил шериф.

„Иди", — прозвучало в голове, и Билл не спеша начал подниматься по уступам. Наверху он увидел полицейскую машину. За рулем сидел краснощекий сержант без фуражки. Другой, тот, что стоял на краю, продолжал держать его на мушке.

— Руки за голову! — приказал сержант.

„Убей их!" — отчетливо раздалось в голове великана.

Медленно и неотвратимо он двинулся на шерифа. Загремели выстрелы. Полицейский одну за другой вбивал пули в грудь Громилы, а когда боек щелкнул вхолостую, закричал и отшвырнул

оружие. Но было поздно. Огромные лапищи обхватили горло шерифа.

Со своей страшной ношей Громила направился к полицейской машине. Водитель, дав газ, попытался скрыться. Но быстрым движением Билл ухватил автомобиль за задний бампер. Поднял его. Вхолостую закрутились оторванные от земли колеса. Протащив машину с бешено ревущим мотором поперек шоссе, Громила швырнул ее в ущелье, прямо на обломки догорающего „шевроле".

„Отлично, Билл!" — прозвучал тот же голос, и Громила, повернувшись лицом на запад, издал рычание, от которого могли бы содрогнуться обитатели джунглей.

„Ищи их, они недалеко!" — раздалось в ответ.

XII
Колонна

Чувствуя себя в полной безопасности, Чак наблюдал, как его спутник вольготно устроился в кресле авиалайнера „Айр-Африка". Профессор, несмотря на выпавшее на его долю испытание, выглядел хорошо, и Чак подумал, что с его внешностью вполне можно было бы сниматься в Голливуде — красивое лицо, пропорциональная фигура, большие выразительные глаза и мягкие манеры выделяли Джона среди пассажиров.

Самолет вырулил между тем на взлетную полосу. Взревели турбины, унося беглецов навстречу неминуемой и скорой развязке.

Приземлившись в аэропорту богом забытой страны, Джон преобразился. Куда делись его флегматичность и нерешительность! Он энергично отдавал приказы нанятым проводникам, носился по магазинам и лавчонкам, закупая снаряжение, и уже на другое утро маленький отряд, состоящий из американцев и трех носильщиков, выступил в джунгли.

Нетерпение гнало беглецов навстречу цели, которая манила и пугала их.

На третий день пути джунгли расступились, и путешественники увидели перед собой священную гору. Идти дальше носильщики категорически отказались. Напрасно Чак предлагал сначала удво-

ить, а затем и утроить жалованье. Черная гора с сокрытой в ней ритуальной пещерой внушала местным жителям непреодолимый суеверный ужас.

Чаку с Джоном пришлось оставить проводников в лагере и отправиться в путь одним.

К полудню они были у цели.

Вьющиеся растения и ветви закрывали вход в святилище. Чак осторожно раздвинул зеленый полог, пропуская Джона вперед. Пещера была сухой и огромной. Из боковых расселин сюда проникал дневной свет. Посреди святилища стояла, отливая металлическим блеском, колонна, похожая на афишную тумбу.

— Господи, неужели свершилось! — Джон направил луч фонаря на колонну.

Вся она, сверху донизу, была испещрена мелкими, но достаточно четкими цифрами. Джон достал фотовспышку и, медленно обойдя металлический цилиндр, заснял всю его цифровую роспись.

Но не успел он убрать фотоаппарат, как послышался звук, похожий на шипение тысяч змей. Вспыхнув холодным фосфоресцирующим светом, засветились своды пещеры. Из ее глубины медленно, словно отслаиваясь от камней, появилось внушающее ужас существо. Его горящие красные глаза, остроконечные уши, столь похожие на рога, были до боли знакомы профессору.

— Дьявол! — чуть слышно прошептал он.

Змеиное шипение усилилось. Что-то мягкое и невидимое обволакивало руки, ноги, шею Чака. Полнейшая апатия охватила его, и самурайский меч опустился в безвольных руках.

Дьявол приблизился к нему, и Чак увидел клыки, целящиеся прямо в горло.

В колонне вдруг что-то щелкнуло. Резкий звук оборвал наваждение, и в ту же секунду самурайский меч надвое рассек чудовище. Кровь брызнула на одежду Чака. Обе половины чудовища, конвульсируя, принялись скакать по скользкому полу пещеры. И вдруг... кровоточащие обрубки на глазах изумленных путешественников начали менять форму, превращаясь в двух маленьких дьяволов — точные копии первого.

Отпрянув от шагнувшего к ним Чака, они с шипением исчезли в глубине пещеры.

— Боже праведный, бежим отсюда! — Фолси, бледный как полотно, потянул Чака прочь из пещеры. — Скорее, скорее в обратный путь! И ради всего святого, береги мой фотоаппарат. Сейчас он мне дороже жизни.

Обратный путь приятели проделали, переодевшись в чужое платье, не без основания полагая, что силы зла еще не повержены...

Уже в аэропорту, коротая последние часы перед вылетом в Штаты за джином и апельсиновым соком со льдом, Чак случайно выглянул на улицу. Прямо напротив кафе, в котором они прохлаждались, остановился огромный человек в широкополой соломенной шляпе. Билл Громила!

Схватив ничего не понимающего профессора, Чак поволок его на кухню. С грохотом отворилась входная дверь. Так мог войти в помещение только Громила.

Маневрируя между кипящими чанами, путешественники пробрались в конторку хозяина. Получив четвертной, он без лишних слов выпустил их через окно на улицу. Оказавшись на тротуаре, Чак на всякий случай дотронулся до ремня из буйволовой кожи, куда была вшита кассета про-

фессора с заснятой колонной. В ней, в этой пленке, таилась разгадка фантастических иррациональных событий последних дней. Чак вдруг отчетливо понял, что еще никогда в жизни не занимался таким серьезным и важным делом. Никогда от его самообладания, находчивости и решимости не зависело так много. Он не имел права проигрывать эту последнюю партию с дьяволом.

Звон бьющейся посуды и крики прислуги говорили о том, что Билл уже добрался до кухни. Как остановить проклятого монстра? Детектива неожиданно осенило. Чак кинулся к грузовику хозяина. Быстро размотав буксирный трос, сделал из него петлю. Он разложил ее под окном кафе и бросился в кабину.

— Жди меня в аэропорту, Джон! — успел крикнуть Чак, видя, как стена трясется и осыпается под могучими ударами Громилы. — Лови!

Из окна машины вылетел пояс с пленкой. Подхватив его, Джон побежал в переулок.

Ободрав руку до крови, Чак вырвал провода зажигания, замкнул их напрямую и радостно застонал, когда мотор завелся. Теперь Чак перевел взгляд на стену кафе. И вовремя! В проломе показался Билл, с головы до ног осыпанный штукатуркой. Шаг! Еще полшага! И когда ноги великана оказались в петле, Чак дал полный газ!

Трос захлестнулся вокруг ног Билла, и грузовик поволок его за собой. Чак, не снимая правую руку с клаксона, управлял левой. Поднимая клубы пыли, грузовик помчался по безлюдным в этот знойный полдень улицам и оказался на загородной дороге. Поддавая газ, Чак молил Бога, чтобы стальной трос не перетерся об асфальт. Это должно было произойти с минуты на минуту.

Наконец впереди показался мост и мутная по-

лоса реки. Сейчас жизнь Чака зависела от ее глубины.

— Черт их знает, эти африканские реки!

Чак выкрутил руль вправо. Пробив перила, машина полетела вниз, увлекая за собой монстра. Перед глазами Чака возникло плывущее бревно, и тотчас удар о воду потряс грузовик. В кабине потемнело. Она неотвратимо погружалась во мрак. На удивление мягко грузовик коснулся дна. В щели кабины хлынули струи, она быстро заполнилась водой. И это было жутко. Хотелось разбить стекло и выброситься наружу. Но детектив знал, что, прежде чем открыть дверцу, надо дать кабине по крайней мере на две трети заполниться водой.

— Пора!

Чак глубоко вдохнул, открыл дверь и, оттолкнувшись ногами от машины, пошел вверх. И тут сквозь толщу воды он увидел картину, глубоко потрясшую его: Громила стоял на дне, ломая стальной трос!

Вынырнув с шумом и фырканьем на поверхность, Чак быстро поплыл к берегу. Перед глазами продолжал стоять ужасный зеленый подводный монстр...

В аэропорту Чак не без труда отыскал Джона. Детектив не стал отвечать на расспросы профессора — его внимание было приковано к воротам аэропорта, где вот-вот могло появиться существо, которое, по-видимому, уже давно не было Биллом Громилой.

Лишь когда колеса „боинга" компании „Пан Американ" оторвались от земли, Чакворд позволил себе расслабиться и заснуть тяжелым, тревожным сном.

По прибытии в Штаты Фолси заперся в своей лаборатории, а Чак начал готовиться к визиту Билла.

Однако он не появлялся. Тянулись дни томительного ожидания.

За окном, по дорожкам университетского парка, прогуливалось множество хорошеньких студенток. Но Чарли держался — рядом с ним за плотно закрытой дверью лаборатории происходило нечто, решавшее судьбу Джона и его самого. И несомненно, еще очень многих людей.

Но вот однажды звонкий девичий смех поднял Чака с кресла. Он распахнул окно. Стройная студентка в мини разговаривала с приятелем. Кровь прилила к вискам. Профессор, тайны мироздания, чувство долга и совесть больше ничего не значили, потому что Чак видел, как пляшут сотрясаемые смехом девичьи грудки.

„Что такого, обыкновенный кобель", — подумал о себе Чак, влезая на подоконник второго этажа.

— Эй, мисс, перестаньте смеяться, — сказал он с напускной серьезностью.

Парочка внизу умолкла, с удивлением уставившись на человека, неожиданно появившегося в оконном проеме.

— Здесь идет съемка, — невозмутимо продолжал Чакворд. — Внимание! Мотор! Пошел!

И Чак, оттолкнувшись от подоконника, полетел вниз на уже знакомую ему клумбу.

Не прошло и получаса, как детектив уже уводил восторженно глядящую на него Сильвию в ее комнату на десятом этаже студенческого общежития...

Отстранив нежно спящую у него на груди девушку, Чак лежал на кровати, ожидая, когда хо-

лодная мутная волна, поднимавшаяся в его душе, погасит огонь страсти. И она накатилась. Привычное равнодушие и брезгливость овладели Чаквордом. Он встал и быстро оделся.

— Когда ты придешь, Чак? — Сильвия приподнялась на локте, и в солнечном луче зазолотилась ее юная грудь.

— Извини, никогда! — Резко повернувшись, Чак поспешил в лабораторный корпус, замирая от дурных предчувствий.

Но, к счастью, все было тихо. Поглощенный работой, Фолси даже не заметил его отсутствия. С облегчением вздохнув, Чак дал себе слово никогда больше не допускать подобных безрассудств. Впрочем, он хорошо знал, что его клятвы ничего не стоят.

Глухой ночью, когда внезапно налетевший холодный ветер гнал взъерошенные тучи, а луна светила особенно тревожно, дверь лаборатории отворилась. На пороге появился Джон с красными от долгой бессонницы глазами.

— Идем, Чак, ты имеешь право увидеть все это первым, — сказал он.

Чак вошел в лабораторию. Ее стены были сплошь завешаны фотографиями с набором цифр. Детектив узнал их — это были те самые таинственные цифры с колонны.

— Я расшифровал их и перевел на видеокассету. Смотри.

Фолси нажал кнопку на пульте японской видеосистемы. По экрану телевизора пробежали вибрирующие волны. И вдруг появилось яркое цветное изображение летающей тарелки, зависшей над землей. Чак узнал джунгли и черную гору. Только джунгли были какими-то другими. Чак готов был поклясться, что не видел раньше

ни одного из этих растений. Вдруг медленно и угрожающе на экране прошествовал тиранозавр.

Чак недоуменно посмотрел на Джона.

— То, что ты видишь, происходило задолго до Рождества Христова, — пояснил профессор.

Чак затаил дыхание.

Летающая тарелка тем временем опустилась у подножия черной горы. Распахнулся боковой люк, и из него выскочил... дьявол!

Ошибки быть не могло. Волосатое лицо, вздернутые уши, которые очень напоминали рога! Это был он! Дьявол захлопнул за собой люк и исчез в зарослях.

— Останови! — Чак коснулся плеча Джона. — Отмотай назад и останови изображение.

Чак долго рассматривал жуткое существо, с которым ему довелось сразиться всего лишь несколько дней назад.

— Он зверь? — спросил Чакворд.

— Нет, гуманоид, воплотивший все зло мира и его силу. Случайно попав в грузовой отсек летающей тарелки, он должен был погибнуть от космических излучений, холода и отсутствия пищи. Но не погиб. С ним что-то произошло. Он трансформировался. Стал дьяволом — средоточением зла и непостижимых возможностей.

— Чтоб ему провалиться! Так это он превратил в монстра Билла?

— Не только это. Он в состоянии наделять предметы и машины несвойственными им ранее возможностями.

— Тот трейлер, Джон?

— Да, и еще многое другое. Он, например, может, словно разрезанный пополам червь, превратиться в два себе подобных существа.

— Бог ты мой! Сущий дьявол. Послушай,

Джон, если монстр летел в грузовом отсеке, значит, он не был капитаном коскора?

— Это удивительная и красивая история, Чак, история наших пращуров. Налей-ка мне!

Чак с готовностью выполнил просьбу профессора.

— На далекой, чертовски цивилизованной планете, входившей в Галактический Союз, — начал Фолси, — жила романтическая девушка Лили, возможно, самая прекрасная девушка во всей Галактике. На ее планете было все — утонченные искусства, чудеса техники. Не было только одного — восхитительной плотской любви, потому что зачатие осуществлялось здесь искусственно, в лабораторных условиях. Еще девчонкой начиталась она запретных книг о дикой сексуальной планете Земля. Закон Галактики запрещал инопланетянке под страхом смерти физическую близость. Нарушив его, она посетила Землю, где выбрала лучшего из лучших — Дана.

— И тут их накрыла полиция? — не выдержал Чак.

— Да. Спасая свою Лили, Дан уничтожил космический патруль, и они вынуждены были бежать на край Вселенной, где дали друг другу новые имена — Адам и Ева. Они наши общие предки, Чак.

— А тот парень, что стал бесом, видно, домогался Лили?

— Ты прав, Чарльз. Его жестокость, ревность и эгоизм, пройдя сквозь горнило Пространства-Времени, создали дьявола.

Профессор нажал на кнопку, и изображение ожило.

Раскрылись шлюзы летающей тарелки, и оттуда вышла прекрасная пара. Чак с изумлением ус-

лышал их голоса, донесшиеся из далекого прошлого.

— Смотри, Адам, — взволнованно произнесла Ева, — здесь все как на твоей родной Земле.

— Здесь всего одно солнце, — нахмурился было Адам, но тут же улыбка засияла на его прекрасном лице. — Вторым солнцем будешь ты, любимая!

— То-то же! — Ева обиженно поджала губки и тут же весело и озорно рассмеялась. — Адам! — Она порывисто обняла любимого. — Неужели это не сон! После стольких лет в космосе!

— Любимая, в память о моей родине назовем эту планету Землей, ты согласна?

— Конечно, милый.

Нежными и нетерпеливыми движениями Адам принялся расстегивать пряжки ее космических доспехов, и они упали на горячий песок пляжа. Освещенные ласковым солнцем молодой планеты, восхитительные в своей наготе, Адам и Ева влюбленно посмотрели друг на друга и, дурачась, принялись носиться по пляжу.

Чак покосился на Фолси. По его сосредоточенному лицу и закушенным губам он понял, что сейчас произойдет что-то ужасное.

Оставив возлюбленную на пляже, Адам исчез в люке коскора, и тотчас из зарослей появился кошмарный монстр. Он кинулся к нагой красавице и сделал то, от чего детектива замутило. Все произошло в считанные минуты. Когда Адам снова выбежал на пляж, дьявола здесь уже не было...

— Черт побери, какая пакость! — не выдержал Чак.

— Эта пакость есть в каждом из нас, Чак.

— Ты хочешь сказать, что Ева зачала от дьявола?

— Да, в большей или меньшей степени в нас течет кровь сатаны.

— Слушай, Джон, не отсюда ли все человеческие пороки?

— А ты подумай, Чак, почему при виде красоты мужики теряют голову? Ведь для продолжения рода необходима не красота, а совсем другое — чтобы у женщины было хорошее здоровье, крепкое сердце, выносливый желудок.

— Уж лучше я лягу в постель с красавицей, у которой больное сердце, чем с уродкой, у которой кардиограмма, как у космонавта.

— Но почему? — Профессор заходил взад-вперед по комнате. — Почему в самом важном вопросе продолжения рода предпочтение отдается такому ничтожному признаку, как эстетика? Да потому, — профессор торжественно остановился напротив Чакворда, — что люди бессознательно выбирают партнеров, похожих на далеких прекрасных предков — Адама и Еву. И избегают тех, в ком много дьявольской крови. След дьявола — это уродство, наркомания, преступность. Красота и порок несовместимы. И твое, Чак, болезненное увлечение женщинами не что иное, как метка сатаны. Я тут кое-что прикинул. — Фолси достал рабочий блокнот. — По моим расчетам получается, что двукратное увеличение генотипа сатаны приводит к десятикратной реакции отторжения. Вот почему ты рыщешь по Лос-Анджелесу, как взбесившийся кобель. В тебе слишком много дьявольской крови, Чак, и ты стремишься от нее избавиться, ищешь партнершу с чистой, как у Евы, генетикой. А таких нет. За тысячелетия все чертовски перемешалось.

— Значит, я обречен? — дрогнувшим голосом спросил Чак.

— Слушай меня внимательно, — перебил профессор. — Я, Джон Фолси, изгоняю дьявола из людских тел и душ. — Джон торжественно поднял руку над головой. — Я верну людям духовное и физическое совершенство.

Неожиданно профессор лукаво подмигнул Чаку.

— Джо, старый хрыч, ты вычитал все это в письменах!

— Да, Чак, здесь говорится, как создать прибор, нейтрализующий дьявольские силы в человеке. И когда я его построю, первым моим пациентом будешь ты, Чак.

От избытка чувств мужчины обнялись.

— Пойдем. — Профессор повел Чакворда в соседнюю комнату, где на стеллажах покоилось какое-то непонятное оборудование...

— Внимание, господа! — Джон поднял руку, требуя тишины. — Если мои расчеты верны, через несколько минут я нейтрализую в каждом из вас семена жестокости и порока, которыми снабдил вас дьявол. Вы станете совершенны душой и телом, уподобившись своим прекрасным предкам — выходцам из иных миров...

Страшный грохот нарушил тишину примолкшего зала. Проломив стену, въехал танк. Из открытого люка появился Билл Громила. Опрокидывая скамьи с сидящими людьми, он шел прямо к Джону. Побледнев, Фолси щелкнул тумблером...

И тут что-то произошло. Невидимое и очень важное. Что-то случилось с воздухом, а может, с большими аудиторными часами. Или с глазами Чака? Он вдруг увидел, как Билл уменьшается в размерах, словно проколотый воздушный шар. Его свирепое лицо становится милым и благо-

образным. Дурнушка Нэнси превратилась в настоящую красавицу...

Чак, как лунатик, вышел из зала на площадь и всюду видел прекрасные, добрые, очаровательные лица. Он вдруг понял, что мир уже никогда не будет таким, как прежде, — злым и жестоким. И сам Чак тоже стал другим. Его охватило предчувствие волнующей, большой любви. Проходя мимо мусорного бачка, Чак опустил в него что-то тщательно завернутое в брезент.

А в это время над его головой ударили старые университетские куранты. Пробил последний час сатаны.

— Черт побери! Такого я еще ни от кого не слышал! — Я выключил магнитофон и впал в задумчивость.

Отождествить извечное стремление к красоте с любовью — нѐ озарение ли это? В предвкушении новых откровений я вставил в магнитофон следующую кассету...

XIII

Опасный „видик"

— Мистер Грегор, вас не затруднит снять брюки?

Взгляды присутствующих впились в розовое тело стоящего перед ними атлета. Там, где полагалось находиться мужскому естеству, виднелась лишь гладкая, как у манекена, поверхность.

— Разрази меня гром! — не выдержал начальник полиции Морли, когда дверь за атлетом закрылась. — У него впереди такая же задница, как и сзади! Может быть, он дурачит нас, а, Стивен?

— Вот медицинское заключение, сэр, — помощник протянул Морли аккуратно подшитые листки. — У него действительно отсутствуют половые органы.

— Как это случилось? — проворчал Морли, не отрываясь от чтения документов.

— По словам потерпевшего, накануне вечером он смотрел видеофильм с секс-бомбой Патрицией Келли. Он уверяет, что Пат вылезла из телевизора и легла в его постель. Больше он ничего не помнит. Наутро он обнаружил у себя полное отсутствие половых органов...

— Кто из вас сумасшедший — вы или этот идиот Грегор? Я вас спрашиваю, Стивен?

— Сэр, мне нечего добавить к тому, что я сообщил вам, — невозмутимо ответил помощник.

Ситуация и впрямь была обескураживающей. На теле потерпевшего не осталось ничего — ни шрама, ни следов крови. Гладкая, как мячик, безволосая кожа была, казалось, такой с рождения.

— Послушай, Морли, — нарушил неловкую паузу медицинский эксперт. — Может быть, это врожденная патология?

— Что вы скажете, Стивен? — Начальник полиции строго посмотрел на помощника.

— Мы опросили его любовниц, сэр. Этот парень, Грегор, был в полном порядке.

— Ну значит, здесь не обошлось без черной магии или инопланетян, — язвительно заметил эксперт.

— Мы вам не затем платим деньги, чтобы выслушивать ваши дурацкие шуточки, — оборвал его Морли. — Впрочем, есть у меня один специалист по инопланетянам. Как его зовут, Стивен?

— Майк Норман, сэр...

Расстегнув кобуру итальянского „магнума", Майк Норман нажал кнопку звонка. Дверь открыл красавец мужчина в махровом халате.

— Какого черта? — „приветствовал" он гостя.

— Не слишком любезно, мистер Грегор. — Майк, не ожидая приглашения, прошел в квартиру.

— Чтоб вам всем провалиться, — заскрипел зубами хозяин. — Человека кастрировали, а вы только и делаете, что ходите глазеть. Имейте в виду, если об этом пронюхают газетчики, я стребую с вас через суд парочку миллионов долларов.

— И будете совершенно правы, мистер Грегор. Если понадобятся свидетели, я к вашим услугам.

— Серьезно? — опешил Артур Грегор.

— Детектив без совести — уже не детектив, — обрезал Норман.

— Хорошо, я сниму штаны, но это в последний раз! Ну что? — Грегор выжидательно посмотрел на Нормана.

— Не утруждайте себя, мистер. Скажите лучше, не ощущаете ли вы какие-либо затруднения?

— Эта тварь оставила мне вот такое отверстие, меньше, чем у кошки. — Грегор сжал кулак, показав в нем узкую щелку.

— Кто бы мог подумать, что Пат Келли способна на такое?

— Считаете меня чокнутым, да? — Прежняя неприязнь вспыхнула в глазах Грегора.

— Вот что, Арт, в полиции Нью-Йорка есть только один человек, способный по-настоящему вам поверить, и он перед вами. Скажу больше, мне самому довелось пережить нечто подобное. А теперь покажите, где это произошло.

Майк внимательно осмотрел спальню Грегора, его видеосистему „Панасоник".

— Отсюда вылезла Пат?

— Да. Прямо из экрана. Сначала высунула одну ногу, потом вторую и протиснулась вся.

Закончив осмотр, Норман помрачнел.

— Мистер Грегор, вам не следует находиться здесь, это слишком опасно.

— Но мне в общем-то некуда больше податься.

— Возьмите ключи, переночуйте в моей квартире, а я останусь здесь.

— Я не привык прятаться за чужой спиной, сэр. Разрешите мне быть с вами?

— Спасибо, Арт. Я — детектив, этим все сказано.

Майк крепко пожал на прощание руку Грегора, не подозревая, насколько тесно отныне связаны их судьбы.

Оставшись один, Майк крутанул барабан „магнума". Не для того, чтобы проверить, все ли патроны на месте, а по старой привычке — на счастье. Раздевшись, лег в постель Грегора, предварительно сунув пистолет под подушку.

Томительно потянулись часы, отделявшие Майка от полуночи, когда, по словам Артура, появилась ночная ведьма.

Ровно в двенадцать он вставил кассету в „видик". Раздался тонкий переливчатый звук, похожий на музыку. Повинуясь ему и приятно расслабляющей тяжести в членах, Майк лег на кровать, ощущая ласковое тепло в затылке. На него нахлынуло грубое, как кожура ананаса, и сладкое, как его плоть, чувство. И Пат Келли в эротическом фильме была под стать ему. Она вульгарно задирала ляжки, а потом вдруг невинно посмотрела с экрана. Чарующая игра звука и образа внезапно прекратилась, и Майк отчетливо увидел изящную женскую ступню. Нежная розовая пяточка и маленькие пальчики вдруг шевельнулись, и ножка свесилась уже по эту сторону экрана, за ней вторая, и тут же, грациозно изобразив гимнастический мостик, Патриция Келли выпорхнула из телевизора и юркнула под одеяло к Майку.

Коленка секс-бомбы коснулась живота Нормана. Он затрепетал от вожделения. Но разум его был по-прежнему холоден. Он вдруг отчетливо понял, что ни один землянин не устоял бы сейчас перед дьявольским искушением.

— Ну, Майк, — капризно пропела секс-бомба, лизнув теплым язычком его ухо. — Ты не мо-

жешь? — Пат откинула одеяло. — Это тебя вдохновит. — В ее руке появилась колба с бесцветной пахучей жидкостью. — Всего несколько капель. — Пат наклонила колбу над пахом Майка.

Быстрым движением он перехватил ее руку, одновременно нажал на кнопку дистанционного пульта, спрятанного под простыней. Экран погас. Пат исчезла.

Пошатываясь, Майк пошел в ванную, и его там долго рвало. Потом с трудом добрался до спальни и повалился на кровать.

Под утро чуть слышный щелчок дверного замка заставил его проснуться. Майк инстинктивно сунул руку... не под подушку, где лежал револьвер, а под одеяло, где было нечто более важное. Он торопливо ощупал себя и с облегчением вздохнул, убедившись, что все на месте... Только тогда он перевел взгляд на прихожую.

В квартиру вошла высокая худая брюнетка. Заметив ее, Майк с головой накрылся одеялом. Но даже сквозь плотную ткань проник сладострастный аромат духов. Со стуком упали на пол сброшенные туфельки, прошуршало снятое платье, и Майк услышал ее шаловливую песенку:

— Артур, мой котик, дай поцелую в ротик... — мурлыкала брюнетка.

„Подружка Грегора!" — догадался Майк. Запах духов усилился, стал ближе.

„Ну все, полезла целоваться!" — Майк сдернул с себя одеяло. Брюнетка взвизгнула и отлетела в сторону.

— Извините меня! Я из полиции, — произнес Майк, сознавая комичность своего положения.

— Из полиции? Ах ты мерзавец! — Распахнув сумочку, красотка выхватила маленький пистолет

и навела его на Нормана. При этом она старалась прикрыть свою роскошную грудь все той же сумочкой. — Сейчас же закрой глаза, паршивец! — потребовала брюнетка. — И только посмей открыть! Я покажу тебе, как приставать к честным девушкам!

— Но я действительно из полиции. Там, в кармане, мое удостоверение, мисс.

— Не шевелись!

Опустив сумочку, брюнетка потянулась за пиджаком, невольно открыв свои прелести.

— Пожалуй, сумочка слишком мала для вашей груди. Не хотите ли воспользоваться подушкой? — предложил Майк.

— Ах ты, подонок! Ты все-таки подсматривал? Я стреляю!

— Не делайте этого, мисс, вы перебьете всю посуду.

— Не двигайся! Ну-ка выкладывай, как ты сюда попал?

— Видите ли, ключи от квартиры мне дал сам Грегор, чтобы я переночевал здесь. Позвоните по этому номеру и все выясните.

— Так я и знала. Значит, он сам дал тебе ключи?

— Разумеется.

Не опуская оружия, брюнетка набрала номер телефона Майка. В напряженной тишине было слышно, как Грегор снял трубку:

— Алло!

— Это я — Бетти. Я задержала в твоей квартире какого-то типа. Он говорит, что ты дал ему ключи.

— Ну конечно же, дал.

— И свою постель тоже?

— Да.

— Может быть, еще что-нибудь, Арт, ну-ка, вспомни?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Бетти?

— Не понимаешь? Тогда объясни, почему меня вызывали в полицию и расспрашивали о твоих половых органах?

— Я...

— Молчи! Я сразу заподозрила неладное, когда ты перестал со мной спать, Арт. А теперь я застала в постели твоего партнера. Я точно знаю, кто ты — подонок, извращенец!

— Ты спятила, Бетти!

— Вот как! Приезжай немедленно и докажи на деле, что это не так.

— Сейчас не могу.

— Я так и знала, Арт! — Брюнетка швырнула трубку.

„Ну и дела!" — присвистнул Майк, когда Бетти ушла, громко хлопнув дверью. Имея таких подружек, Грегор вряд ли мог претендовать на получение компенсации за разглашение своей тайны от Управления полиции. Еще два или три дня, и Бетти докопается, пожалуй, до истины.

Майк извлек из бумажника бережно хранимый листок бумаги и задумчиво склонился над ним.

— Эола... — прошептал он.

Да, это была она, точнее, фоторобот инопланетянки, составленный по воспоминаниям Майка в нью-йоркской полиции. Из-за него-то и поползли слухи о роковой любви Нормана. Невероятные события последних дней напомнили ему о самых сладостных и самых жутких днях его жизни.

Ясно, что этой ночью с ним был какой-то ужасный киборг. Это явно превосходило возмож-

ности земной науки. Значит, инопланетяне готовились нанести новый удар, и, похоже, еще более изощренный, чем в прошлый раз. Надвигалось второе пришествие Сатаны.

Тяжелое, гнетущее чувство овладело Майком. Опять он в одиночку противостоял могущественным силам зла. Доложить начальству о своих подозрениях он не мог. Морли немедленно уволил бы его из полиции. Его новое донесение об инопланетянах было бы тотчас подшито к тому старому рапорту. Вот и доказательство нарушения психики...

Резко затормозив, Норман остановил „тойоту" напротив уличного телефона-автомата.

— Алло, Стивен, вы?

— Вас слушают, — холодно ответил помощник начальника полиции.

— Говорит Норман. Ничего интересного я не обнаружил. Медицинский эксперт, по-видимому, прав.

— Благодарю вас, Норман, я доложу шефу.

Развернув машину, Майк вытащил из-под сиденья полицейскую „мигалку" и, установив ее на крыше автомобиля, понесся через весь город на встречу с Артуром Грегором. Интуиция детектива подсказывала ему, что теперь дорог был каждый час.

Доротея Грейвс, шикарная длинноногая блондинка, вовсю использовала привилегии слабого пола. Однажды она даже заехала в ухо полицейскому, после чего восьмидесятикилограммовый крепыш как подкошенный рухнул на стойку бара. При этом полисмен не только не увел ее в участок, но даже извинился перед импульсивной мисс.

Доротея была способна и не на такое, потому что отчаянную дамочку на самом деле звали Джек Прост, в прошлом мужчина, а ныне не последнее лицо в Клубе гомосексуалистов Нью-Йорка.

Он ежедневно брил ноги, обожал белые автомобили, свежее белье и рискованные авантюры, чем выгодно отличался от многих завсегдатаев клуба. К тому же был покладист на трезвую голову.

Но сегодня Лоло сильно нервничал. Не потому, что предстояло выполнить опасное поручение председателя клуба, а потому, что Малютка Джон — двухметровый верзила, один из многих его поклонников, непростительно опаздывал. Когда наконец великан опустился на пассажирское сиденье таксомотора, Лоло, обняв его за шею, зашептал так, чтобы не слышал водитель такси:

— Мой милый, если ты еще хоть раз опоздаешь к своей Лоло, она острижет тебе кое-что своими маникюрными ножницами.

Малютке стало не по себе. Лоло был мстительным и непредсказуемым субъектом.

— С тебя станется, — буркнул тяжеловес.

— Милый Джон, ты не обиделся на Доротею? Пойми, если сорвется сегодняшнее задание, председатель сделает что-нибудь такое, но уже с нами двоими. Я этого не хочу, дорогой. Уж ты постарайся. — Лоло кокетливо поджал губки.

— Можешь на меня положиться, детка. — Джон показал свои огромные кулаки.

Через пятнадцать минут на тихой улочке одного из престижных кварталов Нью-Йорка из остановившегося такси вышла импозантная пара — высокий широкоплечий мужчина с „дипломатом“ и крашеная блондинка. Поднявшись

на второй этаж, они остановились у двери с табличкой „Артур Грегор".

— Начинай! — хриплым, срывающимся от волнения шепотом приказал Лоло.

Малютка Джон открыл „дипломат", вытащил оттуда короткий ломик и без особого труда вывернул язычок замка. Взломщики крадучись вошли в квартиру.

Майк Норман сбросил газ, и „тойота", тихо шурша шинами, подкатила к дому Грегора.

— Притормози, Майк, — попросил Артур.

Грегор вышел из машины и не спеша обошел вокруг дома. Заметив обеспокоенность нового друга, Майк вытащил из кобуры „магнум" и на всякий случай опустил одно стекло „тойоты".

— Что-нибудь не так, Арт? — спросил детектив, когда Грегор вернулся.

— Да нет, все в порядке. Просто я никогда не видел здесь сразу два таксомотора. В нашем доме у всех по несколько машин.

— А Бетти, она тоже приезжает на своей машине? — усмехнулся Норман.

— Ты прав, про нее-то я и не подумал. Знаешь, иногда я ее по-настоящему боюсь.

— Давно не встречал такой дуры, — проворчал Майк, убирая в кобуру „магнум".

— Когда мне надоедают умники, я встречаюсь с ней — это вносит разнообразие в мою жизнь. Пошли! — Жестом радушного хозяина атлет пригласил детектива в свой дом.

Однако благодушие покинуло Грегора, как только он поднялся на лестничную площадку. Дверь была взломана.

— По-моему, они еще там.

Выхватив револьвер и крепко стиснув зубы, Норман первым шагнул в квартиру.

— Ой, чья это машина? — Доротея бросил приглянувшийся браслет и прилип к окну. — Это Грегор, слышишь, Джон? Они идут! Ой, что сейчас будет! Кто с ним, Джон?

— Легавый! Чтоб мне провалиться, легавый! — пробасил Малютка, чувствуя, как у него затряслась челюсть. — Бе...бежим!

— Куда? Кретин проклятый, они уже на лестнице. Ой... — запричитал Доротея. И все из-за тебя!

— За... заткнись ты! Ся... сядь за стол, скажи им пару ласковых. А я за штору.

— Тебе-то хорошо за шторой!

— Тс... идут...

Еще из коридора Майк увидел сидящую в гостиной блондинку. По ее лицу текли слезы, а в глазах застыл неподдельный ужас.

— Не убивайте меня, мистер гангстер, не убивайте! — взмолилась она, увидев вооруженного Майка.

— Успокойтесь, мисс, я из полиции. Что здесь случилось? — Норман опустил револьвер.

— Какой-то негодяй затащил меня сюда. Вот он! Осторожно, мистер полицейский!

Майк обернулся на звук сорванной шторы. Он успел увидеть Арта, падающего под тяжелым кулаком Малютки Джона. И в ту же минуту мощный удар обрушился на его собственную голову. Он рухнул к ногам блондинки. С дьявольской улыбкой на раскрашенном лице Доротея занес над Майком бронзовый подсвечник для последнего удара...

— Всем стоять! Руки за голову!

Доротея выронил подсвечник.

В дверях возникла высокая худая брюнетка. Ее пистолет хищным черным глазком выбирал жертву.

— Бетти! — изумился Артур.

— Я вижу, тут собралась тепленькая компания! — Презрительно оглядев присутствующих, Бетти подошла к Доротее. — Как тебя зовут, парень? — спросила она блондинку.

— Лоло, — испуганным тонким голоском ответил Джек Прост.

— Какие у тебя кудри! — Бетти сорвала с него парик, и все увидели потную блестящую лысину.

— Не надо, мисс, — сказал вдруг Доротея мужским голосом.

— Какая у тебя грудь! — Бетти рванула блузку Лоло. Наружу вылезли жесткие курчавые волосы. — Ну-ка, Арт, обними свою подружку, покажи, как вы все это делаете! — Бетти ненавидяще взглянула на Грегора.

— Я все объясню, дорогая...

— Не надо ничего объяснять. Я не слепая. Ну-ка, иди к своей дряни!

— Не пойду, хоть убей! — уперся Грегор.

— Тогда иди ты, — приказала брюнетка Доротее.

— Хорошо, мисс, только позвольте мне надеть парик и немного подкраситься.

— Валяй.

Бетти молча наблюдала, как Доротея двинулся к Арту.

— Не приближайся ко мне, — отпрянул Грегор.

— Ты, толстомордый, помоги, — потребовала Бетти.

Джон повиновался. Взломщики повалили несчастного атлета на пол, и Доротея запустил руку ему в штаны:

— Мисс, здесь ничего нет. Клянусь вам, чтоб мне захлебнуться виски! Смотрите сами!

— Сволочи! Подонки! — хрипел Арт, пытаясь вырваться.

— Отвечай, мерзавец, куда ты все это дел? — накинулась на Арта любовница.

— Проклятая шлюха, видеть тебя не могу! — взревел Грегор.

— Нет, вы слышали, что сказал этот негодяй?! — Бетти растерянно открыла рот. — И он смеет это говорить мне! — Ее губы вдруг задрожали, из глаз брызнули слезы. — Вы, двое, убирайтесь! Живо!

Взломщики опрометью кинулись к выходу.

— Кассета! Где кассета, Арт? — опомнился Майк.

— Они украли ее!

Не на шутку разозлившись, Норман довольно бесцеремонно затолкал брюнетку в ванную и запер там.

— Прошу вас, мисс, больше не соваться в дела полиции, черт бы вас побрал!

Майк распахнул окно. В конце улицы мелькнуло отъезжающее такси. Не долго размышляя, детектив бросился вниз. Приземлившись на газоне, он, прихрамывая, побежал к „тойоте". Взревел мотор, и машина рванулась с места. На ходу в нее вскочил Грегор. Развив бешеную скорость, „тойота" чуть не врезалась в то самое такси, стоящее у тротуара. Взломщиков в нем не было.

— Вот они! — закричал Артур, указывая на удаляющийся „ситроен".

Норман дал полный газ. Завывая полицейской

сиреной, „тойота“ рванулась вперед. Рев мотора перекрывал крики испуганных водителей и визг тормозов шарахающихся в стороны машин. На перекрестке „ситроен“ зацепил мотоциклиста, и он, неуклюже перевернувшись, полетел под колеса „тойоты“. Молниеносным движением Норман повернул руль.

— Что там? — закричал детектив.

— Жив! — Грегор, повернувшись всем корпусом назад, посмотрел на мотоциклиста.

И это спасло ему жизнь. Две пули пробили лобовое стекло „тойоты“ и застряли в сиденье как раз там, где только что находился Артур.

— Держи руль!

Майк высунулся по пояс из окна и дважды выстрелил. „Ситроен“ завилял, но снова выровнялся и с прежним неистовством ринулся вперед.

— Не уйдешь!

Развив максимальную скорость, „тойота“ начала метр за метром настигать взломщиков.

— Ну, давай, Майк! Давай! — обрадованно заорал Арт. — Поворот! Тормози!!!

Увидев перед собой красные огоньки тормозящего „ситроена“, Норман, наоборот, дал полный газ. Мощный удар снес заднюю часть преследуемой машины. „Тойота“ вылетела на полосу встречного движения. Майк увидел надвигающуюся тень автобуса и в последнее мгновение вырулил вправо. Новый удар потряс машину. Мотор заглох.

— Уйдут! Уйдут! — застонал Арт.

— Не уйдут!

Не теряя ни секунды, Майк вызвал по рации полицейский вертолет.

Когда трясущаяся, грохочущая скорлупа вертолета подняла их достаточно высоко, Майк уви-

дел кавалькаду полицейских машин, преследующих „ситроен". Он знал этих ребят, хладнокровных и упрямых в погоне. Они не отстанут, пока не захватят преступников, и тогда все пропало.

Скрепя сердце Майк по рации попросил прекратить погоню.

Скользя над самыми макушками деревьев, вертолет незримо сопровождал „ситроен". Пройдя километров двадцать по проселочным дорогам, он въехал в ворота большой виллы, напоминавшей старинный родовой замок.

— Ближе не могу, — прокричал пилот, — заметят!

— Хорошо, садитесь здесь, — согласился Норман.

В лучах заходящего солнца вертолет опустился в лощине, скрытой от глаз обитателей виллы.

В быстро сгущающихся сумерках зажглись звезды. Их свет, обычно умиротворяющий и спокойный, на этот раз был зловещим. Горящие глаза чужих, враждебных миров смотрели на Майка. Он в одиночку противостоял им, он — ранимое человеческое существо Майк Норман, на поверхности большой, отходящей ко сну планеты.

По тому, как тоскливо замирало сердце, как потели руки, привыкшие к тяжелой рукоятке „магнума", Майк понял, что приближается главный час испытаний...

Достигнув окрестностей виллы, Майк с Грегором затаились за шероховатым валуном, и тут...

Яркий изумрудный луч осветил окрестности — прямо над ними завис НЛО. Несомненно, это был тот же тип летающей тарелки, на котором прилетала Эола.

Наконец луч погас. От НЛО отделились три

фосфоресцирующие фигуры. Неведомая сила перенесла их за ограду виллы. Легкое дуновение коснулось щеки Майка. „Воздушный транспортер", — догадался детектив.

Майк помнил, как вызывался этот своеобразный воздушный лифт. Воспользовавшись отсутствием инопланетян, он мог попытаться проникнуть на борт НЛО.

— Жди меня здесь, — шепнул детектив Грегору. И, вызвав транспортер, исчез на глазах у потрясенного Арта.

С замирающим сердцем Норман ступил на главную палубу НЛО. Вот они, панорамные окна, диваны, на которых любила сидеть Эола... Майк оцепенел от нежного прикосновения.

— Майк, — услышал он до боли знакомый голос.

— Эола, это ты? — Слезы любви увлажнили глаза Нормана. Он порывисто обнял дрожащую красавицу.

— Они убьют нас, Майк.

— Я готов умереть, чтобы еще раз увидеть тебя, любимая.

— Я тоже. Я очень изменилась. Я больше не проститутка. Меня взяли в экспедицию как специалиста по земной жизни. Я прилетела, чтобы снова встретить тебя. Я скучала по тебе, Майк.

Эола увлекла Майка на пурпурное ложе, но когда их чувство достигло предела, грубый удар отшвырнул Нормана в сторону. Над ними стоял инопланетянин!

Майк рванулся, пытаясь встать, и не смог. Тяжелый немигающий взгляд пришельца парализовал его.

— Эола, — чуть слышно прошептал он.

— Я умру, любя тебя, Майк, — ответила девушка.

— Пусть землянина казнят земляне. — Инопланетянин сделал повелительный жест, и воздушный транспортер перенес их обоих к валуну, у которого остался Грегор.

Да, он был еще здесь, но в каком виде! Лицо Арта покрывали кровоточащие раны, а одежда свисала рваными клочьями. Рядом с ним стояли вооруженные винчестерами Лоло и Малютка Джон. Внезапно материализовавшиеся из ничего Майк и обнаженная девушка нисколько их не смутили, напротив, они их ждали.

— Твое счастье, что я не интересуюсь бабами. — Доротея вскинул винчестер. — Становитесь к камню.

Но в ту же секунду автоматная очередь сорвала с него дамскую шляпку. Завизжали рикошетящие пули. Бросив оружие, Лоло пустился наутек. Едва поспевая за ним, мчался Малютка Джон.

— Так вас, мерзавцы! — Выскочившая из укрытия Бетти выпустила вслед бандитам автоматную очередь.

Перемахнув через забор виллы, Доротея, тяжело дыша, плюхнулся на лужайку, злорадно наблюдая, как стокилограммовая туша Малютки Джона повисла на железных прутьях ограды.

— Лоло, помоги мне, крошка, эта сумасшедшая уже близко, — испуганно зашептал Джон.

— Милый, я не хочу, чтобы такой большой мешок с дерьмом, как ты, упал мне на голову.

— Помоги, Лоло, я точно знаю, она где-то здесь.

— Вот и хорошо, пусть она влепит в твой жирный зад пару зарядов.

— Лоло, вот она!

Услышав шорох сухой травы, Малютка дер-

нулся изо всех сил. Автоматной очередью затрещали его брюки, и великан рухнул на землю.

Взвизгнув, Лоло бросился бежать.

— Стой, а как же я? — закричал Джон.

Доротея опустился на четвереньки и, быстро-быстро перебирая руками, поскакал вверх по склону за куст жасмина и здесь нос к носу столкнулся с огромным бульдогом председателя. Охнув, Лоло понесся к вилле. Рыча и клацая зубами, за ним гнался свирепый бульдог.

— Взять ее, взять шлюху! — во все горло орал оскорбленный Джон.

Споткнувшись о высокий порог, Доротея кубарем влетел в холл. О ужас! Прямо перед собой он увидел суровые глаза председателя Клуба гомосексуалистов.

— Обоих паршивцев ко мне, — сказал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

XIV

Обработка первой степени

Тем временем вертолет высадил беглецов на заброшенной ферме, которую Норман держал на случай крайних обстоятельств. Здесь хранилось все необходимое — продовольствие, оружие, одежда, правда исключительно мужская. Впрочем, Эола даже в костюме десантника выглядела обворожительно. Любуясь ею, Майк думал — смог бы он кому-нибудь на этом свете простить прошлое, которым была отягощена Эола? Не смог бы! В ослепительном сиянии ее красоты исчезли сомнения, которых так много в душе каждого мужчины.

— Вот что, мистер полицейский, выкладывайте все начистоту! — потребовала Бетти, едва только беглецы собрались за столом.

— Госпожа Бетти, кажется, допускает мысль о нашей невиновности? — Детектив подмигнул Артуру.

— Если бы не допускала, не была бы здесь, — ответила Бетти немного резче, чем ей хотелось бы.

— Отлично, — согласился Норман. — Нам действительно пора объясниться. Только начать придется с вас, Бетти.

— Спрашивайте. — Брюнетка закинула ногу на ногу и затянулась сигаретой.

— Мне, как сыщику, небезынтересно узнать, как вам удалось нас разыскать возле этой чертовой виллы?

— Когда втюришься в такого идиота, как Грегор, научишься и не такому, — хмуро ответила девушка.

— И кроме того, у вас завелось кое-какое оружие, не так ли? — продолжал Майк.

— Мистер полицейский не знает, что в Америке можно кое-что купить за доллары? — искусственно улыбаясь, в тон ему ответила Бетти.

— Ну хорошо, допустим, перед законом вы чисты, мисс...

— Не валяйте дурака, Норман, если кто-то и должен оправдываться, так только не я.

— Бетти права, — вмешалась Эола. — Если бы не она, где бы мы сейчас были?

— Согласен, сейчас самое время открыть ей все. Впрочем, это не моя тайна. Пусть говорит Грегор. — Майк перевел взгляд на Артура...

Закончив рассказ, Грегор потупился и замолчал.

— Ну знаешь! — взъярилась Бетти. — Я всегда считала тебя лопухом: Я терпела, когда ты забывал то шляпу, то зонтик, но прохлопать такое!.. Но скажите мне, джентльмены, неужели инопланетяне прилетели сюда ради причиндалов этого недотепы?

Все посмотрели на Эолу.

— Мой рассказ вам не очень-то придется по вкусу, — начала она. — В Галактике, кроме вашей, есть еще две обитаемые системы: Империя и Галактический Союз. Одна из них покровительствует вам, пытается предостеречь от экологической катастрофы, ядерного апокалипсиса. Она оберегает людей, которым предстоит сделать

важные открытия. Другая стремится прибрать Землю к рукам. Она ни во что не ставит ваши жизни. К сожалению, это моя планета.

— Простите, мисс, Добро и Зло, Дьявол и Бог, не имена ли это планет, о которых вы говорите?

— Бог — большее, он так же велик и непостижим для нас, как и для вас.

— Послушай, дорогая, — начал задумчиво Майк, пораженный неожиданной мыслью. — Бетти не могла объяснить, как она попала к тому валуну, не значит ли это, что ее привели силы доброй планеты?

— Без всякого сомнения, — подтвердила инопланетянка, — это то, что вы, земляне, называете счастливым случаем.

— И вот теперь, желая завладеть Землей, планета зла разработала процедуру превращения нормальных людей в гомосексуалистов.

— Ловко, — присвистнул Грегор. — А поскольку они не будут иметь потомства, Земля обезлюдеет?

— Этот способ моя планета обычно применяет за пределами Галактики. Он бескровен и потому считается гуманным.

— Ничего себе гуманность! — возмутилась Бетти.

— Для кастрации людей они используют эротические видеокассеты? — спросил Грегор.

— Да, они накладывают поверх обычной записи свою программу, которая парализует психику, а потом за дело берется материализованный киборг-хирург. Следов практически не остается. Но видеокассета всего лишь средство для индивидуальной обработки. На борту НЛО есть прибор для кастрации множества людей одновременно, которые впоследствии превратятся в пассивных гомосексуалистов.

— Скажите, Эола, сможем ли мы захватить этот аппарат? — взволнованно спросил Майк.

— Исключено. После моего бегства они усилили меры безопасности.

— Значит, нам не предотвратить их сатанинские замыслы? Дорогая, ну придумай! Мы должны помочь людям!

— Плевать мне на других, я хочу знать, что будет с Грегором? — вмешалась Бетти.

— Аппарат работает в двух режимах — обратимом и необратимом. Поскольку Арт не испытывает влечения к мужчинам, он прошел обработку первой степени, его можно излечить, но понадобится все тот же прибор.

— А, пошли вы все! — Брюнетка резко поднялась и, взяв с полки автомат, направилась к выходу.

— Куда ты, Бетти? — кинулся вслед за ней Грегор.

— Я вижу, здесь нет мужчин! — Бетти вогнала в автомат новую обойму.

— Уж не собираетесь ли вы, мисс, из этой штуковины сбить летающую тарелку? — спросил Майк, раздраженный своеволием Бетти.

— Погодите, не ссорьтесь, — возвысила голос Эола. — Я, кажется, знаю, что надо делать. Аппарат скоро доставят на виллу, в Клуб гомосексуалистов. Экипаж НЛО в сговоре с клубом. С помощью прибора члены клуба рассчитывают увеличить свою численность. Вот тогда можно попытаться им завладеть.

— Кассета с Патрицией Келли тоже у них? — спросил Норман.

— Похоже на то, — без колебаний ответила Эола.

— Тогда в путь! — Майк первым встал из-за стола.

Прильнув к биноклю, Майк следил за воротами виллы, куда то и дело въезжали автомобили гостей, — несомненно, затевалось грандиозное мероприятие. Интуиция подсказывала Майку, что оно каким-то образом связано с аппаратом.

— Надо проникнуть туда, — прошептал Майк.

— Как ты это сделаешь? Они знают друг друга в лицо, — засомневался Грегор.

— Очень просто.

Через полчаса лимузин, спешивший на виллу, застучал ободом пробитого колеса по асфальту.

— Сработало! Вперед! — Майк стукнул по плечу Артура, и тот бросился на помощь незадачливому водителю.

— Всего пять долларов, сэр, и колесо будет заменено, — просительно сказал Грегор, скосив глаза на выбравшегося из укрытия Майка.

— О'кей! — Тучный шофер не пожелал даже выйти из машины.

Открыв багажник, Грегор кивнул Норману, и тот, прижимая к себе автомат, в мгновение ока оказался в автомобиле.

Поменяв колесо, Артур захлопнул крышку. Лежа на дне багажника, Майк ждал, когда автомобиль тронется. Заурчав мотором, лимузин наконец понесся по шоссе. Вот он миновал ворота, остановился. Приоткрыв крышку багажника, Майк огляделся. Машина стояла на стоянке, среди таких же пыльных, раскаленных солнцем автомобилей.

Позиция была настолько удачна, что Норман решил не менять ее.

Между тем из неприметного флигеля по-

явилась тележка с серебристым сферическим предметом. Сомнений быть не могло — аппарат! Он точно соответствовал описанию Эолы. Тележку катила уже знакомая Майку парочка взломщиков.

„Отлично, — подумал детектив, — со знакомыми работать проще".

Но вот что совсем не устраивало Майка, так это четверка вооруженных до зубов охранников. К счастью, сопроводив тележку до виллы, они не вошли внутрь, а остались стоять снаружи, широко расставив ноги и крепко сжимая оружие.

Прокравшись к дому, Майк спрятался в кустах, и тут в открытом окне первого этажа увидел Доротею.

— Ну, парень, держись! — Перемахнув через подоконник, Норман оказался рядом. Мощный удар детектива лишил Лоло чувств.

Быстро переодевшись в платье взломщика, напялив его парик и едва успев спрятать под одеждой автомат, Майк услышал торопливые шаги, и в комнату ввалился Малютка Джон.

— Ну где тебя черти носят, Лоло, все уже собрались. Давай аппарат!

— Я здесь! — Второй удар детектива уложил Малютку рядом с его партнером.

Выкатив тележку в коридор, Майк направился туда, откуда доносился гул ожидающего зала. Остановившись за кулисами, он увидел спину председателя Клуба гомосексуалистов и сотни глаз, обращенных на него.

— Мы вечно подвергались несправедливым гонениям, — говорил председатель, — нас унижали, нас мучили и презирали. Всему этому пришел конец. Наши гонители станут такими же, как мы, благодаря аппарату, который нам дали друзья

пришельцы из других миров. Поприветствуем же их!

Майк почувствовал характерное движение воздуха, и на сцене, всего в нескольких шагах от него, возникли фигуры инопланетян!

„Пора!" — решил Майк, разглядев в зале сумевшего-таки пробраться сюда Грегора.

Нажатие кнопки заставило аппарат тихо, переливчато зажужжать, вспыхнувший луч Майк направил в зал, превращая гомосексуалистов в обычных людей; следуя инструкциям Эолы, он тут же нажал вторую кнопку, делающую людей кастратами. На сей раз он направил луч на инопланетян. По сцене заметались серебристые существа. Не обращая на них внимания, Норман выхватил автомат и выпустил длинную очередь в прибор. Грянувший взрыв разрушил аппарат до основания. Спрыгнув со сцены, Майк рванул за собой Грегора. Пользуясь общей суматохой, они бросились к ограде виллы, где их поджидал джип. Перепрыгнув через борт, Грегор оказался в объятиях Бетти, которая первым делом попыталась проверить „комплектность" возлюбленного.

— Стоп, милочка, — с напускной серьезностью остановил ее Артур.

— Значит, все в порядке?! — просияла Бетти.

— Со мной все о'кей.

Запустив мотор, Майк приготовился рвануть с места, но, почувствовав на плече руку Эолы, сбросил газ.

Мимо шел Малютка Джон, тыча пальцем в полураздетого Доротею.

— Парень! — кричал, давясь смехом, Джон. — Какого черта ты напялил бабское белье?

— Сам не понимаю, — недоуменно рассматри-

вал себя Джек Прост, бывший гомосексуалист Доротея. — Наверное, мы с тобой вчера изрядно набрались, Джон!

— Отлично сработано! — Грегор толкнул Майка локтем в бок. — Излечились даже те, кто был в подсобках.

— Смотрите, смотрите! — Эола указала на оранжевые сполохи над вершинами деревьев.

— Что это? — не понял Майк.

— Экипаж НЛО уходит из жизни, ведь ты навсегда сделал их кастратами.

— А сама летающая тарелка цела? — Глаза Майка загорелись азартным блеском. — Эола — последняя из инопланетян, значит, НЛО принадлежит ей?

— Несомненно, — подтвердил Грегор.

По одним известным ей признакам Эола отыскала поляну, над которой зависла летающая тарелка.

— Зачем она вам? — недоуменно спросила Бетти.

— Это будет самый фантастический музей в мире, правда, любимая? — Норман нежно обнял Эолу.

„Вырубив" электронику, я, оглушенный треском своей пишущей машинки, вышел из-за стола со странным ощущением реальности описанных детективом событий. Что, если то, о чем он рассказывает, не бред? Что, если он действительно был вовлечен в круговорот кровавых, таинственных событий? Нет, не может быть! Желая избавиться от навязчивой мысли, я вернулся к магнитофону.

XV

Сидя на стволе

— Билли, я точно знаю — постель Сатаны у тебя.

— Постель Сатаны? Не смеши, Кап, это обыкновенная старая кровать.

— Что же ты за нее держишься, как девица за панталоны?

— Видишь ли, на этой кровати я лишился девственности. Она дорога мне как память.

— Не морочь мне голову, Билл, я плачу за нее миллион баксов. Ну как, по рукам?

— Вот заладил! Говорю тебе, кровать не продается. — Прожженный мафиози Билл Фрезер отодвинул в сторону недопитый стакан. — Проваливай, Кап!

— Билли, ты, кажется, забыл, с кем разговариваешь? — В пустой гостиной тихий голос Капа прозвучал зловеще, как шипение подползающей змеи.

— Пожалуй, забудешь, если все только о тебе и пишут: „Бруно Капельяно — король гангстеров!" Скажи, Кап, ты сам платишь газетчикам? Может, для них ты что-то и значишь, а для меня ты — ноль. Дешевка.

Кап побледнел. Его взгляд стал холодным и острым, как хирургический скальпель.

— Значит, не продаешь? — Не спуская глаз

с Билли и напрягая мышцы для молниеносного выстрела, он потянулся за револьвером.

— Спокойно, Кап, ну-ка, пошарь у себя под задницей. — Серые никотиновые губы Билла скривились в презрительной усмешке.

Капельяно сунул руку под стул и тотчас отдернул. К сиденью была прикреплена металлическая конструкция.

— Ты сидишь на стволе, Кап, попробуй шелохнуться, и пуля войдет тебе в зад, а выйдет из горла, и твои люди, что топчутся на газоне, не успеют тебе помочь. Теперь слушай меня. — Билл подался вперед, пристально глядя в лицо Капа. — Это действительно постель Сатаны. Я сам его видел. Вот как сейчас тебя. И не приведи Бог увидеть еще. Копи деньги, Кап, и приходи через год-другой, если не попадешь на электрический стул. Кровать стоит в десять раз дороже, потому что она может...

Цокнув разбитым стеклом, пуля 45-го калибра оборвала его на полуслове. Так и не поняв, откуда она прилетела, Билл, судорожно вытянувшись, рухнул на пол. Из его рта вытекла тонкая струйка крови. Кап склонился над трупом и оцепенел — в зрачках Билла отразилось нечто стоящее за спиной Капа. Не смея обернуться, Бруно чувствовал, что оно здесь...

Волосы гангстера встали дыбом, а невыразимый ужас сковал все члены.

— Сатана! — прошептал Кап, теряя сознание...

Очнулся он от того, что кто-то запихивал ему в рот горлышко бутылки виски.

— Босс, что с вами?

Чья-то дрожащая рука поднесла ему карман-

ное зеркальце. Кап увидел в нем совершенно седого человека. Это был он сам.

— Обыщите дом. Живо! — прохрипел Кап, стервенея.

Торопливый стук гангстерских каблуков разнесся по комнатам, но тщетно. Постель Сатаны бесследно исчезла. Покидая дом, Кап покосился на труп, и ему показалось, что мертвый мафиози скривился в презрительной усмешке...

В тот день приемная начальника полиции Морли была похожа на дамскую парикмахерскую. Разбросанные по креслам сумочки, аромат духов, истерический смех дюжины девиц, пришедших в участок, в высшей степени раздражали Морли. Но еще более неприятными показались ему два мрачных типа, молчаливо стоящие в углу.

— Кто такие, Стивен? — спросил Морли помощника.

— Они называли друг друга Боб и Том, я думаю, это родственники потерпевших. Разрешите проверить их документы, сэр?

— Не надо, — махнул рукой Морли, проходя в свой кабинет. — И что, всех их изнасиловал один и тот же мерзавец, а, Стивен?

— Да, сэр, они опознали его на фотографии.

— Что, всех сразу?

— Нет, что вы, сэр, — смутился помощник, — по одной...

— Так арестуйте сукиного сына — и дело с концом!

— В том-то и проблема, сэр, нет никаких доказательств изнасилования.

— Как это нет? Вы что, оглохли, Стивен, вы только послушайте, как они орут.

— Сэр, мне очень жаль, но мы не можем арестовать насильника.

— Вы что, первый день в полиции, Стивен? Ну-ка, позовите одну из них!

В кабинет вошла высокая крутобедрая блондинка с припухшим от слез лицом.

— Расскажите, мисс, об этом печальном событии. — Морли строго посмотрел на девушку. — Тот подонок избил вас?

— Нет.

— Он угрожал вам?

Она отрицательно мотнула головой.

— Он хотя бы сорвал с вас одежду?

— Я сама разделась.

— Так какого черта вы пришли в полицию, мисс! — взорвался Морли.

— Он меня изнасиловал! Я не знаю, как это произошло. — Посетительница залилась слезами.

— Стивен, медицинского эксперта ко мне, быстро! — прорычал Морли.

Закончив опрос потерпевших, Морли, грузный и розовощекий, вальяжно развалился в кресле:

— Что скажете, Стивен?

— Вряд ли все они лгут, сэр.

— Тогда скажите мне, как можно изнасиловать женщину, которая сама раздевается?

— Вероятно, он гипнотизер, сэр?

— Чепуха, — возразил медицинский эксперт, — это превышает возможности гипноза. То, что произошло, не поддается объяснению с позиции современной науки. Голову даю на отсечение, Морли, но это какие-то сверхъестественные силы. Боюсь, здесь нужен не ученый, а хороший сыщик.

— Опять все сваливаете на полицию, — не-

довольно проворчал Морли. — Кому мы поручим это дело, Стивен?

— В полиции Нью-Йорка нет нужного нам человека, сэр.

— А этот ваш, как его, Майк Норман?

— Он ушел из полиции, теперь он — частный детектив, к тому же у вас с ним было не все гладко.

— Вот что, Стивен, я действительно не люблю выскочек. Но надо отдать ему должное. Норман — истинный полицейский. Ради стоящего дела он бросит все и примчится в Нью-Йорк. Соедините меня с ним.

— Да, сэр.

Отпустив подчиненных, Морли поправил прическу и нажал на кнопку звонка. В дверях показалась секретарша Моника Грей с хромированным подносом в руках. Увидев ее, Морли, как всегда, перевел дыхание. Не потому, что на подносе стоял отменный кофе с любимыми сливочными тянучками, а потому, что сама Моника была как сливочная тянучка. Ее озорные глаза, прелестные губы и полные ноги сводили Морли с ума.

— Ваш кофе, сэр.

— Спасибо, мисс Грей. А что вы делаете сегодня вечером? — как бы невзначай спросил начальник полиции.

— Сегодня я занята.

— А завтра?

— И завтра, и послезавтра, сэр.

— Моника, Моника, когда-нибудь вы будете снисходительны к судьбе несчастного полицейского? — Изловчившись, он схватил ее за руку и коснулся губами ароматных пальчиков.

— Извините, сэр, но вы требуете невозможного. — Отстранившись, Моника удалилась.

Глядя ей вслед, Морли попытался представить, как бы она себя вела с этим таинственным насильником. Пожалуй, после его объятий она стала бы сговорчивее...

И тут же бред, порожденный нежностью и ненавистью к строптивой секретарше, обратился в конкретный план действий.

Майк Норман, сидя за рулем только что купленного „вольво", наблюдал, как из подъехавшего такси вышла Моника Грей и направилась к дому насильника. И хотя он знал, что она вооружена, беспокойство за девушку не покидало детектива.

Он с самого начала возражал против затеи Морли подослать к преступнику полицейского агента — девушку, с тем чтобы получить против него неоспоримые улики, для чего в квартире насильника была установлена звукозаписывающая аппаратура.

Неожиданно окно на втором этаже распахнулось. Майк, готовый броситься на помощь, выхватил револьвер. Но каково было его удивление, когда оттуда высунулась Моника и, приветливо помахав рукой, закричала:

— Эй, Майк, уезжай, со мной все в порядке!

Это не входило в сценарий операции. Обескураженный, Майк завел мотор и отъехал за угол. Здесь он надел парик, длинный помятый плащ и, изображая пожилого бродягу, вернулся на прежнее место. Через несколько минут мимо него пробежала мисс Грей с растрепанными волосами и отрешенным лицом.

— Мисс Грей, я здесь! — Майк сорвал парик.

— Оставьте меня! — Рванувшись от него, девушка исчезла в переулке.

Майк в нерешительности остановился. Первым его желанием было ворваться в квартиру преступника и надеть на него наручники. Но это окончательно ломало план операции. Скрепя сердце Норман вернулся к машине.

Вечером того же дня Морли, довольно поглядывая на заплаканное лицо секретарши, уединился в кабинете. Сгорая от нетерпения, он вставил в магнитофон кассету, доставленную из дома преступника.

Послышался скрип открываемой двери и голос Моники:

— Добрый день, могу я видеть Габриэля Смарда?

— Проходите, — ответил молодой мужской голос.

— Какая красивая кровать! Это девятнадцатый век?

— Трудно сказать.

— О, мне у вас определенно нравится. Минутку. — Морли услышал звук отпираемого окна и крик Моники. — Эй, Майк, уезжай, со мной все в порядке!

— Кто это? — спросил хозяин квартиры.

— Так, один приятель.

— Он уехал?

— Да.

Морли напряг слух, ожидая самого главного.

— Ложись, дура! — приказал мужчина.

Моника подчинилась. Стукнув об пол, упали ее туфельки. Морли не мог слышать шороха снимаемого белья, но дыхание девушки, учащенное желанием и страстью, он слышал отлич-

но. Его тело тотчас покрылось испариной. Он жадно глотал воздух, испытывая возбуждение, смешанное с не менее сильным отвращением.

— У тебя неплохая попка. — Мужчина звонко похлопал Монику.

Морли застонал.

— И грудь ничего, но ноги слишком толсты. Ты не в моем вкусе. Одевайся, детка, и иди к маме...

Морли вырвал шнур магнитофона из сети и как ошпаренный забегал по кабинету:

— Ну, проныра, ну, сукин сын! Ведь знает подход к бабам! И до чего же просто!

Морли решил немедленно воспользоваться полученной информацией. Нажав кнопку, он вызвал в кабинет секретаршу.

Пятясь к широкому кожаному дивану, он поманил Монику к себе. Ничего не понимающая девушка приблизилась. И тут, набрав полную грудь воздуха и преодолев себя, Морли рявкнул, как на учебном плацу:

— Ложись, дура!

Глаза Моники вспыхнули, как у дикой кошки, и мощная пощечина, больше похожая на оплеуху, повалила Морли на диван. В ту же секунду Моника оседлала полицейского, вцепилась в шевелюру и начала драть его за уши.

Дверь распахнулась, в кабинет вбежал Стивен.

— Помогите! — взмолился Морли.

Помощник бросился стаскивать Грей с начальника.

— Да не мне, помогите ей! Это тибетский массаж! — заорал, испугавшись разоблачения, Морли.

Не подозревающий подвоха, Стивен взялся за второе ухо начальника.

— Здорово, ребята! Поднажмите! — кричал Морли, изображая пациента.

И тут что-то случилось со Стивеном. Вспомнились все обиды и мелкие придирки начальника. Что есть силы он принялся рвать ему уши.

— Стив, придурок, слезь! Ой, ой! — орал Морли, но помощник, мертвой хваткой вцепившийся в шевелюру шефа, был неумолим.

Наконец Морли удалось сбросить обоих. Волоча их за собой по ковру, он на четвереньках пополз к начальственному креслу.

— Простите, сэр. — Стивен пришел в себя.

— Вам больно? — Моника наклонилась и поцеловала красное, как кумач, ухо начальника. — Простите нас.

— Кажется, мы перестарались, шеф? — виновато пробормотал Стивен.

— Все хорошо, ребята. Два дня отпуска обоим. И передайте Майку Норману — я больше не вмешиваюсь в это дело. Предоставляю ему полную свободу.

Выпроводив полицейскую ищейку, Габриэль Смард, несостоявшийся рок-музыкант, спокойно направился в соседний бар, где заказал кока-колу и гамбургеры. К визиту полиции он был готов давно, с тех пор как привез с заброшенной фермы, из Аризоны, эту странную кровать со стеганым матрасом. Очень скоро Смард заметил, что она обладает необъяснимой властью над женщинами.

Началось все с того, что приехавшая на каникулы соседская девчонка — смешливая русоволосая Элен Фарби — забежала к нему за солью.

— Привет, Габ! — крикнула она с порога.

И тут же умолкла. Ее веселое лицо посерьезнело и вытянулось. Сосредоточенным и в то же время отрешенным взглядом она уставилась на волосатую грудь Смарда. Девушка приблизилась и погрузила в его шерсть свои изящные наманикюренные пальчики.

— Ты что? — опешил рок-музыкант и тут же почувствовал, как молния на его шортах поползла вниз. Элен взасос поцеловала его, слегка прикусив язык своими перламутровыми зубками, потянула к постели...

Когда она ушла, Смард еще долго лежал на кровати, боясь выйти на улицу. Он слишком хорошо помнил, как ловко орудует никелированным тесаком в мясной лавке Том Гриффер — жених Элен.

Поначалу все обошлось.

Обретя фантастическую власть над женщинами, Габ упивался сексом. Сначала он таскал к себе хорошеньких, потом очень хорошеньких, потом лучших из лучших. Главное в сексе — разнообразие, внушил он себе. Ведь даже самый никчемный и скучный день состоит из утренней зари, знойного полудня, умиротворенного вечера и доброй ночи. Секс тем более должен быть многообразным. Но, против ожидания, постоянная смена партнерш, при всей ее соблазнительности, не давала ему полного ощущения счастья.

Лишь одна девушка на свете могла его осчастливить. С необычной робостью Габ наблюдал за ней со стороны, зная, что рано или поздно и ей не миновать его постели.

Девчонка и впрямь была хороша. Ее безукоризненные формы одинаково безошибочно угадывались под легким плащом и под беличьей

шубкой. А когда она появлялась в ковбойских брючках и мохеровом свитере, надетом на голое тело, ее ничем не стесненные груди играли под шелковистым пухом, как губы влюбленных при поцелуе. А ее блондинистая коса! А ясные глаза на младенчески чистом лице! Габ смотрел на нее с затаенным дыханием, как на редкую бабочку, которой он непременно должен сломать крылья.

Девушку звали Наташей. Дочь русского, Наташа отлично освоилась в Нью-Йорке, городе эмигрантов. Даже Смард, американец в четвертом поколении, не мог похвастаться таким безупречным произношением, каким обладала эта девушка...

„Конечно, она прелесть, но русский цветок все-таки придется сорвать", — не без удовольствия думал Смард, представляя, какие фигуры „высшего сексуального пилотажа" проделает он с ней.

— Простите, здесь не занято?

Габриэль поднял голову. Перед ним стоял атлетически сложенный мужчина с озорными зелеными глазами, одетый в строгий серый костюм.

— Свободно, — ответил Смард.

Майк Норман сел напротив, с интересом разглядывая сексуального преступника — худощавого брюнета с ввалившимися, видимо от беспорядочной половой жизни, щеками.

— Габриэль Смард? — Не спеша помешивая кофе, Майк пристально посмотрел в глаза рок-музыканта.

— Я узнал вас, вы из полиции. Только где ваш парик? — насмешливо спросил Габ.

— Я вижу, ты не очень-то боишься полиции, Смард. — Норман сделал маленький глоток хорошего кофе.

— Разве я виноват, что бабы балдеют от меня? — нагло улыбнулся Габ.

— Ты прав, парень, улик против тебя пока нет, — согласился детектив, — но твое дело все же дрянь.

— Это еще почему? — насторожился Габ.

— Если ты думаешь, что в Нью-Йорке у тебя одного в штанах есть „прибор", то ты глубоко заблуждаешься. Звони, если придется туго. — Майк бросил на стол визитную карточку, рассчитался и вышел из бара.

Вот чего Смард действительно не ожидал! Если бы полицейский стал угрожать ему, он бы не удивился. Но помощь от полиции — это уже что-то новенькое. Габ вспомнил волосатые лапы мясника Тома и спрятал на всякий случай визитку в карман.

— Слушай, Том, ты такой парень! Да ты одним плевком размажешь этого подонка по стене, как улитку.

— Нечего делайт, — лениво согласился немецкий эмигрант Том Гриффер, поигрывая никелированным тесаком перед носом Боба. — Я его бить так! — Кусок мороженой туши развалился надвое. Сверкнув в воздухе, тесак вонзился в огромную деревянную плаху — гордость мясной лавки Гриффера.

— Черт их знает; этих баб, Том. Что твоя Элен нашла в Смарде?

— Она реветь. Говорит — она не виноват. А как есть твой Люси, Боб?

Боб Брикстон, фармацевт, щуплый и низкорослый, с подвижной, как у воробья, головкой, заскрипел зубами:

— Я — не я, если не проучу его на всю жизнь!

— О да! Проучайт, проучайт! — закивал Том.

— Твою руку, май фрэнд! — Боб картинно протянул маленькую ладонь мяснику и застонал от боли, ощутив его рукопожатие. — Яволь, Яволь! Прекрати, май фрэнд, я тебе не мясная туша. — Боб вырвал свои посиневшие костяшки.

— Слов — есть мало, дело — есть много. — Мясник открыл свой „дипломат" и принялся складывать туда далеко не безобидные предметы. Закончив сборы, он вопросительно посмотрел на Боба. — Я хотел купить один грос букет. Не много денег. Кусается.

— Чего-чего? — не понял фармацевт.

Взяв карандаш, Том изобразил требуемый букет.

— Ну, ты молодчина, Том, — изумился Боб. — Через час букет будет у тебя.

При всей пикантности, любовные утехи приносили Смарду не одни только радости. Во время постельных развлечений его начали посещать навязчивые и устрашающие видения.

Ему постоянно казалось, что за резной спинкой кровати, в ногах, стоит нечто жутковатое и пристально наблюдает за половым актом. Голыми пятками Габ чувствовал его холодное дыхание. Он понимал, что все это глупости, и все же не смел взглянуть назад.

Впрочем, за удовольствие надо платить. Габриэль попытался переключиться на более приятные размышления. Лениво развалившись на „ложе любви", Смард принялся смаковать совсем еще свежие воспоминания. А их было немало — бархатистая кожа Люси, пухлые губки Элен...

Сколько их уже перебывало в этой кровати? А сколько еще будет!

Осторожный звонок прервал эротические размышления рок-музыканта. Накинув халат, он вышел в прихожую.

— Кто здесь?

— К господину Смарду, по вопросу ангажемента в джаз-клубе.

Габ посмотрел в глазок. На площадке стоял приличный господин в цилиндре и белом шарфе — черт подери! — да еще с букетом!

Забыв о всякой осторожности, Смард открыл дверь и отшатнулся — за господином стоял мрачно улыбающийся мясник Том! А в господине Смард узнал ненавистного фармацевта!

В следующую секунду растерявшийся Смард, не успев даже пикнуть, оказался на своей драгоценной кровати. Он лежал на животе, придавленный к постели взгромоздившимся на него мясником.

— Ребята, вы шутите?! — надеясь на лучшее, спросил музыкант.

— Мы хотеть больно гладить твой попка, — пояснил Том.

Фармацевт задрал махровый халат Габа намного выше спины и развернул огромный бумажный кулек. „Букет" оказался роскошной кладбищенской крапивой. Предвкушая удовольствие, Боб не спеша надел белые перчатки, переглянулся с Томом.

— Айн! Цвай! Драй! — довольно закивал Том.

— Остановитесь, вы, кретины! — взмолился Габ.

Не слушая его, Боб поднял „веник" и что есть силы хлестнул по музыкальному заду Смарда.

Бедняге показалось, что он нагишом уселся на горячую сковороду.

— Айн! — проникновенно улыбнулся мясник. — Береги свой попка, сынок.

— Ой, мама! — Габ испытал страстное желание натянуть штаны.

— Цвай! — счастливым хором гаркнули экзекуторы, и, обоженный крапивой, Смард, как добрый конь, подскочил вместе с сидящим на нем мясником.

— Теперь ты будешь лежать на спинке, как мой Элен. Ты понимаешь? — Том перевернул Габриэля лицом вверх.

— Сейчас он поймет, май фрэнд. — Фармацевт поплевал на „веник". — За Элен, за Люси, за всех, всех, всех.

Грозно сверкнув очами, он ожег ненавистного соперника крапивой.

— Проклятые рогоносцы! — взвыл несчастный донжуан.

— Что он есть сказать? — переспросил Том.

— Май фрэнд, он сказал такую пакость, такую пакость... Но ничего, сейчас получит успокоительное. — Из принесенной фляги фармацевт влил в глотку Габриэля лошадиную дозу слабительного... — До скорой встречи, сэр, — вежливо поклонился Боб.

— Мы будем приходить еще делать больно твой попка, — пообещал мясник.

Такого унижения Габриэль Смард себе даже не представлял. Большую часть вечера он провел в туалете, размышляя о том, каким верным оказалось пророчество полицейского и каким образом обезопасить себя в дальнейшем.

Со свойственной ему самонадеянностью,

Смард решил не обращаться в полицию, а положиться на собственные силы. Будучи человеком деятельным и не лишенным воображения, он немедленно приступил к превращению своего жилища в неприступную крепость. Успеху замысла способствовало то обстоятельство, что в его квартиру на втором этаже вела отдельная лестница. На лестничную площадку Габ закатил бочку с прокисшей капустой, купленную по такому случаю в овощном подвальчике. У входа подвесил ведро с золой из камина, а у двери уложил целую гору гнилых арбузов. Теперь он не только не боялся появления экзекуторов, но даже ждал их.

Ранимая душа рок-музыканта жаждала мщения!

XVI

Главарь мафии

Информация, просочившаяся из Управления полиции, чрезвычайно взволновала невозмутимого Бруно Капельяно. Если предчувствие его не обманывало, то он был сейчас, как никогда, близок к своей давней, заветной цели.

Те, у кого нет долларов, стараются их достать, а те, у кого их много, стараются истратить... но непременно на что-то особенное. И лучше всего, чтобы покупка приносила новые доллары.

Постель Сатаны была именно такой вещью. Она отдавала всех женщин мира в руки гангстера. К принадлежащим ему игорным и публичным домам он мог прибавить еще один — единственный в своем роде, где клиенты могли покупать не вульгарных проституток, а женщин, которые при обычных обстоятельствах никогда бы им не достались. Ведь в жизни каждого мужчины столько неосуществленных мечтаний! А что может стоить дороже мечты? За нее не жаль никаких миллионов. Бедняга Фрезер! Имея такое сокровище, он не сумел им воспользоваться. Нет, Бруно Капельяно знает, как делаются зеленые.

Опустив боковое стекло автомобиля, гангстер жадно глотнул пропахший горячим асфальтом

воздух отходящего ко сну Нью-Йорка. Пора! Автомобили гангстеров тронулись за машиной главаря.

Майк Норман, внимательно наблюдавший за домом Смарда, не мог не заметить кавалькаду автомобилей, остановившуюся поодаль. Из машин вышли весьма странные субъекты, которых он принял было за ухажеров соблазненных Габом девиц.

Рассредоточившись и стараясь не привлекать внимания, они двинулись к дому.

„Ого! — подумал Майк. — Это будет покруче крапивной порки!"

Опередив их, Норман через вентиляционное окно проник в дом и затаился в кладовке, набитой пыльным хламом. Это убежище, примеченное накануне, теперь очень пригодилось детективу.

Между тем внизу тихо ворочалась отмычка. Скрипнув, отворилась дверь, и перед глазами удивленного Майка предстал Бруно Капельяно, разыскиваемый полицией гангстер. Дело и правда принимало серьезный оборот. Вытащив револьвер, Майк подумал, что шесть зарядов на этот раз будет маловато.

— За мной, ребята! — Бруно выхватил коротковольный пистолет и, вжав бычью голову в плечи, первым рванулся вперед.

И сразу же присел! Тяжелое ведро, больно ударив по голове, обдало его золой.

— Что? Что такое? — В непроглядном облаке предводитель шайки встал, как серое надгробное изваяние.

Ругаясь и натыкаясь друг на друга, налетчики сгрудились под лестницей. И тут наверху

раздался грохот, похожий на шум проходящего товарного состава. Что-то тяжелое, неотвратимое, как судьба, неслось на них, сотрясая весь дом.

— Засада! — Налетчики бросились прочь.

— Назад, каналья! — Бруно пальнул в потолок.

В ту же секунду, словно подхлестнутая выстрелом, бочка ударилась об угол и, гулко взорвавшись, выкинула гангстеров на улицу в фонтане тухлой капусты.

— Спасайся, братва! — Шайка бросилась по машинам.

Сотрясаясь от хохота, Майк вышел из укрытия и тотчас отпрянул — мимо его уха пронесся арбуз. Второй он остановил метким выстрелом — разрывная пуля 45-го калибра разнесла его в клочья, что несколько утихомирило Смарда...

— Отлично, Габ! С тухлыми арбузами против пистолетов. Поздравляю!

— От хулиганья отбиться легче, чем от полиции. Проходите. — Габриэль, разгоряченный битвой, еще не осознавая, какой смертельной опасности он только что чудом избежал, посторонился.

Майк прошел в довольно просторную спальню, главной достопримечательностью которой была старинная массивная кровать со стеганым светло-розовым покрывалом.

— Послушайте, Смард, — начал Норман, — вам приходилось читать об обезглавленном трупе, выловленном в прачечной?

— Что-то слышал. А какое мне до этого дело?

— А о четверых неизвестных, сожженных в микроавтобусе?

— Читал.

— Может быть, имя Бруно Капельяно что-нибудь говорит вам?

— Кровавый король гангстеров?

— Он самый. — Сделав паузу, Майк посмотрел твердым взглядом в глаза рок-музыканта и, отчеканивая каждое слово, произнес: — Здесь только что был Бруно Капельяно со своими людьми. Он приходил за твоей жизнью, Габ.

— Да ну... — Почувствовав, как у него задрожали поджилки, Смард опустился на стул. — Вы шутите?

— Смард, тебе остается жить не более суток. Поверь, мне не до шуток. Единственный твой шанс — довериться мне. Как ты думаешь, что привело их сюда? Не лги, помни, речь идет о твоей жизни.

— Сначала один вопрос. Мне кажется, я видел вашу фотографию в газетах. Как вас зовут?

— Майк Норман.

— Тот самый! — Потрясенный Смард вскочил и подбежал к книжной полке. — У меня есть вырезки. Вот — „Майк Норман против космических террористов", „Захват НЛО".

— Не будем терять время, Габ, его у нас просто нет.

— Хорошо, Майку Норману я расскажу все.

Выслушав сбивчивый рассказ Смарда, Майк ощупал постель Сатаны, потом они вместе с Габом перевернули кровать, сделанную из неожиданно легкого и прочного материала. На ее внутренней стороне Майк обнаружил то, что искал, — письмена на межгалактическом эсперанто, которому его обучала Эола. Закончив чтение, Майк помрачнел.

— Какая-нибудь инопланетная чертовщина? — не выдержал Габ.

— Сколько женщин побывало на этой кровати? — ответил вопросом на вопрос Майк.

— Двенадцать.

— Это точно?

— Да, почему вы спрашиваете?

— У тебя не было ощущения, что во время половых актов за спиной делается что-то неладное, Габ?

— Было, да еще какое. Был страх. Мне стыдно признаться, право. А откуда вы узнали? Может быть, вы знаете, кто это был?

— Хозяин кровати — Сатана!

— Что?! — Смард побледнел.

— Здесь сказано, что, наблюдая за вашими двенадцатью половыми актами, он будет возбуждаться, тринадцатую женщину он возьмет себе.

— Что вы говорите! — Испарина выступила на лбу и висках Смарда. Тринадцатой должна была стать Наташа — последняя светлая надежда его души. — Что мне делать, Майк? — Забыв о своей недавней неприязни, Габ схватил детектива за руку.

— Во-первых, Габ, ты должен прекратить свои сексуальные опыты, если не хочешь отправить невинную душу в ад. А во-вторых, надо немедленно убираться отсюда.

Вытащив кровать на улицу, Габ уселся на нее, а Майк отправился за грузовиком. Внезапно напротив Смарда затормозил фургон.

— Что приуныл, парень! — весело крикнул шофер.

Словно повинуясь безотчетному импульсу,

Габ запихнул кровать в машину и, назвав адрес, запрыгнул туда сам...

Прислушиваясь к ровному гулу мотора, он понял, что пытается убежать от всех — от мясника, гангстеров, полиции, от себя.

Пустующая автомастерская, где Габ с друзьями частенько репетировал, была сумрачным, пропахшим отработанным маслом и резиной помещением. Лишь в конце пролета, за подъемником, имелась небольшая комнатушка, более-менее пригодная для жилья. Затащив сюда кровать, Габриэль напился мутной теплой воды из-под крана и улегся на розовую постель, поймав себя на мысли, что лежит на ней, возможно, последний раз.

В этом жестоком, ничего не прощающем мире ему, наделавшему столько глупостей, вряд ли удастся удержать собственность дьявола. Чувство безвозвратно утерянных возможностей размягчило его душу, лишило сил сопротивляться злу. Испытанные им ощущения были сродни тому, что ощущают наркоманы, алкоголики и игроки, когда пагубная страсть незримо влечет их к себе. Ах, если бы рядом был Майк Норман! Но его не было.

Презрев стыд и остатки совести, рок-музыкант отправился за Наташей, не забыв прихватить лоскуток с постели для приманки...

Когда девушка переступила порог его комнатушки, Габриэль наглухо закрыл дверь, подперев ее железным ломом.

Некоторое время он молча разглядывал Наташу, позволяя ей прикасаться к своим щекам.

„Тринадцать! Тринадцать!" — стучала в висках кровь...

Прав ли Норман? Явится ли сюда дьявол? А,

будь что будет! Смард сделал знак, и девушка послушно сняла одежду. Обнаженная, она была потрясающе хороша и обольстительна.

Целуя руки Габа, она опустилась на кровать. Смард наклонился к ней... и тут же почувствовал холодное дыхание за своей спиной. Габ оцепенел от ужаса. Железная клешня впилась ему в шею, и по ключице, по груди побежали теплые струйки крови. Ужас был так велик, что Смард даже не почувствовал боли. Холодное дыхание приблизилось...

Страшась повернуться, Габ замер. „Все!" — пронеслось в мозгу...

Дверь распахнулась от мощного удара. Звякнув о бетонную стену, отлетел на пол лом. На пороге стояли Бруно Капельяно и его люди. Сразу несколько стволов ударили во что-то позади Габа. Железная клешня разжалась. Воспользовавшись моментом, Смард бросился в окно.

Вылетев на улицу, он увидел сноп огня, ударивший в гангстеров, их горящие, корчащиеся тела. Упав на траву, он покатился в сторону. В здании, выкидывая наружу крапленные копотью языки, бушевало пламя, а над крышей, спокойное и безразличное ко всему происходящему, поднялось серебристое веретенообразное тело с панорамными иллюминаторами. В одном из них Габ увидел мелькнувшую головку Наташи...

— Что я наделал! — Хватая зубами землю, Габ катался по траве в отсветах бушующего пожара.

Удобно расположившись вниз головой в антигравитационном кресле, СН 243, невзрачный брюнет, потягивал джин, ожидая, когда похищенная девушка придет в чувство. Внешне он

ничем не отличался от землян, если не считать лица, которое приводило людей в трепет.

На этот раз добыча была особенно хороша. Не хотелось думать, что в конце концов ее тоже придется пустить в расход. Это русское словечко, такое небрежное и удальское, как бы заранее снимало с него ответственность.

СН 243 вспомнил, как после бегства с большого космического корабля на Землю он несколько недель скрывался в маленьком патрульном НЛО и как отчаянно паниковал, когда, посчитав его погибшим, большой НЛО пустился в обратный путь, навсегда оставив его на чужой планете.

Но скоро переживания забылись. Зато все сокровища земной жизни принадлежали теперь ему. Он единолично распоряжался Землей, куда вход инопланетянам был категорически запрещен. Он искал и находил самые изощренные яства и развлечения, а когда устал от их поисков, случайно наткнулся на высшего полицейского чина, похищавшего девушек для своего хозяина. Как смачно этот глава службы безопасности умел сказать — „в расход". Нет, у него — СН 243, пожалуй, так не получилось бы.

Понаблюдав за жизнью тирана и его кровавого холуя, инопланетянин решил кое-что у них позаимствовать, разумеется усовершенствовав примитивную схему землян. Так появилась на свет „кровать удовольствия"... Подкидывая ее какому-нибудь землянину, он не утруждал себя поисками. Вкусив запретный плод, земляне носились, как бешеные тараканчики, выискивая красоток в таких „щелях", куда ему никогда не пришло бы в голову заглянуть. Правда, теперь, в возрасте 243 лет, его потенции были не те, что

раньше, и ему, прежде чем впиться в очередную жертву, приходилось подолгу наблюдать за возней очередного „оператора“ кровати, возбуждаясь и доводя себя до кондиции.

И все же земная жизнь навигатора 8–го разряда СН 243 не шла ни в какое сравнение даже с жизнью самых богатых и знаменитых людей его родной планеты.

Отхлебнув изрядный глоток джина, инопланетянин расправил свои чешуйчатые хрящевидные губы, обнажив ряд акульих, загнутых внутрь зубов. Он обожал для начала попугать свои жертвы...

Когда в разорванной одежде, с опаленными бровями и ресницами, Габ ввалился в кабинет Майка, детектив сразу понял — произошло самое страшное.

— Какого черта ты улизнул, Габ, где Наташа? — Норман безжалостно тряс Смарда, который от нервного потрясения не мог связать двух слов.

— Дьявол ее утащил, дьявол или инопланетянин, я не знаю. Это ужасно.

Уставившись в одну точку, Смард снова умолк. Майку стоило немалых усилий вытянуть из него необходимые сведения.

— Надо спасать девушку! — Майк бросился к телефону.

В этой ситуации могла помочь только Эола и мощное вооружение ее летающей тарелки...

— Все в порядке, едем. Она будет нас ждать на побережье.

Закончив разговор с Эолой, Майк бросил трубку на рычаг и, подхватив обмякшего Габа, потащил его к стоящему внизу „вольво“.

— Очнись, Габ, пристегни ремни. Не раскисай!

В точно назначенное время Майк подрулил к каменистому пляжу, обрамленному темной полосой кустарников.

Вглядываясь в темнеющее небо, он заметил маленькую звездочку, которая, стремительно падая, превратилась в космический корабль. Воздушный транспортер подхватил Майка с Габриэлем и бережно перенес их на борт НЛО. Эола в серебристом костюме навигатора, шагнула навстречу Майку. Он нежно обнял возлюбленную.

— Сейчас не время, Майк. — Эола освободилась из его объятий. — Девушке угрожает опасность.

— Вы сможете чем-нибудь помочь ей? — с надеждой спросил потрясенный видом НЛО Габ.

— Я уже сделала замеры. Космическая шлюпка того, кого вы называете дьяволом, оставила гравитационный след. Он еще не исчез.

— Тогда вперед, дорогая!

Без каких-либо толчков и, что самое странное, перегрузок НЛО перенес экипаж в южное полушарие и здесь, зависнув над пустыней, замер, тусклой точкой затерявшись среди других звезд, ярко горевших на небосклоне.

— Он здесь, — прошептала Эола, словно инопланетянин мог ее услышать.

— Садимся, — также тихо ответил Майк.

Приземлившись, НЛО встал на телескопические треножники. Оставив Эолу в безопасном месте, Майк, вооружившись бортовым бластером, спрыгнул на грунт, пристально вглядываясь в темноту.

— Идем, — приказал он Габриэлю.

Отойдя от НЛО, Норман протянул Смарду свой револьвер:

— Держи. Надеюсь, ты умеешь обращаться не только с гнилыми арбузами?

Пройдя еще с полмили, Майк увидел патрульный челнок инопланетного дезертира. Он стоял между двух барханов на коротких выдвижных ножках, глубоко ушедших в песок. Его панорамные окна были ярко освещены.

Спрятав оружие под полой, Майк постучал в обшивку. СН 243 поднялся с антигравитационного кресла. Он обожал пугать землян. Его забавляло, когда, увидев его, они падали в обморок или седели на глазах. Неуязвимость и безнаказанность со временем сделали его беспечным. Разве мог он предположить, что у трапа стоит один из лучших полицейских Земли, вооруженный лучевым пистолетом?

Открыв пассажирский люк, СН 243 ступил на землю, и тотчас бластер Майка уперся ему в грудь. Норман увидел лицо инопланетянина. Он знал, что оно будет ужасным, и все же то, что предстало перед ним, превосходило все мыслимое. И Майк растерялся, может быть, на какую-то тысячную долю секунды. Но монстр отлично ею воспользовался. Выбив оружие у Нормана, он занес над ним металлическую клешню.

— На! — Габ кинулся под ноги инопланетянину.

Тот покачнулся, посмотрел вниз. И в ту же секунду бластер снова был в руках Майка, и ослепительный луч рассек пополам тело хозяина „кровати любви"...

Габ кинулся в люк и вынес оттуда все еще пребывавшую в забытьи девушку. „Какое счастье, что она не увидела это чудовище", — подумал он.

Загрузив в трюм трофейный космический челнок — свидетельство очередной победы, Майк был все же не в духе. Отважный полицейский переживал свою оплошность, которая едва не погубила их всех. Сидя в стороне от пульта управления НЛО, он хмуро наблюдал, как Эола обучает Габа выключению защитного поля кровати Сатаны. Зная о пагубных наклонностях Смарда, она внесла в ее схему существенную поправку. Теперь кровать включалась только при обоюдном согласии партнеров.

Повеселевший, снова поверивший в свои силы, Смард направился было в каюту, где приходила в себя пережившая глубокий шок Наташа. Но дорогу ему преградил Майк.

— Стоп, парень, — он властно положил руку на плечо Габриэля, — отныне ты будешь спрашивать у женщин, хотят ли они тебя видеть.

— Но, Майк, мне обязательно надо с ней поговорить, ну, пожалуйста, — взмолился Смард.

— Хорошо, но только в Нью-Йорке, — ответил Норман тоном, не допускающим возражений.

Спустя неделю Габ все же уговорил Нормана договориться о визите к Наташе. Он не без основания полагал, что одного его она вряд ли захочет видеть.

В самом деле, открыв дверь Майку, она с неудовольствием обнаружила, что он пришел с Габриэлем...

Тем не менее, следуя традициям русского гостеприимства, она пригласила обоих в гостиную. После сбивчивых объяснений Габриэля девушка некоторое время задумчиво молчала.

— Знаете, Габ, — начала наконец она. —

В моей стране правил тиран. Для многих он остался аскетом в личной жизни. Так думала и я. Но вот однажды к отцу пришел товарищ — художник. Я была еще маленькой, но их разговор помню отлично. Художник рассказал, что его главный палач — сифилитик разъезжал в зашторенной машине по столице и хватал девчонок, которых привозил на растерзание. Но вот что странно, палач появлялся перед ними в темноте. Не правда ли, странно, Габ? Ведь, чувствуя безнаказанность, он не должен был прятаться?

— Да, пожалуй, что-то тут не так, — согласился Смард.

— Отца это тоже очень удивило. И вот тогда он высказал предположение, что в темноте под видом палача к жертвам являлся... сам тиран. Так вот, Габ, ты так же отвратителен, как тот палач. Ты так же, как он, таскал людей чудовищу. Или женщины не люди?

— Натали, но ведь я искренне раскаялся, поверьте. Неужели у меня нет ни одного шанса доказать вам это? — дрогнувшим голосом спросил Габ.

— Не знаю. Во всяком случае, это будет нелегко, — задумчиво ответила девушка.

Майк встал, давая понять, что не следует злоупотреблять гостеприимством хозяйки.

— Да, кстати, чем вы нас угощали, Наташа? — Детектив указал на необычный керамический сосуд, стоящий на столе.

— Вам понравилось? — улыбнулась девушка. — Это национальный напиток русских — солодовый квас.

Просматривая как-то воскресный выпуск „Нью-Йорк таймс", Майк Норман наткнулся на

небольшой рекламный снимок. На нем были запечатлены две молодые обнимающиеся пары. В одной он узнал мясника Тома и Элен, в другой — Габриэля с Наташей. Между ними стояла кровать Сатаны. На розовом покрывале было написано: „Только эликсир нашей фирмы вернет любовь охладевшим друг к другу супругам".

Остановив фонограмму, я шагнул к телефону. Набрал номер Доры. „Интересно, что думает об исповедях Майка она сама?" Не дождавшись ответа, я положил трубку на место, решив перед разговором с ней прослушать еще несколько кассет.

XVII

Проклятое ремесло

— Эй, парень, ты что такой скучный? Может, побалуемся? — Уличная проститутка Фанни Вильсон подмигнула проходившему мимо невзрачному мужчине.

Он рассеянно посмотрел на нее и пошел дальше. Тогда Фанни крутнула бедром так, как это умела делать она одна, и мужчина заколебался, словно стрелка ручного компаса. Фанни повела плечом, и мужчина послушно повернулся, как радиоуправляемая модель.

„Готов, — отметила про себя Фанни, — все мужики одинаковы". И, повелительно кивнув, пошла вперед, прислушиваясь к шагам идущего сзади клиента.

„Странный какой-то, актер, что ли?" — Фанни обернулась, разглядывая старинный костюм мужчины. Такие ей приходилось видеть только в кино.

Миновав несколько проходных дворов, Фанни завела его в конуру, которую снимала на пару с приятельницей.

Самое время было договориться о цене. Фанни повернулась к клиенту, и тотчас ей в грудь уперлось лезвие остро заточенного ножа.

— Ты что, приятель? — начала было Фанни и умолкла — на нее смотрели два холодных волчьих зрачка.

Землистые губы клиента дрогнули, расползлись в беззвучной садистской улыбке, обнажив щель между пожелтевшими зубами.

— Я Джек Потрошитель, — произнес клиент.

Фанни услышала, как потрескивает под лезвием ножа ткань ее платья. Струйки крови потекли по груди, по животу, вниз, к ногам. Вдруг что-то отвратительное, с цепкими коготочками и шершавым хвостом, пробежало по ее ноге — крыса лизала кровь.

Этого было достаточно! Фанни очнулась. Что было сил она ударила мужчину коленом в пах. Он согнулся, успев полоснуть ее по руке. Фанни бросилась к выходу.

— Господи! Спаси меня, и я брошу это проклятое ремесло! — шептала обливающаяся кровью проститутка, слыша за собой топот тяжелых башмаков клиента.

— Джек Потрошитель в Нью-Йорке? Что вы такое говорите, Стивен? Вы случайно не нанюхались наркотиков? — Начальник полиции Морли строго посмотрел на своего помощника.

— Сэр, я офицер...

— Офицер полиции должен знать, что Джек Потрошитель умер сто лет назад в английской тюрьме! — вспылил Морли. — Или вы верите в привидения, Стивен?

— Я не стал бы вас беспокоить, сэр, если бы сегодня это „привидение" чуть не зарезало некую Фанни Вильсон.

— Вот как? — Квадратная челюсть Морли отвалилась, явив взору роскошные золотые коронки. — А вам не пришло в голову, что преступник мог загримироваться под Джека, под Санта-Клауса или, например, под вашего начальника?

— Извините, сэр, я и сам так подумал, но экс-

перты утверждают, что мы имеем дело с настоящим Джеком.

— А вы что скажете, Майк? — Морли повернулся к Норману.

— Если вас не затруднит, Стивен, — начал Майк неожиданно тихим голосом, — чем руководствовались эксперты?

— Убийца как две капли воды похож на Джека, носит тот же размер одежды и обуви. И что самое главное — он обронил на месте преступления платок. На нем стоит штамп лондонской тюрьмы 1908 года.

— Какой Джек?! Какие эксперты?! Вы что, хотите сделать из меня посмешище, Стивен? — Морли, теряя самообладание, поднялся из-за стола. — Представляете, какой шум поднимут газетчики, когда узнают, что полиция вместо преступников охотится за привидениями. Стивен, я запрещаю вам произносить имя Джека Потрошителя!

— Сэр, ваш запрет вряд ли помешает ему совершить новое злодеяние.

— Ловите убийцу, Стивен, но забудьте о Джеке Потрошителе, иначе я сам стану вашим Потрошителем, ясно?

— Да, сэр.

— Идите и пришлите сюда мисс Грей.

— Сэр, — нарушил молчание Майк, — вы догадываетесь, почему я прилетел в Нью-Йорк?

— Понимаю вас, Норман, вам не терпится сцапать Джека Потрошителя. На меньшее вы не согласны. Не так ли?

— Вы правы, мне нужен Джек.

— Но это невозможно! Так же невозможно, как увидеть собственный затылок или мисс Грей в моей постели. То есть я хотел сказать...

Майк бросил на Морли быстрый пронизываю-

щий взгляд, и Морли понял, что сболтнул лишнее.

Майк еще более укрепился в догадке, когда в кабинет, словно розовое облачко, влетела очаровательная Моника Грей. По тому, как Морли старался не смотреть на ее полные ноги и яркие, без всякой помады, губы, Майк понял, сколь велика страсть шефа полиции к неприступной секретарше.

— Черт бы его побрал, этого Морли! — Громко хлопнув дверью, Норман плюхнулся в кабину своей новой машины и тотчас почувствовал, как комфорт салона, мягкая облегающая упругость сидений гасят в нем раздраженность и гнев.

— Постойте! — Запыхавшаяся Моника Грей села в машину, и детектив пожалел, что не уехал минутой раньше. — Ну как, Майк, ты подумал? — Моника закинула ногу на ногу так, чтобы были видны ее соблазнительные круглые коленки.

— Ты же знаешь, Моника, я женат.

— Вот еще выдумал, — усмехнулась секретарша. — Женатым можно быть только на женщине. А твоя жена — инопланетянка. Это все равно что кузнечик или стрекоза.

— Мне, кроме нее, никто не нужен.

— Ты говоришь так мне назло, Майк? Пожалуй, я подарю тебе резиновую жену с электроподогревом. Это будет то же самое, что и твоя Эола — искусственные губы, волосы... и абсолютное подчинение.

— У меня нет желания разубеждать тебя, Моника.

— Ты слабак, Майк, обыкновенный женатик.

— Чего ты от меня добиваешься?

— Того же, чего другие мужчины, тот же

Морли, добиваются от меня. Я хочу провести с тобой всего одну ночь, Майк. О второй ночи ты будешь умолять меня сам.

— Зачем я тебе?

— По-твоему, только мужчины имеют право на сумасбродные желания?

— Хорошо, Моника, — зеленые глаза Майка озорно блеснули, — я согласен. Но все произойдет в полной темноте.

— Будешь представлять, что обнимаешь свою стрекозу?

— Ночью все кошки серы, Моника.

Вечером Морли, вместо того, чтобы отправиться, как всегда, домой, проскользнул в потайную комнатушку, примыкавшую к его кабинету. Как и советовал Норман, свет в ней был погашен. В кромешной тьме он двинулся к дивану и тут же ощутил нежное прикосновение. Несомненно, это была мисс Грей! Сердце начальника полиции замерло от предвкушения. Он принялся лихорадочно расстегиваться. По полу защелкали отрываемые пуговицы.

С трясущимися поджилками Морли приблизился к дивану, нагнулся, и его пальцы коснулись чего-то шелковистого и мягкого. В ответ рука Моники прошлась по его бедру.

— Фу, какой ты волосатый, Майк, — прощебетала мисс Грей. Морли затаил дыхание. — А что это за штука у тебя здесь? — Голос Моники стал тревожным. Ее быстрые пальчики пробежали по толстому животу шефа. — Ой! Кто это? — взвизгнула секретарша. Вспыхнул свет. Придерживая падающие брюки, Морли побежал назад в кабинет. — Стой, негодяй! — За ним с зонтиком наперевес бросилась мисс Грей.

— Моника, я все объясню! — кричал на ходу Морли.

— Я превращу тебя в решето! Мерзавец! — Моника, стремительная, как пантера, настигла шефа и уколола его зонтиком в ягодицу.

— Моника, прекратите! Я вам приказываю! О!!! — взвыл шеф, носясь пропеллером вокруг письменного стола.

— Приказываешь? На, получай!

Бронзовая чернильница, описав короткую дугу, угодила в Морли, и его спина покрылась экзотическими полосами. Тяжело дыша, он несся впереди мисс Грей, словно молодой самец зебры.

— Я проучу тебя, толстопузый Казанова!

Мисс Грей, размахнувшись, метнула тяжелый русский зонт. Просвистев мимо, он ударился в лампу. Стало темно.

— Казанова, ты где? — зловеще прошептала секретарша, выискивая свою жертву. В ответ тихо заскрипела кожа — шеф уселся в кресло.

Горя справедливым негодованием, мисс Грей на цыпочках подкралась к Морли и уже было занесла над его головой увесистую телефонную книгу, но тут вспыхнул свет. В дверях стоял Стивен. Морли, в наспех накинутом мундире, важно восседал за письменным столом. А за его спиной маячила полураздетая мисс Грей.

— Стивен, — обратился начальник полиции к помощнику, — насколько я понимаю, моя секретарша собирается принять душ, не принесете ли вы ей свой махровый халат?

— Вы еще пожалеете, и этот негодяй Норман тоже, — прошипела секретарша, удаляясь в душевую.

Джек Потрошитель в Нью-Йорке, в этом Майк больше не сомневался. Но кто это? Загри-

мированный маньяк-убийца? Отпадает. Интуиция подсказывала детективу, что с появлением Джека Потрошителя связана жестокая и страшная тайна. Предстояла схватка, исход которой был неизвестен...

Майк взвел курок.

Включив зажигание, он с удовлетворением отметил, что его сердце бьется спокойно и ровно, подобно мотору этой машины. Майк взглянул на часы.

С минуты на минуту должен появиться помощник начальника полиции. Наконец в зеркальце заднего вида мелькнула чья-то тень, и Стивен, распахнув дверь, сел рядом с Майком.

— Привет, Стив, а как же запрет шефа? — Норман иронично посмотрел на Стивена. — Может быть, тебе не стоит ехать со мной?

— Плевал я на Морли. По городу рыщет Джек Потрошитель, а этот толстый боров только и думает, как бы не лишиться своего кресла.

— Ты вооружен?

Вместо ответа, Стивен откинул полу пиджака. Под мышкой у него болтался автомат „узи", а к широкому поясу было подвешено с полдюжины гранат.

— И ты умеешь всем этим пользоваться, Стив? — насмешливо спросил Норман.

— Все в порядке, Майк! — простодушно сказал помощник.

— Тогда вперед, Стив! — Норман дал газ, и „форд" стремительно сорвался с места.

— Слушай, Том, ты такой парень! Шварценеггер против тебя — цыпленок. Я и раньше восхищался тобой, а когда ты заделал Элен тройню, я просто выпал в осадок. Ты настоящий половой гигант, май фрэнд!

— Я есть иметь не Элен. Я есть заделать свой лоб три большой рог. Детишки есть не мой. — Неровные ногти мясника впились в рукоятку тесака.

— Да ты что? — обомлел фармацевт Боб. — Элен изменила? Тебе?! Такому парню!

— Доннер веттер! Я буду находить этот мерзавец. Я буду делать из него бифштекс и отбивной котлетка! — Могучая десница мясника провернула в мороженой туше никелированное лезвие тесака. В лавке послышался треск костей, от которого по спине Боба пробежали мурашки.

Было от чего прийти в бешенство! Вся тройня удалась на одно лицо. Напрасно Том подолгу простаивал у детского манежа, вглядываясь в черты малышей, ища между собой и ими хоть какое-то сходство. Увы! Они были похожи на какого-то другого мужчину. Том мрачнел, напивался и шел разбираться к жене. Но перепуганная Элен упрямо твердила, что, кроме Тома, у нее никого не было. Глядя на огромные волосатые кулаки мужа, способные повалить быка, хрупкая женщина забивалась в угол, а Том, свирепея, принимался крушить мебель, осыпая домочадцев проклятиями.

Потом начались таинственные исчезновения детей. Они пропадали, непонятным образом преодолевая запоры и замки, которые Том собственноручно навешивал на двери. Спустя несколько дней дети Элен так же непостижимо возвращались в манеж. Словом, некогда уютная и тихая вилла Тома с появлением Элен превратилась в весьма зловещее место.

Джек Потрошитель был уже близко, и Майк это чувствовал. Въезжая в злачный квартал

Нью-Йорка, посещаемый самыми дешевыми проститутками, он был почти уверен, что встреча с Джеком состоится именно здесь. Ведь они были излюбленной добычей Потрошителя.

Остановив „форд" у табачной лавки, Майк со Стивом не спеша двинулись по тротуару, разглядывая „девочек". Королевы панели охотно демонстрировали свои прелести. Белые, желтые, черные шлюхи из африканских джунглей, аравийской пустыни и сибирских снегов слащаво улыбались детективам.

Что привело их на эту грязную, заплеванную улицу Нью-Йорка — врожденная порочность или злая судьба?

— Стив, смотри, годится? — Норман указал на старую облезлую проститутку, даже не пытавшуюся привлечь их внимание.

— Недостаток клиентов дает ей много свободного времени, — согласился Стивен, — и делает ее наблюдательной.

Майк поманил проститутку. Она мелкой рысцой подбежала к детективам.

— Мальчики, я вас обслужу всего за десять баксов, будете довольны. Но никому ни слова. Если эти твари узнают, что я продешевила, — она кивнула в сторону навостривших уши „девочек", — они изобьют меня.

— Плачу пятьсот. — Майк вытащил пять стодолларовых бумажек, покрутил их перед носом проститутки и снова убрал в карман. — Мне нужен вот этот парень. — Норман показал фоторобот Джека Потрошителя.

Лицо старой шлюхи перекосила гримаса гнева.

— Проклятый легавый! Хочешь меня купить?! — Ее бровь задергалась, а в глазах появились слезы.

— Замолчи, дура. — Стив крепко сжал ее запястье. — Этот тип порезал его сестру — Фанни. Он всех вас перережет.

— Я знаю Фанни. — Бровь проститутки перестала дергаться. — Извините, джентльмены, и не надо никаких денег. Дайте сюда фотку, я сейчас шепну девочкам. Подождите меня.

Проститутка перебежала на другую сторону улицы. Ее тотчас обступили товарки.

— Ты всерьез рассчитываешь на их помощь, Майк? — с сомнением спросил Стивен.

Ответить Норман не успел. Кольцо проституток распалось, галдящей толпой они кинулись к детективам.

— Скорее, джентльмены, он только что повел Си-Си на чердак прачечной!

— За мной, Стив! — Выхватив пистолет, Норман побежал к серому обветшалому зданию.

Джек Потрошитель, пригнувшись, поднимался по винтовой лестнице на чердак. Под его коваными тюремными ботинками металлическая лестница гудела наподобие погребального колокола. Эти звуки и мелькающий перед ним подол платья Си-Си пробуждали у Джека воспоминания, от которых проститутка, несомненно, завизжала бы в ужасе.

Не подозревая о том, что ее ждет, Си-Си упрямо карабкалась наверх, отдавая себя во власть Потрошителя за несчастные пятьдесят долларов.

В полумраке чердака Си-Си протянула клиенту раскрытый кошелек:

— Деньги вперед, сэр.

Джек Потрошитель плюнул в него. Потом резким ударом вышиб кошелек из рук проститутки.

По бетонному полу звонко запрыгали мелкие монеты.

— Смотри мне в глаза, — приказал клиент.

Си-Си взглянула в его жуткие глазницы. И тут перед ее лицом возник острый как бритва нож. Джек замахнулся им, но ударить не успел. Металлическая лестница загудела тревожным набатом от топота множества ног. Выпустив жертву, Джек бросился прочь.

Когда Майк Норман, размахивая пистолетом, ворвался на чердак, преступника здесь уже не было. На полу, возле лежащей в обмороке проститутки, Майк поднял нож. Именно к такому развитию событий был готов Норман. Вытащив рацию, он вполголоса окликнул напарника, охранявшего запасной выход:

— Эй, Стив, ты его видишь?

— Да, он спускается по наружной лестнице. Сейчас я его возьму.

— Ни в коем случае, Стив, ты все испортишь. Сядь ему на хвост.

— Он может уйти, Майк!

— Не уйдет. Держись, Стив, я сейчас.

Майк опрометью кинулся вниз, мимо стайки проституток, приводивших в чувство Си-Си, по винтовой лестнице — к машине.

„Форд" завелся, как всегда, с пол-оборота, и Майк на визжащих покрышках ринулся на помощь напарнику.

Остаток дня и первую половину ночи Джек петлял по городу, опасаясь слежки, и лишь под утро вывел детективов в свое „логово". Майк, сидя в машине, с интересом разглядывал дом преступника — уютную, тихую виллу в зеленом пригороде Нью-Йорка.

Убедившись, что преступник вошел в дом, Майк испытующе посмотрел на помощника.

— Стивен, ты останешься на улице. Смотри, чтобы Джек не улизнул. А я войду в дом.

— Все нормально, Майк, не беспокойся, — помощник похлопал по прикладу автомата.

Перемахнув через ограду, Норман короткими перебежками подобрался к дому. Осторожно тронул дверь веранды, куда только что вошел Джек. Она была не заперта. Майк сделал полшага...

Яркий луч ударил ему в глаза! Никелированный тесак взметнулся над головой Майка. Каким-то чудом он успел увернуться, но при этом получил удар кулаком, после которого его пистолет отлетел в угол. Огромный свирепый человечище, сжимая тесак, двинулся на детектива. Норман, сжавшись как пружина, приготовился к решающему броску. В этот момент звякнуло разбитое стекло, и автоматная очередь вспучила паркет у самых ног великана.

— Стоять! Руки за голову! — скомандовал Стив.

Голиаф подчинился. Никелированный тесак упал к его ногам. Майк взглянул в лицо врага и с удивлением узнал в нем мясника Тома.

— Вот так встреча! — присвистнул Норман. — Опустите руки, Гриффер.

— Я не имел приглашать вас мой дом. Вы ходить без спрос.

— А когда это преступники вызывали полицию? — Стив с автоматом на изготовку появился в дверях.

— Сюда несколько минут назад вошел опасный преступник. Предупреждаю, Гриффер, у меня нет ордера на обыск, — Майк пристально посмотрел в глаза мясника.

Том выдержал этот взгляд:

— Я не иметь секрет от полиция. Вы можете смотреть здесь все.

Норман, в сопровождении Тома, обошел все помещения виллы, переполошив разбуженных стрельбой домочадцев. Закончив осмотр, Майк ни с чем вернулся на веранду. Вилла была пуста.

— Послушай, Том. — Майк испытующе посмотрел в глаза мясника. — В твоем доме скрывается отъявленный негодяй. Вот этим ножом он пытался зарезать женщину.

Майк показал нож Джека. Лицо мясника вытянулось от удивления:

— О, майн херц, это есть м[illegible]ж! Как он попадать преступник?

— Ты уверен, Том? — Норман приблизился к Грифферу. — Может быть, ты знаешь, кто это?

Детектив протянул мяснику фоторобот Джека Потрошителя. С минуту мясник молчал, разглядывая фото. Потом его б[illegible]го в жар, на лбу выступили капли пота. Майк[illegible]в был поклясться, что волосы на голове Гри[illegible]а зашевелились.

— О, майн херц! — Взяв наконец себя в руки, мясник приложил палец к губам. — Тсс... не говорить ни один слово. Гоу!

Майк пошел следом за хозяином дома. В детской они остановились у ма[illegible]ка, и Том молча указал на резвившихся там малышей. Ничего не понимая, Майк вглядывался до тех пор, пока один из тройняшек не потянул игрушку у другого. Его лобик нахмурился, глаза сузились... И Норман узнал в нем черты Джека Потрошителя!

— Мистер Норман этот преступник имел моя жена.

— Пошли, Том. — Детектив участливо поло-

жил руку на плечо Гриффера. — Ты должен рас-
сказать мне все. И поставь кофе. Мы со Стивом
с утра ничего не ели.

Выслушав сбивчивый рассказ мясника об исчезновении детей, об Элен, Норман попросил разрешения осмотреть ее комнату. Бегло взглянув на содержимое платяных шкафов, Майк перешел к книжной полке. Пролистав один томик за другим, он наконец нашел то, что искал, — в книжке Байрона вместо портрета поэта была вклеена фотография Джека Потрошителя!

Майк поставил томик на место и попросил у Тома разрешения поговорить с его женой наедине.

Когда она вошла в спальню, Норман с трудом узнал в похудевшей, изможденной женщине ту Элен, которую он когда-то знал.

— Садитесь, миссис. — Майк спокойно посмотрел ей в глаза. — Поверьте, я не стал бы задавать вам этих вопросов, если бы от них не зависела жизнь многих людей, в том числе и ваша собственная...

— Спрашивайте, что хотите, — равнодушно ответила женщина.

— Скажите, вы никогда не изменяли мужу?

— У меня не было ни одного мужчины, кроме него, — твердо ответила Элен.

— Тогда скажите, кто этот мужчина? — Майк снял с полки книгу Байрона и показал фотографию Джека.

— Не знаю, — пробормотала, покраснев, жена мясника.

— Хотите, скажу я? Это Джек Потрошитель — гнусный убийца, умерший в 1910 году в тюремной больнице.

Лицо Элен побледнело. Майку показалось, что

сейчас она лишится чувств. Но женщина овладела собой.

— Можно продолжать?

— Да.

— Вы являетесь жертвой какого-то страшного эксперимента. За ним стоят смерть и хаос. Ужасные призраки, доставленные сюда из преисподней. Вы, конечно, можете ничего не сказать мне, но, когда я уйду, вы останетесь с ними один на один. Ну что, мне уйти? — Майк повернулся к двери.

— Нет!

— Я понимаю, вам трудно говорить об этом. Начните хотя бы с портрета. Откуда он у вас?

— Не знаю. Книгу купила я сама. Портрета там не было. Я помню совершенно точно. Потом как-то я открыла ее и увидела портрет. С тех пор я не могла уснуть, не взглянув на него перед сном. И наконец случилось самое отвратительное... — Элен умолкла.

— Продолжайте. — Майк протянул ей стакан воды.

— В минуты близости с Томом я закрывала глаза и представляла, что это не муж, а тот человек. Я ощущала его физически. Муж переставал для меня существовать в такие моменты. Его место занимал тот, кого вы называете Джеком Потрошителем. Все происходило вот на этой кровати. — Элен коснулась рукой покрывала и покачнулась, испытав неожиданный приступ дурноты.

Все поплыло перед глазами, и она увидела Джека, судорожно хрипящего в экстазе. Это отвратительное видение отогнал голос Майка:

— Продолжайте, Элен, я вас слушаю.

— Остальное вы знаете, мистер Норман. Роди-

лись дети. Они похожи на того, умершего в 1910 году. И не только внешне.

— Вас оплодотворил монстр, вышедший из могилы. Скажите, вам не страшно, Элен?

— Разве я похожа на счастливого человека?

— Тогда идемте, сейчас это кончится.

Элен вцепилась в кресло, словно Майк собирался тащить ее насильно.

— Послушайте, миссис, Джек скрывается в доме. Вам не следует оставаться одной.

— Я никуда не пойду, мистер Норман.

Детектив решительно направился в детскую. Теперь он знал, где искать Потрошителя.

Лишь несколько шагов отделяли его от монстра. Приблизившись к манежу, Майк взвел курок. Близнецы вздрогнули и повернулись к нему. Их недетские глаза тускло засветились, как встречные фары на горизонте. Изумленный Майк наблюдал, как этот свет набирает силу. Холодное адское пламя, низвергаясь из их глазниц, заполнило комнату. В волосах Майка потрескивали электрические разряды, его одежда фосфоресцировала и трепетала, как на ветру.

Словно со стороны Майк услышал свой голос:

— Джек, ты арестован!

Он произнес это, понимая, что уже не сможет не только защелкнуть наручники, но даже нажать на курок.

Стены и пол дома содрогнулись! Сноп белых искр пролетел над головой Нормана, и он увидел, как близнецы стали расти, превращаясь во взрослых мужчин. Словно из пустоты возникла волосатая, пахнущая потом, мужская плоть, облекаемая тут же в одежду и грубую тюремную обувь — то, во что был одет Джек в свой последний час...

Еще минута — и три Джека Потрошителя вылезли из трещащего и разламывающегося манежа!

Откуда-то сверху на Майка опустилась невесомая пленка, обволокла его, и детектив оказался упакованным в прозрачный мешок, наподобие полиэтиленового. Щелкнув, как раскрывшийся парашют, мешок вдруг надулся, и Норман оказался внутри сферы, словно рыбешка, плавающая в стеклянной колбе.

„Пожалуй, это лучше наших наручников", — успел подумать Майк.

Близнецы подхватили „колбу" и поволокли к гаражу...

XVIII

Коварная... секретарша

Служа в полиции, Моника Грей знала достаточно ругательств. Но ни одно из них не могло сейчас передать ее ярость. Какой все-таки подлец этот Норман!..

— Но ничего, скоро он у меня попляшет!

Моника, нажав на тормоза, подрулила к дому мясника Гриффера, куда ее вызвал по телефону Стив.

Услышав шум мотора, он выскочил на улицу:

— Хэлло, Моника!

— Что случилось, Стивен? — холодно спросила секретарша.

— Большие неприятности. Они похитили Майка!

— Кто они?

— Монстры, похожие на Джека. Их было трое. Я ничего не мог сделать.

— Ну уж нет! Никаких монстров, пока я с ним не рассчитаюсь. — По хорошенькому лицу Моники пробежала ожесточенная гримаса.

— О чем ты говоришь, Моника, человека похитили!

— Успокойся, Стивен, чтобы рассчитаться, его надо сначала вызволить. Так что пока мы союзники. Собирайся, немедленно едем к жене Нормана.

Через полчаса машина Моники уже мчалась в аэропорт. На заднем сиденье спал измученный бессонной ночью Стивен, а на переднем сидел хмурый великан Том.

Коварный план секретарши начал осуществляться. Хорошо зная Майка, она понимала, что такого человека могут пронять только две вещи — измена жены и унижение профессиональной гордости. Мисс Грей решила начать с первого. Для этого надо было в отсутствие Майка проникнуть в дом. Похищение облегчало задачу, оно же дало повод для визита. В арсенале Нормана хранилось оружие с захваченного им НЛО. Без этого оружия нечего было и думать о спасении детектива. Мисс Грей также знала об интересе Эолы к крупным драчливым мужчинам. Она не сомневалась, что и сам Майк был избран инопланетянкой по этому признаку. Так что стокилограммовый Том имел все шансы пленить ее воображение.

Вот почему Моника настояла на участии Гриффера в предстоящей экспедиции. Правда, осталась самая малость — заинтересовать Тома Эолой, но это уже не было проблемой для мисс Грей.

Морли откинулся в кресле, зевнул и отодвинул в сторону бумаги. Пора было пить кофе. Он лениво нажал кнопку звонка. Однако вместо секретарши появилась странная фигура с подносом, накрытым салфеткой. Поставив поднос, визитер сбросил с себя балахон. Начальник полиции обомлел — перед ним стоял Джек Потрошитель!

Морли попытался вскочить, но тяжелая рука легла ему на плечо и усадила обратно в кресло.

— Что тебе надо, ублюдок? — Морли по-

тянулся к верхнему ящику письменного стола, где лежал пистолет. Ящик не поддавался. — Странно! — Морли растерянно посмотрел на преступника. — Я его не закрывал.

— Попробуйте еще, сэр, — предложил Джек.

Морли что было сил дернул ручку, и она осталась в его руке.

— Слушайте, вы, — заорал Морли, — убирайтесь! Или я вызову полицию!

— Но вы ведь и есть полиция, сэр.

— Да, пожалуй, — пробормотал Морли, понимая, что преступник над ним издевается.

— Может быть, вы хотите вызвать секретаршу или помощника?

— Да, хочу, черт бы вас побрал! — Морли принялся давить на кнопку звонка.

— Их не будет. А теперь за дело, сэр, — Джек отдернул салфетку. На подносе зловеще поблескивали ножи и бритвы с перламутровыми ручками.

— Что вы собираетесь делать?

— Сэр, я хочу кое-что у вас подкоротить.

— Сверху или снизу, кретин?

— Сейчас посмотрим. — Джек потянулся за бритвой.

— Ты что, шуток не понимаешь?

Джек дыхнул на бритву.

— Эй-эй, кончай дурить, парень! — Морли заерзал в кресле.

Поймав волосы Морли, Джек взмахнул бритвой, и пышная шевелюра начальника полиции упала на пол. Не веря в реальность происходящего, он коснулся своего лысого черепа.

— Зачем ты это сделал, Джек? — упавшим голосом спросил Морли.

— Вы очень обидели меня, сэр, тем, что не ве-

рите в мое существование. Надеюсь, теперь у вас нет сомнений?

— Можешь не беспокоиться, парень: — Морли задумчиво погладил свою голую, как колено, голову.

Убедившись, что Джек ушел, Морли устроил охране такую выволочку, какой она не видела за все годы службы. Однако установить, как преступник попал в полицейское управление и как потом из него выбрался, все же не удалось.

Зато теперь Морли, как никто другой, уверовал в реальность Джека Потрошителя. На этот раз начальник полиции решил самостоятельно провести расследование. Немедленно были подняты на ноги все тайные агенты, все патрульные машины. И скоро трясущиеся от страха Фанни Вильсон, Си-Си и старая облезлая проститутка по имени Мамаша Марго переступили порог кабинета Морли.

Еще не привыкнув к своей сверкающей макушке, он чувствовал себя неловко, хотя улучшившееся проветривание головы подарило ему несколько свежих идей, с помощью которых он вышел на след Джека. Более того, Морли составил отличный план поимки преступника. Главное место в этом плане отводилось трем проституткам, выполнявшим роль приманки.

Посланец чужих враждебных миров — большой НЛО висел над пропастью, вцепившись телескопическими упорами в ее края. Закамуфлированный под облако, он был невидим даже с близкого расстояния. А между тем за его антигравитационной обшивкой бурлила жизнь. Иррациональная, невозможная, она существовала вопреки всем земным законам.

Майк наблюдал ее с затаенным дыханием из глубины своего „пузыря", подвешенного к потолку. По длинному белому залу НЛО прогуливались странные люди в одеждах иных эпох. Господи, помилуй! Глаза Майка полезли на лоб. Перед его „пузырем" остановились двое в полувоенных костюмах: Адольф Гитлер и Иосиф Сталин. Они с интересом разглядывали детектива. Что-то сказав Гитлеру, Сталин дал команду, „пузырь" опустился на палубу НЛО и выпустил Майка на волю.

— Вы удостоены большой чести сыграть в карты с величайшими людьми двадцатого столетия. — Адольф Гитлер вскинул подбородок, его косая челка съехала набок. Из-под нее сверкнул цепкий жестокий взгляд.

— Не бойся его, кацо, на, сдавай карты. — Сталин протянул Норману колоду, не спеша раскурил трубку, насмешливо поглядывая на пленника. — Выиграешь, будешь жить.

Норман почувствовал себя мышью в когтях кота.

— Я не играю в карты, — ответил детектив.

— Будешь делать то, что тебе прикажут! — Гитлер свирепо надвинулся на Нормана. — Будешь каждый раз говорить: „Да, мой фюрер".

Диктатор стеком приподнял подбородок Майка, короткие стриженые усики Адольфа затряслись, изо рта донесся запах синильной кислоты.

— Вот что, комрады, товарищи или как вас там еще называть, — обозлился Майк, — я кое-что слышал о вас. Я знаю, вам ничего не стоит расстрелять человека. Но вы ошибаетесь, если думаете, что перед этим вдоволь поиздеваетесь надо мной!

— Вай, кацо, не хорошо говоришь! Будешь грубить, пойдешь обратно в свой презерватив. — Сталин поддел носком сапога лежащую на полу оболочку „пузыря".

— И это лучший из тех, с кем нам придется столкнуться? — Гитлер презрительно сплюнул. — Да его укокошит, как муху, любой из моих эсэсовцев.

— Сдавай карты, кацо, не упрямься. — В голосе Сталина прозвучала угроза.

— А пошел ты!.. — выругался Майк.

— Молчать, свинья! — Выхватив из-за голенища стек, Гитлер хлестнул Нормана по лицу.

Майк кинулся на диктатора, но в ту же секунду „пузырь" вздернул его под потолок.

— Нацистская сволочь! — Майк вытер рукавом кровь с рассеченной щеки.

И тут внезапное озарение заставило его забыть о боли! Разрозненные, невероятные события, казалось лишенные какого бы то ни было смысла, выстроились вдруг в логическую цепочку: враждебная инопланетная Империя отобрала в прошлом людей, способных легко, как воду, проливать кровь. Затем, спроецировав их в момент зачатия на женщин, она использовала бедняжек как инкубаторы для выращивания точных копий зловещих личностей.

Случай с Джеком Потрошителем был, видимо, вершиной эксперимента, когда удалось произвести на свет сразу три копии — максимум того, на что способна средняя женщина!

Зачем инопланетянам понадобилось все это? Майк горько усмехнулся — человечество едва выдерживало правление одного-двух тиранов одновременно. Что будет, если их появятся сразу сотни? Какая кровь, какие страдания будут ценой

этого явления? Уцелеет после него человечество или, как подгнивший плод, упадет к ногам пришельцев?

Суета внизу прервала мрачные размышления детектива. По палубе НЛО метались фигурки в одежде меченосцев, палачей, маршалов. Выстроившись нестройными рядами, они повернули головы в сторону парадного пилона НЛО. Майк посмотрел туда же. Из полумрака люка показались знакомые фигуры инопланетян, и детектив понял, что зловещий десант, где Джек был, пожалуй, самым безобидным существом, готовится к высадке...

Скоро эти монстры, подобно гадюкам, расползутся по планете.

В бессильной ярости Майк стиснул зубы.

Поднявшись с ранчо Нормана, малый НЛО одинокой звездой завис над землей — Эола пыталась поймать сигналы крошечного маячка, вшитого в одежду Майка.

Стивен, Том и Моника следили за ее манипуляциями. Напряженность момента не мешала секретарше придирчиво разглядывать соперницу. Да, это была совершенная женщина. Но утонченность нередко стремится к противоположности. Такой противоположностью был Том Гриффер. Не без труда мисс Грей убедила мясника в том, что, добившись красавицы Эолы, он немедленно вырастет в глазах собственной жены и тем самым вернет ее утраченную любовь.

...Уже несколько часов Эола безуспешно искала позывные Майка. Наконец бессильно опустила руки:

— Идите спать, если понадобитесь, я дам сигнал тревоги.

Переключив приборы НЛО в режим автоматического поиска, она откинулась на спинку навигационного кресла...

Среди ночи Том Гриффер, следуя инструкциям Моники Грей, разделся догола. Завернувшись в простыню, он, трясясь от страха, отправился к Эоле, а сама секретарша, предвкушая скорое отмщение, спряталась с фотоаппаратом в нише, поодаль от пилотского пульта. Она отлично видела, как Гриффер, войдя в рубку, сбросил с себя простыню. Он напряг мышцы, как это делают культуристы, и попытался втянуть свой огромный живот. Но тот не захотел втягиваться. Боясь, что Эола, склонившаяся над приборами, заметит его раньше времени, мясник принялся уминать живот руками. И тогда в нем что-то громко булькнуло.

Эола шевельнулась. Том проворно юркнул за занавеску.

— У, бестолочь! — зашипела секретарша.

За полупрозрачной тканью мясник стал представлять эротические сцены, пытаясь возбудить себя. Когда это ему удалось, он высунулся из-за занавески и, ступая на цыпочках, направился к Эоле. Встав за ее спиной, Том принял позу Геракла.

Эола обернулась.

— Я есть гладиатор! Я есть супермужик!

Пригнувшись, расставив волосатые руки, Гриффер пошел на Эолу. Она не сопротивлялась, улыбаясь, позволила обнять себя. Секретарша подняла фотоаппарат. Торжествуя победу, мясник повел рукой и ахнул! Его орудие любви было завязано мертвым узлом.

— О, майн херц! — взвыл несчастный донжуан. Пытаясь развязать узел, он, испуганно подвывая, забегал по рубке. — Я не хотел гладиатор! Я не хотел супермужик! О, майн бедный херц!

— Сорвалось! — Мисс Грей с досады стукнула кулаком по фотоаппарату.

Тонкий вибрирующий сигнал заставил Эолу броситься к пульту. Нашелся! Мгновенно позабыв о происходящем, она включила стартовые ускорители, и малый НЛО рванулся на помощь Майку.

Майк видел, как инопланетяне — высокорослые, в светящихся ярко-желтых одеждах, с головами, похожими на фехтовальные маски, не торопясь, поднимались на пьедестал. Двойники, ликуя, приветствовали хозяев — Сталин взял „под козырек", Гитлер вскинул в приветствии руку, а Потрошители подняли над головой ножи. Нестройный гул живых и давно исчезнувших наречий прокатился по залу.

— Великие! Устрашающие! Хозяева ничтожного рода людского! Жившие и живущие! Мы призвали вас править человеческим скотом. Скот не может управлять себе подобными. Лишь вы, великие и ужасные, достойны этого. Выпустите недочеловека!

До Майка не сразу дошло, что слова пришельца обращены к нему. Лишь коснувшись палубы, он понял свое предназначение.

— Смотрите, перед вами некий Майк Норман, — продолжал пришелец, — возомнивший себя защитником справедливости. Он сильнейший из землян. Сейчас вы увидите, сколь жалок он и ничтожен. Джек, убей его!

Один из Джеков Потрошителей, поигрывая ножом, пошел навстречу Майку...

Тысячекратное отрицательное ускорение! Звон в ушах, скрип и треск обшивки сопровождали экстренное торможение НЛО.

— Дальше нельзя! — Эола в отчаянии заломила руки. — Они выставили защитное поле.

— Что же делать? — Стивен растерянно смотрел на приборы, в которых ничего не понимал.

— Если бы я знала!

Эола включила на полную мощность искусственный мозг НЛО. Испуская чувствительные импульсы, он тщательно прощупывал каждый сантиметр земной поверхности вокруг корабля пришельцев.

— Кажется, что-то есть, — Эола указала на крошечную точечку в углу экрана, — это щель в горной породе. Она выходит к их кораблю. Но мужчинам в нее не протиснуться.

Она с сожалением посмотрела на могучего Тома, готового в благодарность за избавление от недавнего конфуза первым ринуться в бой.

— Пойду я! — Эола поднялась с кресла.

— Ну, уж нет! — Моника заступила ей дорогу. — Если ты погибнешь, тогда конец всем, если погибну я — это только мое личное дело.

— Но там мой муж. — Слезы увлажнили глаза Эолы.

— Извините, миссис, но мужчины принадлежат не столько женам, сколько тем, кто их любит. К тому же я все-таки полицейский! — Моника отстранила соперницу. — Если я его спасу, обещайте, миссис, не препятствовать мне в одном маленьком женском капризе, касающемся Майка. Вы меня поняли?..

Спустя полчаса Моника уже карабкалась по кручам, стараясь не уронить черный рюкзак, пристегнутый к спине.

...Майк не сводил глаз с кончика ножа Джека. Сейчас не было ничего важнее этого тускло по-

блескивающего жала. Противник приблизился. Бросок! Лезвие вспороло кожу возле уха Нормана, и тут же сокрушительный удар свернул челюсть Потрошителя. Ударившись о стену, он сполз на пол, не проронив ни звука.

Глухой ропот пробежал по шеренгам двойников.

— Идите оба! — приказал пришелец.

Два Джека кинулись на Майка, но теперь, завладев ножом, он чувствовал себя увереннее. Убийцы надвигались. Одинаковые ножи, одинаковые пригнувшиеся фигуры, одинаковые глаза хищников — словно два зеркальных отражения угрожающе подступали к детективу.

Резкий выпад! Удар! Еще удар! Вопль! Звук рухнувшего тела! Отлетевший в сторону нож!

Все было кончено. Возвышаясь над поверженными врагами, Майк с вызовом обреченного смотрел на инопланетян.

— Сожгите его! — велел пришелец.

Приподнявшись, один из близнецов широко открыл глаза. Из них ударил яркий сноп света. Одежда на Нормане задымилась. С ручки раскалившегося ножа потекла пластмасса.

— Стойте!

Шеренги монстров обернулись на звонкий девичий голос.

— Моника! — воскликнул изумленный Майк.

Да, это была мисс Грей! Она стояла на виду у всех, освещенная феерическим светом.

— Слушайте, вы! В моем рюкзаке взрывчатка. Если вы попытаетесь со мной что-нибудь сделать, она разнесет вашу лоханку! Посадите джентльмена туда, где он только что был! — потребовала секретарша.

Инопланетяне подчинились. Майк снова ока-

зался в „пузыре". Моника достала фотоаппарат и сделала несколько снимков. Безмолвные шеренги двойников ненавидящими глазами следили за девушкой.

— А теперь высадите нас и можете проваливать. — Моника одной рукой запихала фотоаппарат в карман куртки, а другой продолжала удерживать привод взрывателя.

Стоя на скалистом обрыве, Майк наблюдал, как НЛО пришельцев стремительно поднимался, превращаясь из черной громады в ярко светящуюся точку на горизонте. Но радости Норман не испытывал. В какой стране и на каком континенте высадит коскор свой десант? И как будут выглядеть эти нелюди? Не исключено, что им придадут внешность благообразных политиков и достойных генералов, и тогда... Об этом не хотелось думать.

— Майк, ты не забыл о своем обещании? — Моника шаловливо потрепала Майка за ухо.

— Какое там, — вздохнул детектив.

Возвращение маленькой экспедиции прошло довольно спокойно. Теперь предстояло сдержать слово, данное Норманом секретарше, — провести с ней ночь и на этот раз при включенном свете.

Роскошный номер в отеле „Хилтон" с сауной, искусственным солнцем и великолепным будуаром не радовал Майка. Вместо королевы красоты Галактики ему предстояло провести ночь с королевой красоты полицейского управления.

— Майк, где ты, иди сюда. — Моника вытянула ножку, и шелковое одеяло соскользнуло на пол, обнажив ее прекрасное тело.

„Черт побери! Хорошо быть женщиной, — подумал Майк, — она может, когда хочет и не хочет, а как быть мне?"

Норман с холодной отрешенностью констатировал, что Моника не вызывает у него никаких чувств. „И это после стольких ночей в „пузыре", — усмехнулся про себя Майк.

— Немного выпьем, милый? — предложила Моника.

— А что, это выход! — согласился повеселевший детектив.

Через минуту в номер подали „Наполеон". Разливая янтарный коньяк в тонкие хрустальные рюмочки, Майк замешкался у подноса... посыпая ломтики лимона сахарной пудрой.

— За тебя, Моника, — предложил Норман.

— Видишь, я своего добилась, негодник.

Выпив, Моника откинулась на подушку, мечтательно глядя на Майка, сидящего в кресле с сигаретой в руке...

Пробудившись утром, Моника с удивлением обнаружила Майка сидящим в той же позе, на том же самом месте. Вокруг кресла валялось множество окурков.

— Майк! Как это понимать? — Моника указала на девственно-свежую, непримятую подушку Нормана. — Ты даже не ложился.

— Я обещал провести с тобой ночь и сдержал слово. Разве я виноват, что ты все проспала?

— Проспала? А это что? — Выпорхнув из-под одеяла, Моника подняла с пола блестящую упаковку. — Снотворное?

— Наверно, его забыли прежние постояльцы, Моника.

— Ну, Майк! Ты... женатик!

— Прости меня! — Майк попытался на прощание обнять девушку.

— Отвяжись! — оттолкнула его секретарша. — И знай, у меня тоже кое-что для тебя при-

готовлено. Завтра в газетах появится твое фото. А как тебе нравится такой заголовок: „Отважная мисс Грей спасает незадачливого сыщика Майка Нормана"? Пока, милый.

Выйдя на улицу, Норман услышал сзади быстрые, легкие шаги, которые ни с чем не мог спутать. Теплые ладошки закрыли ему глаза.

— Эола! — Повернувшись, Майк нежно обнял жену.

— Я знала, что ты так поступишь, Майк, — сказала миссис Норман.

Я вытащил из пишущей машинки только что отпечатанный лист и, держа его правой рукой, левой обесточил магнитофон.

Раздался звонок.

— Здравствуйте, Вилли, как продвигается работа над романом?

— Не плохо. Я печатаю главы одновременно с прослушиванием кассет.

— Много написали?

— Больше, чем рассчитывал. Скажите, Дора, отсутствие литературных способностей было единственной причиной того, что вы отказались самостоятельно написать книгу по этим магнитофонным записям?

— Не лезьте не в свое дело, Вилли! — неожиданно визгливо закричала сиделка. — Прошу прощения, — тут же, взяв себя в руки, извинилась она.

Но поздно. У меня возникло подозрение, подтвердить или опровергнуть которое должны были следующие кассеты...

XIX

Незваный гость

— Держу пари, этот перстень вам не по карману, миссис, — прогнусавил невзрачный тип, неотрывно следя за руками Элен Райт.

— Закрой клюв, цыпленок! — Элен скользнула презрительным взглядом по бледному лицу с глубоко ввалившимися глазами и придвинулась к самому прилавку, чтобы никто не мешал ей любоваться перстнем.

Вещица и правда была хороша. Из золотого цветка высовывался пестик, на нем сверкал бриллиант.

— Женам такие не дарят, особенно стервозным, — издевательски продолжил незнакомец.

Уши Элен побагровели от гнева:

— Как ты догадлив, милый. Ты прав, я очень-очень большая стерва, — с трудом удерживая себя от оплеухи, на которые она была щедра, миссис Райт как бы невзначай наступила шпилькой на ботинок нахала.

— Я мог бы подарить тебе это колечко за кое-какие услуги, — незнакомец коснулся чего-то ниже талии Элен.

— Слушай, подонок, — стараясь не привлекать внимания присутствующих, зашептала миссис Райт, — в подобных случаях я не зову полицейского. Таким мерзавцам, как ты, я отрываю... и кидаю в свое биде.

Миссис Райт изо всех сил нажала на каблук, и шпилька, прорвав ботинок, вонзилась в стопу мужчины.

— Вот это баба! — прохрипел он с перекошенным ртом.

Мимо ожесточенного лица Элен проплыли изумленные глаза нахала. В следующую секунду он рухнул к ее ногам.

— Эй, кто-нибудь, помогите! Мужчине плохо! — Растолкав собравшуюся толпу, миссис Райт победно вышла из магазина, решив больше никогда не вспоминать об этом субъекте.

Однако очень скоро он сам напомнил о себе.

Ночью Элен проснулась от неприличного прикосновения. Она открыла глаза и похолодела — возле кровати стоял ОН. Его лицо в лунном свете казалось еще бледнее, а запавшие глаза придавали сходство с очковой змеей. Элен попыталась пнуть спящего мужа, но пятка словно примерзла к кровати.

— Меня зовут Джек. — Незнакомец приблизился, поднял руку. На ее голый живот голубой искоркой упал бриллиант.

— О! — прошептала Элен.

Мужчина навалился на нее, заерзал, устраиваясь поудобнее. Элен с ужасом взглянула на спящего мужа. Ее горячее тело напряглось и замерло, словно зависнув над пропастью...

Сделав над собой чудовищное усилие, Элен дотянулась до провода ночника, вырвала его и ткнула оголенные концы в волосатую грудь незнакомца. Подскочив на добрые полметра, он шмякнулся на пол.

— Что это? — озадаченно спросил он. — Такой удар, будто на меня налетел кеб?

Свесившись с кровати, миссис Райт ткнула провод в его белеющий зад:

— А вот тебе почтовый фургон, ублюдок!

Незнакомец пулей вылетел в коридор, не удержался и со всего маха низвергся с лестницы, увлекая за собой помойное ведро.

— Вот это баба! — донеслось откуда-то снизу.

Поднявшись с пола, Джек побрел прочь, вытряхивая из волос картофельные очистки, свисавшие с головы наподобие парика. Несмотря на синяк под глазом и разбитое колено, он испытывал чувство, смахивающее на восхищение. Впервые он встретил женщину с характером, непохожую на тех, с кем ему приходилось иметь дело прежде.

Проснувшись раньше мужа, миссис Райт усмехнулась, вспомнив дурацкий сон с Джеком, лениво повернулась на бок и чуть не вскрикнула — из ночника торчал вырванный провод, а на простыне лежал перстень. Из золотого цветка выглядывал пестик, на нем одинокой утренней звездой горел бриллиант.

— Влюбленный Джек Потрошитель! Вы что, спятили, Стивен? Запомните, — начальник полиции Морли подался вперед, его лицо мгновенно стало суровым, — Джек — кровавая бестия, не знающая жалости и сострадания, не способная на нормальные человеческие чувства.

— Позволю себе заметить, сэр, он не тронул эту женщину.

— Вот как? Странно, очень странно. Моника! Позовите ее сюда, — сказал шеф, стараясь смотреть мимо хорошеньких ног секретарши.

Однако это не помогло, и Морли пришлось

перевести дыхание, наблюдая, как грациозно и независимо Моника направилась к двери.

— Элен Райт, сэр, — представила секретарша вошедшую посетительницу.

— Не трудитесь, милочка, я сама могу сказать, как меня зовут. — Элен, отстранив секретаршу, уселась в кресло напротив начальника полиции.

— Не знаю, какого дьявола я пришла сюда. Вы, полицейские, привыкли ловить всякий сброд — воров и наркоманов. Боюсь, тот парень вам не по зубам...

— Извините, миссис, но перед вами лучшие в Штатах полицейские, — перебил Морли. — Чего стоит один Стивен. — Начальник полиции кивнул на своего помощника. — А уж о Майке Нормане вы, конечно, наслышаны?

— Полицейский, захвативший НЛО инопланетян? Какая честь, черт побери! — расплылась в улыбке Элен. — Может быть, сотворим что-нибудь похлеще, а, Майк? — Миссис Райт подмигнула детективу.

— Не вижу повода для веселья, миссис, — ответил, помедлив, Норман.

— Хотите сказать, что я вляпалась в какую-то скверную историю?

— Это он? — Вместо ответа, Норман показал ей портрет Джека.

— Похож, — кивнула Элен.

Майк встал и подошел вплотную к ее креслу:

— Это Джек Потрошитель — гнусный убийца и садист. К сожалению, в прошлый раз он ушел из моих рук.

— Но ведь его давно нет в живых! Я читала!

— Если бы все было так, как вы говорите. — Норман твердо и безжалостно посмотрел в глаза

миссис Райт. — Враждебный инопланетный разум нашел способ создания двойников живущих или когда-либо живших людей. Именно такой двойник явился к вам.

— Ну, вы меня развеселили, мистер Норман. Почему же Джек меня не прикончил?

— Это главный вопрос, миссис Райт, и на него надо правильно ответить.

— А если ошибетесь?

— Тогда вам, скорее всего, не сносить головы.

— Ну вот что я вам скажу, джентльмены, — миссис Райт поднялась с кресла, — я вижу, вы все здесь в штаны наложили из-за какого-то паршивца! Плевала я на него. Так и знайте, если он попадется мне еще раз, я утоплю его в своем биде! Чао, джентльмены! — Громко хлопнув дверью, Элен вышла из кабинета.

— Что скажете, джентльмены? — Морли насмешливо посмотрел на сконфуженных полицейских.

— Сэр, никак не возьму в толк, зачем Джеку Потрошителю эта бой-баба? — нарушил неловкое молчание Стивен.

— Ну, здесь-то как раз все ясно — парень втюрился в нее. — Морли закинул ноги на стол, что означало конец официальной беседы.

— Позвольте не согласиться с вами, сэр, — заметил Майк Норман. — Преступник предложил ей бриллиант еще до того, как увидел ее лицо и поговорил с ней. Стало быть, до того, как втюрился. Я полагаю, что ему действительно понадобились от нее какие-то услуги, и уж совсем не те, о которых подумала миссис Райт. То, что имела в виду она, стоит несколько дешевле. К тому же у Джека никогда не было драгоценностей. Значит, ему их дали. Именно этим лицам понадоби-

лась ее помощь. Думаю, за домом Райтов надо установить наблюдение. Джек должен появиться.

— Ну что же, Майк, действуйте. А сейчас не пропустить ли нам по рюмочке бренди?

— Действуйте, сэр, — в тон ему ответил Майк Норман.

Вернувшись с работы, Фрэнк Райт был приятно удивлен отсутствием жены.

— Ля-ля! — Радостно напевая, он первым делом отправился в чулан, где под старым халатом была припрятана бутылочка шотландского виски. Дрожащей рукой, поминутно прислушиваясь, он наполнил сразу три рюмки.

— Чтоб тебя черти носили подольше! — Фрэнк осушил первую рюмку. — Ля-ля-ля! — В приподнятом настроении он поднял вторую: — Чтоб тебе провалиться, стерва проклятая! — пожелал он жене.

Заглотив виски, Фрэнк поднял третью. Открыл рот...

— Ля-ля! — раздалось за его спиной.

Фрэнк поперхнулся выпивкой и закашлялся:

— Это ты, дорогая?

Элен приблизилась на расстояние пинка. Бедняга Фрэнк вжался в стену, зажмурил глаза. Рука жены коснулась его шевелюры, и он мысленно простился с клоком своих волос. Но миссис Райт медлила.

— Дорогая, я проверил замки, — пролепетал Фрэнк. — Тебя нигде не было. Мне стало одиноко, и я решил пропустить рюмочку-другую.

— Вот как? — ласково пропела Элен. Но ее слащавый голос мог обмануть кого угодно, только не Фрэнка Райта. Он-то знал, что за этим последует.

Фрэнк приоткрыл глаза. Так и есть! Жена подняла увесистую бутылку.

— Не надо! — дрогнул Фрэнк.

— Ну почему же, милый?

— Мне завтра на работу. Подумай, твой муж с подбитым глазом!

— Чепуха, Фрэнк! — С улыбкой кинозвезды Элен наполнила рюмки. — Выпьем, дорогой? — Не веря своим ушам, Фрэнк осушил рюмку. — Любимый, я так соскучилась по тебе. — Жена потянула его к кровати.

„Придушит, стерва!" — похолодел Фрэнк.

На всякий случай он вцепился в буфет.

— Ну иди же, глупый. — Нежные, шаловливые ручки жены, обещая что-то волнующее и незнакомое, оторвали его от буфета и повлекли к постели.

Не понимая, что с ним происходит, Фрэнк подчинился, хотя и не без некоторой опаски. Но непрекращающиеся ласки жены сделали свое дело. Забыв об опасениях, все больше распаляясь, Фрэнк упоенно целовал жену:

— О, Элен, я тебя не узнаю, девочка!

— Ах ты мой шалунишка, — отвечала поцелуем на поцелуй жена.

Они все крепче прижимались друг к другу, ощущая приближение великого водопада чувств.

— Еще, Элен. Еще. Сейчас она придет, эта секунда экстаза! — бессвязно бормотал Фрэнк. — Она уже близко. Я чувствую. Она здесь.

— Да, я здесь! Грязный паскудник! — раздался над ухом Фрэнка громоподобный голос его жены, и мощный пинок перебросил его на другой край кровати.

— Мама мия! — промолвил он, увидев над собой разъяренное лицо миссис Райт.

— А это что за шлюха? Бог ты мой! На моей постели! На моих простынях. Смотрите, еще вырядилась в мое лучшее платье!

Не веря своим глазам, Фрэнк перевел взгляд с жены, от которой получил пинок, на жену, которую только что целовал.

— Кто это, Фрэнк? — испуганно шептала она, закрывая грудь его рубашкой. — Я боюсь ее.

— Я — Элен Райт, жена этого мерзавца! А вот ты кто?

— Фрэнк, но ведь это же я твоя жена, правда? — Вторая Элен нежно прильнула к мистеру Райту.

— Сейчас же выкини эту шлюху из моего дома, иначе ты знаешь, что с тобой будет! — потребовала первая Элен.

— Спокойно, спокойно, милочка! Я еще должен разобраться, кто из вас моя настоящая жена, — ответил Фрэнк, удивляясь собственной храбрости.

И это сломило миссис Райт. Всхлипывая, она полезла под одеяло:

— Я никуда отсюда не уйду, это моя постель! А ты, самозванка, убирайся! — потребовала она.

— Фрэнк, я не самозванка, я люблю тебя! — Вторая жена прильнула к его плечу.

— Девочки, не ссорьтесь! К утру разберемся, кто из вас настоящая жена, — философски произнес мистер Райт и погасил свет.

XX

Предчувствия

Интуиция не обманула Нормана. Джек Потрошитель действительно появился у дома Райтов.

Несколько раз обойдя дом, он почувствовал на себе настороженные взгляды соседей. Чего доброго, они могли бы вызвать полицию. Пора было сматываться. Джек огляделся. К счастью, откуда-то появилось желтобокое такси. Джек поднял руку...

Водитель, пожилой негр в плаще с поднятым воротником, не жалел машину. Джек с удовольствием ощущал скорость. В его времена ни один кеб не носился по городу так быстро. Навалившись на подлокотник, Джек высунулся наружу. Воздушный поток разметал его редкие волосы, резко обозначив выдающийся вперед угловатый череп. И только глубоко посаженные глаза, подобно выбитым фарам, бесстрастно взирали на обочину.

— Эй, дед! Вот так краля! — Растопыренной пятерней пассажир показывал на стоящую у дорожного знака проститутку. — Ну-ка, тормозни!

— Мы так не договаривались, сэр, — попробовал возразить негр, но Джек, не слушая его, уже распахнул дверцу.

— Привет, мальчики! — фальшиво улыбнулась проститутка.

— Гони в какую-нибудь дыру, — велел пассажир.

Остановив машину у ограды парка, шофер вытащил ключи из замка зажигания:

— Мне выйти, сэр?

— Сиди, и ни гу-гу! — В руках Джека появился нож. — Будешь мне ассистировать, дед.

— Извините, сэр, но я уже лет десять, как перестал заниматься этими делами. Разрешите мне уйти?

— Сиди! — процедил сквозь зубы странный пассажир. — Ну, ты, тварь, — обратился он к проститутке, — раздевайся!

Побледневшая женщина принялась расстегивать пуговицы.

— Скажите, сэр, вы ничего мне не сделаете? — дрожащим голосом спросила она.

— Знаешь, сколько таких вонючек, как ты, я отправил на тот свет?

— За что, сэр, что дурного они вам сделали?

— Ничего. Просто я — Джек Потрошитель, ассенизатор улиц. Я уничтожаю вас, проституток, потому что вы дурно пахнете.

Кривой нож поднялся к потолку машины и тут же, звякнув о рулевую колонку, упал на резиновый коврик — старый негр неожиданно быстрым и точным движением разоружил преступника.

— Ну дед! — Джек мертвой хваткой вцепился в горло шофера.

Но получил такой удар в челюсть, что вместе с дверцей вылетел наружу. Поднявшись на ноги, он бросился к проходившему мимо мусоровозу и повис на поручнях.

— Уйдет! Ключи! Где ключи?! — Негр лихорадочно шарил по полу машины.

— Вот они! — Изловчившись, проститутка

просунула два пальца в щель между сиденьями и извлекла оттуда злосчастные ключи.

Машина рванула вперед. Через несколько перекрестков она настигла мусоровоз. Виляя из стороны в сторону, он не позволял обогнать себя. Выбрав момент, негр направил машину в узкий просвет между стеной и бортом грузовика. В последний момент, выровняв машину, негр поставил ее на два колеса. Дал полный газ. Блокированный редуктор уверенно потащил машину вперед.

— А!.. — завизжала, катаясь по салону, проститутка.

Чиркнув двумя висящими в воздухе колесами по бетонной стене, легковушка обогнала мусоровоз. Мелькнуло удивленное лицо Джека, его руки, вцепившиеся в руль, залитая кровью щека водителя мусоровоза. Резко затормозив, грузовик нырнул в боковой проезд. Кинув машину обратно на четыре колеса, негр пустил ее в разворот. Пыхнули голубыми струйками дыма покрышки. Надсадно взревел мотор.

— Ну, милая! Ну, давай! — На бешеной скорости негр вогнал машину в узкий проезд, как вгоняют патрон в ствол винчестера.

— Ложись! — приказал он проститутке. Та послушно кинулась на пол машины, словно в спасительную прорубь. Негр усмехнулся. Голова была больше не нужна, все должны были сделать его руки каскадера.

Редкие прохожие, изумленно разинув рты, увидели, как желтое такси, настигнув на высокой насыпи мусоровоз, чуть слышно тюкнуло его в левую переднюю шину. Колеса грузовика вильнули, руль выбило из рук Джека, и мусоровоз, пробив ограду, кувыркаясь, полетел с насыпи. Его контейнеры разметались, из них роем невиданных

птиц метнулись клочья газет и картонных упаковок. Ударившись в высоковольтную опору, грузовик встал на дыбы. Мелькнуло пламя, и остов мусоровоза объял липкий нефтяной дым.

Сбежав вниз по насыпи, негр увидел тело мулата, безжизненно свесившееся из кабины. По щеке по-прежнему сочилась кровь. Но Джека здесь не было.

— Ушел! — сжал кулаки негр.

Вернувшись к такси, он безвольно уронил голову на руль.

— Эй, дядя, тебе плохо? — робко спросила проститутка.

— Дай вату и лосьон, если есть, — попросил шофер.

— Это как раз те вещи, без которых люди нашей профессии не выходят на работу.

— Спасибо.

Шофер сделал тампон, смочил его и принялся сосредоточенно тереть лицо. Проститутка молча наблюдала, как негр превращался в красавца белого.

— Как тебя зовут, парень? — спросила она.

— Майк Норман, — ответил белый.

— Где-то я слышала это имя, — задумалась проститутка.

— Мало ли.

— Слушай, парень, ты сейчас спас мне жизнь. Но мне, честно говоря, нечем отблагодарить тебя, кроме... — Она чуть раздвинула ноги. — Зато я покажу тебе кое-что, чего ты наверняка не знаешь. Хочешь по-японски или по-русски?

— Перебьюсь. — Майк осторожно ощупал травмированную шею.

— Боишься СПИДа?

— А кто его не боится?

— Это все, что я могу предложить тебе, парень. Знаешь, я ведь тоже была когда-то человеком. — Неожиданно уронив голову на спинку сиденья, проститутка разрыдалась.

Ни слова не говоря, Норман завел мотор и направил машину к ближайшему бару.

— Пошли, выпьем чего-нибудь. — Тормознув у открытых дверей, Майк подал руку проститутке, и они вошли в полупустой зал.

— Зачем ты возишься со мной? Мог бы выкинуть у любой канавы.

— Не знаю. — Майк заказал апельсиновый сок со льдом. — Может быть, потому, что мы вместе пережили опасность. Расскажи о себе. — Норман поднял стакан, сделал несколько больших глотков.

— Рассказывать особенно нечего. Я родилась в России, в приличной семье. Но вот однажды подружка притащила объявление — требовались фотомодели для работы за границей, ростом не менее 174 см. Подружку оттаскали за уши, и она осталась, а я уехала. Думала и правда буду рекламировать меха и бриллианты, а попала в бордель. Ну, знаешь, стриптиз перед пьяными жлобами. Потом и оттуда выгнали — им ведь нужны свеженькие. Скатилась на панель. Видишь, как все просто!

— Некому было объяснить, на что идешь? Это же настоящая работорговля.

— Разве я тогда послушала бы кого-нибудь? Что говорить. — Проститутка резко отодвинула недопитый стакан. — Конечно, я мало чего стою, но, может быть, и я когда-нибудь тебе пригожусь. Это как в одной русской сказке. А зовут меня Нина. Прощай, Майк.

— Прощай, Нина. — Норман грустно посмотрел вслед удаляющейся женской фигурке.

* * *

Конечно же, Фрэнк не мог уснуть между двумя молодыми женщинами. Он закрыл глаза, ожидая своего часа. Присутствие сразу двух жен он воспринял так же спокойно, как если бы официант по ошибке принес ему две бутылки виски вместо одной, разумеется, за те же деньги.

„Еще хорошо, что вторая не такая мымра, как первая", — удовлетворенно подумал он.

Около полуночи Фрэнк почувствовал, как нежная ручка под одеялом коснулась его... Сначала кончиками пальцев, потом всей теплой ладошкой.

Дыхание перехватило. „Ого! — подумал Фрэнк. — Наверняка она умеет кое-что и получше?" Он приоткрыл глаз. Первая жена спала. Осторожно приподнявшись на локте, Фрэнк пополз навстречу желанию. Сердце его отчаянно колотилось, рот был разинут, а глаза выпучены. Своим разинутым ртом он жадно заглатывал воздух, стараясь перевести дыхание. Но сквозь решетку зубов, словно из черной глубины динамика, неслись гулкие удары его сердца, способные разбудить слона! Наконец Фрэнк добрался до шелковистых волос и тут же принялся искать влажные уста. Нашел и...

— Ха! Ха! Ха! — Сатанинский смех первой жены заставил его похолодеть.

Фрэнк кубарем скатился на прежнее место, отер дрожащей рукой потный лоб, стиснул зубы. Страх сменился злостью. „Стерва проклятая. Лишь бы все испортить человеку!" — бормотал про себя Фрэнк. Жгучая обида пеленой застлала глаза. Он почувствовал себя так, словно изо рта у него вырвали ту самую бутылку виски, которую только что принесли по ошибке.

— Жаба ты крашеная! Змеюга! — шептал Фрэнк.

— Не бубни, паскудник! — Жена сдернула с него одеяло и, завернувшись, улеглась, посапывая, на бок, предоставив бедняге Фрэнку дрожать на сквозняке.

Хмуро сдвинув брови, Фрэнк лежал в полной темноте, набираясь решимости. „Ничего, — успокаивал он себя, — все равно уснешь. Хоть на десять минут, а уснешь. А мне их хватит! Хватит! В самом деле, хватит! Еще бы не хватило!" — захихикал Фрэнк.

„Ля-ля, ля-ля-ля!" — запел он про себя, снова ощущая прилив сил.

„Кажется, уснула. Теперь самое главное — не упустить момент!" Фрэнк легонько потянул одеяло. В полусне первая жена не выпускала его. „Держи крепче, дура!" — усмехнулся Фрэнк. Расстегнув пижаму, он по-пластунски пополз туда, где его ждали шелковистые волосы и алые влажные уста.

Однако Элен не так просто было обмануть. Она злорадно наблюдала за тем, как муж, подобно мартовскому коту, крадется к своей кошечке. „Так, так, муженек! Ну, еще, еще, еще. Поближе, проклятый ублюдок!"

Фрэнк припал к томящемуся в ожидании молодому телу.

„Пора!" Элен подложила под простыню оголенный электрический провод... Фрэнк сунул туда руку... и удар тока сбросил его с кровати прямо на аквариум. Холодный водопад обрушился на его голову. Антильские рыбки затрепыхались под мокрой пижамой Фрэнка. Сидя в луже, он вылавливал их из складок ткани и мрачно кидал обратно в банку.

...Дрожа на сквозняке, Фрэнк мысленно проклинал жену: „Бешеная каракатица! Чтоб тебя сожрали койоты! С места не встал бы! Чтоб тебя унесли черти с носилками...“

Дверь спальни тихо отворилась, и на пороге показались странные существа с носилками.

— Боже праведный! Черти! — Фрэнк юркнул под кровать.

Зеленоватые, большеголовые создания, похожие на гигантских лягушек, вставших на задние лапы, наполнили комнату. Вслед за ними показался бледнолицый субъект с глубоко ввалившимися глазами.

Ухмыльнувшись, он опустился к Элен...

„Ну, уж нет! Хоть она и стерва, но все же жена!“

Фрэнк поднял стоявший под кроватью утюг и со всего маху ударил по ботинку негодяя.

— О!!! — Незнакомец запрыгал на одной ноге вокруг кровати.

Это дало шанс Элен. Улучив момент, она упер-лась в спинку кровати и с такой силой двинула его, что, пролетев полкомнаты, он повалил на своем пути двух „лягух“.

— Вот это баба! — восторженно воскликнул бледнолицый. — Вяжите ее!

Он азартно бросился к Элен. Но не тут-то было! Увернувшись от прыгнувшей на нее „лягушки“, Элен врезала ей такую затрещину, что та вдребезги разнесла раму и вместе с ней исчезла в оконном проеме.

— Ну, подходи! Кто следующий? — Элен двинулась на врагов, и это ее подвело. „Лягухи“, подняв большую напольную вазу, надели ее на голову миссис Райт, перевернули и снова поставили на пол. Босые ноги бедняжки торчали из вазы, как два осыпавшихся тюльпана.

— У... у... у! Бу... бу... бу! — донеслись из чрева вазы звуки, похожие на затухающие за холмом крики пляшущих африканских воинов.

— А где чмур, который разбил мне пальцы? — Бледнолицый нагнулся к кровати.

Однако Фрэнк успел перекатиться под диван.

— Оставь его, Джек, — властно сказала вторая жена, поднявшись с постели.

— Ну уж нет, — бледнолицый достал длинный нож, — он ответит за мою ногу!

— Подумай лучше о женщине! Ее нужно убрать!

— Женщина — моя! — угрюмо возразил Джек.

— Она все расстроит. — В голосе второй жены звучала холодная решимость.

„О, Господи! И правда ведь укокошат сначала ее, а потом меня". — Фрэнк затрясся от страха.

Бледнолицый подошел к дивану, отодвинул его. Фрэнка ослепил яркий луч фонаря. И тут же в его горло уперлось холодное стальное острие.

— Именем пришельцев! — Вторая Элен приставила ко лбу бледнолицего свое кольцо.

— Повинуюсь. — Джек нехотя отпустил Фрэнка. — Но женщина — моя! Будь я проклят!

— Хорошо, — согласилась вторая Элен, — но я отправлю ее туда, откуда ей не выбраться.

— В Австралию, по пути всех каторжников?

— Австралия уже не та, что в твои времена, Джек. Сейчас она не хуже Штатов.

— Может быть, в Африку?

— Там регулярные авиарейсы. Вот что, отправим ее в Россию — оттуда с документами не уехать, а уж без документов и думать нечего.

— Хорошо, — согласился Джек.

* * *

Очнувшись от тяжелого, тревожного сна, Фрэнк увидел склонившееся над ним заботливое лицо жены:

— Как ты себя чувствуешь, дорогой?

— А где та, другая? И эти „лягухи"?

— О чем это ты, Фрэнк? — Миссис Райт изогнула хорошенькие губки в прелестной улыбке.

— Как о чем? — Фрэнк нахмурился, пытаясь вспомнить ужасные подробности минувшей ночи. — Об этом, — он кивнул на валявшийся аквариум.

— Мой глупенький муж выпил лишнего, — рассмеялась Элен.

— Правда? — обрадовался Фрэнк. — Ну и набрался же я вчера! Знаешь, мне примерещилось, что ты раздвоилась... То есть у меня было сразу две жены.

— Это значит, что у моего муженька была вторая степень опьянения. А еще бывает — все расстраивается.

— При третьей степени?

— Конечно, дорогой.

— Слушай, Элен, ты сегодня такая красивая и веселая! Я просто не узнаю тебя.

— Все благодаря твоему подарку, милый. Вот! — Элен приподняла руку. На ее пальце блестел золотой перстень в виде цветка с бриллиантом.

— Неужели это подарил я?

— Ах ты, противный пьянчужка! — Элен повалила мужа на кровать, осыпая поцелуями, от которых у него мигом пропала охота копаться в воспоминаниях. Зато появилось много других, менее скромных желаний...

XXI

Человек в синем костюме

Двое усатых мужчин в сапогах и полувоенных костюмах не спеша потягивали аперитив на балконе отеля „Бурбон". Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы почувствовать в них грозную силу и привычку повелевать. А тот, кто присмотрелся бы внимательнее, с ужасом узнал бы в них самых страшных людей столетия — Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина.

— Вот он, „чемодан ада"! — воскликнул Гитлер.

Вожди прильнули к биноклям. В ста ярдах от их отеля показалась президентская свита. Однако ни она, ни сам президент, похоже, не интересовали их. Все три бинокля нацелились на человека в синем костюме с небольшим чемоданом в руке.

Это был Фрэнк Райт — спортивный, крепкий и, конечно, непьющий мужчина, в чем были совершенно уверены сослуживцы и начальство. Он нес „чемодан ада" — переносной пульт управления ядерными силами США. Рядом с Фрэнком, едва поспевая за ним, семенила жена.

Куда бы ни направлялся президент — на морскую прогулку или на свое ранчо, повсюду ему сопутствовал чемодан. Нажатия на его кнопку было достаточно, чтобы невидимые бомбардировщики

„стелс", крылатые ракеты „Томагавк" и большие баллистические ракеты устремились к цели. Навстречу им, упреждая удар, понеслись бы снаряды другой стороны. И уже ничто не смогло бы остановить ядерный апокалипсис. В считанные минуты гордая и независимая человеческая цивилизация превратилась бы в цивилизацию червей, а сама Земля немедленно попала бы во власть двойников, созданных Империей. Таков был коварный план пришельцев, который начал осуществляться в тот самый миг, когда Джек приблизился к Элен Райт в ювелирной лавке.

— Решающий час, комрад. — Гитлер, вздернув подбородок, отбросил назад косую челку. — Сейчас мы устроим им маленький блицкриг!

Адольф вынул из нагрудного кармана перстень с бриллиантом и золотым цветком, поднес его к губам: „Огонь!" И тотчас с купола торгового центра ударил крупнокалиберный пулемет. Длинная очередь прошлась над головами свиты. Выбитая пулями штукатурка больно стегнула по щеке Фрэнка.

— Милый, я умираю!

Быстро обернувшись, он увидел, как тело Элен сползает на асфальт. Фрэнк бросился к жене. Поставил чемодан на землю, разорвал платье, ища рану. В общей суматохе он не заметил, что кто-то поднял чемодан, а на его место поставил другой, точно такой же!

В ту же секунду Элен широко раскрыла глаза:

— Милый, я, кажется, жива? — Она горячо обняла мужа.

— Пустяки, Элен, ты просто немного испугалась.

Подхватив жену, Фрэнк понес ее за угол, мимо отстреливающихся полицейских.

* * *

— Виват, комрады! Всем шампанское! А лучшая закуска для настоящих мужчин — запах пороха! За нашу удачу! — Адольф первым поднял бокал. Его холодные глаза азартно блестели, а подрагивающие ноздри ловили запах порохового дыма. — Дело сделано! — Адольф опорожнил бокал.

...Фрэнк поднял взгляд к небу, туда, где скрещивались огневые трассы террористов и полицейских выстрелов. В вакханалии грохота и огня он, подобно другим, не заметил маленький желтый вертолет неизвестной конструкции, уносящий „чемодан ада". С этой минуты судьба всей планеты повисла на волоске.

— Черт побери! Столько выстрелов и ни одного раненого! — Знаменитый сыщик Майк Норман швырнул газету на пол гостиничного номера. — Как на массовках в Голливуде!

В самом деле, нападение на президентский кортеж было больше похоже на инсценировку, чем на покушение. Но кому оно могло понадобиться? Телефонный звонок оборвал размышления Нормана.

— Хэлло, Майк, это вы? — прозвучал в трубке хрипловатый женский голос.

— Кто это?

— Нина. Помните мусоровоз на насыпи? Тот парень вас еще интересует?

— Да, конечно. — Норман подскочил с дивана.

— Тогда приезжайте. Я сведу вас с женщиной, которая кое-что знает. Пока!

Когда Нина ввела детектива в дешевую мебли-

рованную комнату проститутки по кличке Мадам Беню, он невольно поморщился.

— Тебе, я вижу, здесь не очень-то нравится, красавчик? Может, поищешь кого почище! — Мадам Беню, полная, с крашеными волосами, выпустила в лицо детективу струю сигаретного дыма.

— Сколько ты стоишь? — спросил Майк.

— Полтинник.

Майк вытащил пятидесятидолларовую бумажку и положил ее на тумбочку.

— Даром денег не беру, предпочитаю их честно отрабатывать. Иди сюда, красавчик, — позвала проститутка.

— Извините, мадам, но у меня болезнь, на лечение которой вам вряд ли хватит пятидесяти долларов, — слукавил Майк.

Мадам Беню слезла с кровати:

— Ладно, спрашивай.

— Что вам известно о том человеке?

— То, что он тряпка и слюнтяй. С первого же укола упал под стол и ныл, что его любимую насильно увезли в Россию, — ухмыльнулась проститутка. — Влюбился, так нечего сюда шастать...

Недослушав Мадам Беню, детектив рванулся к машине.

„Элен Райт похищена! Значит, ее место занято двойником!"

Заметив полицейскую машину, остановившуюся у дома, и выбежавшего из нее детектива, Элен поняла все. С самообладанием робота она извлекла из сумочки перстень, мизинцем левой руки нажала на бриллиант.

— Транспорт подан, — пискнул золотой цветок.

С достоинством представительницы победив-

шей стороны, Элен через заднюю дверь вышла в сад, где ее уже ждал бесшумный вертолет ярко-желтого цвета.

— Вы — мистер Райт, „человек с чемоданом"?! — изумился Майк, мгновенно узнав в открывшем ему подвыпившем мужчине оператора атомного пульта.

— Я, я... — самодовольно ухмыльнулся Фрэнк, но тут же тревожно вжал голову в плечи. — Тсс... Этого никто не должен знать. — Он покачнулся. — Выпить хочешь?

— Где ваша жена, мистер Райт?

— Не знаю, хотя была, была у меня жена. Такая симпатичная. — Он пьяно изобразил руками что-то похожее на гитару. — Выпить хочешь?

Детективу стало ясно — он опоздал.

— Вот что, мистер Райт. — Майк схватил его за ворот рубашки и как следует встряхнул. — Вспомните, не прикасалась ли ваша жена к чемодану?

— Чемоданчик, он такой славный... Она упала, а они — ды... ды... ды!.. Из пулемета, — глупо улыбнулся Фрэнк.

Эта улыбка напомнила Норману рассказ Мадам Беню. И тотчас внезапная догадка потрясла детектива! Скорее в Россию!

Генерал Кабан был настоящим воякой. Резкий и решительный, готовый, не задумываясь, лезть в любую драку, он в то же время снискал славу человека, безусловно, верного слову.

В глубоком раздумье генерал сидел в своем кабинете, с неудовольствием просматривая протоколы допроса пойманной американской шпионки.

Дверь тихо приоткрылась.

— Ну, кто там еще? — раздраженно провор-

чал генерал Кабан, прикрывая ладонью совершенно секретные документы.

— Как кто? Это ми, — услышал генерал голос с грузинским акцентом.

Не веря своим ушам, генерал повернулся и обомлел. Рядом с ним стоял, раскуривая трубку, Сталин! Опрокинув кресло, генерал Кабан вскочил и вытянулся по стойке „смирно".

— Разрешите доложить, Иосиф Виссарионович! — гаркнул Кабан.

— Вольно, генерал, вольно.

Сталин в хромовых сапогах и маршальском мундире был точь-в-точь как на фотографии, которую Кабан повесил у себя на даче.

„Неужели началось?!" — с восторгом и ужасом подумал про себя генерал, мысленно перебирая провинности, за которые его могли теперь поставить к стенке.

— Ну, викладывай, генерал, какие грехи у тебя на уме, товарищ Сталин слушает. — Вождь по-отечески строго посмотрел в глаза генералу.

— Я... по... по...нимаете, товарищ Сталин, — начал, заикаясь, Кабан, — дочка у меня с п... п... прохиндеем спуталась. Компрометирует...

— Плохо. Не зря в нашем народе говорят — рыба тухнет с головы. Вай, вай, генерал, — Сталин погрозил пальцем, — проглядел ты свою дочку.

— Проглядел, товарищ Сталин. — На лбу генерала выступил пот: как пить дать, посадит девчонку.

„У, дура упрямая, сколько раз говорил!" — пронеслось в голове.

— Как ви боретесь с врагами народа, генерал?

— Боремся, товарищ Сталин, — обрадовался Кабан, вспомнив об Элен Райт. — Американскую шпионку поймали.

— Где, если не секрет?

— А прямо на огороде, товарищ Сталин.

— Что ты сказал?

— В капусте, товарищ Сталин, нашли.

— Что-то ты заговариваешься, генерал. — Кремлевский горец сурово сдвинул брови.

— Никак нет, в такой, знаете, вазе была, — испуганно пролепетал генерал.

— А ну-ка, пошли к ней, — потребовал вождь. — И охрану убери, чтобы ни одна живая душа меня не увидела.

Отстранив караульных, Кабан проводил вождя в кутузку и принялся с нетерпением ожидать конца допроса.

— Это ж надо! Сколько ему сейчас лет-то? Не иначе в институте геронтологии лежал? — Генерал тревожно посмотрел на часы. — Все-таки не мешало бы запастись свидетелем.

Связавшись по рации, генерал вызвал полусонного лейтенанта Николаева и, вкратце объяснив задачу, послал его к шпионке.

— Товарищ генерал, нет там никого, — доложил дрожащим голосом вернувшийся лейтенант.

— Провели, сволочи! Обманули! — взревел Кабан. — Не Сталин это. А ну, за мной!

Схватив „Калашников" с примкнутым штыком, Николаев бросился за начальником.

На картофельном поле, за гауптвахтой, лежал НЛО, закамуфлированный под окружающую зелень. Он был похож на военный ангар, накрытый маскировочной сеткой. Заметив преследователей, НЛО начал медленно подниматься.

— Врешь! Не уйдешь! Огонь, Николаев!

Лейтенант вскинул автомат. В предрассветной тишине он громыхнул как скорострельная пушка

на полигоне. НЛО остановился. Распахнулся люк, в нем показалось ненавистное лицо Элен.

— Лейтенант, чтоб у тебя... отсох! — прокричала шпионка под одобрительный хохот сбежавшейся с гауптвахты солдатни.

— Ой, что это? — охнул Николаев. — Товарищ генерал, смотрите, и точно отсох. Как же я теперь к жене вернусь, товарищ генерал? Нет, я так не согласен, давайте теперь свой, товарищ генерал.

— Ты что, ты что, Николаев? У меня же генеральский! Тебе, лейтенанту, такой не положен.

— Обещали ведь, товарищ генерал. Говорили, случись что, хоть руку, хоть голову за тебя отдам! — всхлипнул Николаев.

— Да пойми ты, генеральский к лейтенантскому не прирастет.

— Ко мне, товарищ генерал, все прирастет, как к собаке.

— Ладно, не хнычь. Генерал Кабан свое слово держать умеет. В штабе скажешь, осколком оторвало. А ты, стерва шпионская, ты еще об этом пожалеешь! — Генерал, вскинув могучий кулак, погрозил удаляющемуся НЛО.

Стараясь не попадаться на глаза подчиненным, генерал Кабан и лейтенант сели в полковой джип. Не очень надеясь на пребывающего в расстроенных чувствах лейтенанта, Кабан сам вел машину. Не доезжая до деревни Дроздово, джип подкинуло на колдобине. Раздался истошный вопль лейтенанта:

— Смотрите, товарищ генерал, кажись, опять вырос! Вот пощупайте!

Кабан брезгливо потрогал нос подчиненного.

— Стало быть, мой отрезать не будем? — с облегчением спросил Кабан.

— Не будем! — радостно закричал лейтенант.

— А то ты меня знаешь, лейтенант! Мое слово — олово!

— Знаю, товарищ генерал! — Николаев громко чмокнул генерала в щеку.

— Ну, это уж ты, брат, зря. — Кабан утерся рукавом. — Ладно, поехали расхлебывать эту чертову кашу.

В штабе округа Кабана немедленно проводили к высшему руководству. В кабинете, обвешанном оперативными картами, помимо начальника он увидел штатского.

— Знакомьтесь, генерал, это лучший американский детектив Майк Норман. Он принес нам очень интересные сведения.

— Разрешите сначала задать вопрос, товарищ командующий? — собравшись с духом, генерал гордо поднял голову: — За сбежавшую шпионку погоны сразу снимете или как?

— Не беспокойтесь, генерал, это мы с Норманом дали информацию в прессу о том, что госпожа Райт сделает сенсационное разоблачение, если похитители не освободят ее. И они клюнули. Явились за ней. Вот тут-то наши космические спутники и выследили их НЛО. Сейчас он находится здесь. — Командующий показал точку на карте. — А что касается лично вас, генерал, все будет зависеть от успеха предстоящей операции.

Военные вместе с детективом склонились над оперативной картой.

Между двумя прибрежными дюнами возвышалась третья, почти не отличимая от них. Это был враждебный НЛО, как всегда, отлично замаскированный. Сюда, прямо в центр третьей „дюны",

устремился маленький желтый вертолет. При его приближении бесшумно распахнулись и снова закрылись люки НЛО. Словно песчаная гора поглотила пылинку.

В главном зале НЛО нетерпеливые шеренги встречающих вплотную придвинулись к вертолету. Впереди всех стоял Джек Потрошитель. Если бы на них мог взглянуть профессиональный историк, он определенно сошел бы с ума — в пестрой, разноязыкой толпе мелькали лица римских императоров, турецких султанов, красных кхмеров, прославившихся особой жестокостью. Навстречу им по трапу спустился Адольф Гитлер. Остановившись, он поднял над головой „чемодан ада".

Радостный вопль вырвался из сотен глоток и тотчас умолк — по залу медленно двигалась процессия инопланетян. Их светящиеся ярко-желтые одежды и головы, похожие на фехтовальные маски с синими и желтыми полосами, выглядели устрашающе.

— Великие и ужасающие! — Предводитель инопланетян поднял руку, и двойники замерли, ловя каждое слово. — Вы, которым предстоит править планетой! Пришел ваш час! В этом чемодане атомный курок. За дело, Адольф!

Гитлер обвел присутствующих шальным взглядом и откинул крышку чемодана.

Это было последнее, что видел Джек, двойники и их инопланетные создатели — два ядерных взрыва разнесли НЛО в пыль. Над прибрежными дюнами поднялось огромное грибовидное облако.

— Боже мой! Что делается! — Майк Норман прильнул к иллюминатору вертолета, зависшего над морем в десяти милях от места взрыва.

— Гоп со смыком, товарищ генерал, разделали

под орех! — Николаев, забывшись, хлопнул Кабана по плечу.

Однако ни генерал, ни Морли, ни другие руководители операции не заметили этой фамильярности. Их взоры были прикованы к водной глади. Там, под брюхом винтокрылой машины, две атомные субмарины — русская и американская, выпустив ракеты по НЛО, легли на сближающиеся курсы — должно быть, предстояла настоящая выпивка.

Услышав, как щелкнул дверной замок, Фрэнк отодвинул недопитую бутылку:

— Это ты, кошечка?

— Фу, вонища какая! — донеслось из прихожей. — Где ты, кретин?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Фрэнк. — Как ты прелестно копируешь мою дуру, лапочка. Знаешь, когда я о ней вспоминаю...

Фрэнк потянулся за бутылкой, но она вдруг вылетела из его рук и вдребезги разбилась о стену. Фрэнк поднял глаза — уперев руки в бока, над ним возвышалась Элен.

— Боже милостивый! Это ты... — пробормотал Фрэнк, бледнея.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась в свою очередь настоящая миссис Райт.

Внезапный телефонный звонок дал Фрэнку столь желанную передышку.

— Хэлло! Мистер Райт, — затараторил мужской голос с иностранным акцентом. — Это говорит Прибалтика. У нас большой проблема. Нам нусин сильный личность. Нам нусин ваша жена. Прафта, мы не имеем доллары. Но мосем поставить картофель и свиной щетина.

— А она-то согласна?

— Это наса проблема, мистер Райт. Ну как, по рукам?

— О'кей, ребята, я согласен! — не раздумывая, ответил Фрэнк.

В очередной раз выключив магнитофон, я снова подумал, что столь красочные и динамичные рассказы детектива не смогло бы испортить перо даже самого безнадежного графомана. Дора вполне могла бы записать их, пусть не блестящим, но связным образом. Этого было бы достаточно для какого-нибудь невзыскательного издательства. Но она предпочла передать кассеты мне. Почему? Почему вышла из себя, когда я прямо спросил ее об этом? Здесь была какая-то тайна.

Размявшись, я снова сел за пишущую машинку и включил магнитофон.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I
Угроза

— Хэлло! Это знаменитый сыщик Майк Норман, не так ли?

— Говорите. И, если можно, без комплиментов.

— Хорошо, мистер Норман, комплиментов больше не будет. — Вкрадчивый голос звонившего стал угрожающим, словно лиса передала трубку гризли. — Сегодня полиция поручит вам одно щекотливое дело... о „девочках". Откажитесь от него, Норман. Иначе вы будете завидовать покойникам с Арлингтонского кладбища. А теперь получите небольшой аванс, мистер Норман...

Пол под ногами Майка дрогнул! Сорванная занавеска ошалелой птицей рванулась к потолку! Норман взглянул в окно. На улице пылал его „форд", разорванный взрывом надвое.

— Ах ты сволочь! — Норман схватил телефонную трубку. Однако вместо мужского баса из нее доносились лишь монотонные гудки. — Ну и что? — Майк взял себя в руки. — В конце концов, я давно хотел посмотреть, как устроена эта штука внутри.

Накинув пиджак, он вышел из дому к развороченной машине.

* * *

В полдень Нормана действительно вызвали в полицию.

— У нас большие неприятности, Майк. — Начальник полиции Морли поморщился. — Я хочу, чтобы вы занялись одним мерзким делом. Какой-то подонок изнасиловал претенденток на титул королевы красоты — целый пансионат, черт побери! Все сорок семь девушек забеременели.

— Уж не хотите ли вы, сэр, приставить меня опекуном к этим шлюшкам? — усмехнулся Норман.

— Какие шлюшки, Майк! — возмутился Морли. — Среди них было аж пять девственниц. Вы когда-нибудь видели беременных девственниц?

— Хотите сказать, сэр, что после зачатия они остались целомудренными?

— Вот именно! Тут есть еще одно непонятное обстоятельство. Стивен, где ваши чертовы бумажки?

— Прошу вас, сэр. — Помощник положил перед Морли пухлую папку.

— Я не собираюсь читать весь этот бред, — начальник полиции недовольно отодвинул документы, — объясните все своими словами, Стивен.

— Сэр, вас интересует мое мнение или только выводы экспертов?

— Держите свое мнение при себе, пока я не спрошу вас о нем, а впрочем, говорите.

— Конкурсы красоты, сэр, — особая среда. Вы же знаете, члены жюри, спонсоры... Призовые места получают порой не самые красивые, а самые сговорчивые...

— Вы намекаете на то, что эти члены поимели всех претенденток? Тогда объясните мне, как уцелели девственницы?

— Извините, сэр, но существует много способов... о которых мне не хотелось бы говорить вслух, — смутился помощник.

— Да вы, кажется, извращенец, Стивен. Я запрещаю вам в подобном тоне говорить о бедняжках. Ладно, черт с вами! Что думают эксперты?

— Сэр, они утверждают, что все сорок семь девушек не могли забеременить одновременно. Наука это исключает.

— Наука, наука... — недовольно проворчал Морли. — Дайте сюда приметы этого подонка.

— Их нет, сэр.

— Я что, ослышался? Вы явились сюда, не опросив потерпевших?

— Извините, сэр, я знаю свои обязанности. Но девушки не заметили преступника.

— Не заметили? Ну и молодежь пошла! Их... а они даже не замечают. Нет, здесь что-то не чисто. Боюсь, вам досталось непростое дело, Майк, — начальник полиции повернулся к детективу, — не сверните себе шею.

...Закончив разговор с Морли, Майк вышел из Управления полиции, ни словом не обмолвившись о своем взорванном „форде".

Это был выпад против него лично, а Майк не привык слишком долго ходить в должниках...

— Он пришел ровно в полночь! И начал душить меня подушкой. А потом...

— Хватит врать, Хуанита! — зашумели претендентки на титул королевы красоты, отлично знавшие об отвращении Хуаниты Миньос к мужчинам, которым она предпочитала подружек.

— Я вру?! Значит, это не я от него залетела? Еще хорошо, что я не сопротивлялась, а лежала

тихо, как мышка. Этот вампир меня наверняка бы прикончил. Смейтесь, смейтесь! Он сказал, что сегодня ночью придет снова. Но уже не ко мне, а к кому-то из вас.

Претендентки — длинноногие, однообразные в своей красоте — тотчас умолкли.

— Девочки, вы как хотите, а я пойду к себе, уже поздно. — Шведская красавица Лони Дидрихсон первая направилась к двери.

Через минуту меблированная комната Хуаниты Миньос опустела...

Неотвратимо, как камень, опускающийся во мрак кладбищенского пруда, пансионат „Роза" погружался в тревожную тьму надвигающейся ночи.

Лони Дидрихсон легла на кровать, и ее светлые локоны растворились в белизне подушки. Лишь смуглое, загорелое девичье тело смутно прорисовывалось на простынях. Некоторое время Лони лежала с закрытыми глазами, пытаясь понять, что означали двусмысленные взгляды Миньос. Страшная догадка заставила ее задрожать — Хуанита знала, к кому придет вампир!..

Лони попыталась встать. Поздно! В дверях показалась черная фигура. В полуобморочном состоянии девушка опустилась обратно. Кровать качнулась, и к щеке прекрасной шведки подкатился упавший флакон шампуня. Схватив его, девушка выплеснула едкую жидкость туда, где под балахоном сверкали глаза вампира...

Услышав душераздирающий крик девушки, Майк первым бросился к пансионату. За ним, тяжело дыша, бежали полицейские. Мгновенно оцепив „Розу", они блокировали все ходы и выходы.

Над крышей здания застрекотал полицейский вертолет с приборами ночного видения — мышеловка захлопнулась! Теперь предстояло лишь вытащить „крысу" из капкана.

— До противного просто! — Майк с некоторым разочарованием наблюдал, как полицейские обшаривали помещения пансионата.

Напряжение, вызванное ожиданием опасной борьбы, постепенно проходило. Сидя в просторном холле первого этажа, Майк ждал, когда к нему приведут пойманного подонка. Время от времени, как бы невзначай, мимо пробегали красотки, с любопытством разглядывая знаменитого сыщика.

По логике вещей, он сам должен был бы жадно их разглядывать. Но ни одна из них не могла сравниться с его женой-инопланетянкой. В каждой из претенденток Майк находил множество недостатков — кривые ноги, редкие волосы или крупный рот... Эти девушки представлялись ему сорной травой, выросшей рядом с розовым кустом совершенств Эолы.

Майк пытался представить себя в постели с какой-нибудь из претенденток и не смог. Что-то, сидящее в его мозгу, не позволяло это сделать.

Между тем обыск закончился. Растерянные полицейские столпились вокруг Нормана.

— „Крыса" улизнула, — констатировал Майк.

— Сэр, просят вас, — сержант Браун протянул детективу трубку радиотелефона.

— Вы все-таки не послушали нас, Норман! — услышал Майк голос, напоминающий рычание гризли. — Делаем последнее предупреждение. — Незнакомец повесил трубку.

— Джентльмены, прошу к окну, — обратился Майк к полицейским.

И тотчас на автомобильной стоянке полыхнул взрыв.

— Чтоб я сдох! — ахнул сержант. — Это же моя машина!

— Преступники иногда ошибаются, сержант. — Норман участливо похлопал полицейского по плечу. — Они ведь метили в мою. Зато вы сэкономите на бензине.

Вспенив кроны деревьев, вертолет развернулся, направив свой прожектор на автостоянку, и она засеребрилась в его лучах.

— Постойте, сэр, машина-то все-таки ваша! — просиял сержант.

— Что же, сержант, фортуна переменчива, — вздохнул Норман. — К счастью, я приехал на машине шефа.

— Послушай, дорогой, я хочу кое о чем с тобой поговорить, — выпалила, собравшись с духом, серенькая, как моль, жена флейтиста Блемонтина.

— Как, опять? Ты опять залетела, Бонни? — подскочил с домашнего стула Блемонтин — яркий, бледнолицый шатен. — Может быть, еще скажешь, что от меня?

Ее тонкая фигурка мученически изогнулась над столом.

— Как тебе не стыдно, Блемонтин?..

— Не стыдно, не стыдно. Хватит! Наслушался. Ты меня больше не проведешь. Так вот, дорогая, на этот раз я только притворялся, ты меня понимаешь?..

— Не вполне.

— Какая ты наивная, Бонни! Я только делал

вид, что... Понятно? Я проверял тебя. Ты не могла залететь от меня.

— Значит, не могла?

— Не могла.

— Ты не веришь мне, мерзавец?

— Ха-ха! Нашла дурака!

— А в это веришь? — Увесистая оплеуха обрушилась на правую щеку Блемонтина.

— Теперь верю. — Блемонтин погладил хрястнувшие шейные позвонки. — На такой удар способна только оскорбленная добродетель.

— Скотина, знай, я тоже притворялась, когда орала под тобой и царапала тебе грудь. Ты ни разу меня не удовлетворил. Ты только и годишься на эти бесконечные залеты. Хватит, я ухожу от тебя, Блемонтин.

— Бонни, учти, через неделю я забуду твой телефон, а через две — и твое имя...

— Это тебе для укрепления памяти! — Вторая оплеуха отпечаталась на щеке музыканта.

— Попутного ветра, птичка!

— Будь счастлив, Блемонтин!

„До чего же я ненавижу эту бабу! — размышлял Блемонтин, оставшись один. — Удовольствия на полчаса, а головная боль на всю оставшуюся жизнь! Мышеловка проклятая! Сунь туда... р... раз! — и готово. Хомут на шее. Нет, меня не проведешь! Не на того нарвалась!"

Блемонтин достал флейту и заиграл одну из тех мелодий, после прослушивания которых мыши с его кухни перебегали к соседям.

— Прощай, Бонни, — шептал флейтист с тихой радостью раскрепощения.

Больше он не принадлежал одной женщине. И это было как нельзя кстати. С недавних пор он обнаружил в себе непреодолимое влечение ко

всем женщинам сразу. Они интересовали его как коллектив, как популяция. Он любовался ими со стороны. Именно так мы любуемся лазурным морем, забывая, что оно состоит из множества шаловливых волн.

Созерцание многих красавиц приводило его в бóльший экстаз, чем физическое обладание одной. Платоническая страсть Блемонтина была в то же время весьма практичной, поскольку не требовала ни ухаживаний, ни согласия девушек. Даже самые строптивые из них не могли ему запретить любоваться собой.

Блемонтин вспомнил о девчонках из пансионата „Роза", предстоящем конкурсе красоты, и из его „дудочки" потекли звуки, которым с энтузиазмом подвывали соседские кобели.

II

Улика

Наутро, после полицейской облавы, Лони Дидрихсон подняла с пола черный блестящий предмет — это были кастаньеты Хуаниты Миньос!

— Так вот кто прикидывается вампиром! Противная, низкая, подлая лесбиянка! Теперь понятно, почему она советовала тихой мышкой отдаваться вампиру! — Лицо шведки залила краска стыда и негодования. — Ну хорошо же, ты об этом пожалеешь, Хуанита!

План мести созрел быстрее, чем кровь отхлынула от лица прекрасной шведки. Как ни в чем не бывало она проскользнула в комнату Миньос.

— Привет, малышка! — приветствовала она стовосьмидесятисантиметровую пуэрториканку. — Ты напрасно удрала вчера, мы могли бы договориться, — рассмеялась Лони, восхищаясь собственным артистизмом.

— О чем это ты? — Жгучие черные глаза Миньос беспокойно забегали.

— В другой раз не теряй, подружка. — Шведка швырнула на стол кастаньеты.

Пуэрториканка вспыхнула. Казалось, сейчас она бросится на блондинку.

— Я не прочь позабавиться. — Лони уселась в кресло. — Но меня не устраивают условия игры. Я тоже хочу быть вампиром. Два вампира — это

уже что-то! До встречи, Хуанита, сегодня в полночь! И не забудь занести костюмчик.

Оставив взъерепененную пуэрториканку в номере, шведка отправилась в конюшню пансионата „Роза", где содержались лошади для верховой езды.

Лони остановилась у яслей, наблюдая за тем, как здоровенный конюх по кличке Ковбой Джо начищает рыжего жеребца. Впрочем, и сам ковбой — рыжий, с крупным приплюснутым носом, был под стать жеребцу.

„Как раз то, что нужно!" — решила Лони.

— Эй, Джо! — позвала она Ковбоя.

— Слушаю, мисс, — осклабился конюх, обнажив желтые лошадиные зубы.

— Говорят, вы настоящий ковбой, Джон? — Лони одарила его улыбкой, от которой у бедняги екнуло сердце.

— Болтают. — Шмыгнув носом, он утерся рукавом.

— Вы курите, Джо? — продолжила Дидрихсон.

— Курю, мисс, — захлопал глазами ничего не понимающий конюх.

— Плохо, Джо, плохо, — нахмурилась Лони. — Вообще-то она любит некурящих... Дело в том, Джо, что одна наша девушка влюбилась в вас, — с трудом оставаясь серьезной, произнесла Дидрихсон. При этом она вспомнила, с каким отвращением пуэрториканка говорила о мужчинах, и ее губы невольно шевельнулись.

— Да?! — разинул рот Ковбой Джо. — Вы смеетесь надо мной, мисс?

— Вы должны знать, Джо, — шведка строго сдвинула брови, — эта девочка почти наверняка станет королевой красоты.

— Вот это да! — Ковбой опустил на лоб широкополую шляпу. — Скажу вам по-честному, мисс, мне тоже одна ваша приглянулась. Но если это не она, я не в обиде. Сойдет и другая, вы не сомневайтесь.

— Джо, вы должны понять, что накануне конкурса красоты эта особа не может рисковать своей репутацией. Поэтому она будет в несколько необычном наряде. И вам, кстати, придется надеть такой же. Ну как, вы согласны?

— Ноу проблем, мисс! Ради такого дела я готов надеть сиреневые кальсоны на голову!

— Отлично, Джо, вы настоящий ковбой! Только не забудьте принять ванну. Пока!

Вечерней порой Блемонтин прокрался в бассейн пансионата „Роза". Здесь, за вентиляционными решетками, нависшими над водой, он устроил свой „будуар". Невидимый для окружающих, он сладострастно разглядывал купающихся претенденток. Это зрелище доводило его до экстаза.

Ему казалось, что, благодаря каким-то таинственным чарам, он совокупляется с красотками и безраздельно обладает всеми ими одновременно. Его чувства были так сильны и реальны, что, впадая в беспамятство, он тянулся за флейтой, чтобы выразить себя в звуках. А потом, успокоившись и остынув, с ужасом думал о том, что едва не выдал свое присутствие в женской купальне.

Разлегшись на импровизированном ложе, Блемонтин засунул в рот пластинку ананасовой жвачки и принялся мечтательно ждать появления новых девочек, обожавших ночные купания нагишом.

* * *

Тем временем Ковбой Джо, чуть дыша, лежал в комнате Лони. На нем был черный балахон, который он безропотно надел на голое тело, и парик из белых волос, не отличимых от локонов шведки. От пряных запахов лосьонов и кремов, которыми он был обильно умащен, нестерпимо щипало в носу, и конюх то и дело замирал, боясь чихнуть, потому что в таком случае у непривычного человека вполне могли бы лопнуть барабанные перепонки.

Со все возрастающим нетерпением он ждал появления будущей королевы красоты.

Наконец в коридоре раздались шаги. Дверь открылась, и на пороге появилась гибкая женская фигура в таком же балахоне, как у него. У Ковбоя перехватило дыхание, словно на горло ему наступил мустанг.

— Я вампир, я вампир, где ты, мой пони!..

Хуанита, откинув полы балахона, ловко оседлала лежащего на спине конюха.

— Сейчас мы поскачем, моя лошадка, в страну грез. — Она откинулась назад, словно натягивая поводья. И тут же ощутила что-то жесткое и неудобное, чего не должно было быть у прекрасной шведки.

— Какая мерзость! Мужик! Ай... ай!.. — Взвизгнув на весь пансионат, Хуанита вылетела из комнаты.

Следом за ней в коридор выскочил Ковбой Джо и бросился в другую сторону галопом, которому позавидовали бы жеребцы из его конюшни.

Когда бедняга Блемонтин заметил суматоху, вызванную бегством конюха, пути спасения были отрезаны. Разъяренные красотки все ближе под-

то. Проворнее других орудовала Хуанита, вооруженная каминными щипцами.

Блемонтин зажмурился, ожидая развязки. И она наступила!

Вентиляционная решетка распахнулась, и множество рук вцепилось в его одежду. За несколько минут он получил затрещин больше, чем за всю предыдущую жизнь.

— А теперь, мерзкий мужичонка, ты узнаешь, что такое венесуэльский колокольчик. Разденьте его! — распорядилась Хуанита.

Брезгливо оттянув щипцами половые органы Блемонтина, она защелкнула на них замочек с никелированным колокольчиком.

— А ключ, дружочек, придется поискать! — Миньос швырнула его в мусорный бак, стоявший под окном.

Испуганный Блемонтин помчался вниз, на поиски ключа. Усевшись на куче мусора, он принялся перерывать его с усердием, неведомым золотоискателям Клондайка.

За этим занятием и застал его сержант Браун.

— Что, парень, совсем дела плохи? — спросил он голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Подайте бывшему музыканту! — прогнусавил в ответ Блемонтин.

— А ну-ка, уматывай отсюда, да поскорее! — Сержант звякнул наручниками.

Резво выскочив из бака, Блемонтин побежал прочь.

— Что за черт? — Сержант Браун недоуменно посмотрел на браслеты.

Оставаясь неподвижными, они продолжали позвякивать в такт прыжкам удаляющегося бродяги.

— Наверняка они плачут по этому типу, — ре-

шил Браун, слыша в действительности затихающий колокольчик Блемонтина.

Служба в полиции научила Майка Нормана разбираться в психологии людей. Слушая их голоса, он безошибочно выделял интонации, говорившие о том, что его собеседникам угрожает опасность, даже тогда, когда они старались это скрыть. Поэтому, услышав в телефонной трубке как будто спокойный, но на самом деле чертовски наэлектризованный голос Бонни, Майк, схватив оружие, кинулся к автомобилю, почти не сомневаясь, что одновременно с ним из другого конца Нью-Йорка к ней мчится преступник, ведь женщина имела неосторожность упомянуть в разговоре пансионат „Роза". Она так и сказала: „Я могу пролить свет на происшествие в пансионате „Роза". К нему имеет отношение мой бывший муж".

Майк, очертя голову, несся на красный свет, едва успевая уворачиваться от встречных машин, оставляя за собой черный след тормозящих „вглухую" шин чужих автомобилей, и не менее черный след проклятий, посылаемых ему вдогонку.

Тревога Нормана усилилась, когда он начал обгонять попутные пожарные машины.

Майк понял, что опоздал...

Стоя у развалин одноэтажного дома, снесенного взрывом, Майк ругал себя за медлительность, понимая в то же время, что никто не мог бы сделать больше того, что сделал он. Но это было для него небольшим утешением.

В зловещей игре, навязанной ему преступниками, важной фигурой становился бывший муж Бонни.

* * *

Торопливой рысцой Блемонтин бежал к клинике профессора Мотичелли. Когда колокольчик в его штанах звякал особенно громко, он приседал, хватаясь за член, чем сильно шокировал встречных старушек. Профессор был давним покровителем флейтиста, с тех пор как несколько лет назад они познакомились на концерте.

Суровый и властный профессор, с густыми бровями и угловатой фигурой плотника, неизменно вызывал у Блемонтина внутренний трепет. Но разве такие мелочи идут в расчет, когда тебе по дружбе устраивают бесплатное лечение!

Однако на сей раз флейтист предпочел бы попасть в руки незнакомцев. Было ужасно стыдно. Стараясь не качнуть колокольчик, Блемонтин переступил порог профессорского кабинета.

— Цзынь!.. — раздался предательский звук.

Блемонтин присел, схватившись за колокольчик, но тот извернулся в его руках и нагло, во всеуслышание звякнул снова.

— У вас стало неважно с чувством юмора, Блемонтин, — нахмурился профессор, — раздевайтесь.

Дрожащими руками музыкант расстегнул пуговицы.

— Разрази меня гром, что я вижу! — взревел Мотичелли, увидев замок. — А колокольчик-то зачем? Вы что, вообразили себя барашком, Блемонтин? Немедленно ложитесь.

В руках Мотичелли мелькнули хищные челюсти инструментов.

— Профессор, не надо! — Блемонтин приподнялся с топчана.

— Лежать! — рявкнул Мотичелли.

— Не надо! — Блемонтин, подобно наседке,

закрывающей крыльями свои драгоценные яйца, накрыл ладонями колокольчик. — Нет, профессор! — Блемонтин взглянул в глаза Мотичелли.

Жестокая тайна профессора открылась вдруг музыканту. То непонятное, что всегда вызывало в нем дрожь, обрело ясную, зловещую форму. „Смерть!" — прочел он в глазах Мотичелли.

— Получай, мерзавец! — Изловчившись, профессор вогнал в Блемонтина шприц.

Бедняга тут же потерял сознание.

Тщательно заперев дверь, профессор извлек из шкафа мешок, в котором обычно увозят трупы в мертвецкую. Приподняв тело, он сунул его в мешок.

— Эксперимент закончен! Ты неплохо потрудился, Блемонтин! — Задернув молнию на мешке, Мотичелли повернулся к крану.

— Руки за голову! — В дверях возникла грозная фигура с револьвером.

— Это вы, Норман? — не оборачиваясь, спросил Мотичелли, и Майк узнал голос, напоминавший рычание гризли.

— Угадали, профессор.

— В чем вы меня обвиняете, знаменитый сыщик?

— Для начала в умышленном убийстве этого несчастного. — Майк открыл молнию на мешке.

— Ну, здесь-то вы просчитались, Норман, я не так прост. Этот подопытный всего лишь усыплен. — Игнорируя наведенный на него револьвер 38-го калибра, Мотичелли повернулся к детективу. — Хотя, не скрою, я собирался увезти его подальше и там прикончить.

— Какая трогательная откровенность!

— Разрешите мне сесть, Норман?

Майк кивнул и, не выпуская из рук оружия, сел напротив.

— Пожалуйста, не воображайте, что я у вас в плену. Я сам собирался с вами встретиться.

— Вот как? — усмехнулся детектив.

— Вы нужны мне по двум причинам, Норман. Во-первых, как донор, во-вторых, как преданный подручный.

— Вы не в своем уме, Мотичелли, какой подручный? Или хотите разыграть сумасшествие? Тогда вы поторопились. Делать это надо не перед полицейскими, а перед судебно-медицинскими экспертами.

Детектив щелкнул курком, желая посмотреть на реакцию профессора.

— Перестаньте меня проверять, Майк. Здоровая психика сейчас будет нужнее вам, чем мне. Постарайтесь сами не сойти с ума после того, как кое-что услышите от меня.

— Неплохое начало, Мотичелли, можете продолжать, — Майк перебросил револьвер в другую руку, — но имейте в виду, вы у меня на мушке.

— Бросьте, Майк, эти глупые игры в полицейских и воров. Скажите лучше, что вы знаете о сперматозоидах? И не вздумайте краснеть, как барышня, у нас серьезный мужской разговор. Отвечайте, как студент своему профессору.

— Давненько мне не приходилось краснеть. Извольте. Сперматозоиды — это мужское семя, живчики, которые выделяются при половом акте.

— Отличные познания, Норман, я уже мог бы аттестовать вас на должность уборщика больничных туалетов. Вы правы, при половом акте двести миллионов живчиков устремляются к женской яйцеклетке. Эта бешеная гонка сперматозоидов драматичнее, чем все наши войны. Потому что лишь один из них будет жить — тот, кто достигнет яйцеклетки первым. Остальные погибнут.

После длительных экспериментов, которые я проводил на Блемонтине, мне удалось вывести новый вид сперматозоидов, напоминающих летучих муравьев. Они не погибают. На своих малюсеньких крылышках они летят на поиски женщин. Им все равно, королева это или посудомойка, девственница или шлюха. Они прогрызают ткань, лезут во все щели...

— Значит, там, в пансионате „Роза"...

— Совершенно верно, Норман. Мой подопытный „опылил" всех претенденток. — Мотичелли раскатисто расхохотался.

— Стоило ли взрывать машины, убивать людей, чтобы нагадить этим девчонкам?

— Мне не нравится ваш полицейский жаргон, Норман. Неужели вы еще не поняли, что в моих руках оружие более грозное, чем водородная бомба? Возьмите, к примеру, моего пса, Норман. Этот разжиревший увалень не желает поднять свой зад, когда я зову его. Не правда ли, он мало похож на голодных уличных собачек, которые будут бежать за вами целую милю, выпрашивая колбасную шкурку?

То же самое — наши зажиревшие соотечественники. Они пошлют ко всем чертям любое, не понравившееся им правительство. Запомните, Норман, командовать можно только стаей голодных людей. За кусок колбасы и рюмку алкоголя они вылижут вам анальное отверстие. По вашему приказанию они будут вешать и расстреливать себе подобных, они сочинят в вашу честь хвалебные гимны.

Вот для чего мне понадобились летучие сперматозоиды: чтобы вызвать в Штатах демографический взрыв — тысячекратное увеличение населения.

— Вы хотите, чтобы собак было значительно больше, чем корма?

— Да, Норман. Они сами отдадут власть мне — единственному человеку, который будет в состоянии приостановить это бешеное размножение. Я знаю о ваших заслугах, Норман. Но даже с ними вы — никто. Застрелите какого-нибудь подлеца, и вас отправят на электрический стул точно так же, как любого бродягу. Даже деньги без власти — ничто, Майк, потому что их могут отнять.

Теперь слушайте внимательно. Я предлагаю вам неограниченную власть над людьми. Подчинитесь мне, и больше никому не надо будет подчиняться. Мне нужен такой оберполицейский, как вы. Это первое. И второе — вы нужны мне как донор. Используя вас, я получу тысячи отличных служак. Решайте.

Некоторое время детектив молчал, потрясенный услышанным.

— Я родился в свободной и богатой стране, — начал он наконец, — а должен буду умереть в рабской и нищей. Не так ли, профессор?

— Умереть в окружении собственных рабов — не худшая участь, Норман.

— Заманчиво. Вы — настоящий змей-искуситель, Мотичелли. То, что вы говорите, не для слабых душ! Уверен, найдется немало больших чинов, которые захотят вам продаться. Именно поэтому я должен убить вас. Молитесь, еще есть время. — Майк приставил ствол револьвера к затылку профессора.

— Я ошибся в вас, Норман. Я считал вас рыцарем, а вы — грязная полицейская ищейка. То, что вы делаете, хуже, чем выстрел из-за угла. Стреляйте, вонючий ублюдок!

Оружие дрогнуло в руке детектива.

— Вы правы, Мотичелли, я за всю жизнь не отмылся бы от вашей крови.

— Браво, Норман! Я помогу вам. Я нападу на вас первым, и если вы убьете меня, защищаясь, то будете чисты перед законом и людьми, а возможно, и перед Господом Богом.

— Отлично, выбирайте оружие, Мотичелли.

— Я больше привык к скальпелю, чем к револьверу. Держите! — Профессор открыл сверкающий стерилизатор. На дне его лежали два скальпеля. — Выбирайте, Норман.

Майк взял тоненький, никелированный стержень. Его стальное жало не шло ни в какое сравнение с бритвами лучших фирм.

— Да вы, кажется, левша, Норман? Все левши талантливы. Мне будет жаль убивать вас — с вами погибнет многообещающая генетическая линия.

— Постараюсь этого не допустить, профессор, — усмехнулся Майк.

Наблюдая, как неторопливо Мотичелли снимает и укладывает на топчан свой пиджак, Майк поразился его спокойствию. „Как будто он собирается вскрывать фурункул", — подумал детектив.

— Это у меня профессиональное, — словно угадав его мысли, сказал Мотичелли. — Когда отрежете столько рук и ног, сколько отрезал я, вы тоже будете относиться к этому без лишних эмоций.

„Дьявол!" — прошептал про себя Майк.

— Вы разрешите мне обработать мой скальпель спиртом? — Профессор открыл флакон и погрузил в него лезвие. — Ничего не могу поделать со своим профессионализмом. Впрочем, это в

ваших же интересах, Норман, — не будет нагноений, если вы останетесь в живых.

— Ну, начали? — Майк резко повернулся к профессору.

„И правда дьявол!" — пронеслось в мозгу Нормана.

Степенного профессора как не бывало. Перед ним стоял настоящий пират.

Выставив перед собой непомерно длинные руки, профессор шагнул навстречу, поигрывая скальпелем, как легким блестящим перышком. Майк медленно отступил в угол, готовясь к своему коронному броску. Но в это время Мотичелли неожиданно выбросил вперед свою длинную волосатую руку со скальпелем. Это был неопасный выпад, и лезвие лишь оцарапало пальцы Нормана. Но они вдруг начали разжиматься!

Невесомое оружие детектива стало неимоверно тяжелым. Напрягая силы, он старался удержать его в руке. Но силы иссякли. Скальпель, звякнув, упал на пол.

„Яд!" — догадался Норман.

Пошатнувшись, он рухнул к ногам Мотичелли...

III

Женщина-облако

Приветливо помахав рукой охраннику, профессор Мотичелли, не останавливаясь, проехал на летное поле аэродрома. Здесь, в алюминиевом ангаре, хранился его спортивный самолет. Запустив мотор, Мотичелли привычно скользнул взглядом по приборному щитку — электрооборудование работало нормально, а бак был полон. Его должно было хватить до живописной виллы Норманов, расположенной на Атлантическом побережье в двадцати милях от Портленда.

— Бедняжка Эола не слишком обрадуется моему подарку. — Профессор пристегнул резинкой миниатюрный контейнер, выполненный в виде шкатулки для драгоценностей. В ней хранились летучие сперматозоиды, подобные тем, что наделали столько неприятностей в пансионате „Роза".

Исследования Мотичелли говорили о том, что инопланетянка должна была забеременеть с той же легкостью, что и девчонки из „Розы".

— О, если бы это случилось! — Профессор, предвкушая успех, потер руки — тогда его власть распространилась бы далеко за пределы Галактики. „Размножай и властвуй!" — собственная шутка пришлась по душе профессору.

Дав газ, он вырулил на старт. Полет занял немного времени. Скоро под крылом показалась по-

садочная полоса и желтая песчаная дорожка, идущая от ангаров к вилле.

Двое дюжих охранников с овчарками не слишком смутили удачно приземлившегося профессора.

— Привет, мальчики! Передайте миссис Норман. — Он протянул фотографию Эолы, которую извлек из кармана Майка, и свою визитную карточку.

— Слушай, Чарли, что-то мне не нравится этот парень, — вполголоса сказал один из охранников, принимая фото. — Смотри, как ведут себя собаки.

— Мне тоже это кажется странным, — ответил его напарник.

— Не спускай с него глаз, пока я схожу к хозяйке.

Не ожидавшего столь холодного приема, Мотичелли заставили вылезти из самолета и отдать ключи зажигания. С четверть часа ему пришлось простоять перед щелкающими челюстями беснующихся и брызгающих слюной собак. Наконец пискнула рация. Не выпуская Мотичелли из поля зрения, готовый уложить одной очередью с полдюжины таких, как он, пилотов, охранник приложил рацию к уху:

— Слушаю, мэм. Хорошо, мэм, сейчас он будет у вас.

„Серьезные ребята, — подумал про себя профессор, — видна выучка Нормана".

Когда Мотичелли ввели в холл, навстречу ему поднялась женщина-облако, женщина-солнце, абсолютная красавица, каких не должно было быть в природе. Но она была. И уже подавала ему руку. Первым чувством профессора была не зависть к Майку и даже не мечта когда-нибудь овладеть ею, а желание прооперировать Эолу.

Как ребенку порой хочется разобрать любимую игрушку, так и ему вдруг безудержно захотелось посмотреть, как устроено это совершенство внутри.

— Что с Майком, профессор? Как попала к вам моя фотография? — тревожно спросила Эола.

— Не беспокойтесь, миссис Норман. Он дал мне ее по той простой причине, что у него не было времени писать рекомендательное письмо.

— Узнаю своего мужа, — облегченно вздохнула Эола.

— Майк услышал, что я лечу в Портленд, и попросил передать вам это. — Мотичелли протянул шкатулку со сперматозоидами...

В ту же секунду овчарки бросились на профессора с таким остервенением, что охранники едва удержали их.

— Одну минуточку, мэм. — Тот, кого звали Чарли, предельно вежливо, но вместе с тем властно взял шкатулку из рук Мотичелли.

— Извините, профессор, это причуды моего мужа, — виновато улыбнулась Эола.

„Проклятый легавый!" — выругался про себя Мотичелли.

Охранник, внимательно осмотрев контейнер снаружи, зашел с ним за угол и там открыл его. И тотчас невидимые человеческому глазу крылатые сперматозоиды торопливым роем выпорхнули наружу!..

На секунду Эола почувствовала тяжесть в области живота и легкое недомогание.

— Что с вами? — с трудом скрывая ликование, спросил Мотичелли.

— Ничего. Наверное, я вчера перегрелась на солнце, — ответила миссис Норман. — Ну, где вы, Чарли? — позвала Эола.

— Извините, мэм, но в такую штучку может войти изрядный заряд взрывчатки, которая разнесет весь ваш дом. — Чарли протянул ей шкатулку.

— Ах, какая прелесть! — Эола вытащила из нее бриллиантовые сережки. — Может быть, вы выпьете с нами кофе, профессор? К тому же вы не осмотрели наши космические трофеи.

— Нет-нет, мне пора, — заторопился Мотичелли.

— Ну, как хотите. Проводите профессора, — распорядилась Эола.

Очнувшись, Майк был удивлен темнотой. Он попытался поднять руку, но она во что-то уперлась.

— Никак, я лежу в покойницком мешке? Такого со мной еще не бывало. — Он начал двигать локтями.

— Господи, вы живы?! — Блемонтин раскрыл застежку-молнию на мешке Майка. — Добро пожаловать на тот свет, мистер.

— Теперь я знаю, как чувствуют себя воскресшие. А где же наш друг профессор? — спросил Норман, выбираясь из мешка.

— Не знаю, мистер, я сам только что очнулся. Мы проспали не меньше суток.

— Вам что-нибудь снилось, Блемонтин?

— Мне могла сниться только яичница с ветчиной — я ужасно голоден.

„О, Блемонтин, наивная душа, ничего не знающая об эксперименте, жертвой которого он едва не стал", — сочувственно подумал Майк.

— Мистер, а откуда вы знаете мое имя? Вы, наверное, бывали на моих концертах? — просто-

душно, но не без некоторого самолюбования спросил Блемонтин.

— Я знаю не только это, но и еще кое-что, — улыбнулся Майк. — Знаю, например, где вы носите свой колокольчик. Держите! — Детектив кинул Блемонтину ключ на сиреневом шнурке.

— Мистер, неужели это он? — Блемонтин расцеловал ключ. — Отвернитесь на минутку, мистер.

— И вы тоже, Блемонтин.

— А это еще зачем?

— Не хочу, чтобы были свидетелем того, как я вскрываю чужие шкафы, мой друг.

Обшарив кабинет Мотичелли, Майк наконец нашел две любопытные вещицы — счет на техобслуживание частного самолета и пилотскую карту. Внимательно осмотрев ее, он обнаружил едва заметную царапину против поселка Хелвуд.

— Ого! — присвистнул Норман.

Он отлично знал, что именно здесь находится ранчо господина... Майк тревожно взглянул на Блемонтина, все еще возившегося с замком, словно тот мог прочесть в его мыслях имя высокопоставленного лица, которого собирался навестить профессор. Заполучи Мотичелли такого сторонника, и его бредовые планы вполне могли стать реальностью.

„Интересно, какой пост и сколько рабов предложит ему в своем всемирном правительстве профессор?"

Майк решительно поднялся. Надо было спешить.

Получив известие о том, что самолет с Мотичелли поднялся с аэродрома Портленда и взял курс на Хелвуд, детектив немедленно вылетел наперехват с другого частного аэродрома.

Подняв машину на максимальную высоту, Майк долго крутил головой, боясь пропустить Мотичелли. И когда его самолет серой тенью мелькнул по правому борту, немедленно послал „стрекозу" вдогонку за профессором.

Настигнув его, Норман приблизился настолько, что разглядел гримасу удивления на лице Мотичелли. Однако растерянность профессора была недолгой. Вильнув влево — вниз, он попытался уйти от преследования. Ревя моторами, рискуя сорваться в штопор, самолеты носились друг за другом. С земли это было похоже не на смертельный поединок, а на проделки подвыпивших воздушных хулиганов.

Чиркнув винтом по хвосту профессорского самолета, Норман наконец вынудил его пойти на снижение. Детектив пристроился рядом с ним. Крыло в крыло.

И тут дверь пилотской кабины распахнулась — Норман увидел направленное на него дуло автомата. Пули защелкали по обивке „стрекозы". Выхватив полицейский „кольт", Майк выстрелил в массивную фигуру Мотичелли. Подавшись вперед, тело профессора упало на приборный щиток. Его самолет накренился и, набирая скорость, стал падать.

Пламя и дым, поднявшиеся над кукурузным полем, были бесспорным свидетельством гибели профессора и его чудовищных планов. Сделав несколько кругов над местом катастрофы, Майк развернул „стрекозу" и лег на обратный курс — его ждали в пансионате „Роза".

— Сэр, у меня для вас неважные новости — звонили охранники...

Недослушав сержанта Брауна, открывшего дверь пансионата, Майк бросился к телефону.

Предчувствуя недоброе, дрожащей рукой он набрал номер Эолы. Три томительных гудка показались вечностью. Тихий щелчок автоответчика прозвучал как выстрел в упор — если с ним говорит аппарат, значит, Эола исчезла.

Норман напряг слух.

— Майк, — услышал он голос любимой, записанный на пленку, — случилось непоправимое. Судьба разлучает нас. Помнишь, ты хотел детей, а я не соглашалась? Тому была причина: беременность означала бы конец моего земного бытия. Но это произошло. В твое отсутствие, Майк. Сама не знаю как, но поверь, любимый, я чиста перед тобой. Я возвращаюсь туда, откуда пришла, — в чуждые вам, землянам, миры. Прощай, мой любимый. Да хранит тебя Бог — единый во всей Вселенной!

Автоответчик умолк. Майк выронил трубку. Она закачалась на телефонном шнуре.

„Боже, за что? Пусть я не был примерным христианином и пивную посещал чаще, чем храм Твой, но я всегда чтил Твои заповеди, защищал людей от негодяев и подлецов, нарушающих закон. Боже, лучше бы Ты взял мою жизнь!"

Майк заледенел в безутешном горе, забыл о том, что Провидение Божие посылает свои щедроты страждущим лишь до тех пор, пока они не начинают пренебрегать ими, считая чем-то само собой разумеющимся.

„Будь честен, Майк, разве не ловил ты себя на мысли, что, уезжая от прекрасной инопланетянки даже на одну ночь, ты что-то навсегда теряешь?"

Норман стиснул виски. Что имеем — не храним, потерявши — плачем...

Как мог он оставлять Эолу на долгие месяцы, азартно охотясь за преступниками, отстаивая чу-

жое счастье и упуская свое? Майк, не задумываясь, отдал бы сейчас жизнь — нет, не за ночь, проведенную с любимой, — только за то, чтобы увидеть ее лицо и, обняв, пролить на ее груди слезы, душившие его.

Волны горечи и отчаяния бились о плотину его рыцарства, и она не выдержала. Уронив голову на руки, Майк зарыдал. Невиданные душевные страдания, не сравнимые с тем, что ему приходилось пережить прежде, заставили Майка позавидовать тихому сну покойников на Арлингтонском кладбище. Будь ты проклят, Мотичелли!

Резкая боль вдруг пронзила голову. У Майка перехватило дыхание. Пуля? Но почему он не слышал выстрела? Что-то заставило его встать и пойти в сад. Не понимая, что с ним происходит, он шел по аллее навстречу восходящему солнцу. Ласковые лучи, пробиваясь сквозь цветущую сирень, своими теплыми пальчиками щекотали его лицо, словно кто-то прикладывал к нему тончайший душистый платок.

У теннисного корта он набрел на стайку претенденток. Обычно он скользил по ним безразличным взглядом, не замечая деталей — привздернутой грудки или трогательной лодыжки, — ведь они были всего лишь „сорной травой". Но на сей раз Майк с удовольствием, как будто облизывая мороженое, разглядывал черные, как угольки, глаза и курносый нос пуэрториканки. Еще недавно он казался ему уродливым, но теперь Майк нашел его прелестным.

„Что за черт?"

Голова прямо-таки раскалывалась. Разве он знал, что со дня свадьбы в его голове сидел „предохранитель", отвращавший его от всех женщин мира. Поставленный рукой инопланетянки, он гарантировал ей верность мужа. Не будем осуж-

дать ее за это, ибо найдется ли в вашей стране и городе женщина, которая, имея такой „предохранитель", не воспользовалась бы им?

Но любовь милосердна. И, покидая Землю, Эола сняла свои чары. Терзаясь ревностью и тоскуя о любимом, она вернула ему взамен себя всех девушек Земли. Теперь, сам того не зная, Майк превратился в настоящего американского донжуана. Его тянуло мять „сорную траву", рвать ее сладкие стебельки и наслаждаться неведомой ему ранее жизнью.

— Привет, Майк!

Норман обернулся. За его спиной стояла улыбающаяся Лони Дидрихсон.

— Привет! — ответил Майк, почувствовав, как предательски екнуло сердце.

— Вы курите, Майк? — спросила Лони. — Конечно, курите! — Она притворно нахмурилась. — Плохо, плохо. Вообще-то она любит некурящих. Дело в том, что одна девочка в вас влюбилась.

Майк взглянул на стоящую поодаль пуэрториканку:

— Подозреваю, что это мисс Миньос? Но, насколько мне известно, она лесбиянка.

— Всему приходит конец, Майк, и этим глупостям тоже. Скажу вам по секрету, она из тех пяти.

— Плохо, плохо, Лони, — передразнил Майк. — Пожалуй, она ничего не умеет?

Покраснев, прекрасная шведка бесстыже поглядела в глаза Майка:

— Хуанита умеет все!

На этот раз сиделка позвонила сама:

— Вилли, надеюсь, вы не сердитесь на мою недавнюю несдержанность?

— Нет. Скажите лучше, как здоровье Майка, я несколько дней не мог дозвониться до госпиталя.

— Спасибо. Он пошел на поправку. Так вы действительно не сердитесь на меня, Вилли?

— Конечно, сержусь и буду дуться до тех пор, пока вы не сообщите мне об истинной причине вашего отказа от самостоятельного написания книги.

— Боюсь, что, узнав ее, вы откажетесь от создания романа.

— Что же может мне помешать?

— Страх. — Дора повесила трубку.

Предчувствие не обмануло меня. Дора знала что-то связанное с кассетами и моей работой над романом.

С тяжелым сердцем я включил запись...

IV

Паника

— Я не собираюсь жить по соседству с призраками, вампирами и прочей нечистью! К черту Вельмонт! — Нобелевский лауреат Питер Макрой попытался встать, но тяжелый взгляд мэра пригвоздил его к стулу.

— Откуда в вас столько дерьмового суеверия, Пит? Вы кто — выдающийся ученый или новообращенная монашка? — Крис Бростер раздраженно покачал ногой.

— Крис, вы проездом в Вельмонте или вы — его мэр? Какие суеверия? Люди боятся с заходом солнца выйти в городской парк, а вы делаете вид, что ничего не происходит.

— Вздор!

— И то, что в парке чуть не каждую ночь находят покойников, — тоже вздор?

— Стечение обстоятельств, не более.

— Стечение обстоятельств?! Ну так знайте, Крис, я был там ровно в полночь, у самого „Сучьего вымени". Не буду рассказывать, что я там видел. В лучшем случае вы мне не поверите, а в худшем — упечете в психушку. Все, что я намерен сказать, — к черту Вельмонт!

Макрой наконец нашел силы подняться, но их было все-таки недостаточно, чтобы покинуть кабинет мэра. Его властный взгляд из-под лохматых бровей и повелительные манеры держали ученого на коротком поводке.

— Отлично, Пит, вы славно пошутили. А как же те миллионы, которые город потратил на вашу программу „Здоровая Америка"? Мы пригласили спонсоров — банкиров, бизнесменов, актеров Голливуда. Кто вернет нам наши доллары? Или мы должны подать на вас в суд? Вот что, Пит, сейчас вы посмотрите мне в глаза и скажете, что останетесь в Вельмонте.

Пит хотел крикнуть: „Нет!" И вдруг неожиданно для себя сказал: „Да".

— Но имейте в виду, Крис, я остаюсь не ради ваших спонсоров, а исключительно из-за „девочек" Вельмонта.

— О да! Таких девочек, как в Вельмонте, нет больше нигде — они красивы, доступны и, что немаловажно, здоровы. В Вельмонте можно не бояться СПИДа. Пользуйтесь его щедротами, Пит, ведь вы парень хоть куда! — захохотал мэр.

— Непременно воспользуюсь, Крис, но вы меня не дослушали. Я остаюсь при одном условии — вы немедленно вызываете сюда Майка Нормана.

— Разве у нас мало своих полицейских, Пит? Не представляю, как я заманю этого знаменитого сыщика. К тому же он занимается инопланетянами и всякой потусторонней чушью. Боюсь, наши провинциальные проблемы покажутся ему скучными.

— Крис, поверьте Нобелевскому лауреату — это как раз тот случай, который покажется ему интересным. Считаю, что мы договорились, не так ли? До завтра, господин мэр.

Мэр выключил свет и подошел к окну. Влажные сумерки окутывали Вельмонт в серую и синюю марлю. Сквозь ее наплывающие лоскутья были уже едва видны деревья городского парка. Сейчас он был так же пуст, как здание мэрии с

одинокой фигуркой Бростера, застывшей, словно изваяние, у открытого окна.

— Это и есть „Сучье вымя", сэр. — Сержант Браун указал на крошечное озерцо.

Оно лежало на буром лугу парка, как вырванный глаз вороны на собачьей шкуре.

— Все произошло именно здесь, сержант? — Майк Норман поднял бинокль, и тусклый асфальтовый блеск воды приблизился к окулярам.

— Да, сэр, они избивали их до тех пор, пока не изломали свои бамбуковые палки. Особенно усердствовал неустановленный садист в черном балахоне. Здесь все было усыпано щепками. Такими, знаете, тонкими, как велосипедные спицы. Потом их поволокли к воде и бросили в „Сучье вымя".

— С каких пор в Вельмонте растет бамбук, Браун?

— Простите, сэр, я забыл сказать. По пути толпа разгромила китайский ресторанчик. А там бамбука больше, чем в джунглях.

Майк слышал об этой истории. Первые три жертвы СПИДа вернулись в Вельмонт, и, после того как они заразили кое-кого в городе, разъяренная толпа линчевала их. Тогда-то, утверждала молва, все и началось. По ночам призраки поднимаются со дна „Сучьего вымени" и бродят по парку, в поисках своих убийц. Всякого, кто попадается на их пути, они хватают и топят.

Над этой чертовщиной можно было бы посмеяться, если бы в „Сучьем вымени" время от времени действительно не находили трупы. И каждый раз рядом с ними плавал пучок бамбуковых щепок, тонких, как велосипедные спицы...

— Как звали тех троих, Браун?

— Извините, сэр, я знаю только их клички —

Большой Билл, Придурок Чарли и Маркиза Монро.

— Отлично, Браун, держите. — Майк протянул сержанту бинокль. — Наблюдайте за этой чертовой лужей, а мы с Хуанитой наведаемся в китайский ресторанчик, — детектив кивнул на нетерпеливо выглядывающую из окна „форда" королеву красоты — Хуаниту Миньос.

— Мне плевать, кто утопил Самуэля в вашей вонючей канаве — гангстеры или вампиры. Самуэль был моим другом, и я найду убийцу, будь я проклят! — Джо Буйвол с хрустом всадил обойму в автомат „узи", прицепил к поясу гранаты и посмотрел в зеркало.

— Знаешь, Поль, повоевали мы с Самуэлем. Лихой был парень. Не могу поверить, что какой-то хреновый вампир утопил его в гнилой луже. Что скажешь, Поль?

— Сэр, мне кажется, вы нарываетесь на неприятности. Самуэлю уже ничем не поможешь. А вас мне жаль. Придурок Чарли своего не упустит. С „Сучьим выменем" шутки плохи. — Поль Гутмэн, худощавый, низкорослый владелец мотеля, тревожно умолк, наблюдая, как бывший морской пехотинец достает из кобуры оружие.

— А это ты видел? Десятимиллиметровый самозарядный! — Джо Буйвол покрутил перед носом Гутмэна вороненым стволом.

Огромный краснолицый Джо возвышался над щуплым Гутмэном, как капрал над новобранцем.

„Пожалуй, у него в башке больше стреляных гильз, чем мозгов", — подумал про себя Поль и решил не перечить десантнику.

— Да, сэр, эта штука внушает уважение, — пробормотал он.

— Вот что, парень, я, пожалуй, приволоку

сюда Придурка Чарли, чтобы он почистил тебе туалет. А заодно и Маркизу Монро, чтобы ты побаловался с ней. Только смотри, не подхвати от нее СПИД, дружище.

— Сэр, ради Бога, не говорите так, вы накличете беду на мой мотель, — взмолился Гутмэн.

— Стели постельку, сынок, и жди свою Маркизу. — Джо Буйвол перекинул через плечо ремень автомата...

„Черт его знает, этого сумасшедшего, а вдруг и правда кого-нибудь притащит?"

— Эй, эй, сэр, постойте! — Поль догнал десантника. — Сэр, я вас умоляю, не надо никого приводить в мой мотель, это крайне неудобно.

— Не надо?

— Не надо.

— Хорошо, парень, тогда ты сам пойдешь к своей Маркизе, тебе так будет удобнее, а мне веселее. — Десантник потянул за собой Поля.

— Сэр, все, что угодно, только не это. Деньги возьмете? — Гутмэн достал из кармана скомканные банкноты.

— Засунь их себе в задницу, сынок. Я морской пехотинец, а не уличная дешевка. — Десантник приподнял брыкающегося Поля за шиворот. — Вперед, парень! И не наложи в штаны раньше времени!

Китайская фанза с закрученными, как гребешки волн, краями крыши была ближайшим к парку городским строением. Тормознув перед ее верандой, украшенной мелким цветным стеклом, Майк выскочил из машины и с проворством швейцара распахнул дверцу перед Хуанитой Миньос.

— Если бы не твои наглые, притворные глаза, Майк, ты сошел бы за галантного кавалера. — Хуанита прищелкнула кастаньетами. — И все-

таки приятно быть королевой красоты, черт побери!

— Конечно, милочка, тем более что ты, кроме того, королева девственниц и королева лесбиянок.

В ответ пуэрториканская красавица толкнула Нормана в бок своим остреньким, как рожки молодого козленка, локотком.

Пройдя под вывеской китайского ресторанчика с красными иероглифами, похожими на разбегающихся тараканчиков, импозантная пара вошла в зал. Вдоль длинного коридора, отделанного обожженным бамбуком, тянулись кабинки, огороженные такими же стволами бамбука. Впрочем, все здесь было из бамбука — столы, стулья, подлокотники.

„Сержант был прав, его здесь больше, чем в джунглях". — Майк посторонился, усаживая пуэрториканку.

И тут же в проеме кабинета появилась подобострастная фигура официанта.

— Сьто хосит господина кусать? — спросил китаец.

— Господина хосит кусать вкусьно на васе усьмотрение, — в тон ему ответил Норман.

— Не кривляйся, Майк.

— Видишь ли, милочка, этот китаец говорит по-английски лучше, чем мы с тобой.

— Не понимаю, зачем ему понадобилось прикидываться? — Хуанита подозрительно посмотрела вслед удаляющейся фигурке с подносом.

— Он, наверное, узнал меня. Когда люди сталкиваются с сыщиком, мало кто из них ведет себя естественно, как, впрочем, и при королеве красоты, — задумчиво сказал Майк, прислушиваясь к звону посуды на кухне.

Через пару минут бамбуковый стол походил на кулинарную выставку — его украсил ярко-оран-

жевый салат из пикантной моркови с перцем и чесноком, омары, прозрачные, как стеклянные палочки, макароны, жаркое из рапанов, маринованные змеи...

— Ну уж это я точно не буду есть. — Майк брезгливо отодвинул змеиные тушки, нарезанные наподобие домашних колбасок.

— Это же очень вкусно, — Хуанита подцепила деревянными палочками кусочек змеи, обмакнула его в острый соус и отправила в рот.

— Чтобы жрать эту гадость, надо быть лесбиянкой, — поморщился Майк.

— Вот здесь ты ошибаешься. Лесбиянки — тонко чувствующие натуры, выбирающие все самое лучшее. — Хуанита разжевала тушку змеи. — Ну подумай, Майк, что такое мужчина? Впалая волосатая грудь и кривые ноги. А ваши позы орангутангов в минуту полового возбуждения, а запах изо рта? Разве неприятно ласкать нежную и грациозную подружку?

— Вот здесь мы с тобой сходимся. Я тоже предпочитаю девочек. Хочешь пить? — Майк поднял кувшин с кисло-сладкой водой, настоянной на медузах.

— А ты, Майк?

— Предпочитаю шампанское.

— Я тоже. Вот видишь, мы еще кое в чем сходимся.

— Если ты убежденная лесбиянка, то какого черта ты здесь и со мной?

— О, это особый случай, ты вряд ли поймешь.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я проделал с тобой те штучки, которые вы проделывали в пансионате „Роза"?

— Может быть. — Хуанита озорно щелкнула кастаньетами.

— Должен тебя огорчить, милочка. Это так

же невозможно, как пройтись в полночь нагишом мимо „Сучьего вымени".

— А если я пройдусь?

— Тогда я оближу тебя с ног до головы, как заправская лесбиянка.

— Черт возьми, сам Майк Норман будет целовать мне ноги! Наверное, стоит рискнуть? — В глазах королевы красоты мелькнул шальной огонек.

Как бы невзначай она коснулась своей спины. Щелчок! И ее роскошная грудь плавно заколыхалась под блузкой.

— Прекрати, Хуанита, я пошутил. — Норман попытался остановить прекрасную пуэрториканку.

— Что, слабо, Майк? — Пьяно улыбаясь, пуэрториканка скинула с себя одежду, словно это была легкая паутинка.

— Господина, господина, у нас стриптиз талька по пятнисям. Сегодня низя. — Прикрывая левый, видимо, более скромный глаз и таращась фривольным правым, китаец замер в дверном проеме.

— Вот видите, мистер официант, что делают с приличными девушками конкурсы красоты, — вздохнул Майк. — Держите, — он протянул китайцу стодолларовую бумажку, — считайте, что сегодня пятница.

— До скорого, Майк. — Залпом осушив бокал шампанского, Хуанита, виляя бедрами, пошла к выходу.

Норман взглянул на часы. Было без десяти двенадцать.

V
Оборона

— Держи лопату, сынок, окапывайся! — Джо Буйвол отстегнул гранаты, наблюдая, как бедняга Поль копается в земле. — Будем держать круговую оборону. — Десантник аккуратно разложил на бруствере окопа шесть „лимонок". — Не дрейфь, парень, с морской пехотой не пропадешь!

Джо вытянул шею, пытаясь разглядеть в кромешной тьме берег „Сучьего вымени", откуда донесся тихий всплеск. Былая отвага понемногу покидала его. На войне было легче. Там по крайней мере он знал, откуда ждать врага. А здесь? Черт его знает, какая тактика ведения боя у этих призраков? Откуда они поведут наступление? С воздуха или с моря, то есть с... лужи?

„А ну как зайдут снизу, схватят за ноги и уволокут в преисподнюю?" — мрачно усмехнулся Джо.

Спустя час ему стало совсем не по себе, а около полуночи он уже жалел, что ввязался в эту историю.

— Тише ты, кретин, не щелкай, — цыкнул он на стучащего зубами от страха и холода Гутмэна. — Если ты меня демаскируешь, я сам утоплю тебя в „Сучьем вымени".

— Я не... не... щ...елкаю — они сами, — прошептал владелец мотеля.

— Тс...с! — зашипел пехотинец. — Духи идут!

Поль высунулся из окопчика. И увидел приближающееся смутное белое пятно.

— Сэр, может быть, смотаемся?

— Вперед, пехота! — Джо Буйвол выскочил из окопа, а бедняга Поль, напротив, съехал на самое дно.

— Стой, ведьма! Не двигайся! — приказал десантник. — Ты у меня на мушке. Если твои дружки хоть пальцем до меня дотронутся, я стреляю!

Хуанита остановилась. Пары шампанского в голове и змеиная кровь в желудке подталкивали к подвигам.

— Эй, Билл, останови Придурка Чарли! — закричала вдруг красотка кому-то за спиной десантника.

Он обернулся, и тотчас на него обрушился точный удар Хуаниты. Джо забалансировал на крутом берегу, размахивая руками, словно пытаясь взлететь.

— Десантники не сдаются!

Джо Буйвол рухнул в „Сучье вымя", и в черноте ночной воды диковинными искрами замелькали выстрелы из автомата.

— Парень решил заняться подводной охотой, — усмехнулась Хуанита.

„Обещал облизать — значит, оближу, хотя эта конфетка несколько больше тех, что мне покупали когда-то к Новому году". — Майк приблизился к Хуаните.

Расслабленная, упоенная своими победами над проклятыми мужиками — тем громилой у озера и этим сейчас, она лежала на медвежьей шкуре, брошенной поперек гостиничной кровати...

Будучи истинным американцем, Майк прики-

нул, как справиться с предстоящей работой быстрее и рациональнее. Запустив палец поглубже в банку с вишневым вареньем, он вымазал им ноги, колени... плечики и губки прекрасной пуэрториканки.

„Если представить себе, что это вишневый торт, то будет почти вкусно".

Норман взял в рот пухленький пальчик красотки и начал облизывать его.

„В конце концов, ее могла ужалить змея, и тогда моим гражданским долгом было бы высосать яд. Но ведь змея может укусить куда угодно, например... Впрочем, мне еще далеко до этого места", — подумал Майк, облизывая второй палец королевы.

Когда он дошел до пятого, Хуанита начала проявлять признаки раздражения, при каждом его прикосновении она вздрагивала, как кобылка, на которую садится слепень.

„Хорошо, что у нее нет хвоста, а то получил бы сейчас грязным помелом по физиономии", — с грустной отрешенностью подумал Майк.

Наконец Хуанита не выдержала:

— Проклятое мужичье! Даже ты, Майк, ни на что не годишься.

Королева красоты свесила с постели свою конкурсную ножку, собираясь встать. Вид ускользающей красотки мгновенно пробудил в Майке самца. Нежно, но властно, как волкодав, берущий в пасть щенка, он уложил девушку на шкуру, целуя ее вишневые уста, хмелея от их пряной сладости.

— Ну точно, вылитый орангутанг! — Миньос брезгливо запрокинула головку, и вместо вишневых губ Майк чмокнул пыльную медвежью шкуру.

— Да? В самом деле? — растерянно спросил Норман, выплевывая изо рта медвежью шерсть.

— Мне еще не надоела моя невинность, Майк.

— Может быть, начнем с самого начала? — Норман запустил палец в банку с вареньем. — Немного подмажем — и пойдет!

— Жаль, что у меня нет зеркальца, ты посмотрел бы, как глупо сейчас выглядишь. Слезай с меня, я не верховая лошадь.

— Конечно, у тебя ведь нет хвоста, — охотно согласился Майк. — А как же выигрыш? Я ведь только приступил.

Норман снова потянулся к хорошеньким пальчикам, удивляясь своей недавней апатии. Теперь ему хотелось гладить и целовать их.

„Что делает с мужчиной вид убегающей добычи", — уныло подумал он.

— Оставь меня! — Хуанита поднялась с постели.

„Какого черта я притащил ее сюда?" — Майк вспомнил финал конкурса красоты — вспышки „юпитеров", корону на голове Хуаниты, ластящейся и соблазняющей его. Конечно, он потерял Миньос в тот самый миг, когда коснулся напедикюренных пальчиков ее ног. Красотка поимела его, как театрального статиста.

— К черту! К черту! — Майк замотал головой, как бык, влекомый на аркане.

— Этот пистолет обошелся мне в семьсот баксов, Поль! А автомат! И все лежит на дне паршивой лужи!

— Извините, сэр, вы сами могли сейчас лежать там.

— Что ты сказал? Чтобы меня, морского пехотинца, пришлепнула какая-то там ведьма! Да я

ее!.. Да я всех вас!.. Весь ваш хреновый городишко!.. — Джо Буйвол приподнял Гутмэна вместе со стулом и грохнул об пол. — Вот так! А теперь собирайся, Поль. Они еще узнают, что такое морская пехота!

— Хоть убейте, сэр, не пойду...

— Опять ты дрейфишь, сынок, мне что, нести тебя в своем походном рюкзаке?

— Сэр, где ваше оружие? На что вы надеетесь?

— А это, по-твоему, зубная ковырялка? — Джо достал из-под кровати акулью острогу на длинной ручке. — Что скажешь, Поль?

— Сэр, сейчас, конечно, не ночь, но как бы вам самому не оказаться на этой вилке.

— Больно ты умен, парень. На, лови. — Джо бросил Гутмэну пакет с купальными принадлежностями...

— Сэр, не ваш ли зад оставил этот след? — Стоя на берегу „Сучьего вымени", Поль Гутмэн сосредоточенно разглядывал вмятину в песке. — Или здесь спускали на воду баркас?

— Сынок, это же как раз мой размер. Ну точно. Отсюда я катапультировался в воду. Считай, что автомат у нас.

— Сэр, может быть, не стоит? У меня такое чувство, что Придурок Чарли где-то рядом.

— Пустое, — отмахнулся Джо. — Нечисть боится света, пора бы это знать.

Сжимая острогу, Джо бросился на черное стекло воды. Разбившись на тысячи сверкающих осколков, оно поглотило могучий торс и жилистые ноги пехотинца. Неукротимый, как вонзающаяся острога, он пошел вниз.

Чистейшая, на удивление прозрачная вода поз-

воляла видеть все на расстоянии с десяток ярдов. „Бог ты мой, какая красота!" — Десантник изумленно разглядывал дно, поросшее угольно-черными водорослями, придававшими пруду зловещий вид.

Вдруг прямо под ним что-то блеснуло — пряжка автомата! Спустившись ниже, Джо протянул руку, но ремень змеей скользнул по пальцам — автомат провалился в дыру, похожую на канализационный люк.

„Ах ты!" — Преодолевая проснувшийся страх, Джо сунулся в нору. Слепящая тьма, более темная, чем полночное небо в непогоду, окружала его. И тут перед самым носом Джо Буйвола возникла разинутая пасть. Заглотив его по самые плечи, она метнулась во мрак...

— Эй! Эй! Кто-нибудь на помощь! — Дико крича, Поль Гутмэн бегал по берегу „Сучьего вымени", пытаясь ухватить всплывшее тело пехотинца. Гонимое ветром, оно повернулось к нему боком, и Поль увидел пучок бамбуковых щепок, тонких, как велосипедные спицы, запутавшихся в волосах солдата.

— Этот несчастный случай полностью на вашей совести, мистер Норман. — Мэр демонстративно отвернулся от сыщика и с некоторым превосходством посмотрел на Нобелевского лауреата.

Под его колючим взглядом Пит Макрой словно уменьшился в размере.

— Мои слова относятся также и к вам, Пит. По вашему настоянию, я пригласил Нормана. Если бы за дело взялись наши полицейские, пехотинец, возможно, остался бы цел и невредим.

— Осмелюсь заметить, сэр, — не выдержал

Майк, — люди гибли в „Сучьем вымени" и до моего приезда. Где были ваши доблестные полицейские?

— Да, гибли, но это для вас не оправдание, мистер Норман. — Густые брови мэра зашевелились, как мох, из которого вылезает большой жук, и тяжелый холодный взгляд уперся в Майка.

„Господи, да он, кажется, удовлетворен случившимся", — поразился детектив.

— Мистер Норман, вы нас не устраиваете. Потрудитесь покинуть Вельмонт. — Мэр встал, давая понять, что разговор закончен.

„Так вот что тебе было нужно. Черта с два я отсюда уеду!"

Майк взял себя в руки.

— Как вам будет угодно, сэр, — учтиво заметил детектив.

Из здания мэрии он проехал прямо в магазин спортивных принадлежностей. Здесь Норман купил у хорошенькой голубоглазой продавщицы ружье для подводной охоты, прожектор, три легких водолазных костюма и, будь его воля, прихватил бы с собой эту смазливую девчонку.

— Не многовато ли, Майк? — удивленно спросила Миньос, помогая детективу уложить коробки с аквалангами на заднее сиденье „форда".

— Два мы, скорее всего, разберем на запчасти.

— Ты это серьезно, Майк?

— Не удивлюсь, если в одном из них обнаружится какой-нибудь дефект, — мрачно пошутил сыщик.

В отеле Норман заменил леску гарпуна на крепкий нейлоновый шпагат и тщательно отточил два своих ножа.

— Ого, вот это арсенал! Я вижу, Маркиза Монро до смерти напугала не только местных мужчин, но и цвет американской полиции, а, Майк? — Лениво развалившись поперек кровати, Хуанита наблюдала за приготовлениями детектива.

— Ты забываешь о ее приятелях, милочка. Большой Билл и Придурок Чарли еще покажут зубы.

— А ну-ка, дорогой, позволь примерить эту штуку, — вспорхнув с кровати, королева вцепилась в акваланг.

„Приметы хуже — просто нет", — подумал Майк.

Утром следующего дня запыленный „форд" Нормана остановился у „Сучьего вымени". Помня запрет мэра, Майк не мешкал. В мгновение ока три акваланга были готовы к погружению.

— Два аппарата и запасной нож пусть лежат у самой воды. Слышишь, Хуанита?

— Хорошо, Майк, — непривычно четко ответила девушка.

Норман надел акваланг.

— Стойте! Стойте, черт бы вас побрал! — Запыхавшийся владелец мотеля бежал через луг к озеру. — Мистер, остановитесь! Это вам не шуточки! — Поль схватился за гофрированный шланг акваланга. — Мистер, я уже видел здесь одно самоубийство и не допущу второго.

— Рыбоохранная инспекция! Не мешайте работать! — Майк приподнял Поля и переставил его, словно бейсбольную биту.

— Вы не убедили меня, мистер, у пехотинца силищи было не меньше, — проворчал Гутмэн. — Однако это его не спасло.

Забыв о Поле, Майк подошел к воде.

— Не спускай глаз с аквалангов, Хуанита. Пока.

Не поднимая брызг, Майк тихо скользнул в воду. Пройдясь над самым дном, он обратил внимание на нору, отороченную черными щупальцами водорослей. Перевернувшись головой вниз, Майк сильно ударил ластами. Иголкой, прошивающей мешковину, он прошел сквозь дно и оказался во втором озере, лежащим под первым.

— Вот это да!

Включив прожектор, Норман осветил нависший над ним потолок из плотно сросшихся водорослей. Холодная, никогда не видевшая солнечного света вода сжала его, заставив тревожно съежиться. Давно забытое чувство страха проснулось вдруг в сердце детектива. Не понимая, что с ним происходит, Майк ощущал, как ужас вместе с ледяным холодом проникает в каждую клеточку его организма.

„О Боже, этого только не хватало!" — В луче прожектора что-то шевельнулось и стало приближаться.

Развернув ружье, Майк нажал на спуск. Пенная дорожка гарпуна метнулась к цели. Кружась на месте, Норман выбирал шпагат, подтягивая добычу.

— Бог ты мой!

Огромный, покрытый слизью башмак болтался на кончике гарпуна. Майк усмехнулся и глянул вверх.

Усмешка застыла на его лице — мерзкий монстр, похожий на утопленника в одном ботинке, спускался прямо на него.

„Придурок Чарли!" — ахнул детектив.

Выхватив нож, он всплыл наверх, прижался спиной к водорослям „потолка". Предательские

щупальца „растений" зашевелились. Змеи! Весь „потолок" был сросшимся клубком гадюк, точно таких, какие подавали в ресторане. Извиваясь, они опутали его. Нож светлой рыбкой вильнул ко дну. У самого лица Майка возникла разинутая пасть монстра. Два других спешили из глубины перехватить добычу.

„Большой Билл с Маркизой", — догадался Майк.

Вцепившись в бок и шею, монстры потащили Нормана на дно. Но вдруг отпрянули — чья-то ловкая рука ухватила Майка за волосы и потянула вверх.

Хуанита! Да, это была она!

Обложенный подушками, с мокрым полотенцем на голове, Майк лежал в номере отеля, наблюдая, как ловко Хуанита готовит ему грог.

„Женщины дают жизнь, но спасать ее должны все-таки мужчины. Она определенно нарушила традиции", — невесело подумал Норман.

То, что какая-то девчонка выволокла его из воды, лишало Майка чувства суперменства, без которого он уже не ощущал себя полноценным человеком.

— Было страшно, Хуанита? — тихо спросил детектив.

— Не очень, мне уже приходилось пользоваться аквалангом.

— Я имею в виду не акваланг. Ты видела Придурка Чарли? — Майк испытующе посмотрел в глаза пуэрториканки.

— В тот миг мне было не до придурков, Майк, ведь ты не кулек с воздушной кукурузой.

Настойчивый стук в дверь заставил Нормана нащупать под подушкой рукоятку револьвера.

— Открой и встань за дверью, — приказал он Хуаните.

— Сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь! — шутливо подняв руки вверх, в номер ввалился нобелевский лауреат. — Майк, вы герой! Боже милостивый, нырнуть в „Сучье вымя" на другой день после гибели пехотинца! Для этого нужны крепкие нервы. Я потрясен, Майк. А где та смелая девушка, что ассистировала вам, я смогу ей выразить свои чувства?

— Конечно, Пит, для этого достаточно обернуться, — нехотя ответил Норман.

— Ого! Вот так ассистентка! Я сплю или это в самом деле Хуанита Миньос, новая королева красоты! Мы ждем вас обоих в ресторане отеля. И никаких возражений. Приходите — не пожалеете, — подмигнул детективу нобелевский лауреат, исчезая за дверью.

VI
Зуботычина

Ресторанный столик ломился от обилия деликатесов, они дразнили свежим видом и умопомрачительным запахом.

— Я люблю, когда приносят все сразу, — объяснил Пит, — тогда можно отщипывать понемногу самое вкусное.

— Я рассматриваю это как покушение на свою фигуру, — пошутила голубоглазая приятельница Макроя — Люси. Она, томно улыбаясь, подала детективу руку, и он с изумлением узнал в белокурой нимфе продавщицу из магазина спортивных принадлежностей.

Ее светлые, прямые, как лучи восходящего солнца, волосы были ничуть не хуже, чем черные, как мрак преисподней, кудряшки Хуаниты. Однако Пит, как видно, считал иначе. После дюжины выпитых рюмок он повис на плече Нормана и, тыкаясь носом в его ухо, напрямую предложил обменяться партнершами.

„Обменять лесбиянку на голубоглазую фею? Почему бы и нет?"

Стоило попробовать хотя бы ради хохмы.

Как и было условлено, после ужина Майк пригласил Макроя с подругой в свой номер. Здесь нобелевский лауреат с воодушевлением первооткрывателя взял инициативу в свои руки.

— Так, девочки, кровати сдвигаются. Ближе, еще, еще. Отлично! Разбежались, размечтались, расцеловались! — Пит с разбегу плюхнулся на перину, ухитрившись не расплескать бокал шампанского. — Играем в псевдосекс. Хуаниту теперь зовут Люси, а Люси — Хуанитой. Майк отправляется к своей белокурой Хуаните, а я обниму смугляночку Люси. Общественная мораль при этот не пострадает.

„Ого, да тут играют на деньги!" — Майк, принявший было все за розыгрыш, с удивлением увидел в руках Люси свое белье. Ее голубые, как море, глаза заколыхались перед ним. Майк, чувствуя себя обязанным покачаться на его зовущих волнах хотя бы назло неприступной лесбиянке, поцеловал Люси.

— Майк, сумасшедший, остановись, подонок! — Хуанита вцепилась в детектива.

Кровати раздвинулись, как лопнувшие льдины, и в „полынью" нырнули дебелые тела.

— Охладитесь! — Встряхнув бутылку, Хуанита облила торчащую между кроватями плешь Макроя остатками шампанского.

Девчонки тут же удалились в ванную на совещание.

— Послушай, Майк, — все так же сидя на полу, Пит облизнул стекавшее с волос вино, — как-то неблагородно вышло. Ты получил Люси, а я — пинок под зад.

— Не обижайся, Пит, но пинок от королевы, наверное, стоит подержанной продавщицы?

— А что, неплохая мысль, Норман. За это стоит выпить. Здесь не найдется чего-нибудь покрепче проклятой французской кислятины? — Макрой отшвырнул пустую бутылку.

— Есть добрый английский джин, Пит. Сорок два градуса вас устроит?

— В самый раз, Майк. В этом городе я всегда как на иголках. Здесь происходит черт знает что. Я попытался рассеять суеверие людей как ученый. Мое исследование закончилось тем, что я стал суевернее. Да, да, не смейтесь, Норман, и не думайте, что я пьян. Вот этими глазами я видел Большого Билла и Маркизу Монро, чтоб мне провалиться. Как вы думаете, поймут меня в ученом мире? Когда я осознал свое бессилие, то убедил мэра вызвать вас. Но и вам здесь повезло не больше, чем мне. Дерьмовый, дерьмовый городишко! Я ненавижу его, но не могу отсюда уехать. Меня что-то держит. Поэтому я пью и развратничаю, иначе я давно бы сошел с ума. Ваше здоровье, Майк. — Пит опрокинул рюмку с ароматным, чистым как слеза джином, и Майк последовал его примеру. — Знаешь, Майк, — Макрой закинул в рот прихваченный из ресторана ломтик буженины, — хоть ты и отбил у меня Люси, а я на тебя не в обиде, черт с тобой! Однако девчонки что-то застряли в ванной. Наверное, мудрят с прической.

Майк усмехнулся:

— Боюсь, Пит, они заняты совсем другим...

— Что ты говоришь? — обрадовался Пит. — Вот здорово. Значит, ты тоже с носом, Майк! За это стоит выпить.

Расследование, запутанное чьей-то умелой и могущественной рукой, явно зашло в тупик, и Майку пришлось прибегнуть к хитрости...

Наутро из отеля вышел разбитной малый, весь в шипах и коже. Его помятый шлем, украшенный крестом и золоченой цепью, стальной нагрудник, краги в металлических браслетах не оставляли сомнений в том, что он бывалый рокер. Оседлав „за-

ряженную" „хонду", он с места поставил ее на заднее колесо и так пронесся с полквартала к пустырю, примыкавшему к Вельмонтскому кладбищу. А вслед за ним, как пчелы за горшком с патокой, помчались городские пацаны.

На пустыре, после пары „отпадных" трюков, он стал кумиром местной шантрапы. Их секреты немедленно стали его секретами, а его сигареты всеобщим достоянием.

Через неделю после появления на вельмонтском пустыре отчаянного каскадера четыре адресата получили совершенно одинаковые приглашения на официальный ужин в китайском ресторане. И хотя имени отправителя не было указано на конверте, все абоненты поняли, кто это...

— Господа, я вызвал вас по чрезвычайному делу. — Майк Норман обвел взглядом сидящих перед ним Макроя, мэра, Поля Гутмэна и Люси. Хуанита в счет не шла — набравшись с самого утра, она спала, уронив голову на спинку бамбукового стула. — Тайны „Сучьего вымени" больше не существует, — объявил Майк. — Дело в том, что „Сучье вымя" — своеобразный псевдоним преступника, который сейчас сидит с вами за одним столом.

— Вы шутите, — отшатнулся нобелевский лауреат.

— Он пьян, — прошептала трясущимися губами Люси.

Детектив перевел взгляд на мэра.

— За такие шутки вельмонтский судья приговорит вас к штрафу, Норман, — пообещал Крис.

— А что посулите мне вы, Поль? — спросил детектив. Он пристально посмотрел на владельца мотеля, продолжавшего рассеянно поглаживать салфетку.

— Сказать по правде, Норман, меня больше интересует, чем вы нас угостите, — виновато улыбнулся Гутмэн.

— Тогда всем маринованных змей, — распорядился сыщик. — Если не ошибаюсь, это ваше любимое блюдо, Поль. — Майк насмешливо уставился на владельца мотеля.

— С чего вы взяли, Норман? Я терпеть не могу пресмыкающихся.

— Я тоже, — кивнул Майк, — особенно когда встречаюсь с ними под водой. Тогда, быть может, я развлеку вас какими-нибудь любопытными историями, Поль? Вы не поверите, в желудке всех людей, погибших в „Сучьем вымени", находили этих самых гадюк под маринадом. Правда, забавно? А зал, в котором мы сидим, он не кажется вам знакомым, Поль? Ведь именно здесь вы угощали тех несчастных змеиным мясом? Этого деликатеса не было лишь в желудке пехотинца. Угадайте почему, Поль. Да потому, что рядом были вы.

Закашлявшись, мэр выплюнул в тарелку разжеванную тушку.

— Не беспокойтесь, Крис, сами по себе змеи довольно вкусный и питательный продукт. Опасны не они, а этот человек. — Майк выхватил револьвер. — Он — экстрасенс-убийца.

— У вас есть доказательства? — Поль Гутмэн с вызовом посмотрел на Майка.

— Кое-какие есть, Поль. Но я уверен — главное доказательство представите вы сами в конце нашей милой беседы.

Итак, по порядку. Паника, связанная с „Сучьим выменем", оставила в тени другие неприятности. Как выяснилось, примерно в то же время в Вельмонте стали пропадать собаки, кош-

ки, даже морские свинки. Их воровала для вас местная шпана, Поль. Вы высасывали биоэнергию несчастных животных, после чего те гибли. Все они закопаны вами в одном и том же месте — на пустыре за кладбищем. Учтите, у меня есть свидетели. Я мог бы арестовать вас за жестокое обращение с животными. Но для вас этого слишком мало.

Ваши сатанинские потребности росли. Вам нужны были люди. Тогда вы спровоцировали суд Линча. Ведь это вы тот человек в черном балахоне, которой натравил толпу на больных СПИДом. Вас выследила мать Большого Билла. Может быть, хотите еще раз примерить свой головной убор, Поль? — Майк швырнул на стол черный мешок с прорезями для глаз.

— Продолжайте, черт вас подери. — Лицо экстрасенса вытянулось, его белесые немигающие глаза с прожилками, как у мороженой рыбы, пристально смотрели на Нормана.

— После суда Линча вы распустили слухи о призраках. Теперь все ваши преступления списывались на нечистую силу. Вы стали завсегдатаем китайского ресторанчика — ведь он в двух шагах от „Сучьего вымени". Здесь вы выбирали людей с большим биоэнергетическим потенциалом, подсаживались, угощали маринованными змеями. Экзотическое блюдо отвлекало их от вашего странного поведения. Высосав из них жизненную энергию, вы исчезали. А ваши жертвы брели к ближайшему водоему, в парк, в поисках энергии, и, обессиленные, тонули.

Все шло по вашему сценарию, пока не появился я. Вам надо было во что бы то ни стало изгнать меня из Вельмонта. Вот для чего понадобился пехотинец. Убив его, вы пытались дискре-

дитировать меня как профессионала. Я не снимаю с себя вины за его смерть. Но она мало помогла вам. Вместо того чтобы уехать, я отправился в „Сучье вымя", и это лишь ускорило развязку.

— Неплохо для дилетанта, Норман. — Не обращая внимания на револьвер детектива, экстрасенс-убийца отодвинул от себя тарелку с маринованными змеями. — Теперь послушайте меня. Да, я начинал с кошек и собак, аккумулировал их биоэнергию. Она была нужна мне, чтобы подступиться к биоэнергетическим возможностям людей. Та жизненная сила, о которой вы столь сумбурно говорили, в действительности представляет собой оболочку, которую отчетливо видит любой экстрасенс. Подобно земной атмосфере, спасающей планету от метеоритов, эта биоэнергетическая оболочка защищает человека. Ее толщина обычно не более длины руки. Но если она уменьшается до длины пальца, человек немедленно теряет сознание.

Я научился высасывать биоэнергетические оболочки людей, как свежие яйца. Лишившись жизненной энергии, мои клиенты, как мухи с оторванными крыльями, ползли к „Сучьему вымени"; ведь это озерцо — воронка упавшего НЛО. Когда-то индейцы заряжались здесь силой. Но источник иссяк еще в прошлом веке, а оставшиеся крохи не могли спасти моих „бескрылых насекомых".

Я собрал энергетический потенциал, который позволяет уже сейчас управлять сознанием людей на небольших расстояниях. Вы, Норман, убедились в моих возможностях, когда барахтались в подземном озере. Не ваша заслуга, что вы улизнули из этой мышеловки. К сожалению, есть люди с совершенно непроницаемой оболочкой. Таким человеком оказалась Хуанита. С остальными

было проще. Мэр, местная полиция, Макрой, Люси — все были у меня в руках. И праздник „Здоровая Америка" тоже моя идея. Все его спонсоры станут моими спонсорами, как только приедут в Вельмонт. Не скрою, у меня далеко идущие намерения. Биоэнергетическое поле, которым я располагаю, позволяет мне отдавать мысленные приказы на расстояние в полсотни ярдов. С помощью спонсоров я увеличу свой радиус действия до многих миль. Я буду сподвигать людей на любые сумасбродства — избрать меня президентом, повесить всех рыжих или биться лбами о фонарные столбы, и они с готовностью подчинятся. Но это в будущем, а сейчас я хочу кое о чем спросить вас, господа...

Лицо экстрасенса расплылось, двинулось вверх по стене и, словно обозначенное лучом прожектора, вдруг остановилось на потолке. Его голос звучал уже в самой глубине сознания Майка.

— ...Итак, я ухожу. Через пятнадцать минут после моего ухода вы, Норман, застрелите мэра, Пита, Люси, Хуаниту и пустите пулю себе в лоб!

— Да, мистер Гутмэн, — произнес Норман и взвел курок.

Детектив искоса взглянул на мэра. Но это был уже не мэр — на его месте сидел уродливый монстр, покрытый зелеными бородавками. Такие же отвратительные чудовища скалились с других кресел. Майк должен был убить их. И они это знали...

— Убей нас, Норман, убей, — кривляясь и паясничая, просили монстры.

— Еще не время. Чуть позже, — хладнокровно ответил Майк.

Внезапно лицо Гутмэна, соскользнув вниз, слилось с его телом. Да, это, несомненно, был Гут-

мэн. Он лежал на полу с окровавленной головой. Над ним, сжимая графин из тяжелого коричневого стекла, стояла Хуанита.

В голове у Майка прояснилось. Исчезли монстры. Вместо них за бамбуковым столом по-прежнему сидели гости.

— Боже праведный! — Майк испуганно смотрел на свою руку, все еще сжимавшую револьвер.

— Браво, Хуанита, твоя оболочка оказалась еще нерушимее, чем твоя девственность, — своеобразно поблагодарил детектив.

Праздник „Здоровая Америка" был в разгаре! Фейерверк, бесплатные гамбургеры с кофе, тамбурмажоры — все было не хуже, чем в Нью-Йорке. Не обманули надежд спонсоров и девушки Вельмонта. Уже к вечеру все номера в отелях были забиты более или менее влюбленными парочками.

Поддавшись всеобщей вакханалии, не устояла и Хуанита. К утру, оплакав утраченную невинность, она сладко посапывала в постели Майка. Вид этой слегка общипанной добычи навел Майка на грустные размышления. Разве не он еще недавно был готов целовать ей ноги, вылизывая карамельки напедикюренных ногтей? Куда все это делось?..

— Хуанита, ты хороший парень, но шла бы ты подальше! — неожиданно для себя произнес вслух Норман.

— Что? Что такое? — подскочила королева. — Что ты сказал, старый хрен?

От неожиданности Майк разинул рот и молча показал на свой язык.

— Ну конечно, это все он, твой беспутный

язык. Знаешь, Майк, если бы могла, я запихала бы тебя обратно в „Сучье вымя". На, получай!!!

Отбойным молотком кулак красотки врезался в его скулу.

— Хуанита, я был прав, ты дерьмовый парень — ты драчлива и отбиваешь чужих девчонок, — прохрипел скривившийся от боли Майк.

Стопка машинописных листов становилась все внушительнее. Роман явно удавался, но тревожное ожидание чего-то враждебного усилилось.

Я решил поговорить с Дорой начистоту. Уклонившись от прямого ответа, она тем не менее пообещала быть откровеннее в следующий раз. С нетерпением ожидая этой минуты, я, словно наркоман за шприцем, потянулся за очередной кассетой.

Без захватывающих историй детектива я не мог больше прожить ни дня...

VII

„Дирижабль"

— Я — член партии, Шнитке, а меня держат на зенитной батарее, как какого-нибудь вшивого новобранца. — Фельдфебель Хазе, обиженно шмыгнув носом, достал щепотку нюхательного табака, но так и не успел вдохнуть — в ночном небе, прямо над батареей, появился серебристый диск.

— Тревога! Английский дирижабль! — Хазе первым бросился к орудию.

Зенитка изрыгнула огонь. „Дирижабль" накренился и, как клоун, сорвавшийся с трапеции, начал падать на батарею, стремительно увеличиваясь в размерах. Артиллеристы бросились врассыпную.

— Назад, канальи! Именем фюрера!

Взмахнув огромным кулаком, фельдфебель уложил пробегавшего мимо ефрейтора Шнитке. Но тщетно. Зенитчики разбегались как ошпаренные. Батарея опустела. Фельдфебель зажмурился. В следующую секунду воздушная волна подхватила его и шмякнула о раскисший земляной бруствер.

— Доннер веттер! Меня, члена партии, валять в дерьме! Проклятые англичане ответят за это. За мной, Шнитке! — Хазе пинком поднял

ефрейтора и, выхватив „парабеллум", побежал к рухнувшему „дирижаблю".

— Осмелюсь доложить, господин фельдфебель, это не дирижабль.

Шнитке опасливо постучал по корпусу серебристого диска, наполовину зарывшегося в землю. И тотчас отскочил в сторону — из глубины летательного аппарата послышался ответный стук...

— Господин фельдфебель, там кто-то есть. — Ефрейтор юркнул за широкую спину Хазе.

— Эй вы, там! Выходи по одному! — приказал фельдфебель.

Медленно и жутко, как открывающаяся крышка гроба, разверзся люк. Из него показалось такое...

Хазе разинул рот и обронил „парабеллум".

— Чур меня, чур! — Ефрейтор Шнитке на карачках пополз прочь от летающей тарелки...

К утру батарею оцепил батальон СС. В небе над сбитым „дирижаблем" непрерывно кружились „мессершмитты", охраняя генералов люфтваффе и лучших конструкторов рейха, прибывших на место катастрофы.

Судя по их взволнованным лицам, здесь произошло что-то из ряда вон выходящее. Однако зенитчиков взволновало другое — прошел слушок, что среди высокопоставленных эмиссаров в простой эсэсовской шинели разгуливает фюрер!

Посмеиваясь над солдатскими сплетнями, Хазе спокойно драил оружие, когда истошный вопль дневального поднял батарею. Хазе не поверил своим глазам — по обшарпанному коридору казармы, чуть опередив свиту, шел сам фюрер! Поравнявшись с Хазе, он остановился:

— Эти высокие награды я вручаю двум бесстрашным героям, сбившим новейший летательный аппарат англичан! — Фюрер приблизился.

Затаив дыхание, Хазе следил за теплыми холеными руками вождя, прикрепляющими к его мундиру рыцарский „крест" с дубовыми листьями.

Закончив дело, фюрер отступил на полшага. Бархатистая рука потрепала бульдожью щеку Хазе:

— С такими солдатами я выиграю любую войну. Вы, фельдфебель Хазе, и вы, ефрейтор Шнитке, достойны славы древних германцев. Я восхищаюсь вами!

Слезы умиления выступили на покрасневшем, как зад обезьяны, лице Хазе.

— Хайль Гитлер! — рявкнул фельдфебель.

— Хайль! — ответили ему вытянувшиеся в струну эсэсовцы и генералы люфтваффе.

„А этому-то придурку за что?" — Хазе зло покосился на стоящего рядом ефрейтора Шнитке.

Имперский бункер вздрогнул, словно фанерный сортир, в котором засел фельдфебель Хазе, — Иваны садили по Берлину крупным калибром.

„Кто бы мог представить такое еще год назад?" — Ефрейтор Шнитке уныло посмотрел на фельдфебеля Хазе, стоящего в одной шеренге с ним в новенькой эсэсовской форме. Точно такой же мундир был на ефрейторе. С какой бы радостью он обменял его на грязную окопную робу, лишь бы не стоять в этом строю смертников, запертых в подземелье вместе со своим фюрером!

— Ахтунг!

Эсэсовцы вздернули подбородки. В тусклом свете аварийной лампочки Шнитке увидел приближающегося Гитлера. Слегка прихрамывая, он дошел до середины шеренги и остановился, пристально вглядываясь в лица эсэсовцев.

— Комрады! Враг вступил в самое сердце рейха. Лжецы из Би-би-си внушают миру, что ваш фюрер выжил из ума, якобы он чаще советуется с астрологами и гадалками, чем со своими генералами. Кто же тогда спас мне жизнь во время злодейского покушения, когда предатели взорвали мину на моем столе? Может быть, гадалки и астрологи? Комрады! Пора сказать вам правду — на спиритических сеансах ваш вождь вызывал не духов, а инопланетян. В космосе у нас есть друзья и единомышленники. Они открыли нам тайну атома, с их помощью мы создали это, — горящий взор Гитлера устремился на противоположную стену.

Повинуясь его воле, она раздвинулась. Фельдфебель Хазе увидел серебристый диск, точно такой же, как сбитый английский „дирижабль". Под ним, словно стопка намытых тарелок в ресторане, поблескивали другие диски. Их было не меньше трех дюжин.

— Если бы Провидение подарило нам еще хотя бы полгода, — продолжал Гитлер, — в наших руках было бы атомное оружие и эти замечательные летающие тарелки. К сожалению, они еще не готовы к военным действиям. Двое наших зенитчиков по ошибке сбили такой аппарат с инопланетными инструкторами во время испытательного полета. Искусство этих артиллеристов еще пригодится нам. — Фюрер одобрительно усмехнулся, глядя на оробевшего Хазе. —

Итак, комрады, мы покидаем планету Земля. Но битва, которая идет наверху, — не последняя. Мы уходим, чтобы спустя годы из глубин космоса нанести страшный, неотразимый удар по нашим врагам, осквернившим священные камни рейха. В космосе мы будем неустанно ковать новое немецкое оружие. В чуждых и враждебных мирах...

Слова вождя уже не доходили до Шнитке. У него задрожали колени. „Лететь с этим сумасшедшим к космическим чудовищам?“ Перед глазами Шнитке возник ужасный монстр с „дирижабля“, и что-то теплое, как пар из доброго немецкого кофейника, коснулось ляжек ефрейтора, потекло вниз.

— Что такое? — Лицо фюрера перекосило. — Кто испортил воздух, свиньи? Вы, Хазе?

— Мой фюрер, это не я! Это ефрейтор Шнитке!

— Расстрелять! — приказал Гитлер.

— Я не хотел! У меня медвежья болезнь, пощадите! — Ефрейтор упал на колени.

Новый взрыв потряс бункер. Забыв о Шнитке, Гитлер направился к шахте с летающими тарелками.

— Петро, дивись, що це такое? — Щербатый, с подпаленными усами русский артиллерист указал на светлые пятна, одно за другим поднимавшиеся над имперской канцелярией.

Его напарник поднес бинокль к раскосым монгольским глазам:

— Ничего не видать, окуляр бликует.

— Та не бликует, а блефует. Сидит ихний фюлер в подвале, цигарку курит та дым кольцами пущает, дескать, накласть ему на ентих ал-

тиллеристов. А ну-ка, Петро, дадим ему прикурить, черту лысому! Огонь!..

Огромный гаубичный фугас, как шар в лузу, вошел в стартовую шахту, превратив ее в дымящуюся воронку. Но поздно. Последняя летающая тарелка, словно сорвавшаяся с крючка рыба, нырнула в бездну космоса, черную, как эсэсовский мундир.

И время остановилось. Его сумасшедший эскалатор, влекущий все живое с песнями и проклятиями, заскрежетал, сбавляя обороты. Годы, проведенные эсэсовцами в космосе, превратились в минуты...

VIII
Красотка

Сюзанна Мидлтон могла позволить себе расхохотаться в лицо самым завидным женихам Нью-Йорка. Даже такому, как мультимиллионер Родерик Фишман, потому что Сюзи была и впрямь совершенной красавицей — лучезарной и обворожительной. Однако сегодня она была явно не в форме — с самого утра мисс Мидлтон испытывала беспричинный страх. Сюзанне все время казалось, что кто-то неотступно ее преследует...

Опасность приблизилась, стала почти осязаемой. Как газ без цвета и запаха, она ползла из ржавых канализационных люков, заполняя собой улицу. Сюзанна Мидлтон еще раз попыталась запустить мотор внезапно заглохшего „порше" — тщетно. Педаль под ногой девушки неожиданно провалилась, пол машины изогнулся, заскрежетал, словно его раздирали железными клещами.

Сюзанна дернула ручку, пытаясь выскочить из машины, но дверь не поддалась. В продырявленном днище автомобиля показалась пасть, рвущая металл. Сиденье накренилось, руку прижало к дверной стойке. Девушка закричала, но ее голос заглушило рычание монстра, ворвавшегося в кабину...

Придя в сознание, Сюзанна с омерзением и ужасом ощутила боль внизу живота.

* * *

— Вот это девочки! Держу пари, Норман, любая из них могла бы победить на конкурсе красоты Нью-Йорка. — Шеф полиции Морли пустил слюну, разглядывая фотографии голеньких красоток.

— Извините, сэр, но эти девушки посчитали бы для себя позором участие в конкурсе. Они не из тех, кто прокладывает себе путь в жизнь задницей. — Майк Норман подавил желание вырвать фотографии из рук Морли, вцепившегося в них, как молодой гинеколог в смазливую пациентку. — Сэр, может быть, перейдем к делу? Все-таки это следственные материалы, а не порнографическая коллекция, — нахмурился Майк.

Почувствовав неприязнь детектива, Морли отложил фотографии:

— Норман, вы рассуждаете так, словно сейчас не девяностые годы, а по крайней мере сороковые. Ладно, черт с вами! Стивен, докладывайте, что вам удалось высосать из этих фотографий, — приказал он своему помощнику.

— Почти ничего, сэр, если не считать этих неприятных деталей. — Карандаш Стивена коснулся темного пятнышка на животе девушки, похожего на прилипшую к коже десятицентовую монетку.

— Черт побери, такое впечатление, что у красоток выросло по второму пупку. — Здоровенная лупа Морли свесилась над фотографией. Его липкий взгляд впился в женское тело.

„Кажется, сейчас я сверну челюсть этому похотливому борову". — Майк заскрежетал зубами.

— Запомните, Норман, ревновать чужих женщин не менее аморально, чем надевать чужой презерватив, — хохотнул шеф полиции. Его лупа

легла на фотографию, увеличив бедро девушки до размеров восходящей луны. — Скажите лучше, Норман, на кой дьявол девочкам второй пупок? — ухмыльнулся Морли, желая заткнуть рот строптивому детективу трудным вопросом.

— Сэр, то, что вы называете пупками, не что иное, как укусы гиперов, — с расстановкой ответил Майк.

— Что?! — Морли побагровел.

Отпихнув кресло, он нервно заходил по кабинету, не обращая внимания на притихшего Стивена и подчеркнуто безразличного Нормана. Было от чего выйти из себя.

Все началось вскоре после того, как из подвалов компании „Гипер АГ интернешнел" произошла утечка стимулятора роста сельскохозяйственных животных. Вскоре в окрестностях фирмы стали появляться гигантские крысы, которые развлекались тем, что потрошили шины припаркованных автомобилей. Полиция применила оружие. Тогда гиперы — так прозвали этих омерзительных тварей — устроили настоящую охоту на полицейских. Подобно барсукам, они вцеплялись в естество стражей порядка, вырывая его, словно морковку с грядки...

И вот новое несчастье — нападение на женщин...

Морли остановился напротив Майка.

— Почему девушки не обратились в полицию? Почему вы вынуждены проводить расследование по собственной инициативе? Где логика, Норман?

— Сэр, как они могут доверять нам, если мы не в состоянии уберечь... собственных сотрудников?

— Вот как! А это вы видели? — перебил Морли. Расстегнув ширинку, он спустил брюки. Пока-

залось белье, напоминающее панталоны маркизы де Ля Круа.

— Сэр, вам принести горшок? — опешил Стивен.

— Принесите и наденьте на свою безмозглую голову, болван! Слышите? — Морли шлепнул себя по промежности. Послышался приглушенный металлический звон, как будто кто-то встряхнул мелочь в кармане. — Шедевр нашей аэрокосмической промышленности — бронированные полицейские плавки. Теперь мы победим гиперов. Отныне наши сотрудники могут не опасаться за свои достоинства, — победно произнес Морли. — Что вы еще можете сказать, Норман?

Вместо ответа, Майк положил руку на фотографию потерпевшей. Раздвинул два пальца — в просвете показалось лицо. Лишенное шевелюры и туловища, оно потеряло половую принадлежность.

— Узнаете? — Майк вопросительно посмотрел на Морли.

— Боже праведный — Стивен! — изумился шеф.

Майк перевел взгляд на побледневшего Стивена.

— Что вы хотите этим сказать, Норман?

— Ничего, Стив, просто констатирую факт: ты очень похож на потерпевшую, — равнодушно ответил детектив.

— Ну что же, теперь моя очередь удивить вас. Идемте, джентльмены, сейчас вы увидите первого гипера, которого удалось застрелить нашим парням. — Подозрительно покосившись на Стивена, Морли жестом пригласил детективов следовать за собой.

* * *

— Эта хреновина прыгает, как гарпун. А ее клыки, джентльмены, это же фрезерный станок! — Морли осторожно приблизился к столу, на котором лежал гипер. — А шкура! Настоящий бронежилет!

Преодолевая отвращение, Майк разглядывал гигантскую, величиной с кабана, крысу. Особенно гадок был ее шершавый хвост, толщиной в руку. Свисая со стола, он доставал до кафельного пола морга.

— Не боится пуль, бестия, — продолжал Морли, — уложить ее можно только прямым попаданием в лоб, как это сделал сержант Браун. А ее глаза, джентльмены... гла... — начал заикаться Морли. Прямо перед собой он увидел немигающий, заплывший кровью глаз гипера. — Слу... слушайте, Норман, по-моему, она жива, — пролепетал Морли. — Жива, фью-фью, фью-фью...

Тихо мурлыча себе под нос, Морли попятился к двери. Но страшное рычание заставило его замереть — гипер вскочил, ощерился на начальника полиции.

— Стой, проклятая тварь! Сидеть! Кому говорю?! — приказал Морли.

Майк выхватил револьвер. Три пули, срикошетив по крысиной шкуре, выбили из нее искры. Гипер рванулся к Морли. Схватив шефа за плавки, крыса броском закинула его себе на спину и, расшвыривая людей, бросилась к выходу.

— Только не откуси! Только не откуси! — донесся из коридора удаляющийся голос Морли.

Опомнившись, полицейские рванули к машинам. Такой погони Нью-Йорк еще не знал. Десятки патрульных автомобилей и несколько вертолетов мчались по пятам гипера в Куинс, в западную

часть Лонг-Айленда, где среди пакгаузов и складов сырья уродливой серой громадой возвышалось здание „Гипер АГ интернешнел".

Здесь, у пролома в стене, Майк со Стивеном первыми обнаружили полуживого шефа полиции.

— Эта бестия пыталась затащить меня в нору, но ни черта не вышло. Я в нее просто не пролез, — нервно хохотнул Морли. — Как видите, у толстяков есть свои преимущества. Посмотрите-ка, Стивен, все ли у меня на месте?

— Что вы имеете в виду, сэр? — не понял Стив.

— Ну, то самое.

— А... — догадался помощник. — Все в порядке, сэр.

— Отлично, Стивен, — просветлел начальник полиции. — Дайте телефакс в аэрокосмическую компанию. С них причитается сто тысяч долларов за испытание плавок.

— Ха! Ха! Ха! Давно я так не смеялся, босс. — Джек Горилла разинул до ушей рот, в котором, казалось, плясали от радости его желтые зубы. — Босс, все произошло у меня на глазах. Эта крыса, она как кинется за фараоном! Ха! Ха! Ой, не могу, босс! Тот от нее — на столб, как кот! Крыса назад — хлоп! хлоп! — все покрышки готовы. Похоже, эта крыса ненавидит полицейских еще больше, чем я, босс. Ха! Ха! Простите, босс, что я хохочу в вашей резиденции, можно я немножко выпью?

Отхлебнув виски, Джек еще какое-то время сидел напротив короля гангстеров Бруно Капельяно, подавляя смех, как несвоевременную икоту.

— Не пришлось бы нам плакать, Горилла, —

нарушил молчание Бруно. — Мне стало известно, что полиция собирается использовать гиперов против нас вместо служебных собак.

Смешливость моментально покинула негра.

— Этого нельзя допустить! Это конец, босс. Пара гиперов стоит сотни полицейских!

— Хорошо, что ты понимаешь, парень. — Тяжелая рука Капельяно легла на плечо Джека. — Запомни, ни один гипер не должен попасть в полицию.

— Босс, я работал на Джозефа Лучьяно, вы-то знаете, что это такое. Крысы не достанутся копам.

— Пустите меня! Я сдеру с нее шкуру! Я задушу ее своими руками! — Полицейский Уорке, которого оскопил гипер, вырывался из рук удерживавших его коллег.

— Сэр, личный состав требует немедленно начать штурм здания. Людей просто не удержать, — доложил Стивен.

— Спокойно, джентльмены, из этого оцепления не вырваться даже пташке. — Морли обвел взором внушительные силы, окружившие здание „Гипер АГ интернешнел".

— Сэр, если вы не включите меня в штурмовую команду, я сделаю это самовольно. — Вырвавшийся наконец Уорке схватил шефа за локоть.

— Вот как? — Морли вопросительно взглянул на Нормана.

— По-моему, надо разрешить, сэр, тем более что парню терять уже нечего.

— Ваша просьба удовлетворена, Уорке.

Морли подал сигнал, и штурмовые отряды, ощетинившиеся оружием, вошли в подвалы фирмы.

Гиперов здесь не оказалось, но обнаружились ходы, которые, по-видимому, вели к их логову. Майк опустился на колени, включил фонарь — узкий лаз шел под небольшим уклоном вглубь. Нечего было и думать вводить сюда полицейские подразделения.

— Сэр, если вы не возражаете, пойдем мы со Стивеном. И я взял бы с собой Уорке.

— Валяйте, Норман, могу уступить вам свои плавки.

— Благодарю вас, сэр, но я предпочел бы армейский огнемет.

— Вы его получите, Норман.

Облачившись в штурмовые костюмы, маленький отряд отправился мимо расступившихся полицейских к зловещей норе.

— Стойте! Стойте! Одну минуту!

Майк обернулся. Вслед за ними, словно за уходящим поездом, мчались двое репортеров.

— Пожалуйста, умоляем вас, мистер Норман. — Один из них молниеносно прилепил к огнемету Майка рекламную наклейку, другой вскинул фотоаппарат. — Готово! Спасибо, сэр!

— Чертовы пройдохи! — выругался Майк, протискиваясь в нору.

Работая локтями и коленями, они преодолели несколько десятков ярдов. Здесь, как и предполагал Майк, нора расширилась, приняла вид довольно просторной пещеры.

— Майк, выключи фонарь, в темноте мы скорее найдем их по светящимся глазам, — прошептал Стив.

Щелкнул выключатель. В кромешной тьме засветились три ярких пятна. Это были рекламные наклейки репортеров.

— Ловушка, сэр, теперь мы отличная цель для гиперов. — Уорке попытался оторвать проклятую

наклейку от огнемета, но она словно сплавилась с металлом.

— Попробуй накрыть ее чем-нибудь, Уорке, — посоветовал Стив.

Полицейский положил руку на наклейку, но отвратительный серо-голубой свет беспрепятственно проникал сквозь нее.

Норман снова включил фонарь. То, что он увидел, ошеломило его — в дальнем конце пещеры мелькнули гиперы и совершенно голая девушка. Прикрываясь от яркого света, она испуганно взглянула на полицейских и бросилась в темноту вслед за крысами.

— Господи, Сюзанна Мидлтон, — ахнул Стивен.

Полицейские опустили готовые к бою огнеметы. Сомнений быть не могло, это та самая пострадавшая, чью фотографию Майк готов был вырвать из липких рук Морли.

Детектив выключил свет.

— Джентльмены, поставьте огнеметы к стене, — приказал Норман. — А теперь за мной! Живо!

Он ринулся к выходу. И вовремя. Белый луч, вырвавшийся из глубины пещеры, упал на огнеметы. Полыхнуло пламя. Шипя, разлетаясь по стенам, пылала заключенная в них горючая смесь. Живая стена огня встала между гиперами и беглецами. Когда задыхающиеся от копоти и гари копы выбрались на поверхность, Стивен в изнеможении закрыл глаза, и тотчас перед ним возник образ девушки, ослепительной в своей наготе и беззащитности.

— Я запрещаю вам снова лезть в нору. Слышите, Стивен? Мне не нужны самоубийцы! — Морли свирепо вытаращился на подчиненного.

— Там девушка, сэр. Я обязан ее спасти. — С угрюмой решимостью Стивен передернул затвор короткоствольного автомата. — Меня ничто не остановит, сэр.

В подвале, заполненном людьми, воцарилась напряженная тишина. Чуть насмешливый, спокойный голос Нормана заставил всех повернуться к нему:

— Эй, Стив, просят тебя.

Детектив протянул другу трубку радиотелефона. Стив неохотно взял ее:

— Алло, с кем я говорю?

— С Сюзанной Мидлтон, — ответил нежный, переливчатый голос.

— Что?! — Стивен выронил трубку. — Это инсценировка, Майк? Может быть, ты объяснишь мне, что здесь происходит? Кто такие репортеры? Почему мисс Мидлтон убежала к гиперам?

— Все просто, Стив, — усмехнулся Норман. — Репортеры — это ребята, которые нас очень не любят, а мисс Мидлтон...

— Мне не до шуток, Майк.

— Садись в машину, Стив, через пару часов ты сам ее об этом спросишь.

Взревев мотором, полицейская машина понеслась на правый берег Гудзона, в Патерсон, где жила мисс Мидлтон.

— Езжай за фараонами. — Джек Горилла пихнул в спину проворного, как хорек, Проныру Гарри и, вальяжно откинувшись на заднем сиденье черного „Бентли-турбо-Р", закурил сигару.

Однако скоро ее пришлось выбросить — машину кидало из стороны в сторону.

— Не можешь поаккуратнее, парень?

— Не могу, маса Джек, фараоны летят как на пожар. А кто это за ними, Джек? — Проныра указал на „мерседес", идущий за машиной Нормана.

— Этого только не хватало, — процедил сквозь зубы Горилла, нащупывая автомат, накрытый свежим номером „Плейбоя".

Когда полицейские вошли в комнату Сюзанны Мидлтон, она неприязненно взглянула на Майка и покраснела.

— Стив, может быть, ты сам побеседуешь с мисс?

— Хорошо, Майк, — ответил Стив, чувствуя, как дрожит и надламывается его голос. Красота девушки внушала ему гораздо большую робость, чем любая опасность.

— У меня только один вопрос, мисс, где вы были сегодня в первой половине дня?

— Я не выходила из дому.

— Вот как?

Детективы переглянулись.

— Мисс, — сказал Майк, стараясь не смотреть на девушку, — происходят странные вещи. Мы вынуждены просить вас помочь полиции. — Майк извлек из привезенного с собой саквояжа женский парик и еще какие-то мелочи. — Здесь не хватает только костюма с вашим запахом — у гиперов нюх не хуже, чем у собак...

Надев парик и элегантный брючный костюм Сюзанны, Стив подошел к зеркалу.

„Боже мой, до чего похож на Сюзанну", — подумал Майк.

— Разреши, Стив, — он галантно подал руку новоявленной „мисс Мидлтон", — идемте, дорогая.

У дверей детектив остановился и повернулся к настоящей Сюзанне Мидлтон:

— Запомните, мисс, ни в коем случае не выходите на улицу и не отвечайте на телефонные звонки. От этого зависит ваша жизнь и жизнь Стивена. Прощайте.

— Смотрите, Джек, какая краля. — Проныра Гарри первым заметил Нормана, идущего к машине с привлекательной блондинкой, и немедленно запустил мотор.

— Не торопись, Проныра, пусть сначала тронется „мерседес", — остановил его Горилла.

— Ну все, поехали. Старайся не попадаться им на глаза.

Машина гангстеров, подобно кошке, ползущей на пузе за воробьями, воровато двинулась вперед.

— Ну все, пора доставать пушки. — Джек Горилла передернул затвор автомата. — Останови его, Гарри, — приказал он водителю.

Обогнав „мерседес", Проныра прижал его к бровке. Ударившись бортами, машины замерли на обочине. С оружием наперевес гангстеры бросились к легкой добыче, но автоматная очередь заставила их остановиться. Из „мерседеса" вылез здоровенный детина. Другой мужчина, припав к крыше машины, держал бандитов на мушке.

— Я мог бы сделать из вас решето, — детина презрительно сплюнул под ноги, — но мне скучно. Эй, ты, черномазый, если ты мужчина, иди сюда. — Великан швырнул автомат на сиденье.

Такой обиды Горилла простить не мог. Сунув оружие Проныре, он вслед за детиной полез в придорожные кусты, откуда вскоре донеслись хриплые крики и глухие удары. Наконец бойцы снова появились на дороге. Под глазом детины

сверкал огромный синяк, а во рту Джека не хватало двух зубов.

— Все хорошо, — сказал Горилла, — отныне мы работаем вместе с этими джентльменами.

— Стивен, как ты себя чувствуешь в роли приманки для гиперов? — Майк озорно улыбнулся другу, и это не была улыбка, посланная стоящим на берегу тому, кто барахтается среди крокодилов. В любую минуту Норман готов был броситься на выручку Стиву.

Демонстративно прокатив „Сюзанну" по окрестностям „Гипер АГ интернешнел", Норман остановил машину.

— Мне кажется, Стив, что гиперы клюнули. Держись, старина, сейчас мы их проучим.

Майк незаметно пожал руку товарища и, выйдя из машины, как можно беспечнее пошел к дому напротив. Закрыв за собой дверь, он в несколько прыжков достиг комнатушки, где на треноге стояла тупорылая лазерная базука.

То, что произошло дальше, было больше похоже на дурной сон. Машина вдруг осела. Задрав горящие фары, она стала быстро погружаться в землю.

— Подрыли! — простонал Майк.

Сорвав оружие со станины, он бросился на улицу. На том месте, где только что стояла полицейская машина, чернела яма. Не раздумывая, Майк спрыгнул в нее. Здесь, в боковой стене, он обнаружил узкий крысиный лаз. Майк пополз по нему в кромешной темноте. Комья земли падали ему за шиворот и пачкали потную спину. Руки превратились в заскорузлые лягушачьи лапы. Отталкиваясь от земли и помогая себе коленями, Майк упрямо полз вперед, сжимая зубами ремень лазер-

ной базуки. На этот раз его вела не отвага, не жажда приключений, а чувство вины перед товарищем, которого он так жестоко подставил.

Неожиданно яркий свет ударил ему в глаза. Майк зажмурился — показался большой овальный зал, устланный коврами. За накрытым столом сидел „репортер" с подбитым глазом в черном эсэсовском мундире. Он играл на губной гармошке, притоптывая ногой, а перед ним... танцевали нагие красавицы. Майк узнал Сюзанну Мидлтон, других девушек с фотографий Морли. Временами мужчина брал со стола кусок пищи и швырял его девушкам. Они с визгом бросались за добычей, пиная и расталкивая друг друга. Эсэсовец молча наблюдал за дракой, а потом уводил победительницу за угол...

Вернувшись, он снова брался за гармошку.

— Господи, помилуй, какой-то театр абсурда. — Майк поднялся с колен. — Эй, руки за голову, приятель.

Он навел базуку на мужчину. Но жуткое рычание заставило детектива обернуться — разинув пасти, на него неслись сразу несколько гиперов!

Вскинув базуку, Норман выстрелил в первого. Он перевернулся через голову и опрокинулся. Бежавший сзади набросился на него и принялся жадно вгрызаться.

— Грязная бестия! — Следующий выстрел Майка сразил голодную тварь.

Майк разъярился. Зарычав, подобно своим врагам, уворачиваясь от их прыжков, он носился среди них, как шаровая молния, раздавая смертоносные выстрелы, пока последний из гиперов, скуля, как побитая собака, не исчез в норе.

— Боже праведный! — Еще не веря в победу, Майк поспешил туда, где танцевали девушки. Но

их там не было. Нагнувшись, он поднял с пола ключи с брелоком в виде сцепившихся каракатиц. И тут тихий стон, донесшийся откуда-то снизу, заставил его напрячь слух. Майк откинул ковер — сквозь прозрачный пол он увидел под собой белую палату с множеством медицинских приборов. На койке в углу лежал человек.

— Стив! — воскликнул Норман.

По винтовой лестнице он бросился вниз.

— Пойдем отсюда, дружище! — Поддерживая Стивена, Майк повел его обратно к норе.

Выбравшись из подземелья, Майк повез Стива в свою квартиру на Пятой авеню, к северу от Сорок третьей улицы, не подозревая о том, какое испытание ждет здесь.

В машине Стив неожиданно обнял и порывисто поцеловал Нормана:

— Спасибо, мой добрый спаситель!

— Стив, это вполне заменит мне орден, — пошутил Майк.

Однако скоро ему стало не до шуток. Дома, смыв с себя море грязи, он направился во вторую ванную, где плескался Стивен. Распахнув дверь, Норман увидел перед собой женское тело!

— Ой! Ой! — взвизгнул Стивен и густо покраснел.

— Прошу прощения! — пробормотал Майк.

Ошарашенный, он побрел в гостиную. Из Стивена сделали транссексуала! Он не был больше мужчиной. Майк вдруг представил Стивена в хороводе нагих красавиц там, в подземелье.

— Мерзавцы! — Норман задохнулся от слепой и бессильной ярости. — Сюзанна Мидлтон — вот кто может помочь! — Майк бросился к телефону.

* * *

„Миллионер женится на шестнадцатилетней", — аккуратно вывел на бланке брачного объявления Родерик Фишман. Перечитал написанное и, разорвав на мелкие клочки, швырнул в корзину для мусора. Нет, ни одна, даже самая юная красавица, не заменит ему Сюзанну Мидлтон. Из состояния транса его вывел телефонный звонок.

— Да, — лениво ответил миллионер.

— Хелло, Родди! Это я, Сюзанна Мидлтон.

— О, Сюзи! — Родерик подскочил с места, как капрал, узревший генерала.

— Мне бы хотелось тебя увидеть, если это возможно, Родди. Я на автостоянке у твоего дома.

— Какой разговор, Сюзи, сейчас буду.

Вырулив на автостоянку, Фишман увидел черный „Бентли-турбо-Р". Из открытого окна ему приветливо махала рукой Сюзи. Рядом с ней сидел весьма несимпатичный мужчина с подбитым глазом. Подойдя ближе, Фишман увидел второго — огромного негра, нервно сжимавшего „баранку".

— Привет, Родди! — улыбнулась девушка.

— Послушай, Сюзи, с тобой все в порядке? — Миллионер кивнул на ее мрачных спутников.

— Замолчи, шлюха, говорить буду я! — Негр откинул полу пиджака, и Родерик заметил наведенное на него дуло. — Вот что, парень, — продолжил негр, — мы нашли эту дуру в Европе специально для тебя. Она ничем не хуже той женщины, в которую ты втюрился, а может быть, даже лучше, потому что она сексуальнее. Он-то знает. — Негр подмигнул мужчине с подбитым глазом. — Если хочешь получить ее в собственность, тебе придется раскошелиться. Три миллиона нас вполне устроят. Подумай.

Рванувшись с места, „бентли“ исчез в потоке машин.

Похабное мужское желание взволновало Фишера. От одной мысли о том, какие штучки он проделает с Сюзи, его бросило в жар.

— Господи, что это со мной!

Родди взял себя в руки. Он сел в машину, включил тихую мелодичную музыку. Сходство девушек было потрясающим. Но чего-то неуловимого и важного, что делало Сюзи единственно желанной, в двойнике все-таки не было.

„Где сейчас настоящая Сюзанна?“ Родди вдруг ощутил сильное беспокойство за судьбу девушки. У него возникло странное чувство, как будто он увидел в гробу человека, который на самом деле был жив. Родди завел мотор своего „ройллса“.

Через час он уже отчаянно стучал в дверь дома Мидлтон. Но лишь скрип незапертой калитки был ему ответом.

Повернувшись, Родерик Фишман побежал обратно к машине. Он твердо решил нанять знаменитого сыщика Нормана.

IX

Холодность партнера

В мрачном оцепенении Майк ждал приезда Сюзанны, как ждут медицинское светило у одра больного.

— Сюзи, присядь, — предложил детектив наконец приехавшей девушке. — Я вызвал тебя, чтобы поговорить о Стиве. Этот человек пошел в подземелье на верную смерть, чтобы спасти тебя. Его насильно сделали транссексуалом. Теперь твоя очередь спасти его. Ты должна лечь с ним в постель, Сюзи, может быть, тогда Стив вспомнит, что он мужчина...

— Я не могу это сделать даже ради спасения человека, Майк.

— Конечно, ведь ты красавица, Сюзи. Ты привыкла к тому, что мужчины, как собачонки, лижут тебе ноги. Стоит ли спасать кастрированную собачонку? — Норман снова испытал приступ бессильной ярости, но на этот раз с мазохистским оттенком.

— Отвернись, Майк, — неожиданно тихо сказала девушка. — Пусть тебе будет стыдно.

За спиной Нормана шелковисто прошуршало белье, и обостренное обоняние детектива уловило прелестный запах девичьего тела. Мисс Мидлтон исчезла за дверьми спальни. Сердце Майка тревожно екнуло. Норман быстро заходил по гости-

ной, как будто быстрая ходьба могла сжать время, растянувшееся вдруг, как хорошо разжеванная резинка.

Войдя в спальню, Сюзи испугалась своей решимости и замерла на пороге. В ее позе было столько грации и сладостного очарования, что ни один импотент не смог бы устоять. Но Стивена это, похоже, не тронуло. Подвинувшись на кровати, он как ни в чем не бывало попросил Сюзанну накрутить ему бигуди.

Холодность партнера, хотя и объяснимая анатомически, неожиданно превратила невинную пташку в когтистую кошку, преследующую добычу. Поражаясь своему порыву, Сюзи опустилась к Стиву и коснулась его плоти алыми влажным губами...

Когда мисс Сюзи показалась в дверях спальни, Майк вопросительно посмотрел на нее.

— Он безнадежен, — ответила на немой вопрос Нормана смущенная и раскрасневшаяся красавица. Накинув махровый халат Майка, девушка уселась в кресло. — Ты — подонок, Майк. Сначала ты подставил его как мужчину, а теперь меня как женщину. — Она затянулась сигаретой. — По-моему, ты сильно запутался, Майк, — сказала Сюзанна, немного смягчившись. — Тебе следовало бы встретиться с тем каскадером, который подает тебе хорошие советы.

— С Фредди? Мне тоже приходило в голову. Едем. Сейчас я приведу Стивена.

Выйдя на улицу, Майк увидел полного коренастого человека во фланелевом костюме, стоящего возле его машины.

— Родерик Фишман, — представился незнакомец.

* * *

— Красиво! — Норман восхищенно задрал голову.

Грохочущий мотоцикл, поднявшись с трамплина, пронесся над ним, обдав выхлопным газом.

— Когда я приезжаю к тебе, Фредди, меня подмывает поменять фуражку полицейского на шлем каскадера. Примешь в свое автородео?

— Для кого я тогда буду собирать газетные вырезки, Майк? Пойдем-ка, пропустим по стаканчику за твой приезд.

Оставив на поле тренирующихся мотогонщиков, мужчины вошли в размалеванный автоприцеп, где уже дымился роскошный обед.

— Вот так номер, Фредди! Ты знал, что я приеду? — удивился Норман.

— Это было нетрудно сделать, Майк. Ты ведь сам предупредил нас сигналом радиомаячка.

— В полиции не принято предупреждать о своих визитах, Фредди. У меня никогда не было радиомаячка.

— А что это? — Фредди вытащил из кармана Майка ключи с брелоком в виде сцепившихся каракатиц. — Да это же ключи от стартера летающей тарелки! Точно такие же подобрали в Огайо на месте катастроф НЛО! Это они испускают сигналы. К дьяволу выпивку! Рассказывай все по порядку, Майк.

Внимательно выслушав детектива, Фредди извлек из шкафа папку с газетными вырезками:

— Узнаешь?

На пожелтевшей газетной полосе Норман увидел Адольфа Гитлера, прикрепляющего награду к мундиру эсэсовца из подземелья.

— Фельдфебель Хазе, — прочитал изумленный детектив. — Одну минуту, Фредди. В моей

машине Стив, девушка и еще один человек. Надо показать ему фото.

— Что же ты не позвал их, Майк?

— Да так. — Норман не стал распространяться, что не мог пригласить сюда Стивена, не пожелавшего расстаться с женским париком.

— Разрази меня гром, это же малый из „бентли", продававший девушку! — воскликнул Фишман, увидев фотографию эсэсовца.

— Все сходится, Майк. — Фредди задумчиво закрыл альбом. — В годы войны нацисты сбили загадочный летательный аппарат. Они тут же объявили, что это английский дирижабль. В действительности это была летающая тарелка. Они построили целую эскадру таких аппаратов и бежали на них из осажденного Берлина.

— Вот любопытное свидетельство. — Фредди открыл следующую папку. Майк увидел открытое щербатое лицо, украшенное подпаленными усами. — Это русский артиллерист, свидетель старта эскадры.

— Я продолжу, Фредди. — Майк отодвинул папку. — Находясь за пределами Земли, нацисты оказались в другом временном измерении. У них появилось новое оружие и даже эти твари — гиперы. Нацисты явно готовятся к вторжению, но у них не хватает людей. Им негде взять женщин, чтобы размножиться. Поэтому они и снарядили экспедицию за девушками. Нацисты отбирают только представительниц арийской расы. Вот почему все потерпевшие оказались на одно лицо. Гиперы откусывают от тела женщины кусочек кожи размером с десятицентовую монету. Из него берется всего одна клетка, клонируется и получается точная копия человека. Сбор материала нацисты, по-видимому, закончили, поскольку на-

падения на женщин прекратились. Но они не улетят до тех пор, пока ключ от летающей тарелки находится в моих руках.

— А еще это означает, что они скоро будут здесь, Майк. Ведь сигналы радиомаячка приняли не только мы.

— Что будем делать, Шнитке? Эти черномазые бандиты требуют у нас всех девок.

— Зато они отобьют у полиции ключи, которые вы потеряли, господин фельдфебель. А девок мы еще наклепаем.

— Яволь! Будем соглашаться. Хайль Гитлер, ефрейтор Шнитке!

— Хайль, господин фельдфебель.

Закончив перешептывание, эсэсовцы вернулись в комнату, где сидели люди Бруно Капельяно.

— Именем фюрера, мы согласны! — объявил Хазе. — Выступаем через полчаса.

Банда появилась раньше, чем ожидалось. Сначала показался желтобокий школьный автобус с красотками, а за ним „бентли", набитый гангстерами.

— Это напоминает трюк, который мы показывали на стадионе Сан-Диего, — усмехнулся Фредди, — он называется „Полицейские и воры". Тогда наши ружья были заряжены холостыми. Не пора ли зарядить их боевыми патронами, Майк? Моим ребятам здесь на десять минут работы.

— Справимся вдвоем, Фредди, прогрей-ка лучше кроссовую „хонду" и принеси мне бронежилет. А ты, Родди, — обратился Норман к миллионеру, — отведи Стива с девушкой в безопасное место.

Доехав до края стадиона, автобус остановился. Теперь Норман отчетливо видел девушек, сидевшего за рулем ефрейтора Шнитке и фельдфебеля Хазе, вооруженного автоматом. Эсэсовцы остались в автобусе, а из „бентли" высыпали бандиты.

— Пойду поговорю с этими сердитыми парнями. — Майк не спеша пошел навстречу гангстерам.

— Босс, не подпускайте фараона, он хитер как лиса. Прикажите стрелять, босс!! — Джек Горилла передернул затвор пистолета.

— У тебя и правда обезьяньи мозги, Горилла. А если он один знает, где ключи? Пусть подойдет. Не стрелять! — Бруно Капельяно строго посмотрел на своих людей.

Приблизившись ярдов на пятнадцать, Норман остановился.

— Джентльмены, я так понимаю, что вы приехали за этим? — Он поднял над головой ключи.

— Стреляйте! — завизжал Капельяно.

Но грохочущая „хонда" заглушила его голос. Она пронеслась сквозь строй гангстеров, заставляя их шарахаться в стороны. Майк на ходу прыгнул на заднее сиденье мотоцикла.

— За ними! Быстрее, мерзавцы!

Автомобиль гангстеров рванулся в погоню.

— Фредди, не подкачай! Еще! Газу, Фредди!

Майк оглянулся — на полном ходу „бентли" мчался сзади.

— Все, теперь ему не затормозить!

Взмыв с кучи щебня, „хонда" поднялась в воздух и в точно рассчитанном прыжке перелетела через овраг. Тяжелый „бентли" ударился в щебень, перевернулся и, как помойное ведро, брошенное с балкона, полетел вниз.

— Приятного купания, джентльмены, — усмехнулся Майк.

Развернувшись, „хонда“ понеслась обратно к автобусу с девушками.

— Дай-ка твою пушку, Фредди. — Норман взял автомат каскадера и, стиснув зубы, пошел к автобусу.

— Эй, фараон! — высунулся из дверей Хазе. — Еще шаг, и я пристрелю всех девок. — Он приставил ствол к спине „Сюзанны“.

Майк остановился.

— Бросай оружие, фараон, иначе всем им конец.

Автомат Майка медленно, как сползающее одеяло, опустился на землю.

— Теперь иди сюда, положи ключи на радиатор, — приказал Хазе.

Майк поднял лицо к небу, чистому, как лицо младенца.

— Господи, — прошептал он, — почему эти призраки прошлого попирают законы твои? Ты создал нас по образу своему. Никто не вправе делать из мужчин женщин, из клочка плоти лепить людей, нарушать связь времен. Господи, установи закон свой!!!

Белая голубка, словно капелька, сорвалась с небосклона и пронеслась над самой головой Нормана, задев его крылом. А может быть, это было крыло ангела?..

— Господин фельдфебель, что с вами? — Шнитке испуганно уставился на лицо Хазе.

Оно сморщилось и пожелтело, словно высохшая глина. Руки фельдфебеля немощно задрожали и выронили автомат. Новенькая эсэсовская форма превратилась в изношенное рубище. Перед ефрейтором стоял ветхий, трясущийся старец.

Шнитке посмотрел на девушек. Они стремительно съеживались, как гирлянда проколотых надувных шаров. Еще мгновение — и на том месте, где были красотки, лежали лишь маленькие кусочки кожи, некогда откушенные гиперами. Но Шнитке уже не видел этого. Его старческие глаза заслезились. Он безуспешно пытался разглядеть мушку автомата — она плавала перед ним, словно чаинка в стакане.

— Теперь держитесь, сволочи! — Каскадер поднял пистолет.

— Не стоит, Фредди, — остановил его Майк, — не трогай этих стариканов.

Чья-то крепкая рука легла на плечо Майка. Он обернулся, рядом с ним стоял Стив.

— Послушай, Майк, долго я буду ходить в этом дурацком парике?

— Стив! — Сюзанна бросилась в объятия полицейского.

— Ну что, Фредди, самое время прокатить влюбленную парочку на летающей тарелке? — Майк подкинул на руке ключи.

— Стив, никогда не приглашай к нам этого типа. — Глаза красавицы зло блеснули, и острая женская ресничка вонзилась в сердце Нормана. — Я любила его, Стив, но он обманул меня и ушел к своей инопланетянке Эоле.

— Но, дорогая, если бы не Майк, мы бы никогда не нашли друг друга.

— Хорошо, Стив, пусть приходит, но не пускай его дальше прихожей.

— Сюзи, честно говоря, мне так будет спокойнее — Майк слишком опасный конкурент, — согласился Стив.

Как ни велико было мое нетерпение, я все же не позволил себе первому позвонить сиделке. На-

конец раздался ее долгожданный звонок. Однако вместо ответа на мучавший меня вопрос Дора задала свой:

— Скажите, Вилли, с той минуты, как вы начали писать роман, с вами не случалось ничего плохого?

— Нет, все эти дни я не выходил из дому.

— И не выходите, пока его не закончите.

— Но почему?

— Я не призналась вам сразу в том, что пробовала писать сама. Помните ту кассету, где Норман обвиняет инопланетян в том, что они преднамеренно вызвали на Земле СПИД?

— Конечно, помню.

— Так вот после этого я едва не погибла при весьма загадочных обстоятельствах.

— Вы хотите сказать, что инопланетяне пытались помешать вам написать книгу.

— Я в этом абсолютно уверена. Будьте осторожны, Вилли.

Закончив разговор с Дорой, я с опаской включил следующую кассету.

X
Хэлло, Моника

— Плевать я хотел на ваши ограбления и наркотики. Они меня больше не интересуют. „Шкатулка с поцелуями"! Где она? — Король гангстеров Бруно Капельяно раздраженно помешал золотой ложечкой черный, как его душа, кофе.

— Босс, у меня неважные новости. — Джек Горилла заерзал на стуле, отчего он запищал придавленной мышью.

— Не ломай мою мебель, парень, выкладывай все как есть.

— Босс, в мое дело вмешался этот сумасшедший полицейский — Норман.

— Что? Майк Норман? — Золотая ложечка, звякнув, упала на блюдце. Тело гангстера стало холодным и мокрым, как пол в аду.

Бандиты умолкли. Обоим было что вспомнить. В памяти Капа возник монстр с НЛО, искрошивший половину его людей, а в костях негра шевельнулась застрявшая пуля детектива.

— Босс, этот мерзавец перестрелял наших ребят больше, чем вся нью-йоркская полиция. Ему давно пора на тот свет. Отдайте его мне, босс!

— По рукам, Горилла! Легавый твой. Но сначала я хочу получить „шкатулку с поцелуями".

— Будьте спокойны, босс, Джек Горилла знает свое дело. — Гангстер поцеловал вороненый

ствол автоматического пистолета с лазерным прицелом и с мрачной усмешкой опустил его в кобуру.

Костюмы мужчин были строги, как мысли католического пастора. Их лица не выражали ничего, и только белые, как зубы мертвеца, костяшки пальцев, вцепившиеся в одинаковые атташе-кейсы, выдавали их волнение — впервые Совет директоров этого престижного банка в полном составе нанесет визит в Управление полиции.

— Господа, — Гарольд Райли, президент банка, обвел присутствующих строгим взглядом, — речь идет о невиданном мошенничестве. Его механизм настолько же прост, насколько ужасен: люди получают у нас в кредит миллионы долларов, после чего кончают жизнь самоубийством. Взятые ими деньги бесследно исчезают, как будто они берут их с собой в преисподнюю. Наш банк на грани краха. Вы, конечно, понимаете, какая судьба ждет тысячи вкладчиков, доверивших нам свои сбережения. Их надежды обращены к вам, доблестным полицейским Нью-Йорка...

— Спасибо за комплимент, мистер Райли, но будет лучше, если вы сообщите нам что-либо конкретное, — перебил президента начальник полиции Морли.

— К сожалению, нам известно очень немного. Один из самоубийц, неудачно бросившийся под поезд, протянул около часа в реанимации. По словам врачей, в бреду он говорил о какой-то „шкатулке с поцелуями". И еще. К нам только что обратился за кредитом некто Чак Чакворд.

При упоминании этого имени Майк Норман, сидевший поодаль от шефа полиции, невольно вздрогнул.

— ...У нас есть все основания полагать, — продолжил между тем президент — что мистер Чакворд — будущий самоубийца. Поэтому он пока не получил от нас ни одного доллара...

— Деньги придется дать, — тихо произнес Майк, однако его голос прозвучал не менее убедительно, чем голос грабителя в подворотне.

Президент растерянно замолчал.

— Майк Норман хотел сказать, — Морли метнул на Майка испепеляющий взгляд, — что мы получим ниточку, потянув за которую, распутаем весь клубок.

— В самом деле? Вы так уверены в успехе? — Президент улыбнулся блаженной улыбкой человека, нашедшего в кармане затерявшийся четвертак.

„Чем глупее фермер, тем крупнее картофель, не потому ли этим денежным тузам так везет?“ — подумал Норман, имея в виду, что еще неделей раньше он занялся этой зловещей „шкатулкой с поцелуями“, которую следовало назвать „шкатулкой смерти“.

Выпроводив банкиров, шеф полиции по привычке закинул ноги на стол.

— Норман, вы хороший полицейский, но ни черта не смыслите в бабах. — Морли расстегнул мундир, выпуская на волю свое внушительное брюхо, как выпускают из-за пазухи жирного кота. — Когда будете весить столько, сколько я, вы поймете, что такое тонкая талия и маленькая упругая женская попка. Я готов задушить вас, Норман, за то, что вы не желаете уложить в постель мою секретаршу, в то время как я только об этом и мечтаю.

— Сэр, вы несправедливы, я действительно не

хотел укладывать Монику в свою постель, но зато я уложил ее в вашу. Не моя вина, сэр, что вы оказались таким болваном.

— Но-но, Норман! Не забывайтесь, — миролюбиво прорычал Морли, словно пес, которого в шутку дергают за хвост. — Если ваш начальник говорит, что вы ни черта не смыслите в бабах, вы должны ответить: „Да, сэр!"

— Я очень изменился за последнее время, сэр.

— Слышал, слышал. Говорят, вы стали настоящим американским донжуаном. Сейчас мы это проверим. Но имейте в виду, когда моя секретарша вам надоест, вы передадите ее мне из рук в руки, как стодолларовую ассигнацию. Моника! — Шеф нажал кнопку и уставился на дверь, как на экран эротического „видика".

Сначала появились стройные пухленькие ножки, потом нечто делающее их существование целесообразным, затем тоненькая осиная талия и над всем этим, словно восходящее солнце, клубнично-алые губы, не знавшие косметики.

— О Моника! Вы великолепны! — Забыв о существовании Морли, Майк поднялся навстречу секретарше и попытался поцеловать ей ручки.

Но девушка неожиданно отстранилась.

— Мистер Норман, вы находитесь в приемной начальника полиции, а не на студенческой вечеринке. — Лицо Моники залила краска стыда и ненависти.

„Черт возьми, неужели это та девчонка, которая голышом пролежала всю ночь рядом со мной, надеясь, что я ею воспользуюсь?"

Майк ошалело взглянул на неприступную секретаршу, и тотчас в его глазах замелькали желтые чертики, которые только и ждут подобного момента в жизни мужчины, чтобы вдоволь покуражиться над ним.

— Браво, Моника, — просиял Морли. — Так и надо этим полицейским ловеласам! Теперь я с чистой совестью передаю вас в распоряжение Нормана. Итак, Моника, вам двоим поручается расследование банковской аферы. Эту операцию мы назвали „Шкатулка с поцелуями".

— Слушаю, сэр! — с каким-то жестоким удовлетворением ответила секретарша.

В это утро Чак Чакворд испытал чувство, не имевшее ничего общего с тем, что ему дали автогонки, каратэ и даже служба в полиции. Он испытал то, что выпадает на долю человека, ткнувшего палкой на огороде и увидевшего перед собой нефтяной фонтан. Среди кучи ненужных бумажек, которые, подобно мутным волнам Гудзона, принесла ему почта, он нашел приглашение банка.

— О'кей, значит, все-таки дали? Такой рыбины у меня на крючке еще не было, она весит пять миллионов долларов!

Чак ласково погладил лощеную банковскую бумагу. Это была настоящая удача. Первая после того, как он, уволившись из полиции, открыл частное сыскное бюро.

„Пять миллионов баксов! Как я их потащу из банка? Они весят не меньше, чем мешок с картошкой. А почему бы и нет? Очень неплохая мысль!"

— Эй, Поль, — позвал он сына, — помоги-ка мне, дружок.

Спустившись в подвал своего нового дома в пригороде Нью-Йорка, Чак взвалил на плечи мешок с отборным картофелем, приготовленный для яхты, и отволок его к машине. Здесь картофель был пересыпан в ящик из-под корабельных снарядов.

— Вот, сынок, отвезешь его по этому адресу, — он написал на листке адрес банка. — Спросишь охранника Губера, скажешь, отец просил придержать ящик.

— О'кей, папа, все сделаю в темпе рока.

Поль охотно полез за руль „сааба", а Чак невольно залюбовался сыном. В свои шестнадцать он выглядел не хуже, чем иной новобранец морской пехоты.

Отцовская любовь — нежная, как цветок, и суровая, как дуло пистолета, — вот все, что составляло смысл жизни Чака после смерти жены.

Но еще больше он сам значил для Поля.

— Берись за самое трудное, сынок, чтобы все остальное показалось легким, — учил отец.

— О'кей, папа, — отвечал сын, оттачивая характер на безжалостном оселке жизни.

— Если ты, падло, хоть еще раз заикнешься о пяти миллионах, которые Чакворд получит в банке, я порву твою пасть и набью ее собачьим дерьмом! — Яростно вращая белками, Джек Горилла сгреб за шиворот Проныру Гарри, худого пронырливого негра, и дважды стукнул его о грязную столешницу бара.

— Не сердись, Джек. Проныру можно понять. Когда пять миллионов баксов плывут мимо моего носа, как жареная индейка, и вы не разрешаете к ней притронуться, у меня тоже едва не начинается понос. — Мечтатель Хью — мулат с оттопыренными ушами и приплюснутым носом — хмуро посмотрел на Джека Гориллу.

— Как бы у тебя не начался кровавый понос, Хью. За такие слова вас обоих следовало бы пристрелить на месте. Вы, кажется, забыли — босс запретил прикасаться к этим деньгам.

— Джек, — упрямо продолжал Хью, — я ходил к старьевщику. Он сказал, что ни одна шкатулка не может стоить пять миллионов.

— Плюнь в рожу своим старьевщикам, Хью. В прошлом году босс вот так же охотился за какой-то дерьмовой кроватью. Все думали, что он спятил. Ребята смеялись за его спиной. Но они перестали смеяться, когда инопланетяне пригнали свой НЛО, чтобы отбить эту кровать. Подумай, Хью, сколько она могла стоить? А ты долдонишь о вшивых пяти миллионах. Босс знает, что делает. Наверняка „шкатулка" стоит дороже. Он приказал разнюхать, кому понесет свои пять миллионов Чакворд. Ни в коем случае нельзя его трогать, иначе мы спугнем хозяина „шкатулки". Ладно, ребята, я пошел — и чтобы без глупостей. — Горилла закатил белки и скорчил самую страшную гримасу, на которую только был способен.

— Слушай, Гарри, по-моему, у Гориллы не все дома. Ты слышал, какую чушь он здесь нес? — сказал Мечтатель Хью, когда массивная фигура Джека исчезла за дверьми.

— Мне он тоже показался странным, Хью. Подумать только — пять миллионов баксов! Горилла отворачивается от них, как от грязной задницы. Да он за всю свою жизнь столько не видел!

— Вот что, Гарри, мы-то еще не сошли с ума? Правда?

— Я понял тебя, Хью. Ни хрена подобного! Никаких боссов! Сорвем баксы и загоним Гориллу на дерево. Ха-ха!

— Или наймем его вышибалой в кабак, который мы откроем, а, Гарри?

— Отличная идея, Хью. Собственный кабак — это так же хорошо, как собственный публичный дом, — пей, жри и платить ничего не надо.

— А ты не боишься „безголовых“?

— Плюнь, Гарри, их выдумали для того, чтобы пугать таких дураков, как мы с тобой. Пей!

Распетушившиеся гангстеры, подливая друг другу виски, принялись обсуждать план действий.

Майк неловко откинул барабан револьвера, и патроны золотистыми горошинами покатились по полу. „Черт побери, такого со мной давненько не бывало!“

Детектив устало опустился на стул. Так заблудившийся в лесу человек в конце концов опускается под деревом, признавая свое бессилие.

Да, он был бессилен. Чем бы ни занимался Норман, клубничные губы Моники нашептывали ему что-то о свежих простынях и нежных шелковистых штучках... Майк старался не думать о Монике и не мог. Пожалуй, со дня таинственного исчезновения Эолы, запрещавшей ему сладость земных наслаждений, он не зацикливался так ни на одной женщине. Страсть, подавляющая сначала гордость, потом стыд и, наконец, разум мужчины, заставила Нормана снять телефонную трубку.

„Так, с гордостью покончено“, — подумал Норман, набирая номер секретарши.

— Хэлло, Моника, — поздоровался он, придав голосу всю возможную бархатистость. — Я не сплю! Я думаю о тебе, черт побери!

— Мечтать не вредно, Майк, ложить в кроватку и начинай оздоровительную гимнастику — левой ручкой, правой... — расхохоталась секретарша.

— Мне не до смеха, Моника, я страдаю, я хочу тебя, — прошептал Майк.

— Думаешь, я не страдала, когда ты запустил ко мне в темную комнату этого борова Морли?

— Моника, я готов все искупить. Неужели ты не дашь мне шанс? — сказал Майк с наигранной напыщенностью.

Он впал в то идиотское состояние, когда мужчина верит уже не тому, что есть, а тому, во что хочется верить. Именно поэтому, несмотря на всю свою многоопытность, он не уловил фальшь в голосе секретарши.

— О'кей, Майк, — вкрадчиво пропела она. — Ты помнишь ту комнатушку за нашей приемной? Я жду тебя там ровно в девять, и не вздумай на этот раз присылать Морли. Пока, мой милый.

— Пока, дорогая. — Майк положил трубку, с удивлением заметив на ее конце маленького желтого чертика. — Что делает секс с человеком, — невесело вздохнул Норман.

Закончив разговор, Моника вызвала уродливую старую негритянку миссис Салли, отвечавшую за чистоту унитазов в Управлении полиции, и, кратко объяснив задачу, сунула ей двадцать пять долларов.

— Скажу вам по секрету, мисс, я бы сделала все и бесплатно, мне давно приглянулся этот красавчик Норман.

— Я очень рада за вас, мэм, постарайтесь оторвать ему...

— Ну что вы, мисс, — смутилась уборщица, — оторвать не так-то просто, но я постараюсь хотя бы вывихнуть...

Ровно в девять Майк Норман проскочил в комнатушку, где его ждала секретарша. Он слышал ее учащенное дыхание и чмоканье клубничных губ, чуть слышно лепетавших бессвязные слова страсти. А аромат духов! Он был так силен, буд-

то им полили пол комнатушки. Окончательно обезумев, Майк рванулся к постели...

— Кхе-кхе! — раздался под ухом детектива скрипучий кашель партнерши, ужасный, как удар костылем по позвоночнику.

„Где-то я его уже слышал?"

Майк напряг память, и услужливый желтый чертик проявил в его мозгу странное воспоминание — кабину туалета и нетерпеливое покашливание уборщицы.

„Не может быть!"

Майк метнулся к выключателю, словно полицейский к свистку.

— Черт побери! — Глаза Нормана полезли на лоб — вместо прекрасной секретарши он увидел в постели уродливую старую негритянку!

— Извините, мистер Норман, мисс Моника занята, поэтому она попросила меня подменить ее. И еще она просила передать вам это. — Отвратительно улыбнувшись, уборщица протянула Майку сиреневые кальсоны Морли. — Мисс Моника сказала, что эту вещь позабыл здесь в прошлый раз ваш протеже.

XI
Налетчики

В ожидании появления Чакворда, Мечтатель Хью в комбинезоне уборщика улиц не спеша помахивал метлой перед зданием банка, в то время как Проныра Гарри звякал ключами в канализационном люке. Бандиты чувствовали себя как два статиста на ярко освещенной сцене, покинутой актерами. Им казалось, что прохожие только тем и заняты, что разглядывают метлу, перегоняющую мусор с одного места на другое.

Болезненно морщась, Мечтатель Хью поглядывал на телефонную будку напротив, опасаясь, что какая-нибудь ушлая тетушка уже накручивает номер полиции.

— Послушай, Хью, — зашипел Проныра, — еще немного, и у меня начнется медвежья болезнь.

— Заткнись, Гарри, вот он. — Хью указал на „сааб" Чака, тормознувший у банка.

Беспечно помахивая газетой, Чак направился к дверям. Однако эта беспечность была напускной. Опытный детектив отлично понимал, что сейчас он лакомая добыча для всякого отребья.

Исчезнув в дверях банка, Чак через некоторое время появился вновь. На сей раз его сопровождали двое служащих, которые несли присланный им ранее артиллерийский ящик с картошкой.

— Эй, Хью, не подкачай! — Истошный вопль раздался, казалось, из-под самых ног Чака. Хью взмахнул метлой, оказавшейся увесистой дубиной, и служащие рухнули на асфальт.

Жадные, торопливые руки с кошачьей ловкостью схватили артиллерийский ящик. Канализационный люк захлопнулся!

— Приятного аппетита, джентльмены, смотрите, чтобы картошка не подгорела, — усмехнулся Чак, возвращаясь в банк за настоящими долларами.

А в это время двое гангстеров с выпученными глазами неслись по подземным лабиринтам канализации, разбрызгивая нечистоты, распугивая крыс.

— Быстрее можешь, ты, урод! — Проныра Гарри рванул на себя ящик, и Мечтатель Хью растянулся, с головой окунувшись в нечистоты.

Вынырнув, он не спеша снял с уха использованный презерватив и со всего маху двинул Проныре в челюсть. Бедняга, взбрыкнув ногами, ушел на дно. Вынырнув на поверхность, он обнаружил на себе гирлянду презервативов — они торчали из его карманов, болтались на лацканах.

— Не иначе над нами публичный дом или квартира сексуального маньяка, — философски заметил Хью. — Ладно, Гарри, сейчас не время ссориться. Вперед!

— Босс, все пропало. Эти ублюдки грабанули Чакворда. — Джек Горилла замер, с ужасом наблюдая, как бледное лицо Капельяно покрывается красными пятнами.

— А где был ты, мой лучший солдат?

Язык Джека прилип к губам, будто приколотый канцелярской скрепкой. Он вдруг отчетливо

понял — от того, как он сейчас ответит, зависит его жизнь.

— Босс, клянусь, они заплатят за все, — сказал бандит не громко и не тихо, а именно так, как было нужно, чтобы переключить гнев короля гангстеров на двух предателей.

— Такой подлости я не ожидал даже от полицейских, Горилла. Чакворд должен был идти к хозяину „шкатулки". Без денег он не пойдет. Ниточка оборвалась. Если бы ты, Горилла, поменьше шлепал губами, этого не случилось бы. Ты тоже виноват, хотя и в меньшей степени, чем они.

Кап нажал кнопку, и в комнату вошли двое „безголовых".

— Горилла, ты не знаком с этими джентльменами? — Кап ощерился, изображая улыбку.

— Босс, я слышал о них, — пролепетал заплетающимся языком Джек.

В действительности, он не знал о них ничего. Это была секретная гвардия Капа — совершенные орудия убийства. Никто из гангстеров не знал их имен, не видел их лиц, постоянно скрытых под черными колпаками с узкими раскосыми прорезями, за что их и прозвали „безголовыми". Им поручались самые мерзкие преступления, в первую очередь уничтожение провинившихся членов собственной банды.

— Так вот, Горилла, — довольный произведенным впечатлением, продолжал Кап. — С этими симпатичными ребятами ты поедешь к тайнику, где хранишь свои доллары, отсчитаешь ровно пять миллионов и отвезешь вместе с моим письмом.

— Босс, б... б... б... боюсь, что у меня столько не наберется, — заикаясь, возразил Джек.

Перспектива потерять все средства, за ко-

торые он дрался, голодал, не раз сидел в тюрьме и еще большее количество раз лежал в реанимации после ножевых ударов и пуль, потрясла его.

— Босс!..

— Молчать, мерзавец! Получишь свои пять миллионов с этих вонючих ублюдков, когда изловишь их!

Мечтатель Хью с Пронырой Гарри были в этот день не самыми ароматными созданиями в Штатах. Голодные и оборванные, они лишь к середине ночи добрались до сравнительно безопасного места — старого протестантского кладбища. Здесь они наконец поставили ящик на землю.

— Знаешь, Хью, теперь бы самое время пропустить по стаканчику, — мечтательно произнес Проныра.

— О чем ты говорить, Гарри, надо скорее открыть сундук и по-честному поделить баксы, ты получишь свои двадцать пять процентов, я — остальное.

— То есть, как это двадцать пять?! — опешил Проныра.

— Очень просто, Гарри. Кто предложил ограбить? Я! Чей план? Мой! Кто сшиб охранников? Может быть, ты, Проныра? Опять же я. Но без тебя, я бы, конечно, не справился. Ведь ты помог мне поднести ящик. Вот за это тебе причитаются двадцать пять... точнее, двадцать процентов.

— А это ты видел? — Гарри сунул под нос Хью здоровенную дулю.

— Хап! — Мечтатель Хью вцепился в нее зубами и одновременно ткнул два пальца в глаза Проныре.

Сцепившись, словно два мартовских кота, гангстеры катались между могилами, покрывая друг друга тумаками.

— О Боже! Что это? — Проныра Гарри выпустил воротник Мечтателя. Тот обернулся.

— Не иначе инопланетяне, — задрожал Проныра.

— Не к добру это, Гарри, — согласился Хью, — надо поскорее сматываться отсюда.

— Дай хотя бы сорок, — ни на что не надеясь, попросил Проныра.

— Черт с тобой. Вскрывай ящик, на-ка, держи. — Мечтатель подал ему напильник.

— Ой, чует мое сердце, все это плохо кончится, — простонал Проныра.

— Не скули, и так тошно.

Стараясь не шуметь, постоянно оглядываясь, Проныра Гарри заработал напильником.

— Как ты думаешь, Хью, не рванет? Ящик-то снарядный. Мало ли чего он туда напихал?

— Не дрейфь, Гарри, не может быть, чтобы он заминировал доллары. Смелее, — сказал Мечтатель, на всякий случай приседая за могилу. — Жми, дружище! Ты уже почти богач.

— Ну уж нет, Хью, тебе-то хорошо за бугром, ты по кумполу не получишь, а мне — руки-ноги поотрывает. Зачем мне тогда доллары, а, Хью?

— Ладно, Гарри, привяжи к крышке веревку. Попробуем как следует дернуть. Если туда заложили взрывчатку, то они ошиблись, мы не какие-нибудь дешевые фрайеры. — Мечтатель перешагнул через свежевырытую могилу, закатал рукава по локоть. — Впрягайся, Гарри.

Гангстеры уперлись ногами в дно ложбинки, словно матросы, перетягивающие канат. Веревка натянулась как струна.

— Еще взяли!

Веревка лопнула, и гангстеры вылетели из ложбинки, как горох из задницы повара. Перевернувшись через голову, Хью растянулся на траве.

— Где ты, Гарри? — испуганно позвал он.

Холодное молчание могил было ему ответом. Гарри исчез.

„Инопланетянин! Кто же еще? Сожрал Проныру, и будь здоров!" — замер Хью. Его ушибленная челюсть отвисла.

— Ответь, несчастный! — жалобно позвал он.

— Абу... ы... ы... — донеслось то ли из преисподней, то ли из брюха инопланетянина невнятное бормотание Проныры.

Хью обомлел — из свежевырытой ямы торчали чьи-то башмаки. Потянув их, Мечтатель вытащил из могилы едва живого от ужаса Проныру Гарри. К сожалению, ни один сотрудник мистера Гиннесса не присутствовал при сем, и первое в истории человечества воскрешение негодяя осталось безызвестным историческим фактом.

— Где напильник, идиот?

Схватив инструмент, Хью кинулся на ящик, как матадор на быка. Гарри зажмурился. Лязгнув, отлетела крышка снарядного ящика.

— Картофель!.. — изумленно ахнул Хью.

И тотчас мощный „взрыв" поднял его в воздух и принялся бить обо что-то брыкающееся и визжащее. Хью раскрыл глаза — рассвирепевший Джек Горилла, словно два ковбойских сапога, из которых выколачивают пыль, что было мочи колотил гангстеров друг об друга!

— Джек, мы всего лишь хотели полакомиться картофелем! — истошно закричал Хью.

Чак вставил ключ в замочную скважину и попытался открыть дверь. Но она не поддавалась.

— Что за черт, неужели не тот ключ?

Он недоуменно дернул ручку двери, и она неожиданно отворилась. Только тогда бывший полицейский обнаружил следы взлома.

В доме определенно побывали воры. Выхватив револьвер, Чак осторожно прошел на веранду.

„Никакого погрома, ничего — ящики закрыты и вещи на своих местах".

Чакворд повернулся к электрической плите. Прямо на конфорке лежал тюк, упакованный в целлофан и туго обвязанный шпагатом. А сверху — письмо в бледно-розовом конверте. Чак прочитал его: „Мистер Чакворд, приношу извинение за моих людей. Бруно".

Чак разорвал упаковку свертка — он был набит твердыми, как плитки шоколада, пачками стодолларовых купюр.

— Неплохо, неплохо, эта рыбина весит уже десять миллионов долларов, — усмехнулся Чакворд. — Два нефтяных фонтана для одного огорода — совсем неплохо. Теперь нельзя терять ни минуты.

Чак перетащил тюк в „сааб", обвел суровым взором окрестности, как это делает пехотинец, перед тем как выпрыгнуть из окопа.

„Мафия умеет считать деньги. Ее люди наверняка где-то здесь. Где? Сейчас мы это узнаем".

Чак хладнокровно тронул машину с места.

Такого же самообладания явно не хватало Горилле — его „Бентли-турбо-Р" выскочил из придорожных кустов, как кобель из будки.

Проныра с Мечтателем, лежавшие под попоной на заднем сиденье, при этом тревожно замычали, подобно коровам в фермерском фургоне — их глотки были забиты кляпами, а конечности крепко связаны пеньковой веревкой.

Следом за „бентли" тронулся обшарпанный „форд" с пожилым негром за рулем, на которого никто не обратил внимания.

Вырвавшись за пределы города, Чак долго гнал машину по автостраде, пока не свернул на проселочную дорогу, где отлично знал каждый поворот.

„Ну, парень, начали!" Он насмешливо посмотрел в зеркальце заднего вида, где отражалась машина гангстеров.

Чакворд вдавил акселератор в пол. Стрельнув глушителем, „сааб" уверенно пошел вперед. Тяжелый „бентли" мчался за ним с упорством гончей, преследующей зайца. Но остервенение гангстера не шло ни в какое сравнение с мастерством гонщика. Не вписавшись в поворот, „бентли" пошел считать придорожные столбы.

Проклятия Джека и дикое мычание его пассажиров, ревевших, как обезумевший скот в грузовике, заглушили удары лимузина об ограждение. Пощекотав лакированным бортом последний столб, он застыл на обочине.

— Проклятый шпик! — заорал не своим голосом Горилла, выскочив из машины.

— Эй, мистер, вас подвести?

Джек обернулся на скрип тормозов потрепанного „форда". Любезно улыбаясь, из него выглядывал пожилой негр с прямыми, как у белого, волосами.

— Норман! — взвизгнул Джек.

В ту же секунду он бросился на машину детектива, но еще раньше Майк дернул ее вперед. Свирепый гангстер, пролетев до середины шоссе, плюхнулся пузом на асфальт.

— Пока, дядя! — донеслось из открытого окна „форда".

...Незаметный, как чернильное пятно на заднице трубочиста, „форд" следовал за „саабом". Остановив машину, не подозревающий о слежке Чак

взвалил на плечи тюк с пятью миллионами долларов и, прихватив складную лопатку фирмы „Оливер", пошел на край кукурузного поля к развалинам старого силосного бункера.

Крадучись между высоких, шуршащих, как сигаретная бумага, стеблей кукурузы, Майк последовал за ним.

„Один — ноль в мою пользу", — усмехнулся Майк, наблюдая за тем, как старательно Чак закапывает деньги.

Это имя ассоциировалось в его сознании со свистом гангстерских пуль и ревом гоночных моторов. Сколько перестрелок и погонь они прошли плечом к плечу, гордо соперничая друг с другом, — два лучших детектива, два отчаянных гонщика.

„Хотел бы я посмотреть на твое лицо, май фрэнд, когда ты узнаешь, как неудачно спрятал свои доллары". — Майк поднес к глазам бинокль.

Закончив свое дело, Чакворд возвращался к машине. Он шел налегке, оставив в развалинах даже складную лопату. Майк бросился к „форду", прислушиваясь к тому, как заурчал мотор „сааба", оставленного в кукурузе. Дав ему вырулить на шоссе, Майк осторожно выехал из лесопосадки.

„Разрази меня гром! Этого только не хватало!" — Норман крутил головой во все стороны, ища „сааб". Но напрасно. Как сквозь землю провалился.

„Один — один, — прошептал Майк, облизнув мгновенно высохшие губы. — Черт бы тебя побрал, май фрэнд!"

А в это время темно-синий „сааб" несся по автостраде со скоростью, гарантировавшей ему отрыв от любого преследователя. В багажнике ма-

шины лежала банковская ссуда в пять миллионов долларов, предназначавшаяся хозяину „шкатулки".

Майк Норман обшарил весь Нью-Йорк, все закоулки, где только мог оказаться Чак. Но поиски не увенчались успехом. Не хотелось думать, что в это самое время он мог уже находиться во власти таинственного хозяина „шкатулки смерти".

Неделю спустя Майк узнал о предстоящих гонках дрегстеров.

„Если Чак жив, он непременно приедет", — решил детектив и не ошибся.

В списке участников он нашел его фамилию. Тяжелое предчувствие овладело Майком. Ему самому не раз приходило в голову, что лучшая смерть для автогонщика — смерть за рулем гоночной машины под рев толпы, пришедшей за него болеть, под музыку и захватывающий лай спортивного комментатора.

„Если Чакворд задумал самоубийство, все произойдет на предстоящих соревнованиях", — с мрачной отрешенностью подумал Майк.

Все, что он мог сделать в этой щепетильной ситуации, — подать заявку на участие в гонках, чтобы быть рядом с Чаком и попытаться повлиять на события, если они примут трагический оборот.

XII

Состязание монстров

О дрегстер — пугающий и притягивающий робкие души! О дрегстер — забава свихнувшихся гонщиков, извращенная мечта конструкторов — некое подобие ажурной стрелы подъемного крана с крошечными передними и огромными задними колесами, машина с умопомрачительным рывком, с перегрузками большими, чем в космической ракете! Чтобы не потерять сознание еще на старте, гонщики дрегстеров надевают кислородные маски, которые делают их похожими на пилотов реактивных „фантомов".

Именно на такой машине, словно специально созданной для самоубийства, предстояло сегодня выступать Норману.

„Отличное лекарство от секса, — усмехнулся Майк, подтягивая страховочные ремни, — после дрегстеров не скоро захочешь бабу".

Резко подгазовывая, чтобы прожечь свечи, Майк искоса смотрел на дрегстер Чакворда. Пока что Чак все делал по правилам. И это было сейчас самое главное, все остальное — второстепенно. Впервые Майк лишь вполглаза следил за судейским флажком, в то время как гонщику следовало бы впиться в него взглядом голодного пса, ожидающего команду „фас".

Старт!!! Жуткий грохот оглушил трибуны ме-

теорами, пронзающими небо, дрегстеры рванулись вперед. И тут Майк увидел болтающийся ремень безопасности Чакворда.

Дрегстер Чака вильнул и пошел на ограждение. Не задумываясь, Майк сцепился с его машиной и нажал гашетку тормозного парашюта. Это несколько замедлило скорость обоих дрегстеров. Но они продолжали нестись на ограждения, как двое парашютистов, падающих на одном парашюте. Удар! Ремни врезались в тело! В следующую секунду Майк был уже возле Чакворда.

— Это я — Норман, ты узнаешь меня? — Майк приподнял окровавленную голову гонщика. — Чак, ради Бога, где „шкатулка"?

Разбитые губы гонщика дрогнули:

— Скажешь, что ты от меня насчет „шкатулки", телефон... — Чакворд назвал номер. — Приподними меня, — попросил он.

Майк приподнял его туловище и потянул вверх, давая возможность умирающему гонщику увидеть застывшие в ужасе трибуны, пляшущие над ним, и флаги спортивных клубов, несущуюся к месту катастрофы „скорую".

— Все так, как я хотел, Майк. Все отлично! Позаботься о Поле. Прощай! — Чак умолк.

Майк взглянул в низ его кабины и понял, почему не смог поднять гонщика с кресла. Его перебитые ноги зажало, а торс был проткнут титановой балкой.

— Прощай, дружище, — прошептал Майк.

— Ну, как ты провел время с миссис Салли, Майк? Не правда ли, она милашка? — рассмеялась Моника, нахально разглядывая осунувшееся лицо детектива.

— Вы не на студенческой вечеринке, мисс, потрудитесь соблюдать субординацию, — сухо ответил Майк.

— Ай, извините, сэр, я совсем забыла, вы руководитель операции „Шкатулка с поцелуями", а я ваша подчиненная, — притворно улыбнулась секретарша. — Какие будут указания?

— Моника, — нахмурился Майк, — я только что похоронил друга. Его убила эта самая „шкатулка", и я клянусь, что она больше никогда никого не убьет! Теперь я знаю, как до нее добраться. Едем!

„На этот раз я получу все — и „шкатулку", и труп легавого!"

Бруно Капельяно повернул башню „бегемота" чуть вправо, чтобы лучше видеть Нормана, усаживающегося в автомобиль с какой-то красоткой.

— Не подведи, парень. — Кап звонко хлопнул по округлому металлу, словно это была задница официантки.

„Бегемот" был любимым детищем короля гангстеров. Снаружи он ничем не отличался от обыкновенных ассенизаторских машин, зато внутри поражал воинственным совершенством. В цистерне „бегемота", прильнув к бойницам, скрывались бандиты Капа, а сам он в окружении „безголовых" восседал в башне.

— Вперед, ребята! Не отставайте от легавого! — приказал Кап.

Взревев сверхмощным мотором, „бегемот" рванулся вдогонку за „фордом" Нормана.

— Эй вы... нельзя ли потише? — заорал на бандитов водитель такси, едва увернувшийся от „бегемота".

— Босс, разрешите я его пристрелю? — заскрипел зубами Джек Горилла.

— Вперед! Газу! Газу! — заорал Кап. — Легавый знает, где „шкатулка". Возьмите его живьем, ребята!

Раздразнив гангстеров, Майк еще прибавил ходу. Его каскадерские глаза впились в дорогу, ища способ расправы с преследователями. И тут он увидел вторую ассенизаторскую машину. На хорошей скорости она шла в попутном направлении. Обойдя ее, Майк затормозил. Ассенизатор, избегая наезда, резко вильнул влево, подставив свой бок „бегемоту"!

Удар был страшен! Машины опрокинулись и с жутким грохотом покатились, как сбитые кегли. Нечистоты хлынули на улицу. Барахтаясь в них, „безголовые" походили на мальчишек, ловящих на мелководье раков.

— Проклятый хулиган, мы еще встретимся, — шептал чуть не плача Кап, сидя с вывихнутой ногой в вонючей жиже.

Оставив гангстеров далеко позади, Майк с Моникой помчались дальше — туда, где их ждала „шкатулка". За несколько кварталов до виллы ее хозяина Майк пересел в такси, поручив девушке незаметно прикрывать его.

Хозяином „шкатулки" оказался Рольф Мозугар — изысканно одетый мужчина средних лет с несмываемой улыбкой японца и блудливыми глазками зазывалы из борделя.

— Вас не удивляет, Норман, что преступник передает вам свой телефон через свою же жертву? — Мозугар не спеша закурил сигарету.

— Пожалуй, — согласился детектив, с трудом подавляя ненависть к этому человеку.

— Все не так просто, Норман. Мне придется начать издалека, иначе вы ничего не поймете в феномене „шкатулки". — На худощавом лице Мозугара появилась улыбка, неуместная, как плевок в театре. — Как вы думаете, Норман, — продолжил он, — за каким чертом прилетают к нам инопланетяне на своих НЛО? Из праздного любопытства или, может быть, за нашим золотом? Вы удивитесь, Норман, они прилетают за самоубийцами. Это самый ходовой товар на черном рынке Галактики.

— Что-то не возьму в толк, зачем им самоубийцы, Мозугар?

— Все очень просто. Когда человек добровольно — именно добровольно и осознанно — уходит из жизни, остаются недожитые годы, недоиспользованный потенциал, который можно выгодно продать. Раньше инопланетянам хватало естественных самоубийц. Но сейчас спрос превысил предложение, и они применили новейший биоэнергетический робот.

— „Шкатулку с поцелуями"?

— Да, они провели серьезные исследования. Подсчитали, сколько времени за свою жизнь мы проводим в сортире, сколько пребываем в меланхолии, сколько бываем счастливы. Так вот, оказалось, что счастливые мгновения человеческой жизни — действительно всего лишь мгновения — не дни, не годы, а какие-то вшивые минуты. Любовный экстаз с одной — десять секунд, с другой — восемь, выигрыш в лотерее — минута. В общей сложности не набегает и получаса.

— Хорошего выигрыша хватит надолго, Мозугар...

— Денег, может быть, хватит, а счастья, ди-

кого экстаза, нет. То же самое с женщинами, Норман. Так уж паскудно устроен человек — как только он получает желаемое, оно немедленно превращается в обыденность. Так вот, „шкатулка" выдает триста человеческих норм счастья. Вдумайтесь, Норман, мои клиенты получают триста жизней вместо одной, к тому же частично использованной. Они получают только то, ради чего стоит жить. Плохо это или хорошо? Кто я — мерзавец или благодетель?

— Благодетель, отправляющий людей в петлю или под поезд... — Майк сурово нахмурил брови.

— При чем здесь я? Люди не хотят возвращаться в рутину, поэтому кончают жизнь самоубийством, это их право. „Шкатулка" не закрывает им горизонты, напротив, она расширяет гамму их чувств, дает сверх положенного, человеческого, счастье разных тварей. Вам никогда не хотелось стать, например, орлом, Норман?

— Вы — антихрист, Мозугар, вы торговец человеческими душами.

— Я — овечка, я никого не принуждаю пользоваться услугами „шкатулки". А ведь она могла бы достаться какой-нибудь гангстерской шайке. Вот тогда...

— А вы не боитесь иметь дело с полицейским, Мозугар? — перебил Майк.

— До вас здесь уже побывало немало полицейских. Был даже один, пытавшийся меня разоблачить, тот самый, что рекомендовал вас, — Чакворд.

Майк на минуту задумался. Итак, человек берет кредит в пять миллионов, заведомо зная, что не вернет их. Деньги он отдает оператору

„шкатулки", после чего кончает жизнь самоубийством.

— Держу пари, Норман, вы захотите посостязаться со „шкатулкой".

„Шкатулку" надо уничтожить! Но для этого придется рискнуть.

— Вы правы, Мозугар, я согласен.

— Хорошо, Норман. Сейчас вам завяжут глаза, и мы поедем в одно укромное местечко. Но сначала вам придется раскошелиться.

— Пять миллионов долларов ждут вас, Мозугар, — с холодной решимостью ответил Майк.

Когда после многочасовой езды на автомобиле с глаз Майка сняли повязку, он увидел нечто похожее на автостоянку. На некотором удалении друг от друга стояли автофургоны, связанные электрическими кабелями с какими-то странными конструкциями.

— Сюда, Норман, — жестом радушного хозяина Мозугар распахнул дверь фургона. — Входите, Норман, устраивайтесь поудобнее.

„Так вот она, „шкатулка", — со смешанным чувством страха и любопытства Майк разглядывал инопланетного робота — белый шар с большими фиолетовыми глазами, шар-убийцу.

Опустившись в мягкое кресло, детектив приготовился к схватке. Внезапно стены и пол фургона исчезли. Майк шел по теплой, прогретой солнцем земле...

Эротические видения сверхъестественной яркости сменяли друг друга, и Майк понял — их шоковый экстаз нужен для того, чтобы выжечь в клиентах нормальные человеческие эмоции, лишившись которых, они неизбежно придут к мысли о самоубийстве.

Норман собрал всю свою волю, пытаясь отогнать дьявольское наваждение. Бесполезно. Сатанинский огонь продолжал безжалостно выжигать душу. Майк попытался вскрикнуть, но спекшийся, как кровяной бифштекс, рот рыбьим безмолвием отвечал страждущему разуму. Превозмогая боль, Майк оторвал от неба разбухший язык, словно заскорузлую повязку с раны.

— О Боже, яви лик свой! — прошептал он.

И тотчас золотые лучи коснулись его глаз. Майк увидел голубой нимб и опечаленный нашими грехами лик Господа. Всего секунду длилось видение, но этого было достаточно. Разжиженная воля Нормана обрела твердость застывшего металла. Майк упер в „шкатулку" свой взгляд, в котором светилась дарованная ему божественная сила.

Зеленые глаза человека и фиолетовые биоробота встретились в смертельном поединке. И „шкатулка" не выдержала. Биоэнергетические щупальца робота, опутавшие мозг Майка, разжались.

Внутри „шкатулки" полыхнуло пламя. Майк кинулся на улицу, слыша за спиной взрывы и отчаянные крики людей Мозугара. Перемахнув через ограду, Норман рванулся к шоссе.

Запрыгнув на ходу в кабину „форда", он устало откинулся на сиденье.

— Вперед, Моника, — приказал он, — со „шкатулкой" покончено.

— Кто вы, сэр? — Поль Чакворд недоверчиво посмотрел на подошедшего к нему небритого мужчину с опаленными ресницами и бровями.

— Ты должен меня помнить, сынок, я — Норман, друг твоего отца. — Майк ласково положил руку на плечо юноши.

— Я, кажется, помню, сэр, ведь это вы подарили мне кусочек черного металла.

— Поль, ваш „сааб“ еще цел?

— Да, сэр.

— Держи, — Майк протянул юноше карту, — здесь твой маршрут, Поль. В развалинах силосного бункера найдешь складную лопату фирмы „Оливер“ и еще кое-что, оставленное твоим отцом. Думаю, его подарок пригодится тебе больше, чем мой. Будь счастлив, Поль, да хранит тебя Бог.

Вернувшись вечером в отель, Норман нажал кнопку автоответчика.

— Майк, если хочешь развлечься, приходи в нашу комнатушку. Ровно в девять, понял, супермен? — услышал он насмешливый голос секретарши.

Забыв об усталости, Норман помчался к Монике.

Но что это?! Майк замер на пороге с поднятой ногой, как человечек, нарисованный на указателе пешеходного перехода, — в постели, облапав секретаршу, лежал Морли.

— Извини, Майк, — смущенно сказал шеф.

— Красиво жить не запретишь, — ответил Майк, смахнув со своего носа хохочущего желтого чертика. — Позволю себе заметить, сэр, женщина, отдающаяся мистеру А, чтобы позлить мистера Б, все-таки в большей мере принадлежит последнему...

— Похотливые ублюдки! Грязное мужичье! Вон отсюда! — Моника вскочила с постели и, раздавая направо и налево оплеухи, вытолкала за дверь обоих.

— Сэр, я все-таки в лучшем положении: на

мне брюки, а ваши — там, — как бы между прочим заметил Майк.

Отодвинув в сторону пишущую машинку и отключив магнитофон, я постарался выкинуть из головы предостережение сиделки. В рассказах Майка упоминалось немало реальных врагов, не заинтересованных в публикации книги. При чем здесь инопланетяне?!

Погасив раздражение резкостью движений, я вогнал в черную щель магнитофона очередную кассету.

XIII
Легенда

— Вы все еще намерены выпустить мне кишки, маркиз? — Граф д'Аршаньяк насмешливо тронул свою трехгранную андалузскую шпагу, знаменитую тем, что, вылетев из ножен, она никогда не возвращалась назад, не напившись человеческой крови. Заколотых ею людей было гораздо больше, чем камней, украшавших эфес.

— Клянусь распятием, я сделаю это, граф! — Благородное лицо капитана королевских мушкетеров маркиза де Бруа побледнело. Никогда еще ангел смерти не стоял так близко за его спиной.

— И вас ничто не смущает, капитан? — Притворно улыбаясь, д'Аршаньяк повернул эфес, и блеск ваальских бриллиантов на миг ослепил мушкетера.

Преодолевая внезапную слепоту, он смело взглянул в холодные немигающие глаза д'Аршаньяка.

— Я знаю, граф, что вашим клинком управляет дьявол, но это меня не остановит. Вы публично оскорбили самое возвышенное и прекрасное существо...

— Не преувеличивайте, капитан, — перебил граф. — Я всего лишь сказал, что эта шлюха Анжелика во сто крат привлекательнее вашей

невесты. Держу пари, увидев Анжелику, вы тут же изменили бы своей замухрышке. Ха-ха!

— Молчите, граф, или я проткну вас. — Мушкетер выхватил шпагу. Но в ту же секунду черная молния швырнула его к стене. Жалобно пискнув, клинок переломился надвое — это был удар графа.

— Проклятие! — Мушкетер отбросил бесполезный обломок шпаги.

— Честное слово, капитан, мне скучно убивать вас. — Огромная отвратительная лысая голова графа, напоминающая надутый бычий пузырь, приблизилась, и мушкетер услышал вкрадчивый шепот, похожий на шорох подслащенного яда, пересыпаемого в бокал: — Поедемте к Анжелике, капитан, и если вы устоите перед ее чарами, то на сегодняшнем приеме в Лувре можете дать мне пощечину, после чего я удалюсь из Парижа.

— А если не устою? — Капитан стряхнул на пол капли крови с рассеченной руки. — Что должен буду сделать я?

— Ничего, впрочем, после того, как Анжелика отвергнет вас... вы, скорее всего, не переживете этого и покончите с собой. Ну что, по рукам?

Мушкетер не ответил. Та легкость, с которой граф готов был распорядиться своей судьбой в случае проигрыша, настораживала. Но, с другой стороны, подкупал и выигрыш. Кто помешает ему сказать „нет" Анжелике, будь она трижды красавица?! Соблазн легкой победы был велик. И там, где следовало призвать на помощь имя Божье, капитан решил довериться призрачному случаю, вступив в азартную игру с дьяволом.

— Я согласен, — сказал маркиз, преодолевая сопротивление вдруг затвердевшей челюсти.

И тотчас его ладонь сжало с такой силой, словно она попала в щель между причалом и бортом фрегата. Тоскливое чувство отколовшейся льдиной царапнуло сердце мушкетера, но было поздно что-либо менять.

— Леонардо, карету! — приказал граф.

С учтивым поклоном он пригласил капитана к выходу из трактира „Веселая цветочница", где происходила эта встреча.

Когда окованные железом ворота замка Дегре беззвучно раскрылись перед графской каретой, капитан увидел женщину в яркой пурпурной юбке, идущую навстречу. Это была Анжелика. По мере того как она приближалась, радостное волнение все больше охватывало мушкетера — она явно уступала его невесте.

— Выиграл! — воскликнул капитан, но лишь глухой клокочущий звук вырвался из его судорожно сжавшегося горла.

Ноги мушкетера затряслись, язык вывалился наружу. Часто-часто дыша, он вцепился в блузку Анжелики, дернул ее. Из разорванной ткани, как две спелые груши, выпали золотистые женские груди.

— Ха! Ха! Ха! Проиграл! — Безобразная голова д'Аршаньяка затряслась от смеха, словно круп лошади на каменистой дороге.

— Граф! Уберите этого взбесившегося кобеля! — завизжала Анжелика.

Д'Аршаньяк подал знак, слуги бросились к капитану, поволокли его от женщины.

— Прочь, свиньи! — Расшвыряв лакеев, мушкетер снова ринулся к Анжелике, но, налетев на д'Аршаньяка, остановился в нерешительности.

Граф стоял между ним и женщиной, огромный, непоколебимый, как надгробное изваяние.

— Грязный пес! — Подняв кнут, граф хлестнул мушкетера по лицу.

Сжигаемый неудовлетворенной страстью и неслыханным унижением, маркиз двинулся к воротам под улюлюканье графских лакеев. Здесь он вонзил рукоять кинжала между досками ворот и с силой толкнул их. Распахнувшись, они ударились об ограду и снова стали смыкаться подобно железной пасти с единственным зубом — остро отточенным мушкетерским кинжалом.

Капитан поднял голову. Притихшие слуги услышали, как проскрежетало по ребрам лезвие кинжала. Тело капитана повисло на тяжелых воротах. Продолжая двигаться, они потащили его дальше, оставляя глубокие следы от волочащихся шпор. Лицо капитана было обращено к небу, а холодеющие губы шептали запоздалую молитву.

— Вот она — юбка, которая дает власть над родом мужским. — Граф задумчиво погладил пурпурную ткань. — Как видите, дорогая, я не обманул вас. — Д'Аршаньяк налил искрящееся вино в бокалы. — Имея эту юбку, вы будете обладать всеми мужчинами мира. Они будут бежать за вами, как стая кобелей, будут из-за вас драться и кончать жизнь самоубийством.

— Так вот для чего вы привезли сюда несчастного мушкетера! — догадалась Анжелика.

— Да, я хотел, чтобы вы убедились в безграничных возможностях юбки.

— Я от нее без ума, но какова будет плата, граф?

— Вы проведете со мной ночь, госпожа.

— И только? — Женщина отхлебнула глоток вина, не отводя глаз от трясущихся рук д'Ар-

шаньяка, — как видно, чары пурпурной юбки не обходили стороной даже его.

— Это будет не обычная ночь, Анжелика, — зловеще произнес д'Аршаньяк.

— Не пугайте, граф, за юбку я согласна на все.

— Ну, если так, ждите меня в беседке у пруда ровно в полночь. — Поклонившись, д'Аршаньяк удалился, тихо закрыв за собой дверь.

Нежась в прохладных лучах восходящей луны, Анжелика лежала на софе, вынесенной в графский парк, умащивая себя благовониями. Близилась полночь, а ей все не удавалось побороть отвращение, которое вызвал у нее д'Аршаньяк. Порой ее охватывала противная нервная дрожь, и она готова была бежать прочь из графского парка. Но соблазнительная легкость приобретения дорогой вещи каждый раз останавливала Анжелику. О, если бы она знала, какой ценой придется заплатить за обновку!

Неожиданно она услышала за спиной тяжелый топот и треск ломающихся сучьев. Из кустов сирени, окружающих пруд, вышел свирепый слон с головой д'Аршаньяка. Он шел на нее, задирая свой длинный, налившийся кровью хобот, которому в собственной шкуре было тесно, как пробке в бутылочном горлышке.

Подхватив Анжелику, он швырнул ее в воздух. Падая, она почувствовала, как ужасный хобот входит в нее, раздирая тело. Она пыталась закричать, но крик заглушил страшный хохот д'Аршаньяка, и Анжелика поняла, что это только начало...

Наутро слуги нашли Анжелику под садовой скамейкой в луже крови. Дрожащей рукой она

прижимала к себе пурпурную юбку, которой предстояло пройти сквозь годы и страны, оставив страшный след на многих человеческих судьбах.

— Боже милостивый! Пятьдесят тысяч долларов за старую юбку! Ты в своем уме, Элен? Тебя облапошили, как последнюю провинциалку из Кентукки! — Мей Ровальдини презрительно отвернулась от подруги, словно проститутка от нерасплатившегося клиента.

— Не считай меня дурой, Мей, это не простая юбка. — В голосе Элен Райт зазвучала снисходительность простака, случайно выигравшего у шулера. — Это юбка самой Анжелики, моя милая.

— Какой еще Анжелики? — не поняла Мей.

— Одной шлюшки, которая жила в те времена, когда было еще не принято носить панталоны. Она прошла по жизни, утопая во французских духах и мужской сперме. Мужики бегали за ней толпами. А все из-за этой самой юбки, Мей!

— Бред какой-то! Наверняка эту басню придумал старьевщик, который подсунул ее тебе. — Мисс Ровальдини брезгливо ощупала затейливые складочки юбки.

— Черта с два! Если что не так, старьевщик обещал отдать мне деньги обратно.

— Выключай телевизор, Элен, и немедленно поехали за деньгами. Не удивлюсь, если твой старьевщик исчез из Нью-Йорка вместе со своей антикварной лавочкой.

— Ну уж нет, Мей, сначала я хочу кое на ком ее испытать. — Элен приложила к талии пурпурную юбку и кокетливо повернулась перед зеркалом.

— Ты сумасшедшая! Хорошо, я поеду к старьевщику одна! — Громко хлопнув дверью, мисс Ровальдини покинула подругу.

Не доходя до антикварной лавки, мисс Мей замедлила шаг. За стеклянной витриной она увидела мужчину с большой, отвратительной головой, похожей на надувной бычий пузырь. Он стоял у окна, скрестив на груди руки, и молча разглядывал мисс Ровальдини. Поддавшись безотчетному страху, она ускорила шаг, перешла на другую сторону улицы и побежала прочь от антикварной лавки.

Одиночество городской квартиры располагало к некоторым вольностям. Элен Райт сняла лифчик. Распустив волосы, она обнажилась, оставшись в одних футбольных кедах, и вдруг услышала скрип кожаного кресла, приплюснутого здоровенным задом. Элен обернулась. За ее спиной сидел слон с головой хозяина антикварной лавки. Его налившийся кровью хобот нетерпеливо подрагивал и ерзал по спинке дивана.

— Что за черт? Откуда ты взялся, урод? — Игнорируя свою наготу, Элен уперла руки в бока и повернулась к слону.

— Я пришел за доплатой, — сказало существо. — Юбка стоит дороже того, что вы заплатили.

— Убирайся отсюда, пока я не открутила твои слоновьи шары, — прошипела Элен. Ее глаза сузились, как у разъяренной кошки.

— Лучше не злите меня, миссис, иначе я возьму доплату натурой. — В голосе незваного гостя зазвучали отнюдь не травоядные нотки. Его хобот, как крадущийся удав, пополз к миссис Райт, ухватил ее за ногу.

— Получай, подонок! — Миссис Райт угодила футбольным ботинком прямо в гениталии пришельца. Такому удару позавидовал бы сам Пеле.

— О!!!.. Ах ты ведьма! — взревел слон.

Опрокидывая мебель, он бросился за женщиной, но на беду поскользнулся, и Элен отлично воспользовалась его оплошностью. Изловчившись, она защемила гениталии непрошеного гостя дверью кухни.

— Ой! Ой! — взвыл пришелец.

— Терпи, подонок! — Элен что было сил навалилась на дверь.

— Пусти, стерва! — Вырвавшись, слон снова ринулся за женщиной. Взломав перегородку, он наконец настиг ее в ванной. — Ага! Попалась! Как ты посмела прищемить мои благородные... шлюха! Ну все, сейчас ты узнаешь мой...!

Слон не договорил. Пачка стирального порошка заткнула его широко разинутую пасть. Слон выпучил глаза.

— Бы! Вуль! — бессвязные звуки вырвались из его горла вместе с множеством мыльных пузырьков.

Миссис Райт выскочила на площадку и, прижимая к себе пурпурную юбку, помчалась вниз, не дожидаясь лифта.

— Совсем распоясались эти нудисты, — пробурчала пожилая леди, провожая взглядом голую женскую фигуру, вприпрыжку бегущую по лестнице.

— Полиция! Где полиция! — закричала миссис Райт, выбежав на улицу.

Переступив не без некоторого трепета порог Управления полиции, Элен Райт вошла в кабинет вызвавшего ее детектива.

— Бог мой! Кого я вижу! Неужели это вы, мистер Норман? Ради встречи с вами я готова пережить еще один погром своей квартиры. Надеюсь, вы не забыли, как мы с вами обломали рога этому подонку — Джеку Потрошителю? — воскликнула миссис Райт, увидев поднимавшегося навстречу ей мужчину.

Да, это был он — знаменитый детектив Майк Норман — живая легенда нью-йоркской полиции.

— Такое не забывается. Садитесь, Элен, — пригласил Майк. Равнодушно выслушав сбивчивый рассказ миссис Райт, детектив положил перед ней фотографии двух мужчин. — Узнаете, Элен?

— Еще бы не узнать! — Глаза миссис Райт в черных разводах косметики гневно сверкнули, словно молнии за пологом туч. — Это отвратительные типы, мистер Норман, мне даже противно смотреть на их фотографии.

— Чем же они провинились перед вами, Элен, должно быть, донимали своими ухаживаниями? — как можно безразличнее спросил Майк.

— Хуже, мистер Норман. Они меня игнорировали. Один назвал меня уродкой, другой сексуально озабоченной мочалкой. Это я-то мочалка?! Мерзавцы! Ну уж я их проучила, будьте спокойны, мистер Норман. Есть у меня одна юбочка, которая очень им понравилась...

— Та самая, за которой приходил слон, то есть антиквар? — как бы невзначай спросил Майк.

— Она самая, мистер Норман. Вы бы видели, как эти пижоны ползали за мной через поле для гольфа, просили прощения и умоляли хотя бы

взглянуть на них. Я плюнула в их поганые рожи, мистер Норман!

— И тем обрекли их на самоубийство, — с отрезвляющей холодностью произнес детектив.

— Самоубийство? Черт побери! Они снова мне напакостили! Подонки! Объясните, мистер Норман, как это люди ухитряются, даже падая, давать другим оплеухи? Вы теперь засадите меня в тюрягу, Майк?

— Элен, я поступлю так, как мне велит совесть и закон...

Резкий сигнал тревоги не дал Норману договорить. Схватив оружие, он помчался в кабинет начальника полиции Морли.

XIV
Атомный шантаж

Быстрый и сокрушительный, как бронебойная пуля, Норман ворвался в кабинет шефа:

— Сэр, я думал, на вас напали террористы. — Детектив исподлобья осмотрел присутствующих.

— Так оно и есть, Майк. Докладывайте, Стивен, — приказал Морли своему помощнику.

— Сэр, мы располагаем весьма скудными данными. Группа террористов захватила в России шахту с ядерной ракетой и нацелила ее на нас. Прилегающие земли они объявили суверенным государством Чувляндия. Авантюристы требуют огромный выкуп, а также установления в Соединенных Штатах авторитарного режима во главе с их представителем по фамилии Даршаньяков. В случае невыполнения этих условий они угрожают уничтожить Нью-Йорк. — Стивен умолк.

— Что скажете, Норман? — Шеф полиции почесал в затылке с таким видом, словно именно в него была нацелена русская ракета.

— Сэр, я не вполне понимаю, при чем здесь полиция? По-моему, это дело военных. Пусть высадят десант, черт возьми! — Майк раздраженно посмотрел на генерала ВВС Дика Прустера, сидевшего по левую руку от Морли.

— Мистер Норман, — генерал выдержал этот взгляд, — настоящих солдат у меня не больше, чем у мистера Морли настоящих полицейских.

— Майк, — шеф полиции подошел к детективу, — военные считают, что только ты можешь справиться с этой шайкой. Откровенно говоря, я тоже того же мнения. Немедленно вылетай в Россию. Русские спецслужбы тебе помогут. А нам здесь остается только молиться за тебя.

— Не думаете ли вы, сэр, что я один в состоянии заменить всю армию, весь флот, а заодно и полицию Соединенных Штатов, черт бы вас всех подрал! — Громко хлопнув дверью, детектив вышел из кабинета шефа.

Расстроенный, как рояль, упавший со второго этажа, Майк вернулся в свой кабинет.

— Что, нарвался на неприятности? Надеюсь, тебя-то не упекут в тюрьму, Майк? — с сочувственным ехидством спросила миссис Райт.

— Неприятности у Нью-Йорка, Элен.

Детектив включил телевизор. По всем программам, словно лай потревоженных собак, неслось дикторское разноголосье — передавалось чрезвычайное правительственное сообщение об атомной угрозе, нависшей над Нью-Йорком.

— Не обращай внимания на эту возню, Майк. — Элен подошла к двери и закрыла ее. — Тебе надо малость расслабиться. В твоем состоянии могут помочь две вещи — вино и женщины. Последнее, правда, предпочтительнее.

С бесстыжей улыбкой она сбросила с себя одежду. Пораженный Норман увидел отвисшую грудь, которая не вызвала у него сексуального подъема.

— Сейчас, сейчас, — пропела миссис Райт, извлекая из сумки пурпурную юбку.

И тут темная животная сила, которой цивилизованные мужчины управляют не хуже, чем своим автомобилем, вырвалась наружу. Глаза у

Майка выкатились на лоб, он начал лихорадочно раздеваться. Оставшись при кобуре и носках, он на коленях пополз к миссис Райт.

— О, несравненная! — заговорил он чужим высокопарным стилем. — Дай насладиться тобой!

— Так и быть, можешь поцеловать мне руку? — Миссис Райт милостиво протянула пальчик, и Норман с жадностью облобызал его. — А как насчет тюряги, Майк?

— О, несравненная, такому не бывать! — с жаром ответил детектив.

— Ну хорошо, одевайся, Майк. — Вильнув задницей, Элен стащила с себя юбку Анжелики и сунула ее обратно в сумку.

— Черт побери, черт побери! — бормотал Норман, медленно приходя в себя. — Я кобель или полицейский? Нет, я полицейский кобель. Хорошо еще, что она не заставила лизать ей...

— Ну как, полегчало? — Элен попыталась унять распиравшее ее самодовольство.

— Так, значит, юбка Анжелики не плод вашего воображения, Элен?

— Я могла бы еще кое-что показать вам, Майк.

— Послушайте, Элен, вы со своей юбкой должны помочь мне в одном чертовски важном деле.

— В этом? — Миссис Райт кивнула на надрывающийся экран телевизора.

— Речь идет о спасении Нью-Йорка. И в нашем распоряжении меньше суток.

— Хорошо. Я еще не забыла русский язык, заказывайте билеты, знаменитый сыщик.

— На сей раз билеты нам не понадобятся, Элен.

Генерал ВВС Дик Прустер сидел в пилотской кабине невидимого бомбардировщика „стелз", про-

клиная сумасшедших русских, — вместо того чтобы охранять свой ядерный арсенал, они дерут глотки на митингах! Впрочем, мягкотелые американские политики вызывали у него еще большую ярость. Почему они не разнесли в пыль эту вонючую Чувляндию, почему ведут какие-то дурацкие межправительственные консультации, когда надо ударить! Но ничего, то, что не могут сделать политики, сделает он — Дик Прустер. Если миссия Майка Нормана закончится неудачей, он поднимет в воздух свою невидимую машину и возьмет курс на Чувляндию. Ультиматум террористов истекает в полночь. За десять минут до этого на их головы обрушатся атомные бомбы. А там будь что будет!

Россия встретила Нормана моросящим дождем. По дороге в гостиницу Санкт-Петербурга Майк взглянул в окно и пережил то, что выпадает на долю археолога, обнаружившего в джунглях прекрасный ацтекский храм.

Город был сказочно прекрасен! Но Майк не мог отвлекаться. Часовая стрелка двигалась с неотвратимостью падающего снаряда, и, чтобы ухитриться поймать его в свою шляпу, требовалась быстрота жонглера и изобретательность фокусника.

— Мистер, включите, пожалуйста, радио, — попросил Норман русского офицера, сидевшего за рулем.

— Срочно куплю машину, дачу, гараж за СКВ, обращаться к Михаилу Норману по адресу... — буднично произнес диктор.

— Что? Что такое? — подскочила миссис Райт. — Это русский розыгрыш, или ты собрался обосноваться в Петербурге, Майк?

— Я бы у них не прижился, Элен. Здесь не

любят тех, кто умеет хорошо зарабатывать. Они говорят так: «Пусть лучше у меня поросенок сдохнет, чем сосед купит „Запорожец“».

— Что такое „Запорожец“, Майк?

— Нечто среднее между сенокосилкой и самоваром.

— Мне не до шуток, Майк.

— Видите ли, Элен, ни мы, ни русские ничего не знаем о Чувляндии, кроме того, что это кусок леса вокруг атомной ракеты. Подумайте, стоит ли туда соваться с нашими нью-йоркскими рожами?

— Вы правы, Майк, вряд ли террористы устроят нам пышные похороны.

— Поэтому мне нужен помощник из местных уголовников — смышленый и по возможности честный малый. И он у меня будет ровно через сорок минут.

— Майк, в самолете ты слишком близко сидел от иллюминатора, похоже, тебя продуло. Каким образом ты рассчитываешь его найти?

— С помощью этого объявления, Элен. В России все помешались на свободно конвертируемой валюте, так называемой СКВ. Если я собираюсь купить дачу, машину и гараж за СКВ, значит, ее у меня полно. Вот увидите, Элен, уголовники слетятся на мое объявление как мухи на мед. Мне останется выбрать из них того, который попытается ограбить меня наиболее оригинальным способом.

В гостинице Норман занял номер с видом на помойку, подпертый желобами ближайших крыш. Открыв окно, Норман швырнул в него пустую жестянку, с ребяческим интересом наблюдая, как она, прогрохотав по плоской кровле, угодила точно в стоящий внизу мусорный контейнер.

— Как раз то, что надо!

Визитеры не заставили себя ждать. Первым в

номер вошел человек средних лет в потертом пальто с бегающими свиными глазками.

— Ты, что ли, объявление давал? — Он хмуро посмотрел на Нормана.

— О да! — ответил по-русски Майк, радуясь, что прошлый визит в Россию не прошел для него даром.

— Значит, так, буржуй, — странный посетитель навел на Майка ствол самодельного револьвера, выточенного, похоже, из подковы, — гони валюту в фонд нашей партии, иначе будешь, как донышко писсуара, — весь в дырках. Да не жмись ты! Когда мы придем к власти, получишь три бесплатных машины — пожарную, „скорую" и „воронок".

— А как насчет гаража? — поинтересовался Майк.

— Гараж, само собой, — тоже наш. И на дачу мы тебя ушлем, правда на казенную. Гони свои вшивые доллары! — Визитер поднял револьвер.

— Вы что-то уронили. — Незаметным движением детектив кинул под ноги бандита револьверный патрон, и он оглянулся.

И тотчас сокрушительный удар Майка повалил преступника на пол. Из его карманов, звеня и посмеиваясь, покатились мелкие монеты. Майк сгреб негодяя за шиворот и потащил к окну.

— Ты что? Ты что задумал?! У меня освобождение! Бюллетень у меня! — искренне возмутился вымогатель.

— Скажешь доктору, что я просил его продлить. — Майк распахнул окно.

— Дяденька, прости, — с жаром сказал субъект на приличном английском.

— Собираясь отправлять людей на „казенные дачи", надо иметь крепкие нервы. Закаляйтесь, мой друг! — Детектив поставил мерзавца на под-

оконник. — Да, вот еще что, вы забыли про четвертую бесплатную машину. Сейчас она за вами прибудет...

Пинок детектива выкинул партийного функционера из окна. Громыхнув по покатым крышам, он влетел в стоящий внизу мусорный контейнер. Невозмутимый русский агент, подогнав мусоровоз, тут же втащил его в кузов.

— Ура! Жив я! — раздался из бака ликующий первомайский возглас.

— Что случилось, Майк? — Встревоженная миссис Райт вбежала в номер.

— Все хорошо, Элен. Натряс немного мелочи на трамвай, — ответил Норман, собирая с пола рассыпанные монеты.

В следующие десять минут детектив отправил в мусорный контейнер трех мордастых рэкетиров, успевших наесть брюшко. Затем поток иссяк.

Зато сразу после перерыва появился тот, ради кого и был затеян этот парад „джентльменов удачи" — молодой питерский мошенник Жорка Полтишок.

Закончив беседу с ним, Норман взглянул на часы — вся операция по вербовке агента заняла тридцать восемь минут.

— Надеюсь, вы не распаковали свой чемодан, Элен? — спросил он дремавшую в кресле миссис Райт.

— Глупый вопрос, Майк.

— Тогда немедленно в путь. В нашем распоряжении остается только пять часов.

— Пять часов до конца света, — пробурчала миссис Райт.

XV

Кабан и Николаев

Генерал Кабан ждал прибытия американского детектива так, как в России ждут только третьего, побежавшего в магазин за водкой. То и дело он подносил к глазам полевой бинокль, оглядывая дымку за лесом, откуда должен был появиться долгожданный штабной вертолет.

— Товарищ генерал, вот бы вдарить, а! От них только кишки на деревьях будут болтаться! Вон какая техника наперла! — Лейтенант Николаев кивнул на расположение гвардейских минометов, установок „Град" и тяжелых танков, сосредоточенных вокруг Чувляндии. Одного их залпа было бы достаточно, чтобы превратить всю ее территорию в кучу дымящегося праха. — Жуков Берлин брал, товарищ генерал, а мы тут Чувляндию взять не можем! Срамота одна! Тьфу! — сплюнул Николаев.

Шея Кабана побагровела.

— Молчать!!! Сопляк! — рявкнул он прямо в ухо ординарца так, что у бедняги зазвенело в голове. — Тоже мне Жуков нашелся!

— Да я что, — обиделся лейтенант.

— Ладно, прости, брат, у самого кошки на душе скребут, — смягчился Кабан. — Ну хорошо, ударим мы. — Генерал сжал могучий кулак. — Но ракета в шахте, под землей. Ей-то ни хрена

не сделается. А уж после нашего залпа они ее точно выпустят, все двадцать мегатонн. Ты в Нью-Йорке бывал, знаешь, сколько там народищу. Подумай, что тут начнется? Атомная война.

— А если у американосов нервишки не выдержат и они первыми по нам шарахнут, а, товарищ генерал?

— То-то, брат, и оно-то. Я вот думаю, не подстроил ли кто нам с американцами эту западню? — вздохнул Кабан.

Генерал Дик Прустер взглянул на часы. Его лицо стало серым и шероховатым, как расколовшийся гранит:

— Пора!

Атомный бомбардировщик „стелз", похожий на приплюснутую летучую мышь, вздрогнул и, набирая скорость, покатил на „рулежку" мимо растерянных часовых. Достигнув взлетной полосы, он рванулся вперед и взмыл, неподвластный воле оставшихся внизу людей.

А в это время в секретной шахте, на недосягаемой глубине, томился злой человеческий гений, материализованный в титан и плутоний, — ядерная ракета. Ее электронное сердце, обвитое кислородными шлангами, разноцветными жилами проводов, тихо пульсировало, ожидая своего часа.

Новоизбранный президент Чувляндии Блай Мул приложил ухо к титановой обшивке чудовища.

— Тикает, едрен корень! Ну, блин, такая рванет — кирпичи аж до Папуасии долетят!

— Нечего делать, — подтвердил, подумав, госсекретарь Дима Косоротый, сопровождающий президента. При этом на его лбу явственно проступили три извилины, которыми он обладал.

— Ну ладно, Дима, пошли, караулы проверим, — позвал президент, — а то Даршаньяков нам поддаст.

Поправив ремень автомата, Блай Мул направился к выходу из ракетной шахты.

Майк Норман тоскливо оглядел орудия, свирепых русских десантников в пятнистой форме, картофельное поле, отделявшее подразделение генерала Кабана от опушки леса, где за колючей проволокой начиналась территория самозваной Чувляндии.

Это поле миссис Райт должна была перейти с белым флагом в руках, рискуя каждую секунду нарваться на пулю.

— Элен, к сожалению, генерал Кабан не сможет дать вам провожатых, они накинутся на вас, как только вы наденете юбку Анжелики.

— Ерунда, Майк, считайте, что эти кролики уже в моей сумке. Где ваш белый флаг, давайте его сюда. Только не вздумайте сажать меня в тюрягу, если все эти мерзавцы вздумают перестреляться. Ну, я пошла. Гуд бай, знаменитый сыщик.

Президент Чувляндии Блай Мул вышел из штабного барака, которым дорожил не более, чем собака вырытой в снегу норой, и с ненавистью осмотрел снаружи свои апартаменты. В этих покосившихся лачугах, маскировавших атомную шахту, вряд ли выжили бы даже привидения. Однако соратники президента находили их вполне сносными. Не удивительно — большинство из них знавало и худшие времена.

Все они, в прошлом бомжи и бродяги, пришли сюда за Блай Мулом, чтобы стать единым народом. Это были как раз те люди, которые, тусуясь

у гастрономов и пивных, незаметно для окружающих обрели особую национальность. У них был свой, непонятный другим язык, одинаковые лица — с красной отечной кожей, даже национальная одежда — мятые, не по росту пиджаки и брюки. Нормальные люди презрительно звали их пьянью, сами же они обращались друг к другу „чувак", что впоследствии дало название их суверенной республике — Чувляндия. С ее провозглашением они получили последнее, что делает национальность нацией — собственную территорию. А наличие на ней атомной ракеты открывало перспективу международного шантажа и безбедного существования за счет богатого „дядюшки Сэма".

Радостное ощущение свободы нарушалось лишь присутствием доцента Даршаньякова, которого все здесь недолюбливали и побаивались. Но в то же время все понимали, что без его помощи чуваки не смогли бы ни захватить ракетную базу, ни тем более удержать ее.

Президент зевнул и рассеянно взглянул на небо, по которому плыли облака удивительно правильной, округлой формы, похожие на НЛО, покинутые своими обитателями.

— Во бляха, благодать-то! — Президент блаженно потянулся, намереваясь прикемарить часок-другой, но в это время увидел опрометью бегущего к нему Трясуна — единственного в Чувляндии импотента.

— Ваше благородие, — захлебываясь, кричал импотент, — там, на поле, баба раздевается!

— А ну покажь где!

Мул вскачь побежал за Трясуном к „колючке". Здесь он увидел идущую по картофельному полю женщину.

— Во бляха, во дает! Беги, доценту скажи, — приказал Мул импотенту.

Миссис Райт дошла между тем до ограждения. Здесь она надела пурпурную юбку Анжелики.

— Ко мне, мальчики! — закричала она по-русски.

В ответ раздался хор голосов. Чуваки, бросая оружие, как козлы начали прыгать через „колючку", повлекли Элен в барак Даршаньякова, стараясь лизнуть или хотя бы ущипнуть ее на ходу. Некоторые, не утерпев, впадали в экстаз и, корчась, как эпилептики, валялись на траве.

— Даршаньяков! — заорал президент.

Двери барака с треском разлетелись! Из них вышел огромный слон с головой хозяина антикварной лавки.

— Не Даршаньяков, а д'Аршаньяк, — громовым голосом произнес он и направился к Элен.

Вой и улюлюканье чуваков достигли апогея. „Сейчас или никогда!" Элен вскочила на бочку из-под бензина и протянула руку над возбужденными телами чуваков:

— Повелеваю вам перегрызть друг другу глотки! — приказала она.

И тотчас страшный хобот графа д'Аршаньяка сдавил ближайшего чувака с такой силой, что из него, как из раздавленной кильки, вылезли кишки. Чуваки, скрежеща зубами, кинулись выполнять приказание! Победительница, ликуя, взирала на этот пир смерти.

Но вдруг все кончилось. Словно в „видике" зажало пленку. Элен обернулась и увидела стоящего позади импотента Трясуна — единственного во всей Чувляндии человека, на которого не по-

действовали ее чары. В руках он держал сорванную с Элен юбку Анжелики.

— А что, я ничего, мне Даршаньяков сказал, я и сдернул, — растерянно пробормотал Трясун.

— Ха! Ха! Ха! — ужасный хохот графа оглушил Элен. — Ты проиграла, шлюха! Тащите ее в подвал!

Грубые мужские руки вцепились в миссис Райт и поволокли по политой кровью и спермой траве.

— Ну бляха! — Президент Мул чуть не плача стоял под березой, пытаясь наладить порванную впопыхах брючную молнию. — Все из-за нее, из-за чувырлы этой...

Гул моторов атомного бомбардировщика был похож на рокот просыпающегося вулкана. Впрочем, ни один вулкан не смог бы сравниться по своей разрушительной силе с мегатонными зарядами, заключенными в бомбовые отсеки летающей крепости. Это были сотни тысяч Хиросим и тысячи Чернобылей.

Генерал Дик Прустер внимательно следил за экраном локатора. Оставаясь невидимым для других, он имел возможность следить за каждым маневром охотившихся за ним „фантомов" ВВС Соединенных Штатов. Удачно обойдя их, он ожидал теперь встречи с новейшими перехватчиками русских. А уж они-то будут рыскать вокруг Чувляндии, как осы вокруг своего гнезда. В этом генерал Прустер не сомневался.

— Нет, я не могу этого видеть! — Майк отдернул от глаз полевой бинокль.

Он готов был разбить его вдребезги, подобно тому, как убивали в древности гонца, принесшего дурную весть. Беспроигрышная операция провали-

лась. Норман явственно ощутил присутствие противостоящих ему таинственных и могущественных сил, о существовании которых он раньше только догадывался. То, что он послал миссис Райт в самое их логово на верную гибель, больше не вызывало сомнений. И Майк мучительно переживал это. Теперь все его надежды обратились к Жорке Полтишку. В случае успеха Майк гарантировал ему американское гражданство, пообещав, однако, первым арестовать Жорку, если тот не бросит свое преступное ремесло.

По замыслу детектива Полтишок должен был проникнуть в Чувляндию и усыпить с помощью снотворного террористов, обеспечив таким образом высадку русского вертолетного десанта.

Этот план, разработанный детективом совместно с генералом Кабаном, мог осуществиться только в том случае, если бы снотворное получил оператор атомного пульта. В этом была уязвимость плана, но другого уже не могло быть. До истечения ультиматума оставалось меньше трех часов.

Жорка Полтишок, удачно преодолев под носом у чуваков проволочное заграждение, собравшись с духом, толкнул дверь барака.

— Мужики, налетай, жратва прибыла! — Широким жестом он швырнул к ногам мешок с солдатской тушенкой, заправленной снотворным.

Урчанье дюжины голодных желудков, похожее на звуки репетирующего оркестра, было ему ответом. Руки террористов потянулись к консервным банкам. Но окрик президента остановил их.

— Ты, бляха, как сюда попал? — Он подозрительно осмотрел широкоскулое, нахальное лицо Жорки...

— Хочу принять ваше чувляндское гражданство, — не моргнув ответил Полтишок.

— Во бляха, вроде как эмигрант? — удивился президент. — А что госсекретарь скажет, берем мы эмигрантов?

— А пес его знает, — Дима Косоротый почесал „тыкву", — у нас бомжа одна, нам чужих не надо.

— Так и я бомжа! — просиял мгновенно сориентировавшийся Жорка.

— Ты, бляха, скажи тогда, в чем бомжовское счастье? — Этим вопросом Блай Мул придавил несчастного Жорку, как клопа к стене.

— Э... папа, счастье-то — оно, как норма выпивки, у каждого свое, — неуверенно ответил Полтишок.

— Верно, едрен корень, — усмехнулся Мул. — Вот мое счастье, к примеру, спокойненько так распить бутылочку водочки на мусорном бачке. И ничего — ни гастритов, ни колитов. Вот мы сейчас посмотрим, какой ты бомжа.

Перед Жоркой поставили стакан водки и помойное ведро, из которого торчал старый ботинок.

— Эх ма! Где наша не пропадала! — Жорка единым махом осушил стакан, сунул руку в ведро.

— Ты буцу, буцу бери. Моя она, на кожаном ходу, — ласково предложил Дима Косоротый, — не вытравит, значит, ты — наш.

Полтишок вытащил ботинок. Начал трепать зубами кожаную подметку.

— Ой, что это?! — поперхнулся вдруг Жорка. — Подметка внутрях живота ходит. Ой, сейчас я вам всю хату уделаю!

Не выдержав испытания, Полтишок повалился на пол.

— Ах ты бляха! Шпиен. Бей его! — Президент кинулся на бедолагу с кулаками.

Избитого, еле живого Полтишка запихали в чулан. Во след ему полетели консервные банки со снотворным. Преодолевая боль, Жорка извлек миниатюрный передатчик и попытался выйти на связь с Норманом...

Прорыв атомного бомбардировщика походил на поединок слепых со зрячим. Потешаясь над русскими „МиГами", которые не могли видеть его самолет-невидимку, Дик Прустер легко обходил их до тех пор, пока не нарвался на эту пару. Она неожиданно отделилась от группы барражировавших перехватчиков и шла сзади.

Дик готов был поклясться, что они не видят его. И все же какое-то неведомое чутье точно выводило ведущего „МиГами" на цель.

— Проклятие!

Прустер попытался увеличить скорость, но русские перехватчики не отставали.

Одна за другой, справа по борту, пронеслись две ракеты, едва не задев бомбардировщик, — „МиГи" стреляли наугад, как солдаты, прочесывающие лес, но до чего метко!

Едва не кинув машину в штопор, Дик с резким снижением ушел на предельно малую высоту.

Теперь ему было не до смеха; пришла пора готовиться к бомбежке.

Приняв сбивчивое сообщение Жорки, Майк отшвырнул наушники. Он почувствовал себя гребцом, внезапно обнаружившим, что в спасательной лодке, кроме него, никого не осталось. С этой минуты он мог рассчитывать только на свои силы. Элен и Жорка сами нуждались в его помощи.

Норман переоделся в маскировочный костюм десантника, проверил оружие. Успех дела зависел

от того, сумеет ли он так же удачно, как Жорка, миновать посты террористов...

Майку повезло. Он беспрепятственно добрался до дома Даршаньякова. Улучив минуту, он проскользнул внутрь и чуть не вскрикнул от неожиданности — прямо напротив него, посреди комнаты, стояла Элен.

Увидев детектива, она указала глазами на крышку погреба. В ту же секунду Майк нырнул в подполье. Когда под тяжестью мужского тела заскрипели ветхие половицы, Майк чуть приоткрыл крышку погреба — в комнату вошел Даршаньяков.

Майк отлично видел его огромную, отвратительно лысую голову, лишенную признаков какой бы то ни было растительности. Угрюмо глядя прямо в глаза миссис Райт, он начал медленно-медленно снимать с себя одежду, но вдруг остановился. Майк обомлел — в помещение вошел второй Даршаньяков. Как два зеркальных отражения, они встали друг против друга.

— Все похабничаешь? — сказал вошедший, которого Майк про себя назвал террористом. — Вместо того чтобы заниматься тем, для чего тебя сюда послали — ликвидацией человечества, ты путешествуешь во времени и развратничаешь, транжиришь талант на всякие глупости. Что это за юбка, которая чуть не погубила нас?

— Это не мое изобретение, брат. Я украл ее. Может быть, хочешь испытать ее действие на себе, брат? Ха-ха! — сипло рассмеялся первый.

— Если бы ты не был половиной моего существа, моего мозга, я уничтожил бы тебя! — вскипел „террорист".

— Каждому свое, брат, — усмехнулся „сиплый". — Тебе доставляет удовольствие органи-

зовывать атомную войну, а мне больше по душе вино и женщины. В конце концов никто не заставлял тебя раздваиваться. Левое, эмоциональное полушарие нашего мозга, стало мной, а правое, логическое — тобой. В чем проблема, брат?

— Да, я согласился на разделение, — резко ответил „террорист". — Но сейчас мы должны снова воссоединиться. Смотри.

„Террорист" сорвал грязный коврик с полки, и детектив увидел миниатюрный прибор.

— Это пульт управления атомной ракетой. Чуваки думают, что она в их руках. Какие идиоты! Она управляется отсюда. Через несколько минут я запущу ее. Американцы ответят ударом на удар. Начнется атомная война. Брат, нам потребуются все наши способности — и логические и эмоциональные, чтобы управлять бойней. Мы должны воссоединиться.

— Хорошо, — согласился, подумав, „сиплый", — но обещай, как только мы сокрушим человеческую расу, ты снова выпустишь меня на волю.

— Клянусь тебе, брат! — торжественно ответил „террорист".

И тут в воздухе возникли эфемерные очертания двух полушарий головного мозга: левого, там, где стоял „сиплый", и правого, на месте „террориста". Между ними зажглось что-то изумрудное, похожее на елочную игрушку. Паря, как медузы на глубине, оба полушария двинулись к „изумруду", чтобы, достигнув его, слиться в единое могущественное существо.

Майк достал револьвер. Чуть дыша прицелился и нажал на спуск. „Елочная игрушка", как шаровая молния, принялась биться о стены. Майк выскочил из подвала. Увлекая за собой Элен, по-

бежал прочь. Сзади раздался взрыв. В зареве полыхающей лачуги он увидел бегущих десантников и пошел им навстречу.

— Сколько времени, генерал? — освободившись из крепких дружеских объятий русских, спросил Майк.

— Половина двенадцатого, — ответил Кабан.

Дик Прустер бросил взгляд на пилотский хронометр.

— Половина двенадцатого, — удовлетворенно отметил он.

Атомный бомбардировщик вышел на цель в точно рассчитанное время. Еще немного — и все будет кончено. Дик повернул ручку приемника. В кабину ворвался ликующий голос американского диктора:

— „...Чувляндия обезврежена! Террористы арестованы!..“ — кричал он на всю планету.

Повернув штурвал влево, Дик положил бомбардировщик на обратный курс. На выходе из виража он едва не столкнулся с кучкой облаков удивительно правильной округлой формы, похожих на НЛО, покинутые своими обитателями. Теперь их было на одно больше. Подобно коням погибших рыцарей, они скорбно паслись на освещенном тусклой луной небосклоне.

— Матерь Божья!

Дик испуганно заморгал — ему показалось, что в одном из „облаков“ он увидел открытый люк и ступени, ведущие внутрь. Бомбардировщик вдруг встал на дыбы. „Облако“ рвануло его на себя, как скатерть с алюминевыми мисками. Мимо пилотской кабины неслись обрывки плоскостей, лонжеронов, сплюснутые топливные баки. Влекомые сверхмощным притяжением, они летели на-

встречу своей гибели в самый центр „облака". Чудовищный взрыв потряс небеса и землю. Не стало ни самолета, ни „облака".

Это был НЛО графа д'Аршаньяка — последнего из участников вторжения, предпринятого инопланетянами в 199... году от Рождества Христова.

Нью-Йорк встретил своих избавителей цветами и фейерверком. Открытая машина с Майком и Элен, словно лодка, плыла по морю улыбок и оваций.

— Майк, они бы на сто процентов избрали тебя президентом Соединенных Штатов. Может быть, стоит подумать? — пошутила миссис Райт.

— Лучше быть хорошим сыщиком, чем плохим президентом, — в тон ей ответил Норман. — А кстати, Элен, вам не жаль пятидесяти тысяч и утраченной юбки Анжелики?

Вместо ответа, миссис Райт слегка приоткрыла свой атташе-кейс. В его глубине мелькнул клочок ткани, оторванный от пурпурной юбки Анжелики, и Норман почувствовал приятное возбуждение, как от выпитого бокала шампанского.

— Не считайте меня идиоткой, Майк, – усмехнулась Элен.

Магнитофонная кассета дернулась, остановилась. Не отрываясь от пишущей машинки, я заменил ее на другую...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Тени прошлого

— Сначала огонь оближет твои пятки. Потом поднимется выше и станет лизать твои гениталии. Это будет медленный, очень медленный огонь, дон Филиппо! Все удары шпаг, изведанные тобою за свою грешную жизнь, покажутся тебе комариными укусами в сравнении с той болью, которая тебя ждет. Нет ничего ужаснее, чем подобная казнь, и нет палачей опытнее, чем наши. — Голос судьи, поднимавшийся из подземелья его души, отвергшей свет и соблазны мирской жизни, умолк. Но его горящие глаза аскета все так же неистово сверкали, впиваясь в бледное лицо узника.

Дон Филиппо, красивый идальго с талией танцовщицы и кулаками молотобойца, понимал, что речь судьи — не всплеск слепой ярости импотента, возомнившего себя праведником, а начало изощренной пытки.

Слова были таким же страшным орудием, как раскаленные щипцы или тиски для размозжения костей. От них веяло жаром паленого человеческого мяса и ледяным холодом тайных захоронений. Дон Филиппо был не в силах отвести руку палача, но попытаться не слушать судью он мог.

Дон Филиппо перевел взгляд на зарешеченное окно темницы, где копошились голубки.

Почувствовав, что жертва ускользает, судья черным вороном кинулся к окну:

— Прочь, мерзкие птицы!

Голуби взмыли в напоенный ароматом спелых персиков воздух Кастилии, унося что-то золотистое, привязанное к лапкам. И узник проводил их тоскливым взглядом.

— Дон Филиппо. — Голос судьи стал неожиданно вкрадчивым, почти ласковым. Так молодая свинарка ласкает поросенка, которого предстоит зарезать. — Неужели тебе не хочется жить?

— Жизнь — дорогая штука, судья. Хватит ли у меня дукатов, чтобы выкупить ее у вас?

— Цена не велика, Дон Филиппо, отрекись от своих двух жен — от этих ведьм, помутивших твой разум, — и ты спасен.

— А что ждет их?

— Костер! Пусть ведьмы сгорят в огне! — Глаза судьи загорелись с новым неистовством.

— Я люблю обеих. Одну — черненькую и быструю, как крыло ласточки, и другую — пушистую и светленькую, как ее брюшко. Для того чтобы это понять, надо хоть что-то иметь в штанах, судья.

— Мерзкий многоженец! Ты!.. — Судья ошпарился собственной яростью, как повар опрокинутым кипятком. — Ты извращенец, нарушающий законы природы!

— Взгляните на эти растения, судья, — с улыбкой, пробужденной отчаянием, дон Филиппо указал на толстые, мучнистой белизны отростки, свесившиеся в келью. — Не так ли мужчина ищет чрево, способное произвести дитя его мечты? А что сталось бы с лошадиной породой, судья, если бы лучшего скакуна вели к одной и той же кобыле? Порода выродилась бы. Не ждет ли

то же самое род людской, погрязший в единобрачии? Я специально говорю о лошадях, чтобы вам было понятнее.

— Гнусный выродок! — заскрипел зубами судья.

— Может быть, вы и правы. Новая любовь обычно затмевает старую, как восходящее солнце затмевает застоявшуюся луну. Но мне светят сразу два солнца — я полюбил вторую, не разлюбив первую. И почему, черт вас всех побери, человек, нашедший вторую жемчужину, должен вышвырнуть первую?

— А подумал ли ты, дон Филиппо, об этих бедняжках, твоих женушках. Как противно им делить тебя, похотливого пса?

— Не спорю, судья, кому-то это противно. Но мои возлюбленные неразлучны, как крылышки и грудка ласточки, и вряд ли вы найдете во всей Кастилии подруг, которые так нежно ворковали бы друг с другом, как они.

— Если бы ты, дон Филиппо, как другие почтенные люди, сделал одну из них любовницей, мы бы закрыли глаза на твои провинности.

— Нет, судья, я не отрекусь ни от одной из них. Можете меня сжечь или четвертовать, но обе они — мои законные жены. Я не куплю избавление ценой их мучений!

— Так воркуйте же на костре все трое!..

Судья не договорил. Его челюсть, выбитая рыцарской рукой дона Филиппо, отлетела в сторону. Из разверзшейся пасти посыпались металлические детальки, пружинки, какие-то диковинные штучки.

— Боже праведный! — ужаснулся узник.

— Пришел твой конец, несчастный. — Голос судьи проскрипел, как ржавый клинок на точиле.

— Проклятый колдун! — Дон Филиппо снова рванулся на врага, но на этот раз не застал его врасплох.

Во лбу судьи открылся третий глаз. Из него ударил изумрудный луч, и тотчас неведомая сила парализовала идальго. Он замер посреди комнаты, как статуя.

— Колдун! Ха-ха! — Судья окончательно пришел в себя. — Пройдут сотни лет, дон Филиппо, прежде чем люди научатся выговаривать слова „НЛО", „робот", „инопланетянин". Сейчас ты примешь смерть. Но прежде, по законам моей планеты, время на которой течет не так, как у вас, я обязан объявить причину, заставившую меня вынести этот приговор. Ты никогда не задумывался, дон Филиппо, почему многоженство есть на Ближнем Востоке, в Африке и нет, скажем, во Франции или Германии? Это моих рук дело. Я провожу гигантский эксперимент: юг я отдал многоженству, север — единобрачию. Когда мой опыт закончится, я буду владеть тайной человеческой расы. И горе тем, кто доживет до этого дня! Ты, дон Филиппо, едва не загубил опыт тем, что пытался утвердить многоженство на севере. Ты опасен для нас и будешь умерщвлен!

Судья поднял руку. На его пальце дон Филиппо заметил свой перстень в форме овечьего копытца, отнятый накануне тюремщиками.

Это было последнее, что увидел идальго. В следующую секунду его тело встряхнуло! Подобно извивающимся красным червям, из организма узника потек кровоточащий фарш его внутренностей.

Инопланетянин, брезгливо переступив через тело, вышел из камеры. На крепостной стене он остановился, напряженно всматриваясь вдаль. Но так и не рассмотрел того, что хотел.

* * *

Накренившись на свежем норд-осте, галион „Святой Павел" взял курс к берегам благословенной Америки, которая в те времена, подобно толстухе, лечащейся муравьиным ядом, охотно позволяла заползать на себя всяким насекомым, не очень-то интересуясь их прошлым. Тяжелый и опасный путь через океан, кишащий пиратами, служил им искуплением прежних грехов.

На корме галиона, крепко обнявшись, стояли двое юношей. Даже грубая мужская одежда не могла скрыть грацию их тел и красоту лиц. Это были юные жены дона Филиппо: одна — темненькая и быстрая, как ласточкино крыло, и другая — светленькая и нежная, как ее брюшко.

— Смотри! — Брюнетка указала на золотую искорку, мчащуюся над водой.

— Это же голуби дона Филиппо! — радостно воскликнула блондинка.

Однако радостный возглас тут же сменился стоном — в руки юных путешественниц легли две половинки разломленного золотого сердечка — любимого медальона дона Филиппо.

— Его нет в живых! — испуганно прошептала брюнетка.

— Но во мне шевельнулась зачатая им жизнь, — печально улыбнулась блондинка.

— И во мне тоже, сестра. Помолимся за наших будущих детей.

Богатые никогда не плачут. Пусть они будут богатыми на нашей новой родине!

Дон Педро Гонзалес — режиссер и автор знаменитого сериала о богатых — и сам был далеко не беден. Его кинобизнес шел настолько успешно, что он мог позволить себе снять очередную серию

в Штатах, расплатившись со всеми звонкими американскими долларами, заняв при этом номер из пяти комнат в лучшем отеле Нью-Йорка. Дон Педро остановился у зеркала. С минуты на минуту в его номере должна была появиться американская кинозвезда Лиз Коннели, которой он пообещал роль в обмен на кое-какие интимные услуги.

— Карамба!

Скулы режиссера свело, как у голодного бродяги, увидевшего жареную индейку. Ее мальчишеские бедра и огромная грудь сводили дона Педро с ума.

— О мама мия! — Услышав скрип, режиссер ринулся к двери, как кот на мышиное поскребывание.

„Каков! — Лиз Коннели, лениво пожевывая банановую жвачку, молча разглядывала режиссера. — Похож на козла, только без бороды".

„Хороша, стерва!" — Дон Педро отодвинул полу халата, обнажив кривые ноги со свалявшимися, как у старого койота, волосами, ибо мужчина, берущий красотой, демонстрирует совершенства, а берущий деньгами — свои уродства.

„Козел вонючий", — прошептала про себя Лиз, с обворожительной улыбкой протягивая режиссеру подарок — флакон дорогого французского одеколона. „Может быть, с этой приправой я сумею заглотить кусок дерьма под названием мистер Гонзалес", — подумала Лиз, кокетливо потупив глазки.

— Дон Педро, — сказала она вслух, — надеюсь, я тоже получу от вас подарок — ту роль, на которую рассчитываю?

„Ха-ха! Сейчас ты у меня получишь такой подарочек! Я обработаю тебя с проворством элек-

трической зубной щетки. Ха-ха!" — ухмыльнулся про себя дон Педро, увлекая актрису в постель.

— Пожалуйста, дон Педро, сначала освежитесь одеколоном, — поморщилась Лиз.

— О да! Сейчас я погружусь в этот водопад благоуханий. — Дон Педро открыл флакон и опрокинул его содержимое себе на голову.

Но вместо благовонного французского одеколона на плешь несчастного дона Педро хлынула неприлично пахнущая жидкость.

— Что?! Что такое?!! Карамба!!! Это же моча!!! Ах ты, шлюха! Кто тебя подослал?! Мои конкуренты? Да? Эти бездари из Голливуда? Отвечай, мерзавка!

— О, милый, прости! Какой ужас! — Не на шутку испуганная Лиз Коннели принялась вытирать своими кружевными панталонами бешено вытаращенные глаза режиссера.

— Поклянись, что ты ничего не знала! — Дон Педро приставил полированный ноготь, как стилет, к горлу актрисы.

— Клянусь, милый, очаровательный, любимый, — выпалила она со всей искренностью, на которую была способна ее фальшивая артистическая душа. — Я купила одеколон в соседнем супермаркете.

— Ладно, пошли на кушетку. Но имей в виду, мои подозрения еще не рассеялись. — Дон Педро строго посмотрел на актрису. „Все ее мозги ушли в сиськи. Поэтому сама она до такого, пожалуй, не додумалась бы", — решил режиссер.

На кушетке, под сенью двух огромных дынь, дон Педро так сильно заинтересовался волосиками на затылке Лиз, беленькими и шелковистыми, как под хвостом у болонки, что чуть не позабыл о своей быстродействующей зубной щетке. Когда

же она пришла в движение, страшный вопль дона Педро потряс отель.

— О...!!! Значит так, стерва? Наждак подсыпала, да? Ну все!

Дон Педро бросился за визжащей от ужаса кинозвездой. С ловкостью акробата он вскочил на диван и занес над головой Лиз вазу с цветами.

— Отвечай, мерзавка, чья это работа?

— Моя! — произнес за спиной режиссера незнакомый женский голос.

Дон Педро обернулся и увидел наведенный на него ствол револьвера. Грянул выстрел! Осколки вазы обрушились на его голову.

— И моя тоже!

Краешком глаза режиссер заметил вторую женскую фигуру, поднимающую револьвер.

— Мама мия! — В мгновение ока дон Педро оказался под диваном, что спасло его от неминуемой гибели.

...Полиция немедленно оцепила отель. Но самые тщательные поиски не дали результатов. Террористы бесследно исчезли.

II

Похищение

Каждый шаг идущего следом человека был как укол в мягкое место шприцем с тупой иглой, которых Лиз Коннели так боялась в детстве. Шаги приближались. Их неотвратимость была ужаснее внезапной хлесткости выстрелов в отеле. Лиз судорожно сжала газовый баллончик в кармане. И когда преследователь вцепился рукой в ее волосы, она быстро повернулась и направила струю в хамскую морду, похожую на выжатую мочалку.

Но это не помогло. Могучая рука свирепого негра по имени Джек Горилла подняла Лиз за волосы, как нагадившего щенка, и швырнула в багажник подкатившего „бентли-турбо-Р".

Машина понеслась прочь, как лиса, укравшая курицу. На поворотах актрису перекатывало из угла в угол багажника вместе с пустыми бутылками и каким-то хламом. В кромешной тьме она ткнулась головой в сумку с инструментами. Это был ее шанс! Дрожащей рукой кинозвезда нащупала отвертку и принялась без особой надежды на успех ковырять ею в замке багажника.

Внезапно замок щелкнул. Ослепительный луч света ударил в глаза актрисы. Крышка багажника пошла вверх. Поймав ее, Лиз выглянула наружу — в двух метрах от себя она увидела ра-

диатор идущего сзади „форда". При виде выглянувшей из багажника кинозвезды лицо водителя вытянулось от изумления, словно он увидел вынырнувшую из унитаза голову морского змея.

Машины остановились у перекрестка. С завидным проворством актриса выскочила из багажника. Левой рукой она распахнула дверцу „форда", а правой рванула шофера за ворот. Вспотевшим задом водитель чмокнулся об асфальт и зашелся в приступе истеричного смеха.

— Лиз Коннели! Меня ограбила Лиз Коннели! — орал он на всю улицу.

Впрыгнув в „форд", Лиз направила его вперед и влево, объезжая „бентли". Но дверца со стороны водителя распахнулась. Джек Горилла с воплем африканского воина кинулся пузом на „форд", пытаясь его остановить, словно это был бейсбольный мяч. Сквозь лобовое стекло актриса увидела разъяренное лицо с расплюснутым носом. Вцепившись в крышу, Горилла поднял свою лобастую голову и ударил ею в стекло. Паутина трещин закрыла актрисе обзор. Не дожидаясь второго удара, она воспроизвела то, что на ее глазах не раз проделывали голливудские каскадеры. Разогнав машину, она дернула ее влево.

— Прощай, Америка! — Толстопузая „торпеда" с болтающимися ногами сорвалась с крыши и со всего маху врезалась в киоск со жвачкой и прочей уличной дребеденью.

— Эх, жаль, нет кинокамеры! — Лиз прибавила газу.

Но вместо того чтобы набрать скорость, „форд" вдруг „клюнул" носом и медленно покатился, теряя скорость. Прямо над собой Лиз увидела большую штуковину, похожую на дири-

жабль. В следующую секунду „форд", как мыльный пузырь, поднялся в воздух, направляясь к шлюзам НЛО, зависшего над Нью-Йорком.

— Вы только послушайте, Норман, что эти негодяи пишут обо мне! — Начальник полиции Морли развернул страницы „Нью-Йорк пресс" так, словно это были крылья укусившей его осы. — „Пока обер-полицейский пил пиво, в центре Нью-Йорка похитили кинозвезду", — прочитал он. — А фотография? Ума не приложу как они сумели меня щелкнуть?

— Не расстраивайтесь, сэр, на фото вы выглядите очень мужественно, — знаменитый сыщик Майк Норман с трудом подавил улыбку.

— Ну да, я действительно пил пиво в то самое время, когда произошло похищение. А разве его не пьет тот мерзавец из „Нью-Йорк пресс", как его там — Джимми Смит, который сфотографировал меня, а, Стивен? — Морли повернулся к своему помощнику. — Ну ладно, Стив, выкладывайте все, что у вас есть о похищении мисс Коннели.

— Сэр, к сожалению, это не единичное происшествие, а целая серия. Все похищенные — артисты, приглашенные на съемки в телесериале мистера Гонзалеса. Они исчезли совершенно бесследно. Исключение составляет лишь мисс Коннели. Ей удалось вырваться из рук преступников и бежать на угнанном „форде". Но дальше ее следы теряются. Мы не могли найти ни ее, ни угнанный автомобиль. Похоже, кто-то сводит счеты с кинокомпанией мистера Гонзалеса.

— У этих киношников нравы упали до уровня их персонажей. — Морли брезгливо поморщился. — Я не стал бы отвлекать вас, Норман, на

расследование эти плевых интриг, но задета честь начальника полиции, и мы должны утереть нос проклятым газетчикам. Возьмитесь за это дело, Норман, и извините, что я вам поручаю подобную ерунду.

Морли дружески похлопал по плечу Майка, но этот жест не мог обмануть Нормана. Детектив отлично понимал, что он неприятен, но одновременно и необходим шефу, как баллончик для уничтожения тараканов неряшливой кухарке. К тому же интуиция подсказывала Норману, что в деле мисс Коннели и мистера Гонзалеса „тараканы" будут не менее устрашающими, чем свирепые гиперы, с которыми ему пришлось недавно столкнуться в мрачных подземельях Нью-Йорка.

Дон Педро Гонзалес ненавидел полицию своей страны за то, что она берет слишком большие взятки. Но еще больше он ненавидел и боялся американскую полицию за то, что она взятки берет не у каждого. Смешно было бы предлагать деньги, например, знаменитому детективу Норману. С любопытством, выглядывающим подобно устрице, из ракушки его страхов, режиссер переступил порог кабинета сыщика, о котором не раз писала мировая пресса, особенно после потрясшего всех захвата террористами атомной ракеты в России.

— Сеньор Норман, — голос режиссера прозвучал так глухо, как будто доносился из-за захлопнувшихся створок раковины, — обещайте, что не отправите меня в сумасшедший дом, что бы вы от меня ни услышали.

— Мистер Гонзалес, — детектив поднял могучую десницу с блестящим, как нож гильотины,

платиновым браслетом, — этой рукой я уничтожил несколько космических негодяев, а также отправил в тюрьму множество обыкновенных мерзавцев. Но поверьте, никого из них я не упрятал в сумасшедший дом. Я сыщик, мистер Гонзалес, а не психиатр. Здесь вы можете говорить все без малейших опасений быть превратно понятым.

— Хорошо, сеньор, я верю вам. В прошлом месяце, — начал режиссер, — я отдыхал на Гавайях. Был полный штиль, и вода была прозрачная-прозрачная. Я плыл на надувном матрасе вдоль берега и тут... — Режиссер замер, словно ныряльщик, стушевавшийся на краю вышки. — И тут я увидел в воде лицо Эстер — героини моего фильма! Оно было похоже на лицо утопленницы. Она схватила меня за ноги и начала топить! Сеньор Норман, я не разговаривал бы сейчас с вами, если бы с проходившей яхты ко мне на помощь не бросился огромный лендзир. Знаете, такой пес размером с волкодава. Он поймал меня на глубине и вытащил на поверхность. Смотрите, сеньор Норман, это следы его зубов. — Режиссер закатал рукав, и Норман увидел свежие следы собачьих клыков.

— Вы кому-нибудь рассказывали об этом, мистер Гонзалес?

— Что вы, конечно, нет. Я был уверен, что у меня галлюцинации, что я схожу с ума. Я бы никогда не решился заговорить об этом. Но ужасное происшествие в отеле заставило меня прийти в полицию.

— В вас стреляла Эстер? — Майк пристально посмотрел в глаза режиссера.

— Да, сеньор, она и вторая героиня фильма — Марианна. Пожалуйста, поверьте мне, се-

ньор. Лиз Коннели может подтвердить мои слова.

— Лиз Коннели похищена, — сухо, как автомобильный компьютер, произнес Майк.

— Как, и ее похитили?! Это ужасно, сеньор Норман. Они преследуют меня, они похищают моих артистов. Моя кинокомпания на грани краха. Умоляю вас, сделайте что-нибудь, сеньор Норман. Я знаю, они следят за каждым моим шагом. Я не могу больше жить в отеле. Я перееду в какую-нибудь нору. Мне хочется зарыться как можно глубже, чтобы они не достали меня.

— Успокойтесь, мистер Гонзалес, — Норман протянул режиссеру рюмку японской рисовой водки, — я найду способ помочь вам. Но при одном условии — вы должны будете строго выполнять мои инструкции!

— О, разумеется, сеньор. — В глазах режиссера засветилась радостная готовность лендзира выполнять любые команды проводника.

— И тогда, Стив, он увидел под водой лицо утопленницы...

— Чушь какая-то, однако от нее мороз идет по коже. Ты, случайно, не разыгрываешь меня, Майк? — Помощник начальника полиции поднял бокал и, прищурившись, посмотрел сквозь него на Нормана, как это делают часовщики.

— Стив, все очень серьезно. Приближаются ужасные события. Я словно слышу крики людей, взывающих о помощи. — Майк Норман скользнул рассеянным взглядом по столикам открытого кафе, по пустынной улице с одиноким фургончиком фирмы „Кока-кола".

— Может быть, в режиссера стреляли актрисы, играющие Эстер и Марианну?

— Исключено, Стив, у них железное алиби. В момент обоих покушений они были за тысячи миль от режиссера.

— Тогда что же?

Почувствовав странное беспокойство, Майк склонился к самому уху Стивена.

— Оба покушения, — зашептал он, — произошли во время демонстрации телефильма с участием Эстер и Марианны. Сегодня по телевидению пойдет следующая серия, и я подозреваю, что покушение повторится. Жизни мистера Гонзалеса угрожает опасность. Проверь оружие, Стив, вечером предстоит серьезная работа.

— Проклятие! — Джек Горилла сорвал с головы наушники и швырнул их на пол фургона фирмы „Кока-колы". — Ни черта не слышно! Этот легавый осторожен, как старая лисица!

— Не расстраивайтесь, — Проныра Гарри отключил подслушивающую аппаратуру, — и так ясно, Джек, фараоны сегодня что-то затевают.

— Поднимай наших людей, Проныра, и пусть берут побольше патронов, сегодня вечером будет жарко и нам, и нанявшему нас мистеру Гонзалесу, — приказал гангстер.

Добравшись до окраины Нью-Йорка, Майк Норман вылез из кабины „форда" и, уперев руки в бока, выгнул спину, сгоняя усталость, как леопард, точащий когти о ствол дерева.

Шел дождь. Мокрый асфальт в неверном свете фонарей мельтешил в глазах, как экран „видика" перед началом кино. Майк усмехнулся, подумав, что сюжет „фильма", в котором ему сейчас предстояло сыграть главную роль, и не снился киношникам Голливуда.

— Бог ты мой! — Стив замер на краю лужи, утирая холодный пот, выступивший на лбу. — Майк, я только что видел в воде женское лицо.

— Как не позавидовать человеку, которому на каждом шагу мерещатся девушки, — пошутил Норман.

— Клянусь тебе, Майк! У нее было лицо утопленницы.

— Вздор! — Тяжелый башмак детектива разбил зеркальную поверхность лужи на тысячи мелких брызг. — Смотри в оба, Стив, сейчас нам будет не до девушек. Прикрывай меня сзади.

Норман взглянул на часы. До начала телесериала мистера Гонзалеса оставалось две минуты.

Подняв воротники, детективы направились к одиноко стоявшему дому режиссера. А вслед за ними, как крысы к мусорному бачку, направились крадущиеся гангстеры.

Войдя в сумрачную гостиную, Майк увидел режиссера, сидящего под старинным светильником. Он казался мертвенно-бледным. Это было все, что успел рассмотреть детектив, потому что в следующую секунду он почувствовал легкий холодок от приоткрывшейся двери. Майк резко повернулся. На пороге стояли две сногсшибательные красавицы: одна — темненькая, как крыло ласточки, вторая — светленькая, как ее брюшко. Майк обомлел — это были Эстер и Марианна. Их револьверы смотрели в грудь детектива.

Выстрелы грянули почти одновременно. Страшная сила отбросила Майка к стене. Он ударился о нее, благодаря Господа за то, что предусмотрительно надел бронежилет.

— Пардон, бэби, это все-таки не скалки! — Обезоружив девчонок, Стив подтолкнул их к столу.

— Сеньориты, как я рад вас видеть, — дон Педро осклабился, словно волкодав, прижавший лапой волчонка.

— Мерзкий палач! — гневно вздернув подбородок, Марианна отвернулась от режиссера.

— Этот человек — межпланетный монстр, убийца нашего мужа и похититель американских граждан. За сотрудничество с ним всю вашу шайку посадят на электрический стул. — Эстер обожгла Майка презрительным взглядом, в котором электричества было ничуть не меньше, чем в смертоносном стуле.

— Полиция Нью-Йорка! — Норман отогнул лацкан плаща; на нем, как луч надежды, блеснул полицейский значок.

— Этому можно верить? — Прекрасные голубые глаза Эстер увлажнились слезами.

Не отвечая ей, детектив повернулся к режиссеру:

— Против вас выдвинуто серьезное обвинение, мистер Гонзалес. — Тяжелый, как меч правосудия, взгляд Майка уперся в дона Педро.

— Девчонка сказала правду.

Режиссер поднял руку к лицу, и на его пальце Майк увидел старинный перстень в форме овечьего копытца... Оттянув губы, режиссер оголил потускневшую от времени биоэлектрическую начинку своей головы.

— Киборг, — прошептал побледневший Стив.

— ...Да, — продолжил монстр, — это я убил их мужа, едва не сорвавшего мой эксперимент по внедрению единобрачия в северных странах. Но в последние годы эксперимент снова оказался под угрозой — в Европе и Америке появился коллективный секс, моногамия начала отступать. И тогда я задумал свой телесериал. Его форму-

ла: один мужчина плюс одна женщина. Все крутится вокруг этого. Он должен был укрепить моногамные традиции. Я решил сам написать сценарий.

„Теперь понятно, откуда его банальные сюжеты и слабая литературная основа", — подумал Майк.

— Я читаю ваши мысли, Норман, — усмехнулся режиссер. — Существует искусство кино и искусство заполнять зрительные залы. Это совершенно разные вещи. Мой телесериал снабжен спецэффектами, которые заставляют людей, словно мух, облеплять экран телевизоров. Это меня и подвело. Когда миллионы людей одновременно стали смотреть мой телефильм, возник массовый психоз, высвободилось колоссальное количество биоэнергии, что привело к материализации экранных персонажей, прообразом которых мне послужили женушки идальго дона Филиппо. Кстати, и актрис я подобрал похожих на них. Теперь при каждой демонстрации телефильма эти ожившие картинки с кинопленки сходят с экрана и отправляются меня убивать! Я ничего не могу с ними поделать — ведь они не люди. Вот для чего понадобились вы, Норман. Вы должны были отдать их в мои руки.

— Сеньор Гонзалес, — вмешался в разговор Стив, — не скажете ли вы, что я видел в таком случае в луже? — он кивнул в сторону улицы.

— Это побочное явление материализации, возникающее при недостатке биоэнергии, — небрежно ответил режиссер.

— Вы забыли рассказать о целях эксперимента, мистер Гонзалес, или это тайна? — тихо спросил Майк, будничностью тона пытаясь скрыть жгучее любопытство.

— По законам моей планеты, я даже обязан сообщить вам, за что вы будете уничтожены. Моя цивилизация приступила к захвату чертовски богатой планеты, населенной змеями, которые для нас то же, что для вас коровы. Нам нужны колонисты, которые добывали бы нам змеиное мясо и одновременно сами служили бы пищей для змей. Люди идеально подходят для этой роли. Но мы должны были знать, какую форму половых контактов установить в колониях, что жизнеспособнее — многоженство или единобрачие.

— Теперь понятно, для чего понадобился ваш эксперимент. — Майк мельком взглянул на часы. До затребованного им прекращения показа телефильма оставалось всего пять минут. Это означало, что через пять минут выключатся телевизоры и Эстер с Марианной бесследно исчезнут, выскользнув из лап монстра.

— А похищенные американские граждане, включая Лиз Коннели, — первые кандидаты в колонисты, не так ли, мистер Гонзалес?

— Вы правы, сеньор Норман, под видом набора актеров мы комплектовали первую группу колонистов.

Майк задумчиво погладил левую щеку, что служило для Стива сигналом „к бою". До остановки телефильма теперь оставалось всего шесть секунд.

— Эй-эй, вы куда? Стойте! — Монстр подскочил, разинув свой резиновый рот. На его глазах Эстер и Марианна растаяли в воздухе, подобно двум струйкам сигаретного дыма.

— Убейте легавых! — в бешенстве закричал режиссер нанятым бандитам.

И тотчас в окна просунулись стволы гангстерского оружия.

Но первым прозвучал выстрел Нормана, вдребезги разнесший светильник. В темноте Майк кинулся к режиссеру, стремительно напялил на него белый плащ и тут же отскочил в сторону.

— Огонь, братва! Вон он, в белом! — заорал Джек Горилла, тыча пальцем в режиссера.

Рой пуль гулко ударил в металлокерамическую задницу инопланетянина.

Преследуемый этим роем, дон Педро носился по гостиной, изрыгая проклятия. Наконец зацепился за край столешницы и рухнул на пол.

— За мной, братва! Бей легавого!

Джек Горилла перемахнул через окно и кинулся на белое пятно, лежащее на полу. Но, получив межпланетную зуботычину, отлетел на спрыгнувшего с подоконника Проныру и рухнул, придавив его своей тушей.

— Джек, это не человек, я сам всадил в него две обоймы! Это дрессированный полицейский дьявол! Надо рвать когти. Пусти меня, Джек! — хрипел Проныра в ухо бездыханному гангстеру, выдергивая из-под него свою ногу.

— Тише ты, дурак, — услышал он вдруг ответный шепот. — Давай ползком, ползком.

Затаив дыхание, гангстеры поползли к двери, и тут Джек Горилла уткнулся сопящим носом во что-то ползущее туда же. Глаза гангстера вылезли из орбит! Прямо перед собой он увидел ненавистное лицо Нормана!

— А!!! — Ужасный крик Гориллы заставил содрогнуться целый квартал.

Выпрыгивая из модных штиблет, гангстеры, сверкая пятками, неслись к машинам.

— Кретины проклятые! Идиоты! — тихо хныкал в углу дон Педро, хватаясь за свою изрядно потрепанную задницу.

* * *

Оказавшись в безопасном месте, Майк извлек из револьвера стреляную гильзу и протянул ее другу:

— Возьми, Стив, на память.

Положив холодный цилиндрик на ладонь, помощник начальника полиции в задумчивости разглядывал его.

— Спасибо, Майк. Я восхищен. Одного твоего выстрела было достаточно, чтобы остановить всех этих негодяев...

— Чтобы устроить фейерверк, за который нам еще влетит от шефа: ведь его не интересует ничто, кроме Лиз Коннели и заметки в „Нью-Йорк пресс", — буркнул весьма недовольный собой детектив.

III

Гаденыш

Лиз Коннели сидела на корточках, тупо уставившись на висевший в центре пещеры светильник, источавший тошнотворный зеленый свет. От этого базальтовые своды делались похожими на покрытые зеленой слизью остовы затонувших кораблей, а обнаженные тела людей принимали черты странных морских существ.

Время от времени они на четвереньках, испуганно разбегались по углам пещеры, суетливо, как крабы, перебирая конечностями. Это означало, что Большой Гаденыш подобрался к ним и, громко чмокая, щиплет за животы и груди своим беззубым младенческим ртом. Иногда он хватал за ноги женщин, пытаясь их изнасиловать. И тогда они отбивались от него из последних сил.

Лиз Коннели с ужасом думала, как быстро растет Гаденыш. Его ноздреватые десны становились все тверже, а местами сквозь них уже пробивались хищные акульи резцы. Когда они окончательно проклюнутся, Большой Гаденыш превратится в Большого Змея и начнет пожирать узников пещеры.

Актриса надеялась умереть в числе последних, потому что каким-то непостижимым образом она была перенесена сюда вместе с угнанным „фордом", что дало ей возможность вовремя скрыться

от рептилии и спать не на полу пещеры, куда в любую минуту мог заползти Гаденыш, а в кабине, вместе с дюжиной других людей, зажатых теснее, чем патроны в пистолетной обойме. Даже в багажнике автомобиля ухитрялись спать трое бывших артистов.

По ночам Большой Гаденыш подползал к машине и, присосавшись к стеклу, пристально разглядывал несчастных, подобно тому, как деревенское дитя, прильнув к парнику, разглядывает зеленые помидоры, с нетерпением ожидая, когда они поспеют. Насмотревшись на притихших людей, он залезал под машину и принимался раскачивать ее, словно привязанную к шесту лодку.

„О Господи! Кому все это нужно? Чья злая воля создала сей кошмар — этот огромный террариум, куда вместо лягушек выпущены люди? Что нас ждет?“ — Лиз Коннели уже в тысячный раз задавала себе эти вопросы и ни на один из них не находила ответа.

Режиссер дон Педро Гонзалес — инопланетянин, несмотря на недавние неприятности, чувствовал себя вполне сносно. Разгуливая взад-вперед по внутренней палубе НЛО, висевшего над Кордильерами, он старался не думать о паршивых легавых, безмозглых гангстерах и улизнувших девчонках. Главное — эксперимент, а он успешно завершился. Впрочем, его результат подсказали сами люди.

Инопланетянин усмехнулся, вспомнив, как с трагическим пафосом дон Филиппо говорил о „лучшем скакуне“ — единственном полноправном продолжателе породы. Если бы идальго знал, какую важную информацию он передал „режиссеру“, то наверняка проглотил бы свой язык. Да, на

змеиных планетах будет только один мужчина–производитель, словно трутень, окруженный работающими пчелками — женщинами. Все родившиеся мальчики, подобно бычкам на земных фермах, пойдут на корм змеям. Расчеты показывали, что баланс убыли и прироста колонистов будет при этом соблюден.

Теперь дело было за малым — приучить первую группу колонистов к мысли, что они являются такой же естественной пищей для змей, как коровы для них самих. После этого можно было отправлять колонистов на змеиные планеты. Пусть испытают то же, что несчастные цыплята с их птицефабрик, прежде чем стать „грилем".

На этом миссия „режиссера" заканчивалась. Впрочем, оставалось еще одно дельце — нужно было заполучить Нормана, которому предстояло стать производителем. Но это был уже сущий пустяк.

Майк Норман медленно шёл по улице, глубоко засунув руки в карманы и низко опустив голову. В действительности его угнетали неудачи: во–первых, он упустил девушек–террористок, во–вторых, Гонзалеса, который теперь наверняка зарылся глубже, чем крот.

Радовало лишь одно — то, что теперь в деле Лиз Коннели не было белых пятен.

Майк брел по тускло освещенной улице Нью–Йорка к дому „режиссера", напротив которого Стив увидел утопленницу.

Здесь! Норман остановился перед лужей, и его тень, подобно туловищу аллигатора, легла на ее дно. Почувствовав легкую вибрацию, Майк напряг зрение, и тут сквозь мутную пленку воды явственно различил печальное лицо Марианны.

— Жди нас дома, Майк, — тихо сказала девушка.

Снова незаметно задрожал воздух, и видение исчезло.

„Даже если вам назначает свидание утопленница, вы должны выглядеть элегантно“ — таков был принцип Майка, поэтому по пути домой он посетил модный салон.

Когда запыхавшийся, украшенный парикмахером, словно новогодняя елка, Норман влетел в свою квартиру, то не поверил своим глазам — в его постели лежали две сногсшибательные красавицы: одна — темненькая, как крыло ласточки, вторая — светленькая, как ее брюшко.

Теряя голову, он опустился на кровать навстречу лилиям и орхидеям, которые сами тянулись к нему. Юные прекрасные змейки обвили и стиснули своего удава, самозабвенно отдаваясь ему, проваливаясь вместе с ним в темную пьянящую бездну сладострастия и тут же поднимаясь к сияющим вершинам искреннего чувства!

— О, как я счастлив! — восторженно шептал Майк. — Но кто вы, люди или существа, сотканные из телевизионного эфира?

— А ты кто, Майк? — Поцелуй Эстер белой розой лег на его губы.

— Меня родила женщина.

— Ты видел это, Майк? — Поверх белой розы легла красная — это был поцелуй Марианны.

— Нет, моя прелесть. Не видел.

— Мы тоже не знаем, откуда мы. И нам страшно, Майк. — Эстер пушистым белым котенком прижалась к Норману.

— Бедняжки! — Он обнял их обеих. — Я спасу вас или умру, — так же тихо прошептал Майк, с ужасом осознавая свое бессилие.

— Спасешь, чтобы сделать своими любовницами? — Марианна нежно и грустно коснулась его плеча.

— Я женюсь на вас обеих, — неуверенно сказал Норман, представляя завистливое и в то же время осуждающее лицо Морли. — Женюсь, даже если вы не люди.

— Мы люди! Мне было больно. — Эстер подняла руку — на ее пальчике чистейшим рубином горела капелька крови.

— Конечно, люди. — Майк обнял девушку.

„Они воссозданы из эфира чистыми и невинными, значит, они принадлежат только мне". — Сердце Нормана тревожно и счастливо замерло.

— Вы пришли, чтобы отомстить Гонзалесу, Эстер?

— Не только. Мы с Марианной любим друг друга, а он в каждой серии стравливает нас. Это причиняет нам невыносимые муки. Да, мы надеялись рассчитаться с ним, но предпочли любовь мести. Ты так похож на дона Филиппо, Майк. — Эстер умолкла.

— В эти минуты, — Марианна с робкой надеждой посмотрела на Нормана, — по телевидению идет последняя серия. Мы исчезнем навсегда, неотмщенные, униженные.

— Я боюсь, Марианна, боюсь темноты и небытия. Ведь от нас не останется ничего, даже цветка на могильном холмике! — зарыдала Эстер.

Майк прижал к себе мокрое от слез лицо девушки, чувствуя, как у него самого на глаза наворачиваются слезы:

— Любимые, я сумею вас спасти!..

Но лицо Эстер, словно солнечный зайчик, выскользнуло из его рук и, растворяясь, исчезло.

— Нет!!! — закричал Майк.

* * *

„Месть! Клянусь вам, девочки, я сделаю то, что не смогли сделать вы своими нежными руками..."

— Нежными руками... — повторил он и разрыдался. Так же безутешно и жутко, как тогда, когда потерял свою Эолу. Он чувствовал себя усопшим, низвергнутым из рая в ад.

Прокусив губу насквозь, он слезами боли остановил слезы отчаяния. Не разжимая челюсти, Майк быстро собрал походный саквояж. Оставалось заехать в полицейский арсенал за оружием.

Сев в „форд", Норман потянулся к рулю и вдруг отпрянул — на лобовое стекло шлепнулась огромная зеленая капля. Вот это птичка! Детектив включил стеклоочиститель. Но в тот же миг вся машина была облеплена противной зеленой слизью. Стало темно. Автомобиль поднялся в воздух и куда-то полетел, набирая скорость.

Когда он наконец остановился, мягко осев на пружинах, Майк ударом плеча распахнул склеившуюся дверь.

„Форд" стоял посреди огромной зеленой пещеры! Норман увидел застывшие в ужасе фигурки людей и гигантскую змею, которая тащила за ногу женщину, вцепившуюся в бампер заплывшей зеленой слизью машины. Это была Лиз Коннели!

Не раздумывая, Майк кинулся к гадине. Заметив его, чудовище оставило актрису. Она обвила шершавым хвостом бедро Нормана, пытаясь вывихнуть сустав, вцепившись беззубой пластинчатой пастью в шею детектива.

Пригнувшись, Майк запустил руку по самый локоть в пасть бестии и, ухватив ее горячий, мокрый язык, рванул его на себя! Жуткий звук, похожий на визг тормозов, потряс своды пещеры. Ударил фонтан отвратительной зеленой жижи.

Майк отшвырнул вырванный язык чудовища, и тут стены пещеры раздвинулись. Вспыхнул забытый и радостный, словно воспоминание детства, дневной свет... Фигура „режиссера" медленно и зловеще, точно палач к эшафоту, приближалась к Норману.

— Как ты посмел, мразь! — Инопланетянин остановился у бездыханной рептилии. — Ты убил змея, доставленного сюда за миллионы световых лет! За это ты будешь умерщвлен!

Инопланетянин нацелили револьвер в лоб Нормана, с садистским интересом наблюдая за выражением его лица. Но оно было презрительным и непроницаемым.

— Подойди, — приказал он Лиз Коннели. — Его убьешь ты!

Актриса взяла оружие из рук инопланетянина и, зная, что исполняет самую важную в своей жизни роль, направилась к Норману.

— Держи! — неожиданно крикнула она и кинула револьвер детективу.

Норман поймал его на лету. В то же мгновение во лбу инопланетянина открылся третий глаз, готовый извергнуть смертоносный луч. Но секундой раньше Майк нажал на спуск. Пуля вдребезги разнесла третий глаз Гонзалеса.

Склонившись над упавшим киборгом, Майк снял с его пальца золотой перстень в форме овечьего копытца.

— Я отомстил за вас, девчонки, — прошептал Норман.

Войдя в кабинет главного редактора „Нью-Йорк пресс", фотокор Джимми Смит развязно закинул в свой лягушачий рот ананасовую жвачку — он знал себе цену.

— Какие проблемы, босс? — спросил он главного редактора тоном начальника, одалживающего десятку шоферу.

Это был имидж крутого журналиста, необходимого газете больше, чем она ему.

— Для начала выплюнь резинку, Джимми, чтобы тебе не пришлось ее проглотить. — Взгляд шефа не предвещал ничего хорошего.

— Вы хотите сказать, сэр, что я уволен? — спросил Джимми дрогнувшим голосом, при этом его имидж съежился до размеров сдутого воздушного шарика.

— Ты угадал, Джимми, — утвердительно кивнул главный.

— Все из-за той фотографии, где начальник полиции лакает пиво?

— Да. Мы выставили его дураком, а он провел блестящую операцию, освободил Лиз Коннели и всех остальных. Его даже представили к награде. Мне жаль, Джимми. Пойми, это вынужденное решение...

Выйдя на улицу, безработный Джимми Смит увидел полицейскую машину и сидящего в ней Морли.

— Иди сюда, парень, — поманил газетчика начальник полиции. — Почему бы тебе не стать полицейским фотографом? Садись в машину и расскажи, сукин сын, как тебе удалось сделать этот снимок?

— Слушаюсь, сэр, — просиял Джимми.

Шел дождь. Глухая ночь обезлюдела улицы Нью-Йорка, словно средневековая чума. Нахлобучив шляпу на самые глаза, Майк шел к дому Гонзалеса навстречу воспоминаниям, сладким и мучительным, как слезы любви.

„О мотыльки, трогательные полночные танцовщицы в плащах из серебристой лунной пыли, даже вам дается для любви целая ночь! Почему же моей любви были отпущены лишь считанные мгновения?"

Остановившись на краю лужи, он долго всматривался в нее, надеясь различить любимые черты. Но тщетно. Толпа ушла за другими кумирами, забыв Эстер и Марианну. И не нашлось даже десятка тех, кто помнил бы о них в этот час.

Тогда Майк опустился на колени и бросил в воду золотой перстень в форме овечьего копытца:

— Прощайте, девочки, я люблю вас обеих, вопреки ханжеству этого не лучшего из миров.

— Помни нас, любимый, — прошептала вода.

Очередной звонок Доры был каким-то зловещим.

— У вас все в порядке? — странно осведомилась она.

— Более чем. У меня осталось всего две необработанных кассеты. Думаю, теперь ничто не в силах помешать мне завершить роман.

— На вашем месте я не была бы так самоуверенна, Вилли.

— Хорошо, когда есть кому о тебе позаботиться. Но плохо, когда забота становится навязчивой, — буркнул я и раздраженно повесил трубку.

Взял с полки предпоследнюю кассету...

IV
Генерал Стернин

Ночное небо было непроницаемо, черно и отвратительно. Тот, кому предстояло стать героем Бродвея, задрал морду, посеребренную ледяными чешуйками и оттого похожую на небритую рожу старого гангстера, и над заснеженной русской равниной раздался его жуткий вой. То была песнь висельников и бродячих волков, всех неприкаянных душ, не смеющих потревожить имя Божье и потому возносящих свою молитву к дьяволу.

Прервавшись на высокой ноте, он посмотрел туда, где, подобно ящерице, пробирающейся между черной крышкой гроба и белым саваном покойника, пассажирский поезд дерзко отслаивал ночную тьму от белого полога снегов.

Вагон-ресторан, прицепленный в конце поезда, дергался и юлил. При каждом толчке поезда ложка в хрустальном стакане кандидата в президенты России генерала Стернина вздрагивала, точно язычок вечевого колокола, придавая его словам мрачное мистическое звучание:

— Хищный ястреб уже в воздухе, и жадное воронье летит вслед за ним доклевывать бездыханное тело России. Богатейшая страна мира побирается, словно нищенка. Красивые девушки уезжают в Америку проститутками, а парни торгуют матрешками! За доллары люди продают

честь и совесть! Кто сделал Россию всемирной проституткой? Кто вывернул ее карманы и толкнул на панель? — Генерал повернулся к собеседнику благообразным волевым лицом и посмотрел на него взглядом полицейского, разговаривающего из седла мощного мотоцикла с провинившимся пешеходом. — Я вам скажу кто — спекулянты, воры и взяточники!

— Я слышал, генерал, если вы придете к власти, больше не будет тюрем? — Собеседник Стернина — мордастый крепыш в кожанке с выступающими скулами потенциального убийцы — посмотрел на генерала, как голодный на фокусника, собирающегося вытащить из цилиндра жареного кролика.

Но вместо кролика фокусник извлек гремучую змею.

— Да, тюрем больше не будет, — произнес генерал, — нашим кодексом будет „Русская правда": за первое преступление — долой левую руку, за второе — правую. И никаких тюрем.

— К-ха-к-ха-к-ха! — закашлялся собеседник Стернина, подавившись куском пряной осетрины.

— Сегодня грабить и спекулировать выгоднее, чем работать, — продолжил генерал. — Завтра это станет невозможно. Люди начнут трудиться, и вы не узнаете Россию.

По мере того как генерал разворачивал свою предвыборную кампанию, лицо его попутчика все больше напоминало морду пса, у которого слишком долго крутили перед носом плеткой. Его глаза поблескивали недобрыми огоньками, а напряженные губы едва скрывали злобный оскал. Этот заурядный мафиози по кличке Боб Шкворень вдруг отчетливо понял, какую грозную опасность

представляет генерал для всего преступного сообщества и для него лично. Продолжая преданно смотреть в глаза Стернину, он нащупал в кармане рукоятку ножа...

Тот, кому предстояло стать Героем Бродвея, с трудом поднял свое тяжелое тело, налитое кровью, точно иранский бурдюк с вином. С тех пор как во время аварии под Тобольском он получил огромную дозу радиации, в его организме буквально бурлили кроветворные органы. Он чувствовал себя так, словно ему вместо клизмы вставили пожарный брандспойт и до отказа отвернули кран. Обилие крови приводило его в неистовство. Оно распирало его изнутри, угрожая взорвать. Из разбухших десен постоянно сочилась кровь.

Глядя сквозь красную пелену, застилавшую глаза, на проносившийся поезд, он с удивлением увидел, как от последнего вагона отделились две слипшиеся, словно мухи, фигурки и полетели под откос, подминая мягкую снежную перину...

Увидев выброшенную вперед руку с ножом, генерал Стернин усмехнулся ленивой улыбкой опытного бойца. В следующую секунду нож мафиози нырнул в снег буднично и неэффектно, словно зубочистка, вывалившаяся из дырявого кармана. И тотчас лицо бандита исказила гримаса ужаса. Однако испугала его не ловкость Стернина. Глядя куда-то мимо противника, он попятился. Генерал обернулся и увидел огромную кровавую пасть.

Отбросив тело генерала, волк кинулся за убегающим Шкворнем. Повалив, он прижал его своей огромной тушей к земле. Противная шерсть

забила рот и нос, мешая дышать. Пытаясь глотнуть воздуха, Шкворень всосал что-то горячее. Это были соски зверя, разбухшие от крови. Шкворень потянул в себя жаркую волчью кровь, чувствуя, как наливаются невиданной силой мышцы, как загораются лютой злобой глаза. Радиоактивная кровь зверя наделила его сверхъестественной силой и властью вожака стаи. Еще не понимая этого и изумляясь произошедшей с ним перемене, Шкворень одной рукой легко поднял за шкирку гигантского волка и шмякнул его об землю. Жалобно заскулив, тот, кому предстояло стать героем Бродвея, подполз к мафиози и преданно лизнул ему сапог.

Прошли годы...

— Русские едут! — Мечтатель Хью вдохнул дымок от автобуса с русскими туристами так, словно это было облачко, выпорхнувшее из рая.

Русские продавали рубли по восемь тысяч долларов за штуку, это было чертовски выгодно. В крайнем случае у них можно было по дешевке купить раздевающие очки, позволяющие увидеть любую женщину совершенно голой, или еще какие-нибудь новомодные русские штучки. Между тем автобусы, прибывшие из аэропорта Кеннеди, остановились у отеля „Пенинсула" на Пятой авеню. Их двери распахнулись, точно врата Эдема, и запах легких денег заставил тревожно забиться сердца уличных Робин Гудов.

Проныра Гарри и еще целая свора нью-йоркских фарцовщиков кинулась к автобусам.

— Господин, я хотел бы получить русский супермода, — пролепетал на ломаном русском Проныра, ухватив туриста за рукав, и тут же отлетел

в сторону со скоростью плевка. Русские захохотали.

— Что за черт, Хью, готов поклясться, никто из них даже не дотронулся до меня пальцем. — Проныра Гарри недоуменно потер ушибленную щеку.

— Дистанционная пощечина, парень, — произнес русский на чистейшем английском, — ведь ты хотел получить „русский супермода", не так ли? — Русские снова захохотали.

— На, держи, — с великодушием белого, дарящего зажигалку вождю краснокожих, русский турист протянул Гарри черную коробочку с кнопкой.

— Сколько я вам должен, господин? — Проныра торопливо полез за деньгами.

— Оставь эти вшивые доллары себе, парень. Я не ношу с собой корзинку для мусора, — сострил русский. — Первому, кому влепишь оплеуху, скажешь — это от Тамбова. Понял?

— От Тампона, — неуверенно повторил Гарри, кланяясь удаляющимся русским.

— Эй, Гарри, я, кажется, знаю, кому его можно загнать. — Мечтатель Хью вожделенно потянулся за приборчиком.

— Убери лапы, Хью. — Гарри молниеносно спрятал коробочку за спину.

— Все-таки не мешало бы ее испытать, а, Гарри? — Хью указал на толстого копа, стоявшего рядом с запряженным конем...

— Сколько раз я говорил вам, олухи, что полицейский должен уметь все! Вы не просто полиция, вы еще и конная полиция! — Морли обвел подчиненных уничтожающим взглядом. — Даже я, ваш начальник, раз в неделю беру коня и де-

лаю вот так. — Он прыгнул в седло, но конь вдруг встал на дыбы, и Морли повис на его крупе, как серьга в ухе китайца.

Полицейские захохотали.

— Молчать, олухи! — Морли бросил на них свирепый взгляд.

Подчиненные прикусили язык, с удивлением разглядывая лошадиную морду, на которой явственно отпечаталась багровая пятерня.

— Ты идиот, Гарри! Ты же попал в лошадь! — зашипел прямо в ухо приятеля Мечтатель Хью.

— Сейчас исправим, — с невозмутимостью опытного фотографа Проныра Гарри навел на полицейских русский приборчик...

Усевшись в седле, Морли испытующе всматривался в глаза подчиненных, ища в них скрытую непочтительность.

— Еще раз говорю вам, олухи, неудачи не могут преследовать полицейских. Полицейские сами преследуют неудачи. Ой, что я говорю?! — С этими словами шеф полиции, перевернувшись, непостижимым образом упал с коня.

— Это от Тампона, — с выстраданным злорадством произнес Гарри.

— Получилось! Получилось! По... полиция! — пролепетал Мечтатель Хью, ощутив на своем загривке тяжелую руку фараона...

— Все же дело того стоило, правда, Гарри? Не каждый день удается влепить затрещину шефу! — воодушевленно изрек Мечтатель Хью в полицейском участке.

V

Рецидивист Тампон

Надежно усевшись в кабинетное кресло, Морли с ястребиной надеждой воззрился на своего помощника.

— Докладывайте, Стивен, — приказал он.

— Мерзавец по кличке Проныра Гарри не признает себя виновным в этой оплеухе, сэр. — Стивен сделал паузу. — Он обвиняет рецидивиста по кличке Тампон, сэр.

— Этот негодяй Тампон значится в нашей картотеке, Стивен?

— Минутку, сэр. — Стивен коснулся клавиш компьютера. — Сожалею, но мы ничего о нем не знаем, сэр.

— Вот как! Ваш начальник среди бела дня получает оплеуху с автографом какого-то Тампона, а вы даже не знаете, кто он? — Распаляя себя для решительных действий, Морли погладил щеку. Ее неприличный цвет все же взывал к мести.

— А вы что молчите, знаменитый сыщик? Ну конечно, оплакиваете свои миллионы!

Майк Норман обвел кабинет начальника полиции равнодушным взглядом. Миллионы проплыли над его головой, как облака — величественные и бесполезные. Все съела инфляция. Доллар упал. Банки скупают рубли по безумному курсу — десять тысяч долларов за один рубль. Американ-

ские девушки уезжают в Россию проститутками, а парни продают русским туристам копии статуи Свободы, вставляющиеся одна в другую подобно матрешкам. Хитроумные русские штучки вытеснили конкурентов со всех рынков. Они делают лучшие автомобили, лучшие компьютеры, лучшие самолеты. Их торговый представитель в Нью-Йорке пользуется бóльшим авторитетом, чем президент Соединенных Штатов.

А началось все с малого. Сначала русское издательское ворье принялось печатать книги американских авторов, не выплачивая им ни гроша. И ничего — сошло с рук. Богатая Америка позволила голодным воробышкам запустить клюв в свою тарелку. Потом к власти в России пришла мафия. Она и вовсе перестала считаться с международными законами. Если в основе японского экономического чуда лежала покупка лицензий, то в основу русского легло воровство. Чертежи изобретений выкрадывались из сейфов фирм и корпораций, лучшие американские образцы копировались и продавались за полцены. Передовые идеи Запада схватывались русскими на лету.

Дело в том, что после горбачевской перестройки со всех помоек Европы русские свезли огромное разношерстное стадо старых автомобилей. Год-другой эти реанимированные трупы ползали по разухабистым русским дорогам, а потом начали рассыпаться. Вот тогда-то миллионы русских автолюбителей, восстанавливая этот хлам, и стали первоклассными механиками и электронщиками. Именно благодаря их мастерству и изобретательности в скором времени в России появились чудеса техники, поразившие мир, благодаря которым экономическая мощь России росла со стремительностью ядерного грибовидного облака.

Этот экономический взрыв привел к чудовищ-

ной инфляции и спаду в Штатах, в результате чего Норман лишился львиной доли своего состояния. Впрочем, и у самой Америки дела пошли не лучшим образом. С тонущего корабля спасаются поодиночке. Возможно, скоро Вашингтон станет столицей „Разъединенных Штатов Америки" — Техас и Калифорния уже заявили о своих притязаниях на суверенитет.

— Оплакиваете свои миллионы? — с требовательной раздражительностью повторил Морли.

— Нет, сэр, то, что стоит денег, не стоит слез. Извините, я немного задумался.

— Так что вы думаете по поводу происшествия, Норман?

— Думаю, вы нас собрали по другому поводу, сэр.

— Ну почему вы всегда правы, Майк? Неужели вам не противно быть жалким подобием никогда не ошибающегося русского компьютера? Да, джентльмены, забудем на время об оплеухе, я действительно пригласил вас в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Наш агент в России сообщает о готовящемся покушении на президента Соединенных Штатов. Все это настолько же серьезно, насколько парадоксально. Преступление назначено на тот день, когда будет сожран последний волкодав. Чушь какая-то! Маразм! Полный маразм! — Морли нервно заходил по кабинету. — Положение осложняется тем, что связь с агентом потеряна. Мы даже не знаем, жив ли он?

— Насколько я понимаю, сэр, это дело Центрального разведывательного управления и Федерального бюро расследований. Вы слышали что-нибудь об этих ведомствах? — произнес Майк, скрывая издевку за подчеркнутой вежливостью тона.

— Не паясничайте, Норман. И ЦРУ и ФБР

просят лично вас заняться пропавшим агентом. Поймите, речь идет о судьбе Америки!

Да, Морли не преувеличивал, стоит сейчас убрать президента — и благословенная Америка, подобно бывшему СССР, рассыплется на десяток второразрядных ранчо, в каждом из которых немедленно появится свой ковбой, то бишь президент.

Но где были все эти ЦРУ, ФБР, Госдепартамент и Сенат, когда к ним приходили хорошие русские и предупреждали, к чему может привести пиратское издание в России книг американских авторов? В те времена достаточно было снять телефонную трубку, чтобы проверить информацию, ради которой Норман должен был теперь рисковать жизнью. Нет, Майк не испытывал страха, но он чувствовал себя пешкой в игре политиканов и собственного начальства. Это приводило детектива в бешенство.

В самом деле, знаменитый сыщик был для Морли не более чем послушным игровым автоматом. Однако на сей раз автомат дал осечку, и тогда шеф полиции решил кинуть в него свою последнюю монету.

— Стивен, пригласите мисс Аню, — распорядился он.

В кабинет вошла девушка с ножками кинозвезды. Но глаза! Норман провалился в них как в пропасть. Падая, он ощущал тревожные толчки в сердце, сладкое головокружение и пьянящую сумасшедшую веселость. „Черт побери, если уж падать в пропасть, то пусть она по крайней мере будет бездонной", — подумал Майк.

— Разрешите представить. — Морли поднялся навстречу девушке. — Русская эмигрантка Анна Бок.

Майк недоуменно вскинул брови. Эмигриро-

вать из богатой России в обнищавшую Америку в то время, как американские девушки мечтают уехать если не в Санкт-Петербург, то хотя бы в Архангельск?!

— Не удивляйтесь, Норман. Аня приехала в Америку, чтобы бороться с преступной кликой, захватившей власть на ее родине. Она будет для вас хорошим прикрытием, несмотря на то, что вы и сами говорите по-русски, если вы, разумеется, отважитесь взяться за это задание. — На устах Морли появилась коварная усмешка опытного искусителя.

„Боже праведный! С ней я готов отправиться хоть в преисподнюю", — заплетающимся языком прошептал Майк. Но надо было выдержать марку:

— О'кей! Я сделаю это для Америки, — хмуро взглянув в глаза Морли, сказал детектив.

Из полицейского участка Проныра Гарри выпорхнул с восторгом попугая, удравшего из клетки.

— Гарри! Ты вышел! Дай мне тебя обнять, дружище! Ну, это надо отметить. — Мечтатель Хью стиснул приятеля в объятиях.

— Хью, выпивка за тобой, только не приглашай меня туда, где встречают по одежке, а провожают по чаевым.

— Нет, Гарри, я придумал кое-что получше. Сегодня мы идем лицезреть Героя Бродвея, — заговорщицки подмигнул приятелю Хью.

В центре Манхэттена, на месте трех скупленных по дешевке кварталов, возвышалось потрясающее своей футуристической красотой здание русского торгового представительства. Здесь, за пуленепробиваемым стеклом первого этажа, скрывалось то, на что стоило посмотреть.

— Сейчас, Гарри, — Хью захихикал нервным смешком начинающей проститутки, — сейчас ты это увидишь.

Медленно, как в грошовом театре, поднялся занавес. „Черт меня побери, Хью, это же настоящий снег! Никогда не видел столько снега!" Проныра Гарри разинул рот и, расплющив свой негритянский нос о бронестекло, уставился на открывшуюся картину.

Снег искрился как капли дождя на крышах нью-йоркских автомобилей. Легкая поземка сметала миллионы этих искорок в причудливые сугробы в самом центре изнывающего от жары Нью-Йорка.

— Вот он, вот он! — заволновалась толпа зевак.

— Эй, мистер, из-за вас мне просто ни черта не видно. — Мечтатель Хью привстал на цыпочках, пытаясь выглянуть из-за спины высокого джентльмена в шляпе, надвинутой на глаза, стоявшего рядом со светловолосой девушкой. И тут он увидел Героя Бродвея. Огромный монстр, лишь отдаленно напоминавший волка, опустив голову, медленно шел по сугробам, а навстречу ему, ощерившись для последней схватки, скакал отважный волкодав, верный собачьей клятве предков.

— Один против тысячи! — загалдели уличные букмекеры.

То, что произошло дальше, было безусловно не для слабонервных.

— Идем отсюда, Хью, пока меня не вырвало. — Проныра Гарри повернулся и чуть не бегом направился к ближайшей урне, где уже собралась изрядная очередь из недавних зрителей.

Но не успел он дойти, как в здании представительства открылась неприметная дверь, и на пороге появился подвыпивший русский.

— Добро пожаловать, джентльмены! — радушным жестом он пригласил приятелей пройти. — Для таких парней, как вы, у нас всегда найдется стаканчик виски.

— Мистер, не вы ли подарили мне дистанционную пощечину? — Проныра Гарри расплылся застенчивой улыбкой школяра, приглашенного в пивную директором колледжа.

Высокий джентльмен, мешавший Хью, снял шляпу, открыв кудрявые темные волосы, зеленые глаза и гордый красивый профиль, хорошо знакомый многим из тех, кто был не в ладах с законом. Скомкав шляпу, Майк Норман молча смотрел на подавленную и притихшую Аню.

— Они не жалеют даже зверей, — прошептала девушка.

— Энн, что значит это еженедельное представление? Оно что, должно подчеркнуть мощь и величие России?

— Видишь ли, Майк, в России очень долго вместо „господин" люди говорили „товарищ". Но теперь там другая система обращений, заимствованная у нацистов. Во главе фашистского рейха стоял фюрер — вождь, за ним шли вожди помельче — штандартенфюрер, оберштурмбанфюрер... и самую последнюю ступеньку занимал югендфюрер, то есть вождь малолеток, вожатый. То же самое у нас — главный мафиози, стоящий у власти, это Волк, ниже его — Волчара, потом Волчище... Волчишко. Герой Бродвея — символ, олицетворяющий силу и власть нашего фюрера, главного Волка.

— Кто он, Энн?

— Этого не знает никто, кроме его ближайшего окружения.

— И ты не побоялась всех этих хищников, Энн, ты решила драться?

— Я не одна, Майк. Люди работают по четырнадцать часов за гроши, нет ни свободы совести, ни свободы слова, мой народ стоит на коленях, но кто-то ведь должен первым поднять голову!

— Хотите промочить горло, мистер?

Норман обернулся. Около него стоял невзрачный, как платяная моль, человек с фляжкой, видимо из завсегдатаев.

— Благодарю вас, нет, — рассеянно ответил детектив.

— Жаль беднягу Рэкса. Так звали погибшего сегодня волкодава, — пояснил человек-моль.

— В самом деле? — Майк затаил дыхание.

— Да, теперь у них осталось всего три волкодава — Александр Македонский, Цезарь и Наполеон.

— Если я вас правильно понял, скоро будет сожран последний волкодав? — переспросил Норман, стараясь скрыть охватившее его волнение. Шифровка агента, казавшаяся бредом, приобрела вдруг определенность и смысл.

— Да, мистер, через две-три недели эта бестия оставит Америку без волкодавов.

„Покушение на президента состоится, когда будет сожран последний волкодав". Значит, до преступления осталось две, максимум три недели.

— Идем, Энн, судьбы твоей и моей родины сейчас в наших руках, мы разыщем пропавшего агента, чего бы нам это ни стоило!

Под крылом самолета простиралась щедрая земля России, которая теперь подобно застоявшемуся коню бешено рвалась вперед.

Любуясь профилем спящей в соседнем кресле Ани, Майк размышлял о своей незатейливой жизни донжуана. Кажется, впервые он с благодарностью думал о Господе за то, что он наделил

его душою. Сейчас Майку хотелось быть не простым человеком, а поэтом, чтобы рассказать ей о своих чувствах...

— Наш самолет совершает посадку в аэропорту Санкт-Петербурга. Прошу пристегнуть ремни, — миловидная русская стюардесса с эмблемой в виде волчьей пасти на форменной пилотке прервала размышления Нормана.

— Позволь, я поухаживаю, Энн. — Детектив бережно застегнул ремень на тонкой талии девушки.

Город, в котором Майк не был несколько лет, изменился до неузнаваемости. Пропали кооперативные ларьки, назойливо обступавшие станции метро. Зато на каждом углу появились молодчики в черной униформе с нарукавными повязками, украшенными изображением волчьей морды. Сжимая короткоствольные автоматы, они хмуро поглядывали на редких прохожих.

С улиц исчезла автомобильная мелочь — „Лады", „тойоты", „форды" — простым людям было запрещено иметь машины. Лишь изредка бесшумно проносились новейшие черные „Волги" волчар — воплощение технического прогресса и совершенства.

— Пожалуй, здесь у нас меньше шансов попасть под машину, чем в Нью-Йорке, — пошутил Норман. Но его шутка не была принята.

— Я не знаю, что ты сделаешь, Майк, — Аня взглянула на детектива с доверчивостью ребенка, смотрящего на Санта-Клауса, — но если все, что я читала о тебе, — правда, то к вечеру ты найдешь пропавшего агента.

В сиянии прекрасных глаз мелькнуло розовое облачко надежды, и Норман с веселой отвагой канатоходца решил пройти по проволоке самоутверждения.

— Я сделаю это не для России и не для Америки, а для тебя одной, Энн. Для профессионала моего класса это раз плюнуть, — сказал Майк, дерзко искушая судьбу.

— Глупый. — Аня шутливо потрепала его по волосам, и ледяная стена разницы в возрасте, растаяв, тонкой струйкой стекла к их ногам. Так порой искренний порыв сближает больше, чем годы терпеливого ухаживания.

К вечеру Майк вернулся на конспиративную квартиру русских повстанцев со сдержанной улыбкой победителя.

— Энн, агент упрятан в Михайловский замок, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал он.

— О Майк! — Аня повисла на шее Нормана, осыпая его звонкими поцелуями.

— Энн! — Теряя голову, Майк целовал глаза, губки и миленькие щечки Ани.

— Майк! Я полюбила тебя задолго до нашей встречи. Я восхищалась твоим благородством и мужеством, утонченностью души. Я собирала твои фотографии из газет. Я приехала в Штаты с тайной мечтой увидеть тебя. Как ты красив! Неужели ты мой, Майк?!

— Неужели ты моя, Энн?!

Майк взял девушку на руки бережнее, чем берут мотылька, и погрузился в тепло русской перины. А когда в белоснежной пене сверкнула голенькая ножка, Норман, прерывисто дыша, коснулся ее губ и замер вдруг, не решаясь совершить святотатство.

— Энн, — прошептал срывающимся голосом Майк, — в этих кружевах ты как Афродита, вышедшая из морской пены! Ты так прекрасна, что у меня слезы наворачиваются на глаза от счастья! Ты так юна, Энн! Я боготворю тебя!

Майк вопросительно поцеловал грудку девушки.

— Да-да! — Екнуло сердечко на языке влюбленных. И Майк слился с прекрасной нимфой в нежное и трепетное существо.

— Майк, клянусь любить тебя всю жизнь! — прошептала, сотрясаясь от страсти, Энн...

Когда все было кончено, помрачневший Майк отвернулся от девушки. На его лице появилось разочарование взломщика, вскрывшего пустой сейф.

— Ты так юна и ты недевственна, Энн!

С болью за раздавленного мотылька Норман разжал объятия.

Михайловский замок величественной громадой возвышался над окрестностями. Воздвигнутый по высочайшему повелению императора Павла Первого, он стал местом его ужасной гибели. Теперь над башнями замка развевался черный флаг с волчьей пастью — здесь была резиденция новых правителей России.

В ночной тиши, неподалеку от замка, кучка русских повстанцев, распустив полы одежды, тесным кругом обступили горелку, не позволяя проблескам огня вырваться наружу. Жадно ловя каждый шорох предательской ночи, они тревожно озирались, словно огнепоклонники, скрывающиеся от стражи. А над их головами все увереннее и туже надувалось черное брюхо аэростата.

— Пора, Майк. — Эдуард Соколов, командор русских, положил на плечо Нормана крепкую руку. — Любой из нас готов сделать это вместо тебя, но не у любого получится. Эти люди — учителя, журналисты, инженеры, а не воины.

— Однако они соорудили неплохой летатель-

ный аппарат. — Норман пристегнулся к стропе аэростата. — Эдди, позови Аню, и дайте нам попрощаться, — попросил он. — Энн, — начал неуверенно Майк, — не могу сказать, что у меня никогда не было девственниц, но сейчас я отдал бы их всех за то, чтобы я у тебя был первым. Это не каприз, Энн. Даже самая красивая женщина не может дать больше того, что она имеет, и лишь девушка может дать больше...

— Если бы ты любил меня, Майк, ты не говорил бы так. — Уязвленное достоинство сверкнуло в глазах Ани.

— Если бы не любил, меня бы это не ранило. Прощай, Энн, и, что бы со мной ни случилось, знай, я никого не любил так, как люблю тебя, люблю, несмотря ни на что!

— Прощайте, друзья. — Взмахнув рукой, детектив рассек канат, и аэростат рванулся в черное, как судьба России, небо Санкт-Петербурга.

— И когда шлем мой снимут
И кровь потечет по плечу,
Я, умирая, тихо
Имя твое прошепчу, —

донеслись до провожающих берущие за душу слова старой каскадерской песни, которую пел Майк.

— Кто дал Норману виски? — пошутил кто-то из русских, но никто не засмеялся, а лишь надменная тишина имперских улиц сдержанно аплодировала детективу.

Оказавшись над крышей замка, Норман бросил якорь-присоску. Аэростат дернулся и застыл в воздухе. По натянутому как струна тросу Майк большим черным пауком стремительно скользнул вниз. Ступив на кровлю, он выпрямился во весь

рост — прекрасный и грозный, словно волкодав, ощерившийся для последней схватки. Любовь, ревность, страх и боль — все отступило назад, как это бывает у каскадеров перед трюком. Осталось только победить или умереть.

Обвешанный самым совершенным оружием, какое могла дать повстанческая Россия, Майк нырнул в вентиляционный люк. Фотонные стабилизаторы мягко опустили его на каменные плиты внутренних покоев замка. Не встречая сопротивления, Норман уверенно шел к цели, вскрывая замки лазерным резаком. Оказавшись перед старинной арестантской, Майк тихо позвал агента по имени:

— Арсений!

— Я здесь, — ответил из темноты слабый голос.

Рухнул последний запор, и детектив очутился возле маленького немощного человека, лежащего в углу камеры на куче тряпья.

В ту же секунду со всех сторон ударил яркий свет — ловушка! Обрушив на нападавших шквал огня, детектив подхватил Арсения и ринулся к выходу. Ему удалось прорваться к аэростату. Выстрелив в якорь, он разнес его в клочья. Аэростат резко пошел вверх. Прижимая к себе дрожащего Арсения, Майк посылал вниз точные выстрелы. Внезапно Арсений дернулся и застонал.

— Вы ранены?! — закричал Норман, не слыша в грохоте пальбы даже собственный голос. — Ах черт! — Что-то полыхнуло над головой. Аэростат начал терять высоту. Фотонные стабилизаторы не дали разбиться, но Майка вместе с агентом накрыло оболочкой аэростата, выстрелы смолкли. В тишине было слышно, как клокочет кровь в горле у Арсения.

— Вы слышите меня? — Майк приподнял го-

лову агента. — Что вам известно о покушении? — закричал детектив. — Говорите или будет поздно!

— В сумасшедшем доме под Петербургом содержится человек, он знает все. Его зовут Стернин. Генерал Стернин... — угасающим голосом повторил Арсений.

— Черт бы побрал эти русские имена! Только бы не забыть — Стернин, Стернин, — бормотал про себя осыпаемый ударами детектив.

Его проволокли по двору замка, и он вошел узником в ту самую камеру, куда только что входил освободителем.

Несколько угрюмых дней Норман провел на груде тряпья, где до него томился Арсений. От подстилки пахло порохом и кровью. И Майк никак не мог понять, чья она. Наконец лязгнул засов, и шестеро охранников, опутав детектива цепями, повели его на допрос.

В сумрачном рыцарском зале с мраморными полами и большим портретом императора Павла Первого на стене стоял богато накрытый стол, в конце его, закинув на американский манер ноги на столешницу, сидел сутулый человек с выступающими скулами потенциального убийцы. На нем была черная униформа, украшенная золотой волчьей пастью.

„Очень значительное лицо в иерархии правителей России", — догадался Майк.

— Я представлял тебя другим, — не поднимаясь из-за стола, сказал волчара, с интересом разглядывая детектива. — Мы давно могли тебя прикончить, но ребята захотели посмотреть на тебя поближе.

— Ну и как? — с издевкой спросил Майк.

— Знаешь, ничего, я, пожалуй, взял бы тебя

шофером, если ты, конечно, разделяешь идеалы нашего движения. Ведь тебе у нас нравится, правда, Норман?

— Вы — грязное жулье, нажившееся на воровстве чужих книг и изобретений, — брезгливо поморщился детектив.

— Ну, это было давно, — усмехнулся волчара. — Стоит ли вспоминать о таких мелких грешках? И потом, Россию никто не спрашивал. Пришел Большой Волк и сказал, что надо делать.

— Вы — обыкновенное зверье и не скрываете этого. — Детектив кивнул на спинку стула с вырезанной на ней волчьей мордой.

— Что такого? Разве у американских индейцев покровителями племен не были змея, рысь, тот же волк? А орел или лев в гербах цивилизованных стран? Чем один хищник хуже другого? Символика — это мелочи. Мы вытащили Россию из нищеты и междоусобиц, вернули ей достоинство, и нас теперь ничто не остановит. — Волчара включил телевизор.

„Блистательная кличка не помогла Александру Македонскому. Этот волкодав был буквально растерзан нашим Героем Бродвея на глазах потрясенной американской публики. Теперь у Америки остаются всего два боевых пса, способных противостоять ему. Да, русский волк — это вам не американский волкодав, джентльмены".

Спортивный комментатор позволил себе снисходительную улыбку.

Волчара выключил телевизор, и детектив понял, что он отлично осведомлен о цели его визита в Россию.

В эту минуту шорох шелков заставил Нормана обернуться.

— Энн!!! — чуть не вскрикнул он.

Да, это была Аня. В платье из императорского

гардероба она казалась прекрасной. Даже не взглянув на Майка, она с кошачьей грациозностью прильнула к мафиози и тут же отпрянула, манящая, как убегающая волна.

— Уберите его! — приказал волчара охране, открывая бутылку шампанского.

Лязгнули цепи, и Майка, как упирающегося волкодава, поволокли прочь из царских покоев.

В мрачном оцепенении Майк лежал на каменном полу камеры, непрестанно думая об Ане. Может быть, именно в этот миг волосатые лапы волчары пощупывают тело возлюбленной. „Как она могла?! Подлая, низкая тварь!" — шептал Майк. — Боже, что со мной?! Я, кажется, схожу с ума!" Верхняя часть черепа, подобно крышке от кастрюли, сдвинулась в сторону. Майк с ужасом ощущал, что его мысли и поступки становятся ему не подвластны, как это бывает только во сне. Последние секунды отделяли его от помешательства.

— Сударь. — Майк вздрогнул. Обернувшись, он увидел человека в белом с обезображенным лицом. Один его глаз висел на ниточке.

— Ваше величество! — прошептал Норман.

— Да, сударь. Перед вами несчастный император Павел Первый. Здесь, в этом замке, я был изувечен и убит самими близкими мне людьми. Вы тоже преданы самым близким и дорогим для вас человеком. Никто другой не в силах разуметь ваши муки, как я. Мне ли не знать, что такое предательство! Я не могу дать вам оружие для борьбы, но я дам вам оружие мести. Всякого, к кому вы обратите нижеследующие слова, постигнут муки более страшные, чем ваши. — В глазах призрака зажегся мерцающий свет. — Запомните эти слова!..

...Очнувшись, Майк попытался вспомнить заклинание призрака, но напрасно.

Спустившись в огромный, ярко освещенный подвал русского торгового представительства, Мечтатель Хью замер на месте.

— Какие люди! Ты посмотри, Гарри, просто негде плюнуть! Рядом с ними мы жалкие молокососы. — Хью опасливо разглядывал сидящих за длинными столами бандитов и прощелыг, жадно поглощавших бесплатное угощение. И впрямь здесь собрались самые опасные люди Нью-Йорка.

— Смотри, Гарри, не наступи кому-нибудь на лапу, — предупредил Хью, осторожно пробираясь вдоль столов в поисках свободного места.

— На всякий случай я приготовлю дистанционную пощечину, Хью.

— Ты с ума сошел, Гарри, приготовь лучше себе гроб!

Найдя наконец свободное место, Хью вцепился в стакан бесплатного виски.

— Эй, черномазый, ты как сюда попал? — Огромный волосатый мужичище свирепо уставился на Мечтателя.

— Извините, мистер, я вошел через дверь, — вежливо ответил Мечтатель.

— Ты считаешь меня дураком? Слышишь, Том, он издевается надо мной!

— Придави его, Джимми, — посоветовал сосед верзилы.

— Извините, мистер, но, по-моему, выпивки и закуски здесь хватит на всех, — миролюбиво сказал Хью.

— Том, этот хмырь считает, что я голоднее его. — Громила медленно поднялся из-за стола, с удовольствием демонстрируя огромные муску-

лы, подобно тому, как палач перед казнью прогуливается по эшафоту, показывая зевакам остро отточенный топор.

Верзила занес волосатую ручищу над головой Хью, но тут же замер. Звонкая пощечина обожгла его щеку.

— Кто это сделал? Ты, Том? — Неожиданным ударом верзила опрокинул соседа, но и сам получил сокрушительный удар от его приятеля. Вскакивая с мест, чтобы лучше видеть, зрители немедленно превращались в участников потасовки, ибо нет ничего соблазнительнее и справедливее, чем огреть стулом по башке олуха, закрывавшего тебе вид.

— Гарри, не будь дураком, ныряй ко мне под стол. — Хью потянул приятеля за штаны. Штаны дернулись, и Мечтатель Хью с ужасом удильщика, вытащившего крокодила, увидел прямо перед собой разъяренную рожу громилы, пышущую жаждой мщения.

— Дядя, отстань. — Хью ткнул пальцем в выпученный лаз громилы.

— О! О!.. — взвыл от боли несчастный.

Не дожидаясь, пока громила придет в себя, Хью проворной ящерицей метнулся прочь, лавируя на четвереньках между подпрыгивающими и притопывающими ногами.

Вдруг страшный рев, на который не способна человеческая глотка, чуть не лишил Хью сознания. Он выглянул из-под стола и совсем рядом с собой увидел... Героя Бродвея, удерживаемого цепями. Рядом с ним стоял русский.

— Отлично повеселились, джентльмены! — крикнул он в присмиревшую толпу. — Знайте, здесь всегда вам рады. Вы можете спросить: какого черта эти идиоты русские поят нас водкой? Не буду скрывать. Скоро нам понадобятся от вас

кое-какие услуги. Не бесплатно, конечно. А сейчас небольшое развлечение, джентльмены! — Лязгнули цепи, и Герой Бродвея, опрокидывая столы и не успевших увернуться людей, бросился навстречу Цезарю. Расправа, мало похожая на схватку, была короткой...

Теперь у Америки оставался последний волкодав — Наполеон. Трагическая развязка событий неумолимо приближалась.

Среди ночи Майк проснулся от сквозняка. Дверь камеры отворилась, и он увидел Аню в волчьей униформе. Или это был только сон?

— Ты ранен, Майк? — Она положила холодную как лед ладонь на лоб Нормана. — Вставай, в нашем распоряжении всего несколько минут. Мне удалось раздобыть ключи.

— Ты спала с этим уродом, Энн?

— Ну вот еще! — вспыхнула девушка.

— Хотелось бы верить. — Норман отвернулся к стене.

— Глупый, я люблю тебя одного, каждая моя клеточка принадлежит тебе, вставай. — Девушка порывисто поцеловала Нормана. — Идем, дорогой. Вчера погиб Цезарь. Теперь в любую минуту может наступить очередь последнего волкодава. Идем, Майк, мы еще не выиграли эту битву.

VI
В психушке

Каскадерский прыжок Майка через ограду психиатрической лечебницы не вызвал переполоха у ее обитателей. Больные встретили его появление спокойными сочувственными взглядами, и детектив подумал, что настоящие психи, пожалуй, те, кто живет по другую сторону ограды. Присмотревшись к бредущим навстречу фигурам в длинных халатах, Норман безошибочно узнал в одной из них генерала Стернина. Ни годы заточения, ни уродливая одежда не могли скрыть гордую осанку солдата. Замирая от мысли, что этот настрадавшийся человек волен не поверить ему, Норман заступил ему дорогу.

— Генерал, — начал решительно он, — я из Сопротивления, мне нужна информация о Герое Бродвея. Мне нечем доказать вам, что я не провокатор, разве что этим. — Он показал свои изъеденные пороховой гарью руки. — В начале недели я устроил небольшой переполох в Михайловском замке...

— Так это были вы! — Стернин задумчиво приподнял воротник халата, закрывая страшные следы клыков. — Ну что же, если вы из волков, я не сообщу вам ничего нового, а если из Сопротивления, то надеюсь, хоть чем-то помогу вам.

Из четкого, по-военному краткого, рассказа

генерала детектив узнал о рецидивисте по кличке Боб Шкворень, а ныне Верховном Волке, скрывающемся под личиной русского торгового представителя в Нью-Йорке; о свойствах радиоактивной крови зверя, дававшей ему необычайную власть и силу.

Было совершенно очевидно, что покушение на президента всего лишь жалкая часть более обширного плана по захвату Америки с помощью ее преступного мира. Сигналом к его осуществлению станет гибель последнего волкодава. Преступники, собравшиеся якобы на собачий бой, хлынут на улицы, сметая все на своем пути. Сорвать этот план можно, только уничтожив Героя Бродвея. Лишенный радиоактивной крови, Шкворень потеряет свою сверхъестественную власть вожака стаи, и тогда Америка, а затем и Россия вырвутся из его когтей.

... Рассказывая обо всем этом на конспиративной квартире русских повстанцев, Майк нетерпеливо поглядывал на дверь, ожидая появления Ани. Но она так и не появилась...

Не пришла она и в аэропорт, чтобы проводить Майка, отлично зная, что он не может больше оставаться в России ни единого часа. Радио принесло тревожную весть: в Нью-Йорке был растерзан последний из волкодавов — Наполеон.

Простившись с русскими друзьями, Норман, загримированный под араба, с тяжелым сердцем отбыл на родину.

На борту „боинга", возвращавшегося из России в Нью-Йорк, никто, против обыкновения, не читал, не ел, не пил, не разговаривал. Все жадно ловили каждое слово вечерних новостей. А они были ужасными. Банды уголовников, выйдя на

улицы, грабили, убивали, жгли. По рассказам очевидцев, их возглавил какой-то звероподобный человек. Одного его слова было достаточно, чтобы десятки бандитов беспрекословно шли на верную смерть. Его власть над ними была просто пугающей.

Аэропорт Кеннеди встретил прибывших страшным грохотом — „боинги" разлетались во все стороны, словно стая испуганных воронов, унося состоятельных американцев подальше от ужасов и пожаров Нью-Йорка.

— Скорее в центр! — Срывая на ходу парик, Майк распахнул дверцу такси.

— Работаю только за рубли, — предупредил полупьяный водитель.

— А пошел ты!.. — Выкинув таксиста из кабины, Норман сел за руль.

— Хью, чтоб мне сдохнуть, твой друг, кажется, сменил профессию. — Проныра Гарри указал на мелькнувшее в окошке такси лицо Нормана.

— И правда! — Черная „Волга" приятелей, развернувшись, понеслась вслед за желтобоким такси.

Впереди мелькнули распахнувшиеся дверцы лавки. Из них высыпала гурьба погромщиков, обвешанных тюками.

— Тормози, Гарри, свои! — завопил Хью.

Но поздно. Расшвыряв грабителей как строй кеглей, „Волга" снова устремилась за Норманом.

— Ну, фараон, сейчас я до тебя доберусь! — Потеряв самообладание, Гарри дал полный газ.

Внимательно следя за приближающейся „Волгой", детектив вышел на прямую, упирающуюся в застекленную витрину русского торгового представительства.

— Газу! Еще! Еще! — В последнюю секунду он развернул машину, хладнокровно наблюдая, как „Волга" в грохоте и звоне разбитого стекла влетела в здание представительства. Оставив такси, Норман бросился вслед за ней.

— Сдаюсь, сдаюсь! — обалдевший от удара Гарри поднял вверх трясущиеся руки.

Но детективу было уже не до него — жуткое рычание заставило Майка забыть о разбившейся машине. Герой Бродвея! Не дрогнув, Майк пошел навстречу ему по боевой тропе погибших волкодавов, протоптанной в искусственных сугробах. Приблизившись к монстру, он выхватил складную русскую рогатину. Щелкнула кнопка. В руках детектива оказалось что-то напоминающее копье с двумя наконечниками.

С ужасным рыком зверь бросился на Нормана. Мелькнуло вытянутое в прыжке тело с разинутой пастью и страшными акульими клыками. Но в ту самую секунду, когда волчьи челюсти должны были мертвой хваткой вцепиться в горло Нормана, он вонзил рогатину...

— Отдохни, приятель. — Майк пнул бездыханное тело зверя. И тут же увидел человека в одежде из черного и золотого, с выступающими скулами потенциального убийцы, того самого, из Михайловского замка. Подбежав к зверю, он упал на колени, ища вожделенную кровь, чтобы, напившись ее, восстановить растраченную в уличных беспорядках энергию. Норман молча взял его за шиворот, как берут нагадившего щенка.

— Как ты смеешь?! Я — Верховный Волк! — Скуластый человек по-собачьи оскалился, пытаясь испугать Майка.

— Идем, Шкворень, все это ты расскажешь в полицейском управлении. — Детектив рывком по-

ставил его на ноги и, подтолкнув в спину, повел к выходу.

„О, если бы я щелкал свои личные проблемы с той же легкостью, с какой решаю глобальные", — усмехнулся про себя Норман.

Этот телефонный звонок в Россию должен был решить все. Майк понимал, что его надежды не более реальны, чем пригоршня солнечных зайчиков, и все-таки снял трубку...

— Привет, Энн, — сказал он, стараясь казаться беспечным.

— Зачем ты звонишь, Майк? — ответил до боли знакомый голос.

— Нам надо встретиться, Энн.

— Я сплю с другим, Майк, ты для меня чужой.

Кровь отхлынула от лица детектива.

— Ты... ты понимаешь, что это подлость, измена? — прошептал потрясенный Майк.

В памяти Нормана возник мерцающий свет в глазах призрака и его магические слова.

— Будь ты проклята! — произнес он самое страшное проклятие возлюбленного и медленно опустил трубку, как опускают пистолет после смертельного выстрела.

Понурив голову, Майк пошел прочь. Обычно осторожный, готовый к неожиданностям, на этот раз он не заметил мелькнувшую впереди тень. И, лишь увидев направленный ему в грудь ствол, понял, что проиграл... Грянул выстрел! За ним второй! Майк покачнулся, упал, погружаясь в непроглядную тьму небытия...

ЭПИЛОГ

Магнитофонная лента натянулась, как веревка на шее висельника. Щелкнул автостоп. Голос Нормана стих.

Я отложил в сторону последнюю кассету и взялся за перо, торопясь превратить хаотичные галлюцинации Майка в связное литературное произведение.

И вот оно перед вами, уважаемый читатель. Надеюсь, что вскоре его прочтет Дора и на моем рабочем столе появится новая груда магнитофонных кассет, что даст мне возможность написать продолжение этого романа.

Я жду вас, Дора.

Вилли КОНН
ГАЗОВАЯ АТАКА

Редактор *Н.А.Кузнецова*
Художественный редактор *Ю.А.Архангельский*
Технолог *М.С.Белоусова*
Оператор компьютерной верстки *А.В.Волков*
Зав. корректорской *А.Ю.Минаева*
Зам. зав. корректорской *Н.Ш.Талгасбаева*
Корректоры *В.А.Жечков, С.Ф.Лисовский*

Издательская лицензия № 061 053 от 15 апреля 1992 года.
Подписано в печать 25.09.96. Формат 84 × 108/32.
Гарнитура Литературная. Печать офсетная.
Объем 14,5 печ. л. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 278. Заказ № 2824.

Издательство „ВАГРИУС".
103064, Москва, ул. Казакова, 18.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»
Комитета Российской Федерации по печати.
113054, Москва, ул. Валовая, 28.

По вопросам оптовых закупок обращаться
к эксклюзивному дистрибьютору
издательства в „Клуб 36,6" телефоны:
офис: (095) 261-24-90, 265-86-84
тел./факс: (095) 265-13-05
только для московских абонентов: 265-81-93, 265-20-38
крупнооптовый склад: (095) 523-92-63, 523-11-10
мелкооптовая и розничная торговля
Книжная лавка „У Сытина": (095) 230-89-00, 230-88-63
тел./факс: 237-36-11
Для переписки и заказов книг по почте:
107078, Москва, а/я 245, „Клуб 36,6"

В Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России:
ТОО „Невская книга": (812) 567-47-55, 567-53-30

ВАГРИУС

В Санкт-Петербурге
орудует банда Васьки-Зубило:
грабежи, насилие, рэкет.
И вдруг
загадочный мститель-одиночка
легким движением руки
обезвреживает головорезов
одного за другим...

